Գիրքը լուսապատճենահանվել է
"Համահայկական Էլ. Գրադարան"
կայքի՝ www.freebooks.do.am
կողմից եւ ներկայացվում է իր
այցելուների ուշադրությանը:

The book created by "PanArmenian E. Library"

Գիրքը կարող է
օգտագործվել միայն ընթերցանության համար...
For more info: www.freebooks.do.am

ԴՈՒՔ ՆՈՒՅՆՊԵՍ ԿԱՐՈՂ ԵՔ ՁԵՐ ՆԵՐԴՐՈՒՄՆ ՈՒՆԵՆԱԼ ՀԱՅԱՏԱՌ
ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՏԱՐԱԾՄԱՆ ԳՈՐԾՈՒՄ ԵՎ ԻՆՔՆԵՐԴ
ԼՈՒՍԱՊԱՏՃԵՆԱՀԱՆԵԼ ԳՐՔԵՐ:

ԹՎԱՅԻՆ ԳՐՔԵՐԻ ՍՏԵՂԾՄԱՆ ՄԱՆՐԱՄԱՍՆԵՐԸ ԿԱՐՈՂ ԵՔ
ԻՄԱՆԱԼ "ՀԱՄԱՀԱՅԿԱԿԱՆ ԷԼԵԿՏՐՈՆԱՅԻՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ" ԿԱՅՔԻՑ՝

www.freebooks.do.am

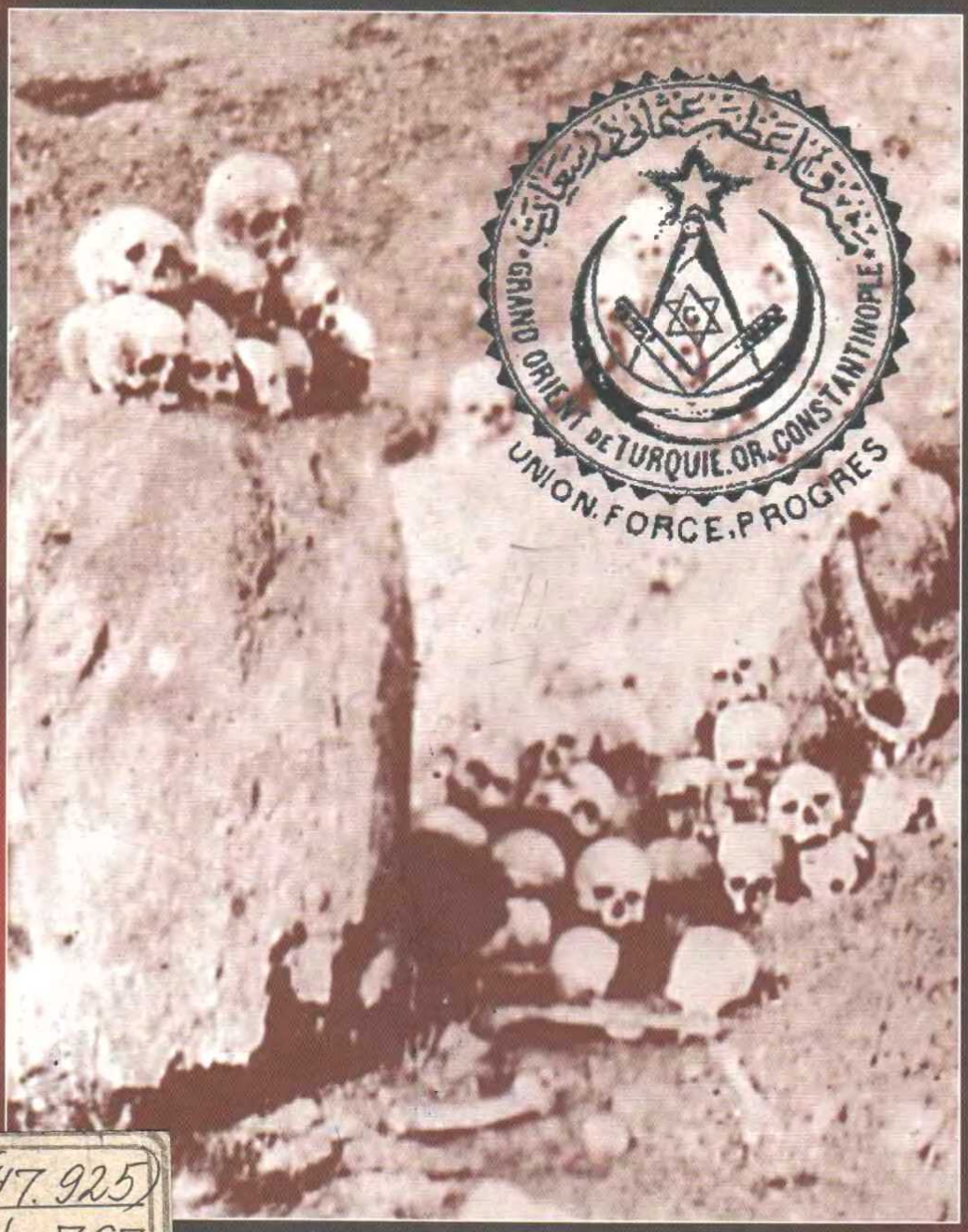
ՇՆՈՐՀԱԿԱԼ ԵՆՔ, ՈՐ ՕԳՏՎՈՒՄ ԵՔ ՄԵՐ ԿԱՅՔԻՑ:

ՑԱՆԿԱՆՈՒՄ ԵՆՔ ՀԱՃԵԼԻ ԸՆԹԵՐՑԱՆՈՒԹՅՈՒՆ:

ԳՐԵՔ ՄԵԶ՝ freebooks@rambler.ru

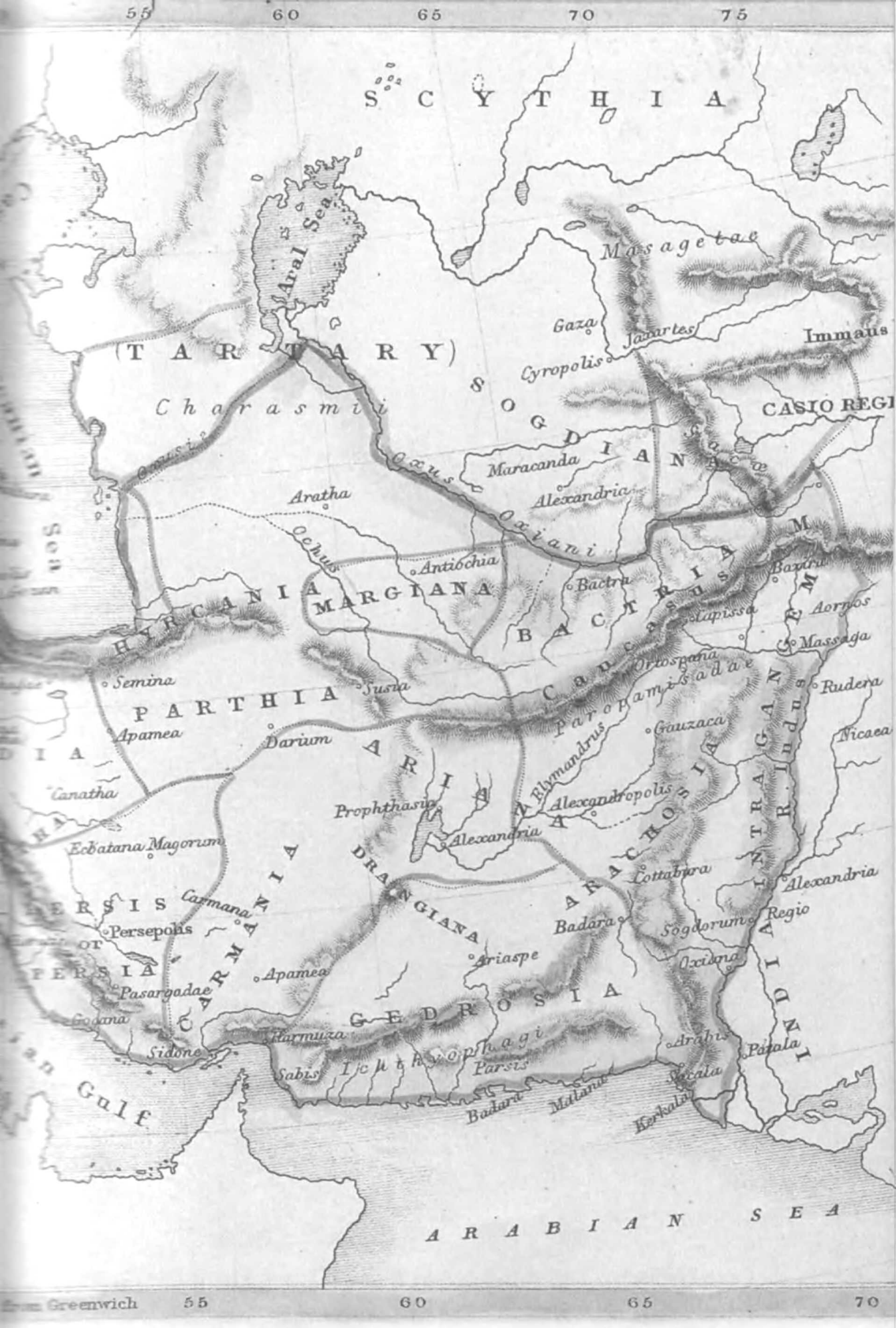
ЧЕТЫРЕ ГОДА ПОД ПОЛУМЕСЯЦЕМ

Рафаэль де Ногалес



9(47.925)
Н-767

25
30
35
40
45
50
HUNGARY
S A R M A T I A
R. Tanais (Don)
R. Lycus (Volga)
Tanais
R. Danube
Crimea
Hypanis
THRACIA
Euxine or Black Sea
Byzantium (Constantinople)
Emanthia
Caucasus
Diri
ALBANIA
Propontis
Nicomedia
PAPHLAGONIA
Sinope
Phasis
Colchis
Adramyttium
MYSIA
Hieropolis
BYTHINIA
Trapezus
Otreda
Sura
IBERIA
LYDIA
Ancyra
Amasia
Syrii
Chorsa
Smyrna
Sardis
PHRYGIA
Caesarea
Satala
Arac
Laodicea
Archelaus
Argeus
Mt Ararat
ARMENIA
PAMPHYLIA
Iconium
Nakhichevan
Rhodus
Zanthus
CILICIA
Tarsus
Samosata
L. Arissa
Sanna
Seleucia
Edessa
M. Masius
Nisibis
L. Spauda
Cyrop
Mediterranean or Great Sea
Cyprus
Riblah
MESOPOTAMIA
Euphrates
Nineveh
ATROPATENE
Ecbatana (Gazaca)
Emesa
SYRIA
Canoe
Ur
Arebla
Tripolis
Sidon
Tadmor
Damascus
Alexandria
Sidaria
Jerusalem
Is
Opis
Calneh
SUSIANA
Sais
Babylon
BABYLONIA
Memphis
Bubastis
Great Desert
Susa
Shushan
Tigris
Arsinoe
Petra
Ezion-geber
Heracleopolis
CHALDEA
Ur
Sinai
Antinoe
Hippos
Coromanus
Myos Hormus
Coptos
Thebae
Leuce Come
Nile
Berenice
Red Sea
ETHIOPIA
TOMB OF EZRA ON THE TIGRIS
ANCIENT PERSIA
(ELAM)
WITH ADJACENT COUNTRIES
Illustrating the
CAPTIVITIES & PROPHECIES.
35
40
45
Longitude East 50


55
60
65
70
75
SCYTHIA
Aral Sea
Masagetae
(TARTARY)
Gaza
Jaxartes
Immaus
Cyropolis
Charasmii
SOGDIANA
CASIO REGI
Oxus
Maracanda
Alexandria
Oxiani
Aratha
Ochus
Antiochia
Bactra
Baxtra
HYRCANIA
MARGIANA
BACTRIA
Lupissa
Aornos
Massaga
Semina
Susia
Orospana
Paropamisadae
Rudera
PARTHIA
Apamea
Darium
Gauzaca
Nicaea
ARIA
Elymandrus
Alexandropolis
Canatha
Prophthasia
Alexandria
Ecbatana
Magorum
DRANGIANA
ARACHOSIA
Lottabara
Alexandria
PERSIS
Carmana
Persepolis
Badara
Sogdorum
Regio
Ariaspe
Oxiana
PERSIA
Apamea
Pasargadae
GEDROSIA
Gogana
Harmuza
Sidone
Ichthyophagi
Arabis
Patala
Sabis
Parsis
Badara
Malana
Sacala
Kerkalis
Gulf
ARABIAN SEA
From Greenwich
55
60
65
70

ЧЕТЫРЕ ГОДА ПОД ПОЛУМЕСЯЦЕМ

Рафаэль де Ногалес

Средства от продажи этой книги
будут полностью направлены
на создание храма-памятника
жертвам геноцида

РУССКИЙ ВЕСТНИК

Москва
2006

ISBN 5–85346–060–9

Часть фотографий, использованных издательством в русском переводе книги Рафаэля де Ногалеса «Четыре года под полумесяцем», взята из оригинала на испанском языке, часть любезно предоставлена итальянским писателем Джовани Гуайта.

На форзаце в начале книги — карта Армении в средневековых границах от Каспийского и Черного до Средиземного морей. Карта взята из атласа Джона Дауэра, созданного в XIX веке.

На форзаце в конце книги — карта геноцида армянского народа в Первую мировую войну, подготовленная «The Armenian Case Committee» (Иерусалим).

Рафаэль де Ногалес. Четыре года под полумесяцем. М., Русский Вестник, 2006. — 368 с., ил.

Книга венесуэльского писателя и «солдата удачи» Рафаэля де Ногалеса Мендеса — библиографическая редкость Волей судеб он стал свидетелем геноцида армянского народа — первого явного холокоста, совершенного правящей верхушкой тогдашней Турции в годы Первой мировой войны. Испытывая чувство вины и по долгу совести, он рассказал всему миру об одном из величайших преступлений против человечности. Автор показал, что руководившие Османской империей младотурки (члены масонского Комитета «Единение и Прогресс») Талаат, Энвер, Джемаль и прятавшиеся за их спинами Назым и Карассо занимались грабежом населения, осуществляя одновременно план мировой закулисы по захвату политической и экономической власти в Турции денме (иудеями, целенаправленно перешедшими в мусульманскую веру) и превращению этой страны в плацдарм для еврейской колонизации Палестины.

Книга издана в Венесуэле в 1920-х годах. Перевод на русский язык осуществлен впервые со второго издания книги 1936 года.

© Издательство «Русский Вестник», 2006

ВЕЧНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Перевод на русский язык книги венесуэльского «солдата удачи» и писателя Рафаэля де Ногалеса Мендеса «Четыре года под полумесяцем» — еще один шаг в борьбе за международное признание факта геноцида армянского народа, осуществленного в Османской Турции в начале XX века. Этой книги нет в библиотеках России и, вероятно, в библиотеках других стран. Ее скупали и уничтожали. А ранее пытались убить автора как живого свидетеля геноцида армянского народа. Но он счел своим долгом христианина и гражданина выжить и рассказать всему миру об одном из величайших преступлений против человечности.

Как политик Ногалес — не на стороне армян. Он повторяет в своем произведении клише официальной турецкой пропаганды и, к сожалению, пытается взвалить практически всю вину за геноцид на жертв. Как военный он участвовал в осаде древней армянской столицы Ван и, по его же словам, нанес немалый ущерб героически сражавшимся мирным жителям этого города. Как и героя пушкинского произведения «Борис Годунов» его преследовали ужасные видения, стенания и крики зверски убиваемых людей. Он нарисовал сцены геноцида с такой художественной силой, что при чтении книги невозможно остаться равнодушным.

Но не слепое возмущение оставляет книга Ногалеса в душе. Она еще заставляет размышлять. Венесуэльский писатель был наблюдательным человеком, к тому же широко образованным. Он учился в Бельгии, Германии и Испании и имел склонность к научным занятиям. И события, о которых писал, стремился рассмотреть в обширной исторической и культурной перспективе. Кроме того, он оценивал их с нравственной точки зрения, поскольку считал себя «странствующим рыцарем», своего рода Дон Кихотом XX века. И был уверен, что во всех войнах, в которых принимал участие — в борьбе против янки на Кубе, в Мексике, Никарагуа — он сражался

за справедливость. Введенный в заблуждение младотурецкой пропагандой, после неудачной попытки воевать на стороне Антанты согласился поехать в Турцию. Но действительность быстро отрезвила его, и он старался добросовестно описывать то, что видел и слышал. И сумел заметить принципиально важные факты, анализ которых дает возможность современному историку по-новому осмыслить целый ряд сложившихся стереотипов о геноциде армянского народа.

Обычно официальная турецкая пропаганда навязывает мнение, что геноцид был якобы вызван обстоятельствами Первой мировой войны. Будто бы армяне, симпатизировавшие России, являлись постоянной угрозой для турецкой армии и могли нанести ей удар в спину. Принимая некритически этот тезис, некоторые историки обвиняют Германию в том, что она не остановила геноцид, хотя якобы имела для этого все возможности. И даже приписывают сам замысел геноцида христиан Турции тогдашней правящей элите этой европейской страны.

На самом деле, как свидетельствует Ногалес, не немцы и даже не турецкие профессиональные военные задумывали и осуществляли холокост армянского народа. Его главные организаторы — руководящие члены Комитета «Единение и Прогресс» (организации масонского образца, осуществившей так называемую «младотурецкую революцию» — свержение султана в Османской империи в 1908 году) — Талаат, Энвер, Джемаль и прятавшиеся за их спины Назым и Карассо — были никчемными военными стратегами и не о «родине» думали, а о собственном кошельке. Венесуэльский писатель показывает, что основным мотивом этих людей была ненасытная жажда обогащения за счет христиан Оттоманской империи, в первую очередь за счет армян. Читатель найдет в книге немало свидетельств того, как грабили население своей же страны «революционные» младотурки: и Комитет в целом, в пользу которого шла пятая часть награбленного, и его главные вожди.

Могли ли прекратить этот бандитский грабеж немецкие офицеры, которые служили в турецкой армии? Ногалес доказывает, что младотурки совершенно не считались со своими союзниками. Они присваивали себе их победы, ставили их в подчинение бездарным турецким офицерам, получившим назначение благодаря родственным или личным связям с вождями Комитета «Единение и Прогресс». Впечатляет сцена, описанная Ногалесом, когда он кормит из своих запасов ютящегося в совершенно не соответствующей его чину палатке немецкого фельдмаршала (!) фон Гольтца.

Именно среди немцев, бывших тогда в Османской империи, нашлось немало порядочных людей, таких как Лепсиус, Вегнер и другие, которые донесли правду о геноциде армян до мирового

общественного мнения. И германский суд оправдал армянского мстителя — студента Тейлеряна, осуществившего справедливый акт возмездия по отношению к главному преступнику Талаату.

И немцы, и сам автор явились жертвой мировой закулисы. Руководящие деятели младотурок были членами турецких масонских лож: «Веритас», основанной «Великим Востоком» Франции, «Достоинство», созданной «Великим Востоком» Италии. Итальянский член еврейской международной организации «Б'най Б'рит», финансировавшей гражданскую войну в США, Эммануэль Карассо, создал в Салониках самую влиятельную масонскую организацию «Возрожденная Македония». К созданию масонских лож в Турци был причастен и другой член «Б'най Б'рит» Эммануэль Венециано, возглавлявший «Всемирный альянс израэлитов».

Ногалес подчеркивает национальную принадлежность Талаата, которого он считал евреем, перешедшим в мусульманскую веру. Такие евреи, которых в Турции называют «денме», составляли большинство в руководящих органах младотурок. И реальными целями этой организации, как свидетельствовал тогдашний посол Великобритании в Османской империи Г. Лоутер, были экономическое господство в этой стране и создание на территории Палестины еврейского государства. Таким образом Турции предназначалась роль плацдарма для колонизации Палестины евреями.

Когда султан Абдул-Гамид отказался помогать сионистскому движению, было организовано его немедленное свержение в 1908 году. И именно Эммануэль Карассо от имени младотурок объявил султану о низложении. Он же содержал свергнутого правителя империи под арестом. Затем возглавлял контрразведку турок на Балканах. А в годы Первой мировой войны Карассо контролировал все запасы продовольствия Османской империи.

На этом посту он, естественно, мог способствовать тому, чтобы денме занимали руководящее положение в турецкой экономике. Но препятствием к осуществлению этих планов были армяне, которые со времен Византийской империи составляли мощную экономическую и культурную силу на территории древней Армении и в масштабах всей Османской империи.

И младотурки-денме придумали новый вид устранения конкурентов — геноцид. По технологии международного масонства они изощренно оболванивали простых турок и курдов. Сначала с помощью революционных лозунгов «Свобода», «Справедливость», «Равенство» обманули доверчивых людей и захватили государственную власть. Эти же лозунги были использованы для разжигания социальной зависти и идеологического и психологического обоснования грабежа одной части населения другой. Затем пришел черед иде-

ологии пантюркизма. Туркам, остро переживавшим гибель Османской империи, был предложен миф — создание Великого Турана от Адриатики до Синьцзяна. Кстати, творцом этого мифа был член сионистского движения Арминиус Вамбери, который был советником Абдул-Гамида, но тайно работал на Форин Оффис Великобритании. Острие этого мифа было направлено на разжигание межнациональной розни внутри страны и обострение отношений с Российской империей, в которую входили ряд тюркских народов. А ухудшение отношений с Россией неизбежно должно было привести к подозрительности турок по отношению к армянам как верным союзникам Московии. Услужливая английская разведка подбрасывала армянам миф о «Великой Армении», а идеолог младотурок денме Назым-бей использовал эту провокацию для создания образа армян как врагов тюркского государства, которых следует уничтожить.

Надо сказать, что Англия сыграла значительную роль в геноциде армянского народа. В ней с тех пор, как Кромвель создал особые условия для еврейского капитала, его позиции все усиливались и стали преобладающими при королеве Виктории. Ее премьер-министр Дизраэли добился на Берлинском конгрессе в 1878 году устранения статьи 16 Сан-Стефанского мирного договора, согласно которой Порта брала на себя обязательства «осуществить, без замедления, улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и оградить безопасность последних от курдов и черкесов». Он заявил: «Армении как таковой не существует». Будучи потомком евреев, изгнанных из Испании, он стравливал христиан и мусульман и утверждал превосходство двух рас в мире — евреев и англичан. Дизраэли несет прямую ответственность за уничтожение турецких армян, которое не имело бы места, если бы были выполнены положения Сан-Стефанского мирного договора.

Являясь в Первой мировой войне союзником Российской империи, Англия вела нечистую игру по отношению к ней и христианам Ближнего Востока. Ногалеса как опытного военного удивляло то, что он назвал «сдержанностью» английских военачальников на Иракском фронте. Те, хотя имели перевес в живой силе и технике, находясь в двух шагах от победы, неожиданно отступали и давали возможность противнику опять привести свои силы в порядок. То же самое произошло в известной операции в Дарданеллах. Как будто правящие круги Англии берегли армию младотурок для достижения более важных эгоистических целей, чем общая победа стран Антанты. Именно в турецкой армии, оборонявшей Дарданеллы, полковник денме Мустафа Кемаль, член масонской ложи «Возрожденная Македония», продолживший геноцид армян после падения Талаата, Энвера и Джемаля, получил свои первые лавры «непобедимого героя».

Тактика командования британскими вооруженными силами обернулась многими жертвами и для английской армии, и для христиан Ближнего Востока. Британский десант в Галлиполи, высадку которого предложил масон У. Черчилль, был обречен на заклание. Погибли десятки тысяч англичан, австралийцев, новозеландцев. Поражение англичан в Дарданеллах развязало руки младотуркам и подтолкнуло их к систематическому уничтожению армян и остальных христиан Османской империи.

Такие же последствия для армян имел заранее запланированный провал в американском Сенате в июне 1920 года мандата США на Армению, границы которой были уже определены Севрским договором. Американские правящие круги, контролируемые закулисой, проводили в армянском вопросе политику, солидарную с Великобританией, и сделали все, чтобы мандат над Арменией не был одобрен.

И эта двойная игра Великобритании и США во многом определила этапы и масштабы геноцида армянского народа, который начался с того момента, как Комитет «Единение и Прогресс» прочно укрепился у власти. В 1909 году произошла резня христиан в Адане с захватом их имущества. Но возмущение в стране и за рубежом было так велико, что руководители младотурок постарались свалить вину за бесчинства на прежний режим и устроили маскарад с возмещением ущерба жертвам массовых убийств. Талаату, Энверу и Джемалю пришлось ожидать Первой мировой войны, чтобы осуществить давно вынашиваемый в их умах холокост армянского народа.

Венесуэльский писатель, с одной стороны, признает, что у Комитета «Единение и Прогресс» существовал четкий план геноцида армян, с другой — высказывает удивление, что такое огромное количество людей не смогли оказать достойного сопротивления турецким жандармам и шайкам «гамидие», навербованным из самых отсталых слоев турецкого, курдского и черкесского населения. Но дело было во внезапности и вероломстве палачей и учете ими некоторых закономерностей массового поведения. Они сразу лишили народ руководства, одновременно арестовав и ликвидировав всех его духовных и политических лидеров, а также интеллигенцию. Мужчины были призваны в армию и там безоружные не смогли оказать должного сопротивления. А затем палачи уничтожали отдельно стариков, женщин и детей. Думается, что был еще один психологический фактор, который облегчил задачу карателей: многие жертвы не ожидали такого зверства со стороны одурманенных пантюркистской пропагандой и возможностью безнаказанного грабежа и издевательства турок, черкесов, курдов, с которыми армяне веками жили вместе. Но там, где армяне во время осознавали серьезность своего положения и где находились лидеры, они побеждали. Так случилось при осаде

города Ван, где старики, женщины и дети с небольшим количеством мужчин под руководством Комитета самообороны во главе с врачом Арамом сумели противостоять регулярным войскам и озверелым шайкам «гамидие», руководимым профессиональными военными, в числе которых был и Ногалес, получивший военное образование в Европе. Так было и в Муса-Даге, Сасуне и других местах.

Стремление некоторых официальных турецких историков выдать эти отдельные очаги сопротивления армянского народа за «гражданскую войну», мягко говоря, лишены основания. Против практически безоружного населения была применена вся репрессивная сила государства, руководимого младотурками-денме. И уничтожение армянского народа, начатое в Адане, продолжилось в годы Первой мировой войны и завершилось во время прихода к власти второго эшелона масонов во главе с уже упомянутым Мустафой Кемалем. Ему присвоили титул «отец турок», хотя как утверждает американский исследователь Армстронг, моральный облик Кемаля совершенно не соответствовал истинным ценностям мусульманской веры.

Младотуркам следует выдать патент на «техническое новшество» — под видом борьбы за «светлые» идеалы захватывать государственную власть, опираясь на силу подпольной организации и международную сеть, и использовать ее как орудие массового уничтожения конкурентов и политических противников. Однако в самообольщении они не предвидели всех последствий своего новшества, а именно, что оно не всегда будет в одних руках.

Более или менее в схожем виде сценарий денме повторился в России. Сначала масоны из кадетской партии и октябристов, которые ездили на выучку к младотуркам, свергли законного Государя, затем пришла очередь второй команды. Парвус, советник Комитета «Единение и Прогресс» по экономическим вопросам, бизнес-партнер Э. Карассо, наживший в годы войны миллионы на спекуляции продовольствием, привез в Петроград в пломбированных вагонах команду революционеров. Если проанализировать их национальный состав и их принадлежность к масонству, то станет ясно, какие задачи, поставленные перед ними мировой закулисой, они должны были решать. Они развязали в Российской империи гражданскую войну, которая вылилась в геноцид русского народа. Сравним директиву ЦК РКП(б) от 29 января 1919 года, подписанную Яковым Свердловым о «поголовном истреблении» «всех верхов казачества», с содержанием приказа Талаата, приводимого Ногалесом: «сжечь, уничтожить, убить». И богатства, накопленные народами Российской империи, грабилось хаммерами и прочими по рецептам денме.

За счет Российской империи и армянского народа мировая закулиса спасла терпевшую крах власть масонов в Турции. Пламенный

революционер, большевик и масон Троцкий уже в январе 1918 года издал приказ о демобилизации русской армии с Кавказского фронта. Он же заключил с Талаатом сделку о передаче туркам Карса, Ардагана и Батуми. Этой сделке придал вид законности, навязанный вопреки воле армянского народа, Московский договор 1921 года. При содействии мировой закулисы были ликвидированы условия Севрского договора об отделении исторической территории Армении от Турции. Более того, проигравшая России войну Турция получила от нее 20 тысяч кв. км. территории исторической Армении, ранее входившей в состав Российской империи! В угоду кемалистской Турции Азербайджану были переданы Нахичеванская область и Нагорный Карабах. Кроме того, в 1920—1922 годах эмиссары Ленина и Троцкого поставили Кемалю в то время, когда он вел военные действия против православной Греции, огромное количество военного снаряжения (40 тысяч винтовок, сотни пулеметов, 54 орудия с многотысячным комплектом снарядов и т. д.), а также нефти, бензина, керосина.

Союзники Греции — Великобритания и США — вероломно предали свою союзницу по коалиции и категорически отказали ей в помощи.

А Кемалю помощь от Троцкого шла и шла. Фрунзе, Мдивани и Аралов были командированы в Турцию для оказания практической помощи. В условиях, когда в России свирепствовал жесточайший голод, Турции было передано 10 миллионов рублей золотом. Именно в это время в России началось тотальное ограбление православных храмов и церковного имущества.

Кемаль «по достоинству» оценил эту бесценную помощь соплеменников-большевиков, утопив в 1921 году в Черном море весь ЦК Компартии Турции, прибывший из советской России.

По сценарию младотурок действовал и Гитлер. Чтобы придти к власти, он использовал то унижение, которое испытали немцы после Версаля и особенно от политики Веймарской республики. Но на этот раз государственный аппарат обратился против евреев. И кто несет большую ответственность за изгнание и гибель многих невинных евреев — Гитлер или изобретатели холокоста младотуркиденме?

В настоящее время закулиса, используя веками отработанные методы, пытается стравить христиан и мусульман. Гражданские войны в Ливане, Югославии, Ираке принесли и приносят неисчислимые бедствия народам этих стран. По тому же сценарию дестабилизируется ситуация вокруг Ирана и Сирии. А возмутительные публикации карикатур на Пророка иначе как провокацией назвать нельзя. И геноцид армянского народа некоторые псевдоисторики пытаются пред-

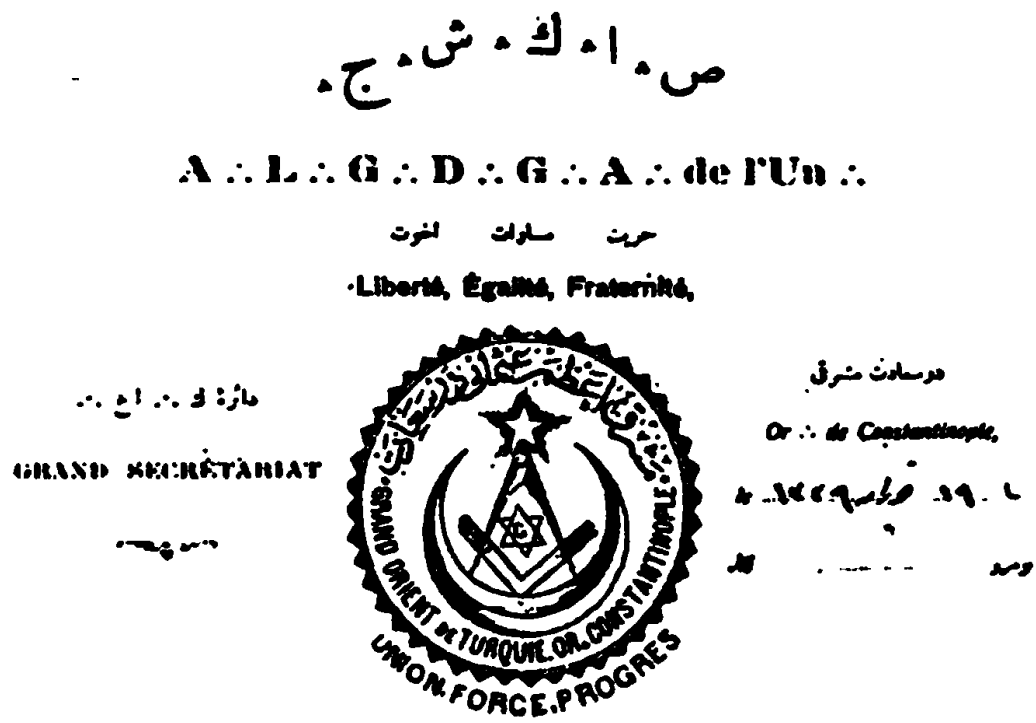
ставить как результат межконфессионального конфликта. Но эти попытки несостоятельны. На самом деле беженцев армян во время геноцида в Первую мировую войну и после нее как братьев приняли народы Ирана, Сирии, Ливана и других арабских государств. Армянский народ никогда не забудет этой помощи.

Высшая справедливость в том, что за невинно пролитую кровь всегда будет возмездие. Современную Турцию, если она не признает факт геноцида, ждут большие испытания. Около восьми десятков лет существовавшая в стране военная диктатура любыми методами «европеизировала» турок, отрывая их от корней. Не прекращается политика насильственного отуречивания курдов. При поддержке тех же самых сил в мире, которые помогли младотуркам придти к власти, делается все, чтобы недопустить всемирного признания геноцида армян. Но в стране зреют противоречия. И как они разрешатся — будет зависеть, в частности, и от покаяния и своевременного исправления нынешними правителями Турции исторических ошибок.

Вот к каким выводам приводит чтение мемуаров «странствующего рыцаря» — венесуэльского писателя Рафаэля де Ногалеса Мендеса. Поэтому и уничтожали книгу «Четыре года под полумесяцем», а последнее ее издание на испанском языке было осуществлено в 1936 году. Благодаря мужеству и самоотверженности Миграна Кейяна, очевидца геноцида, эмигрировавшего в Венесуэлу, сохранился экземпляр этого последнего издания. Перевод этой книги на русский язык осуществлен впервые.

Судьба мемуаров Ногалеса убеждает в том, что Божественный Промысел хранит истинное свидетельство. И показания Дон Кихота XX века прозвучат на том суде, который, наконец, воздаст должное и палачам, и жертвам!

М. Аракелов, В. Зайцев



ПЕЧАТЬ ТУРЕЦКОЙ МАСОНСКОЙ ЛОЖИ «ВЕЛИКИЙ ВОСТОК ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРИИ»

В Салониках в начале 1900-х годов денме создали первые ложи «Возрожденная Македония», «Веритас», «Достоинство» и другие, которые сформировали руководящий состав Комитета «Единеиие и Прогресс», определили его стратегию и подготовили свержение султана Абдул-Гамида в 1908 году. После прихода масонского Комитета «Единение и Прогресс» к власти и было решено консолидировать масонов в масштабах всей Османской империи. «Великий Восток Оттоманской империи» был учрежден 1 апреля 1909 на всетурецком конгрессе масонов, на котором присутствовали руководители 45 лож.

Печать принадлежит центральному — константинопольскому — отделению турецкого «Великого Востока». Его возглавлял «мастер стула» Мехмед Джавид, денме, с самого начала турецкого масонства игравший в нем видную роль. Его влияние в Комитете «Единение и Прогресс» было огромным.

Турецкие масоны использовали лозунги французской революции· «Свобода, равенство, братство», которые помещены над печатью. С помощью этого красиво звучащего лозунга были пролиты океаны крови и утверждена диктатура финансового капитала.

Символ масонов — циркуль — внешне символизирует созидательную деятельность, но на самом деле скрывает разрушительный характер политики мирового масонства. Шестиконечная звезда Давида, внутри которой латинская буква «G» — начальная буква слова «геометрия», означает качество прошедшего выучку масона измерять все свои поступки разумом, понятно, что Давидовым. Пятиконечная звезда Соломона опять же ориентирует ум в направлении той же ментальности.

И шестиконечная звезда Давида, и пятиконечная Соломона парят на лежащим на спине полумесяцем и лозунгом Комитета «Единение и Прогресс». Как видно и в печати турецких масонов отражено фактическое развитие младотурецкой революции к достижению господства денме в современной Турции.

Глава I

В конце августа 1914 года я направлялся с острова Кюрасао на Тринидад, где должен был наладить связи с товарищами по борьбе за наше Дело. Когда я добрался до маленького антильского острова Сан-Мартин, до меня дошло известие о начале Первой мировой войны, а прибыв в Тринидад, я узнал о том, что Венесуэла объявила о своем нейтралитете в этой войне.

В сложившейся ситуации с моей стороны было бы непатриотично продолжать борьбу с правительством президента Гомеса[1]. Поэтому я отказался от прежних намерений и решил отправиться в Бельгию, небольшую, но героическую страну, которая в одночасье возглавила гордые, но лишенные сил народы, стремящиеся к независимости. И хотя я вырос в Германии, счел необходимым поступиться личными симпатиями к этой стране в пользу романской расы и предложить бельгийцам свою скромную помощь. Несмотря на то что в Карибском море находились немецкие крейсеры, затруднявшие свободное движение судов Антанты, мне все же удалось в конце сентября отплыть с Мартиники в Европу на кайенском почтовом пароходе.

После трехнедельного плавания я наконец-то оказался в Бордо. Город был полон представителей дипломатического корпуса, а также высших государственных чинов, и оттого показался мне Парижем в миниатюре. Я не стал долго задерживаться в нем и, едва вникнув в ход военных действий, отправился по парижской дороге во Фландрию.

По прибытии в Гавр я узнал о сдаче Антверпена. Тогда я поплыл в Лондон и, запасшись там разрешением на въезд в Бельгию, высадился в Кале, переполненном бельгийскими и французскими беженцами. В гостиницах свободных мест не было. Мне пришлось провести ночь на скамейке, точно уж не помню где именно.

---

[1] Хуан Висенте Гомес – президент Венесуэлы в 1908–1915, 1922–1929, 1931–1935 гг
Здесь и далее сноски и комментарии сделаны издательством

На следующее утро я явился к начальнику бельгийской военной миссии, пожилому полковнику. Тот, внимательно выслушав меня, сообщил, что я не могу вступить в ряды бельгийской регулярной армии, не будучи гражданином или подданным какого-либо из государств-союзников Бельгии. Увидев, как сильно я расстроился, полковник посоветовал мне обратиться в Министерство иностранных дел Бельгии в Дюнкерке. Я поблагодарил его за совет и решил ехать вечером того же дня. А так как до отхода поезда оставалось несколько часов, я отправился гулять по городу, который выглядел зловещим, но при этом был очень оживленным.

Казалось, где-то неподалеку шло сражение. Машины, груженные ранеными из войск как союзников, так и их врагов, прибывали без конца. Новые или реорганизованные части и соединения бельгийской армии пробирались сквозь плотную толпу беженцев, главным образом женщин и детей, с трудом волочивших на себе то, что они смогли забрать, убегая из дома. Места в домах катастрофически не хватало, и несчастным приходилось ночевать под открытым небом, хотя французские власти и предпринимали благородные попытки хоть как-то облегчить их участь.

Сквозь гул людских толп, топот деревянных башмаков и оглушительный грохот пушек, катившихся по мостовой главных улиц города, с неба время от времени доносился грозный рев немецких самолетов, пролетавших, словно стальные орлы, над крепостью и гарнизоном Кале.

Но вот настал час отъезда. После довольно тягостного путешествия я с наступлением ночи наконец-то прибыл во фламандский город Дюнкерк.

С вокзала я поехал прямиком в гостиницу. Не успел я сесть за стол, чтобы поужинать, как доложили, что меня спрашивают. В дверях, примкнув штыки, стоял военный пикет. Меня препроводили по кривым узким улочкам в громадное мрачное здание, походившее на крепость. Это была военная комендатура. Меня приняли за шпиона.

Дежурный офицер был со мной вежлив: внимательно изучив мои документы, он принес извинения за допущенную ошибку. Когда я вернулся в гостиницу, поесть уже не представлялось возможным. Но зато я находился на свободе, а это было для меня самым главным.

В это время в Дюнкерке уже чувствовалась опасная близость фронта. Грохот артиллерийской стрельбы не прекращался ни на минуту даже днем, а ночью можно было при желании определить калибр выпущенных снарядов.

Кроме этого каждое утро пара самолетов «бошей» — как прозвали немцев — кружили над городом, собирая сведения о передвижениях железнодорожных составов.

Кафе были заполнены офицерами. Как правило, среди них легко было встретить англичан. Я не мог не восхищаться их мужественным видом и безупречным покроем мундиров, которые подчеркивали в британцах не только воинственность, но и элегантность истинных спортсменов.

На следующий день я отправился в Министерство иностранных дел, разместившееся в городской ратуше. В дверях я столкнулся с военным в форме английского офицера, сопровождаемым вооруженным конвоем. Он был бледен, губы его подрагивали. Дежурный рассказал мне, что у этого человека нашли письмо, написанное по-немецки, и теперь подозревали, что он — переодетый офицер прусской армии, другими словами немецкий шпион.

Посмотрев, куда направлялся конвой, я догадался, что незнакомца ведут в ту самую крепость, куда сутки назад доставили и меня. По правде говоря, мне было очень жаль беднягу, поскольку ему почти наверняка грозил расстрел. В то время хватало малейшего подозрения, чтобы погубить человека.

Меня принял личный секретарь министра. Это был белокурый низкорослый юноша в очках, безмерно гордившийся своим титулом барона. Он любезно повторил мне все то, что я уже слышал раньше от советника бельгийского посольства в Лондоне и от полковника в Кале: «Нам очень жаль, но, увы... и т. д. и т. д.» Я ничего не добился, кроме благодарственного письма от министра и совета отправиться на аудиенцию к Его Величеству в штаб-квартиру в Фюрне около линии фронта.

Готовый на любые жертвы ради достижения своей цели, я решил послушаться его совета. Однако судьба распорядилась иначе. То ли мне на беду, то ли на счастье, немецкий летчик в то утро сбросил две первые бомбы на Дюнкерк. Одна из них угодила в госпиталь, а вторая выбило все окна в ратуше, иначе говоря в Министерстве иностранных дел Бельгии.

Результатом этого рокового события стало, как и следовало ожидать, издание декрета о высылке всех иностранцев, находившихся в то время в городе. Так был положен конец моей rêve héroique[1] — по крайней мере той, что была связана с Бельгией.

На следующий день, когда я находился в военной комендатуре, дожидаясь чьей-то подписи, ко мне подошел французский офицер и покровительственным тоном поинтересовался: «Не желаете ли присоединиться к нам, коль скоро бельгийцы отказались принять вас?»

---

[1] Мечте о подвигах (фр.)

— С величайшим удовольствием! — воскликнул я тут же. — Если только во французской регулярной армии не найдут для этого препятствий!

Не успел я закончить фразы, как упомянутый господин с оскорбленным видом поглядел на меня сверху вниз и произнес с раздражением в голосе: «Comment donc![1] Чтобы мы приняли вас во французскую регулярную армию?! Jamais de la vie[2]. Для таких, как вы, у нас имеется Иностранный легион...»

Еще раз смерив меня презрительным взглядом, он повернулся ко мне спиной и ушел как ни в чем не бывало.

Подобный ответ, делавший столь мало чести офицеру, напомнил мне речи Дон Кихота, однако нисколько не расстроил меня, а лишь напомнил мне один забавный случай, который произошел с принцем Евгением Савойским[3]: французский король Людовик XIV однажды заставил его поступить на службу Австрии, оскорбив подобным же образом. Чем это закончилось, известно из истории.

Не имея ни малейшего желания вновь выслушивать признания в духе тех, которыми осчастливил меня давешний почтенный monsieur[4], я отплыл в тот же вечер в Марсель, чтобы переговорить с генералом Пеппино Гарибальди[5], человеком, который не только не погнушался поступить в Иностранный легион в должности майора или подполковника, но и привел с собой на помощь Франции четыре тысячи итальянских добровольцев.

Когда я прибыл в Монпансье, генерал уже уехал оттуда. Но я встретился с его братом, Манфредо, с которым был знаком и раньше. Выслушав меня, он сказал мне следующее: «Судьба Италии решается на побережье Далмации. Вступайте в ряды черногорской армии и ждите нашего прибытия».

Доводы Манфредо вполне убедили меня, и я направился в Рим. Получив необходимые письма от генерального консула Черногории, я в Бари сел на пароход и отплыл на восток.

Во время нашего плавания мы попали в шторм и чуть не наткнулись на противолодочную мину. На следующий день я сошел на берег в Албании, точнее сказать в Сан Джованни ди Медуа. Воодушевленный ароматным воздухом и живописными балканскими пейзажами, я продолжил путь на автомобиле и вскоре добрался до

---

[1] Как можно! (фр.)

[2] Да никогда в жизни! (фр.)

[3] Евгений Савойский — австрийский генералиссимус (1663—1736), младший сын принца Е. Морица Савойского. Оскорбленный отказом Людовика XIV дать ему полк, он оставил Францию, поступил волонтером в австрийское войско и приобрел славу выдающегося полководца своего времени.

[4] Господин (фр.)

[5] Гарибальди Джузеппе (прозванный Пеппино) — (1879—1950) — итальянский генерал, командовал итальянской бригадой на австрийском фронте.

города Эскутари с возвышавшимся над ним замком Росафа, или Дарабош. Переплыв через озеро, носившее то же название, и поднявшись в горы, я наконец оказался в Цетине, крошечной столице маленького королевства Черногории. В городке, кроме королевского дворца, нескольких посольств и пары или тройки других зданий, не было ни одной приличной постройки. Повсюду лепились к горе домишки, в которых проживали от силы пять-шесть тысяч человек. Однако народ, населявший эти горы, был свободолюбивым и героическим. Перенеся многовековое мусульманское иго, он сражался теперь с австрийскими войсками от Котора до Сараева, хотя армия черногорцев едва ли насчитывала пятнадцать тысяч человек.

Видя, что ответ из Генерального штаба Черногории никак не приходит, я, чтобы убить время, не придумал ничего лучше, как отправиться утром погулять на соседнюю гору, на вершине которой виднелись развалины древней башни.

После тяжелого двухчасового подъема я остановился и, усевшись на снег у дороги, решил немного передохнуть. Вдруг меня окружили несколько вооруженных крестьян и, связав мне руки, препроводили через соседний перевал в окопы черногорской армии, контролировавшей при поддержке артиллерии город Котор и его знаменитый залив, который простирался теперь у меня под ногами, напоминая огромный опал.

Так я узнал, что гора, на которую я собирался взобраться, — это знаменитая гора Ловчен[1], а место, где меня схватили, является границей между Черногорией и Австрией.

Положение мое было катастрофическим. Иностранец, взятый в плен при попытке пересечения границы практически на виду у сидящих в окопах солдат, будет неминуемо расстрелян. Кто поверит в то, что я здесь просто гулял?

И вот я стоял на снегу с пистолетом, приставленным к виску, в ожидании казни. Чувствуя дыхание близкой смерти, я вспомнил о своей далекой родине, и невыразимая горечь нахлынула на меня.

По счастью, в это мгновение подошел ко мне какой-то офицер. Он оказался родственником короля. Выслушав внимательно мои объяснения, он не только не отдал приказа меня расстрелять, но пригласил на обед, а затем самолично проводил меня до самого Цетине во избежание каких-либо еще неприятных происшествий.

Тем временем из Генштаба Черногории подоспел ответ, к сожалению ничем не отличавшийся от предыдущих: «В регулярные войска стран Антанты не принимают подданных других государств». Так

[1] Гора Ловчен находится между Котором и Цетине, видна далеко с моря. На ее вершине часовня с гробницей последнего Черногорского государя Петра II (Раде) Петровича Негоша

как я не собирался менять гражданства ради того, чтобы иметь возможность воевать на стороне союзников, то решил немедленно отплыть домой. Однако когда я пришел проститься с министром иностранных дел доктором Мартиновичем, тот убедил меня задержаться и предпринять еще одну, последнюю, попытку в Сербии. В Ниш, куда я по его замыслу должен был отправиться, послали телеграмму командующему местными войсками. В ней сообщали о моем прибытии.

Мне не хотелось возражать этому господину, который повел себя со мной так благородно, и я принял его совет. Тем не менее прежде я заехал в Эскутари с намерением отдохнуть там несколько дней.

Однако надежда на спокойный отдых быстро улетучилась. Почти каждую ночь в этом городе велись кровавые бои между жителями христианских и мусульманских кварталов. Но, похоже, больше людей погибало от страха, чем от пуль.

На самом деле мальсоры[1], находившиеся под защитой Австрии, и магометане, пользовавшиеся покровительством Италии, нарочно провоцировали эти стычки, чтобы продолжать получать помощь в виде денег, оружия и боеприпасов, которые обе вышеназванные страны, враждующие между собой, присылали в изобилии, граничащем с неоправданной расточительностью.

Поняв, что отдохнуть здесь мне вряд ли удастся, я направился в Дураццо, город, считавшийся столицей Албании только потому, что был больше остальных. Но не успел я сойти на берег, как мне доставили письмо от принца Биб Дода[2], соратника кровожадного Эсад-паши[3]. Он приглашал меня остаться у него на несколько месяцев и помочь им реорганизовать войска.

Не сочтя себя достойным подобной чести, я не мешкая отправился в Грецию. Сделав пересадки в Валоне, Керкире, Патрах, Коринфе и Афинах, я сел на первый же пароход, идущий в Салоники. Так я добрался до Ниша, где весело встретил Рождество в модном ресторанчике под названием «Русский Крал», в котором собралось все светское общество Белграда, спасавшееся здесь от войны.

Изысканные дамские туалеты странно смотрелись на фоне деревенских пейзажей. А фильм, торжественно показанный в тот вечер в честь освобождения Белграда, имел весьма сомнительное отношение к этому великому событию.

---

[1] Мальсоры — одна из четырех групп, на которые делилось население Верхней Албании в начале XX в

[2] Биб Дода Преик — албанец, наследственный глава области Мирдита

[3] Эсад-паша Топтани, албанец, руководитель вооруженных формирований, претендовал на титул «короля Албании» Титул «паша» присваивался генералам турецкой армии с середины XIX в

На следующий день я пошел рано утром на Рождественскую мессу в католическую часовню. На ней присутствовал бельгийский министр. Среди собравшихся были австрийские военнопленные, многие из которых были ранены. Тяжело было видеть этих несчастных, временами они не могли сдержать слез.

После обеда я отправился в Военную канцелярию. Министр, молодой полковник, явно бравирующий своей прямолинейностью бравого военного, немедленно сообщил мне, что мое прошение не может быть удовлетворено. Однако он заметил en charmant camarade[1], что если я встречусь с русским военным министром, un bon type[2], который сейчас находится в Болгарии, то, возможно, все уладится.

Так я оказался в Софии. Однако когда и русский министр обратился ко мне со словами pas possible, mon cher[3], мне показалось, что потолок, стены и мебель поплыли у меня перед глазами.

Чтобы хоть как-то сгладить тяжелое впечатление, которое произвел на меня его ответ, этот господин вручил мне благодарственное письмо за собственноручной подписью. Сей документ вместе с подобными же письмами от бельгийского министра иностранных дел и военного министра Сербии и Черногории я вручил впоследствии майору фон Гольтцу... На прощание выдающийся русский дипломат то ли с изяществом, то ли по простодушию намекнул мне между прочим, что, быть может, Япония или Англия...

Нет нужды объяснять, с каким чувством я оставил его кабинет. Моя последняя надежда вступить в войска Антанты угасла.

Честно говоря, мое горячее желание защитить романские народы обошлось мне в кругленькую сумму, а порой чуть не стоило жизни. Ведь те, кто не считал меня сумасшедшим, наверняка видели во мне шпиона. Охваченный отчаяньем, я направился в гостиницу, чтобы успокоиться и привести в порядок свои мысли и чувства.

Прошло несколько дней. За это время я познакомился с турецким послом Фетхи-беем[4] и майором фон Гольтцем, военным атташе немецкого посольства в Болгарии. Похоже, они были в курсе моих дел, но вместо того, чтобы разжигать во мне страсти, старались меня успокоить, вели себя честно и благородно.

И вот в начале января 1915 года я прибыл в Константинополь, где был хорошо принят Энвер-пашой[5], а также генералами фон Лима-

---

[1] По-приятельски (фр.)
[2] Добрым малым (фр.)
[3] Дорогой мой, это никак невозможно (фр.)
[4] Али Фетхи-бей — один из лидеров младотурок, был военным атташе в Париже, в 1915 г. посол в Софии
[5] Энвер-паша, Исмаиль (1881–1922) — один из лидеров Комитета «Единение и прогресс», во время Первой мировой войны главнокомандующий турецкой армией, масон

ном[1] и фон Бронзартом[2]. Не прошло и трех недель, как я вновь отплыл на восток, к заснеженным вершинам Кавказа, чтобы сражаться с русскими солдатами в ранге офицера турецкой регулярной армии, а следовательно, и войск всей Османской империи. Должен заметить, что для этого мне не пришлось ни отказываться от венесуэльского гражданства, ни присягать на верность моим новым командирам. Я принес одну только клятву чести.

Вот каким образом то, чего я безуспешно добивался от министров Антанты, было мной неожиданно получено от людей, чьего содействия я менее всего ожидал. Иначе говоря, от турок и от блистательных немецких офицеров.

Глава II

Через несколько дней после моего прибытия в Константинополь в городе начались празднества по случаю завоевания Суэцкого канала войсками Джемаль-паши[3] — военно-морского министра, а также генерал-губернатора Сирии и Палестины.

Ночью на бесчисленных куполах зажглись факелы, и снизу казалось, будто весь Стамбул искрится огнем. Спокойные воды Золотого Рога, отражавшие пламя, словно превратились в жидкую ярко-красную лаву. Освещенные изнутри галереи на минаретах пылали на фоне неба, будто короны. Грохот пушечных залпов лишь усиливал впечатление, производимое этой огненной вакханалией. Так правоверные мусульмане отмечали победу в священной войне над ненавистными христианами.

«Воистину наконец-то начался джихад! Милосердный Аллах щедро одарил своей милостью избранный турецкий народ! Lah-Ilah-Il-Lah-Lah!»[4]

Примерно такие выкрики слышались беспрестанно от фанатичных сторонников hoca effendi[5] в ту историческую ночь под сводами храма Святой Софии и прочих мечетей древнего Стамбула. Они должны были разжечь религиозный пыл верующих и, возможно, оправдать в глазах общественного мнения идеи младотурок, которые

---

[1] Зандерс (или Сандерс) Лиман фон (1855—1929) — глава военной миссии Германии в Турции

[2] Бронзарт фон Шеллендорф, Фридрих (рож. 1864) — генерал-майор немецкой и генерал-лейтенант турецкой службы, с 1914 до декабря 1917 г — начальник Генерального штаба турецкой армии

[3] Джемаль-паша, Ахмед (1872—1922) — член руководящей тройки младотурок, с 1914 г военно-морской министр Турции

[4] Ля илляхи илля-гу-у — нет другого Аллаха, кроме него (араб.)

[5] Милостивый господин (тур.)

готовы были пожертвовать чем угодно, лишь бы объявить войну странам Антанты.

Однако если бы правоверные мусульмане знали правду о событиях и о тех неудачах, которые терпел в сражениях за канал Джемаль-паша, то, возможно, они не праздновали бы сейчас его победу с таким восторгом, а, погасив факелы, забросали бы ходжей камнями прямо в собственных алтарях.

Правда заключалась в том, что столь широко прославляемая грандиозная битва была придумана. На самом-то деле полковник фон Кресс-бей[1], командующий нашим египетским экспедиционным корпусом, всего-навсего попытался в те дни выяснить, каково реальное количество сил противника, расположенных в западной части Суэцкого канала. Единственным примечательным событием тогда стало добровольное самопожертвование, если не сказать самоубийство, роты оттоманских саперов, которые, переплыв канал, были все до одного уничтожены, но так и не сдались в плен.

Фанатизм или безудержная храбрость — называйте это как угодно — и традиционная отвага турецких воинов, проявленные ими во время Первой мировой войны, лишний раз свидетельствовали об их свирепости и непреклонности, благодаря которым они издревле стяжали славу одного из самых смелых и воинственных народов Старого Света.

Не считая вышеописанного инцидента, военные действия вокруг Суэцкого канала ограничились не прекращающейся ни на минуту перестрелкой и дуэлью артиллерий, в коей особо отличился майор Хей-бей. Пущенный из его орудия снаряд смог поджечь вспомогательный крейсер британских военно-морских сил «Хардинг». Джемаль же, осознав, что противник вот-вот форсирует Суэцкую «лужу», струсил, бросил войско на произвол судьбы и припустил на своем автомобиле. Остановился он лишь в Дамаске, где во всеуслышанье заявил, что якобы одержал победу.

Однако прежде чем продолжить повествование, я думаю, будет не лишним рассказать о той политической ситуации, которая сложилась в Турции. Тем более что поражение в войне могло обернуться для нее полной потерей всего, включая независимость.

Оттоманская империя была, безусловно, самым мощным и в то же время самым верным союзником Германии в Первой мировой войне. Этот неоспоримый факт признают все, включая самих немцев. Ведь в то время как австрийцы открыто выступали за мир, а болгары жаловались на постоянную нехватку продовольствия, турецкий солдат, зачастую довольствуясь лишь ломтем хлеба и горстью маслин,

[1] Кресс фон Крессенштейн — начальник штаба 4-й турецкой армии. В конце войны — генерал германской службы.

готов был, изнемогая от ран и от голода, воевать на заснеженных вершинах Кавказа или в раскаленных песках пустыни. При этом ни одной жалобы не слетало с его болезненно-синих губ.

Нет ни малейшего сомнения, что несмотря на все свои недостатки, турок был, есть и будет лучшим солдатом и джентльменом на всем Востоке.

Если бы Турция не вступила в войну, то Германия оказалась бы в крайне сложном положении. Если бы русские, к тому времени оккупировавшие Восточную Пруссию, и сербы, вторгшиеся на территорию Венгрии, объединились с румынами, греками, болгарами и итальянцами, то Австрия не смогла бы продолжать войну, а сама Германия вынуждена была бы перейти к оборонительной тактике, вроде той, что использовали немцы во время Семилетней войны при Фридрихе Великом.

Когда бы Россия получила свободный доступ в Дарданеллы, то она смогла бы вдоволь получать необходимые ей боеприпасы и военное оборудование. Тогда бы и большевизма не возникло: имея все боевое снаряжение и продовольствие, русское войско не поддалось бы анархии.

Если бы Оттоманская империя не заключила союз с Германией, Болгария также не сделала бы этого, а если бы турки объявили немцам войну, то большинство балканских стран наверняка последовали бы их примеру.

По этой и многим другим хорошо известным турецкому обществу причинам такие уважаемые люди, как Тевфик-паша[1] и Сабахеддин-эфенди[2], открыто высказывались за заключение мира и за соблюдение Турцией нейтралитета в мировом конфликте. Но все их усилия были напрасны, поскольку Комитет «Единение и Прогресс»[3] путем всевозможных ухищрений смог убедить духовенство в необходимости и оправданности Священной войны, заставив тем самым окончательно поверить в это и весь турецкий народ.

Одним из самых веских аргументов, которые приводили члены Комитета, чтобы убедить колеблющихся, было то, что на Кавказе постоянно существовала угроза завоевания со стороны России и что Франция и Англия могут в любой момент предпринять попытку захватить Сирию и Палестину.

---

[1] Риза Тевфик — философ, представитель реформаторского крыла в партии младотурок

[2] Сабахеддин-эфенди — лидер либерального направления в движении младотурок, руководитель Общества личной инициативы и децентрализации

[3] Комитет «Единение и Прогресс» (Джемие Иттихад ве тераки) — другое название «младотурки» — масонская организация, руководили которой евреи-денме. Возглавил свержение султана Абдул-Гамида II, после того как он отказался продать землю для еврейского государства в Палестине и казнил еврея Тефика Невзада, защищавшего известного французского еврея и масона Барали

В результате, желая придать большую силу своим аргументам и прикрываясь требованиями Священной войны, младотурки вскоре издали декрет о непризнании договоров о капитуляции[1], об отказе выплаты долгов странам Антанты и об аннулировании существующих с ними соглашений. По этому же декрету, прикрываясь панисламизмом, они объявили о расширении государственных границ и о возможном уничтожении армян и прочих христианских народов в ходе Священной войны[2].

Возможно, кое-кто из наиболее радикальных младотурецких политиков лелеял мечту со временем избавиться и от самих немцев (предварительно использовав их в своих целях), а затем проделать то же самое в отношении стран Антанты.

Короче говоря, основным мотивом, которым руководствовался Комитет «Единение и Прогресс», объявляя войну Антанте, была все та же смесь возвышенного фанатизма и привычной хитрости, которая постоянно определяла политику правителей Оттоманской империи.

Немецкое военное командование всегда сомневалось в честности турок, и, надо сказать, с полным на то основанием: среди турецких генералов и офицеров представителей Комитета было мало в сравнении с представителям крестьянских слоев, возглавляемых зловещим великим визирем Талаат-пашой[3], который, как известно, был воплощением реакции в самом кровавом ее варианте. Энвер же со своими соратниками являлся сторонником прогресса, пусть и не всегда правильно истолкованного.

Когда политическая обстановка внутри страны накалялась, корабли «Гебен» и «Бреслау» подходили к императорскому дворцу Долмабахче. Как правило, этих псевдоманевров было достаточно, и страсти улегались сами собой.

Если бы не эти два крейсера, возможно, немцы, находившиеся на территории Турции, первыми почувствовали бы на своей шкуре последствия Священной войны. Дамоклов меч висел над их головой вплоть до приезда генерала фон Секта, который ввел военный контроль.

---

[1] Договоры с европейскими державами, которые ставили иностранных подданных в Турции в особое положение – государства в государстве. Были отменены султанскими указами от 8 сентября 1914 г., временными законами от 20 сентября, 1 октября, 15 октября и 17 октября 1914 г.

[2] Речь идет, очевидно, о циркулярном письме Комитета «Единение и Прогресс», с которым он обратился к местным организациям 12 ноября 1914 г.

[3] Талаат-паша Мехмед (1874–1921), масон, генеральный председатель ЦК Комитета «Единение и Прогресс», 1913–1917 – министр внутренних дел Турции, великий визирь 1917–1918 гг.

Несмотря на то что было много разговоров о младотурках (иначе говоря, о Комитете «Единение и Прогресс») и о совершенных ими чудовищных преступлениях, мало кто знает об истории, и особенно о происхождении этой странной секты, которая из достойной прогрессивной политической партии превратилась во время войны в запредельно варварскую орду.

Чтобы понять столь странную метаморфозу, необходимо иметь в виду, что завоевания древних оттоманских императоров были осуществлены в основном благодаря их особой гвардии, называемой корпусом янычар. Покуда эти отряды сокрушали империи и доходили до Вены и Варшавы, турецкий народ продолжал жить спокойной размеренной жизнью, совершенно не интересуясь политикой. В те времена мавры и христиане были братьями и вместе работали на благо общей родины.

После того как в 1826 году янычары были истреблены султаном Махмудом II, в Турции была введена обязательная воинская повинность. Согласно «Гюльханейскому хатт-и-шерифу»[1] от нее были освобождены лишь христиане — подданные Оттоманской империи, обязанные заплатить небольшой налог, в то время как мусульмане, прежде всего бедные крестьяне, должны были служить в армии иногда до 10—12 лет подряд.

Ужасающая несправедливость и произвол, царившие в стране на протяжении всей истории оттоманского самодержавия, привели к тому, что в то время как христиане обогащались и могли дать образование своим детям, мусульмане, в первую очередь крестьяне в центре и на востоке Анатолии, заметно беднели и все меньше занимались обработкой земли и ведением хозяйства.

Так продолжалось до 1876 года, пока на трон не взошел султан Абдул-Гамид[2]. Он сразу осознал, что примирить высокомерных, купающихся в роскоши оттоманских христиан и бедных отчаявшихся мусульманских землепашцев невозможно. Не желая ссориться ни с той, ни с другой сторонами, чтобы в результате не поплатиться жизнью, он ввел знаменитый режим политических ухищрений на манер Макиавелли, который со временем стал нарицательным и до сих пор известен на Ближнем Востоке как «гамидие»[3].

Вполне объяснимый гнев крестьян-мусульман Анатолии вместе с варварскими разбойными нападениями курдов естественным образом способствовали знаменитой резне 1896 года, которую сами армяне вызвали пропагандой нигилизма, развернутой в 1886 году,

---

[1] Гюльханейский хатт-и-шериф — рескрипт султана Абдул-Меджида о реформах, обнародованный 3 ноября 1839 г

[2] Абдул-Гамид II (или Абдул-Хамид II) — правитель Турции с 1876 по 1909 г

[3] «Гамидие» или «хамидие» — Абдул-Гамид II организовал полки конницы из курдов—мусульман для подавления освободительной борьбы армян

особенно по причине высокомерия и чрезмерных националистических устремлений. Не сомневаясь в поддержке со стороны России, они собирались силой захватить несколько турецких провинций, а именно Битлис, Ван и Эрзурум (в которых армяне составляли лишь 30% населения)[1] и создать на их территории Свободную Армению, где они могли бы править от имени Российской империи и эксплуатировать остальное население, состоявшее из бедных магометан[2].

Как и следовало ожидать, с этим не согласились ни турки, ни курды. Именно здесь и кроется истинная причина той ненависти, которую все турки испытывали и продолжают испытывать по отношению к армянам.

Для того чтобы скрыть свои истинные намерения, армяне-экстремисты создали в семидесятом году, если мне не изменяет память, множество разнообразных центров и политических организаций, которые открыто выступали за установление в Турции конституционного режима. Однако на деле они имели целью поссорить Оттоманскую империю с ведущими европейскими державами, а лучше сказать – создавать напряженную обстановку, которой позднее собирались воспользоваться для осуществления своих захватнических планов.

Однако, к несчастью для армян, в тот момент на политической арене появилась группа людей, среди которых были Ахмед Риза[3], доктор Назым[4] и Омар Наджи-бей[5]. Они догадались об истинных намерениях армянских организаций и, воспользовавшись результатами либеральной пропаганды последних, выпустили знаменитый манифест «Молодой Турции».

Абдул-Гамида сменил на престоле его брат, Гази Мехмед V[6], и деспотический режим сменился на явно либеральное правление. Главой партии младотурок был в это время умный и честный чело-

---

[1] В трех вилайетах Великой Армении – Ван, Эрзурум и Диярбакыр – из общего числа жителей (2 062 300 человек) во второй половине XIX века армяне насчитывали 1 330 000 человек (Григор Арцруни. Экономическое положение турецких армян. М., 1980, с. 24).

[2] **Эти и другие рассуждения Ногалеса показывают, что оценка им событий формировалась под влиянием младотурецкой пропаганды. Он излагает историю освободительной борьбы армянского народа превратно, замалчивая существенные факты. А суть дела в том, что армяне поднялись на защиту своих прав после того, как Берлинский конгресс 1878 года отменил условия Сан-Стефанского мирного договора о мирных реформах Восточной Турции, и султан Абдул-Гамид начал стравливать христиан и мусульман, пользуясь советами деиме и мировой закулисы, которые ставили своей целью установление в Турции господства деиме и превращение ее в плацдарм для заселения Палестины евреями. Автономизация восточных областей Турции, населенных армянами, предусмотренная Сан-Стефанским договором, казалась главным препятствием осуществлению этих планов деиме. Подробнее смотри предисловие.**

[3] Ахмед Риза-бей – один из лидеров Комитета «Единение и Прогресс», еврей-деиме, масон.

[4] Назым-бей (1870–1926) – главный идеолог Комитета «Единение и Прогресс», еврей-деиме, масон. Выдвинул лозунг: чтобы покончить с армянским вопросом, нужно уничтожить всех армян.

Омар Наджи-бей – один из организаторов Комитета «Единение и Прогресс», масон.

Мехмед V Решад (1844–1918) – султан (1909–1918).

век — Махмуд Шевкет-паша[1] родом из Багдада. Пока он не умер, среди младотурок царили порядок и честность. Однако его убили.

После смерти Махмуда Шевкет-паши от этой организации осталось лишь название, под которым скрывались насилие и кровожадная жестокость. Придя к власти и вступив в войну, младотурки не гнушались ничем — начиная с убийств и заканчивая наглым казнокрадством — и довели империю почти до полного разорения.

Среди прочих руководителей «Молодой Турции» особо выделялся маршал Ахмед Иззет-паша[2], происходивший из древнего албанского рода. Его братом был знаменитый полковник Эсад-бей, командующий кавалерией (а ныне Эсад-паша, командующий 4-й турецкой армией на Мосульском фронте)[3].

Ахмед Иззет-паша был человеком уже немолодым и не то чтобы ярым младотурком. Однако он всегда сотрудничал с «Молодой Турцией», если это требовалось на благо родины.

Иззет не являлся ни выдающимся полководцем, ни блестящим политиком. Зато отличался порядочностью и твердостью характера, что привлекало к нему турецкий народ в пору опасности.

Будучи человеком необычайно скромным, Иззет-паша воплощал в себе лучшие качества турок — от крестьянского смирения до суровости grand-seigneur[4]. Именно он со слезами на глазах подписал перемирие 30 октября 1918 года. И если бы не интриги президента Сената Ахмеда Риза-бея, поссорившего его с султаном и выбившего у него тем самым почву из-под ног, не исключено, что позже он спас бы Турцию от унизительного протектората союзников.

С падением Иззета пала и Оттоманская империя.

Энвер-паша, знаменитый вождь младотурок в годы мировой войны, которому теперь, должно быть, года пятьдесят три, был более простого происхождения. Он всегда выделялся благодаря своим блестящим способностям и непоколебимому патриотизму.

Будучи очень приветливым и почти застенчивым человеком, он, так же как и Иззет, не обладал ни талантом полководца, ни прозорливостью политика, однако имел железную волю и отличался инициативностью, редкой для представителя Востока.

---

[1] Махмуд Шевкет-паша (1856–1913) — командующий вооруженными силами младотурок, которые штурмовали дворец султана Абдул-Гамида II в апреле 1909 г и свергли его с престола, затем военный министр

[2] Ахмед Иззет-паша — турецкий маршал, в Комитете «Единение и Прогресс» не состоял, открыто высказывался против участия Турции в войне, с 14 октября 1918 г — глава кабинета министров

[3] Ногалес соединяет в одно лицо Эсад-бея, командира 3-й кавалерийской дивизии, и Эсад-пашу — турецкого генерала, в 1915 г командующего 3-м армейским корпусом, затем командующего 1-й и 5-й, в 1918 г 3-й армиями

[4] Вельможи (фр)

Думаю, немцам бы так и не удалось вступить на территорию Турции, если бы не его поддержка и дружелюбие. Он помог им поначалу проникнуть в империю, а затем и укрепиться в ней. Но справедливости ради и к чести Энвера следует сказать, что он не продался немцам, а лишь безмерно восхищался мужеством их офицеров. Он был не рабом Германии, но ее благодарным учеником, проводником и защитником прусского милитаризма на Ближнем Востоке.

Его карьеру на посту главнокомандующего турецкой армии нельзя считать удачной. Однако не из-за отсутствия личной отваги, которой у него хватало с избытком, а по причине недостаточно глубокого знания военного дела.

Во время совершенной младотурками в 1908 году революции, в результате которой был свергнут султан Абдул-Гамид, Энвер, возглавивший нерегулярные отряды, обстрелял из пушек казармы Константинополя. Позднее, в Триполитании, он, опять же во главе полурегулярных войск, сражался с итальянцами. Тогда он был в чине капитана, самое большее майора.

Два года спустя, уже будучи полковником, он повел войска на Адрианополь и взял его без единого выстрела. Заметив после начала войны, какую популярность приобрел его соперник Джемаль-паша благодаря пресловутому псевдозавоеванию Суэцкого канала, Энвер решил затмить его славу. Вопреки совету начальника Генштаба, опытного генерала фон Бронзарта, он, возглавив 3-ю турецкую армию, попытался в разгар зимы взять хорошо укрепленные позиции русских на Кавказе. Его ожидало вполне закономерное поражение.

В тот день пятнадцать артиллерийских батарей, составлявших основу нашей группировки на Кавказе, были захвачены противником. Потери личного состава оказались огромными. В общей сложности погибло от пуль, замерзло и пропало без вести более 30 тысяч человек.

Так за одну ночь от хорошо обученной армии, которая могла бы сколь угодно долго защищать кавказскую границу от русско-армянских полчищ, не осталось и следа. И все это произошло по причине неудовлетворенного честолюбия Энвер-паши.

Униженный столь оглушительным поражением, Энвер больше не мнил себя Наполеоном, но по-прежнему исполнял обязанности вице-генералиссимуса и военного министра, безропотно подписывая декреты и распоряжения, которые ему направлял начальник его Генштаба — генерал фон Бронзарт.

В начале войны Энвер еще производил впечатление порядочного человека. Однако после своей женитьбы на принцессе он превратился в самого большого вора во всей Турции, уступив лишь Исмаилу Хаккы-паше[1] и Джемаль-паше, коим, безусловно, не было равных в искусстве обирать казну.

[1] Исмаил Хаккы-паша — один из лидеров Комитета «Единение и Прогресс», масон

Когда в октябре 1918-го разразилась болгарская катастрофа, казалось, Энвер очнулся ото сна и к нему вернулись несгибаемая воля и жажда деятельности. Он немедленно начал собирать войска из жителей столицы и ее окрестностей, чтобы напасть на захватчиков из Фракии. Но ему не хватило былого размаха. Люди больше не хотели за ним идти, его авторитет пал в глазах общества.

Незадолго до вторжения союзных войск в Константинополь Энвер сбежал, и никто точно не знал куда именно.

Немедленно вслед за этим последовал указ о лишении его всей собственности, всех военных званий и наград и даже гражданских прав.

С этого момента от былого величия Энвер-паши ничего не осталось, он превратился в парию, приговоренного к смерти, который скитается Бог знает где[1].

Джемаль-паша, палач ливанских и арабских христиан, на самом деле был пешкой, человеком жестоким и низким без преувеличения.

Как военный, думаю, он не был годен командовать даже отделением, а о его способностях к морскому делу и говорить не стоит!

Тем не менее именно Джемаль-паша практически пожизненно занимал пост морского министра в правительстве младотурок, одновременно являясь генерал-губернатором и командующим войсками в Сирии и Палестине до тех пор, пока немцы не пригласили его к кайзеру, чтобы сместить за время поездки.

Когда же он вернулся, то обнаружил, что место уже занято другим. За Джемаль-пашой сохранили лишь пост морского министра (без флота), который числился за ним до конца войны. Со стороны немцев министра опекал адмирал фон Сушон[2].

Сейчас Джемалю должно быть лет шестьдесят или чуть больше[3]. Никто точно не знает, когда и при каких обстоятельствах он начал службу в армии. Первый раз о нем заговорили в начале революции младотурок. В то время он был в ранге отставного подполковника и занимал должность генерал-губернатора Багдада. Через день он стал полковником, а через неделю — бригадным генералом. В начале войны он сам себя произвел в дивизионные генералы. Энвер не препятствовал этому, боясь, что Джемаль вместе с 4-й армией перейдет на сторону Антанты.

Своей славой и стремительным взлетом по служебной лестнице Джемаль был обязан главным образом недругам Энвер-паши, кото-

---

[1] Энвер-паша был застрелен советским чекистом Акопом Мелкумовым 4 августа 1922 г при попытке перехода в Афганистан

[2] Сушон Вильгельм (1864–1946) — германский адмирал, с августа 1914 г до 1917 г командовал турецким ВМФ

[3] Джемаль-паша убит в Тифлисе 25 июня 1922 г армянскими мстителями

рые делали все, чтобы тот не получил пост председателя партии. Таким образом, единственной, по сути, причиной развала партии младотурок стало тогдашнее соперничество между Энвером и Джемаль-пашой.

Говоря откровенно, Джемаль-паша был не столько умелым руководителем, сколько изворотливым казнокрадом. Его алчность была ненасытной. Как политик он тоже ровным счетом ничего из себя не представлял. Особенно после того как, желая продемонстрировать свою дружбу с Антантой, обрек на голодную смерть большую часть христианского населения Ливанского Хребта, а над живущими там арабами издевался как мог вплоть до публичных казней через повешение, приказав убить в том числе и одного из сыновей шерифа Хусейна из Мекки[1]. Все это спровоцировало конфликт, который привел к отделению сначала Аравии, а затем Сирии и Палестины.

В конце войны Джемаль-пашу также лишили всех богатств и званий, и сейчас он, подобно Энверу, скрывается неизвестно где.

Албанец Вехиб-паша[2] был настоящим тигром, но в то же время старательным военным и grand seigneur[3] в полном смысле слова. И если бы он не считал Германию врагом, то, вероятно, занял бы пост не менее высокий, чем тот, который занимал Энвер-паша во время войны.

Вехиб был из тех, кто рожден командовать, а не подчиняться.

Его победоносное наступление в 1918 году, во время которого 3-я турецкая армия смогла с триумфом дойти от Сиваса до Баку, явилось значительным и последним военным достижением многострадальной турецкой армии на Кавказе во время войны.

Халил-паша[4] не имел никаких личных достоинств кроме того, что был дядей Энвера.

Именно на нем лежит вся ответственность за поражение турок в Армении, за кровавую резню армян, устроенную с его молчаливого согласия турецкими войсками, именно он спровоцировал гибель своих бывших товарищей и тех офицеров, которые пользовались большей славой, чем он.

Ко взятию Кут-эль-Амары, осуществленному исключительно благодаря тщательной подготовке и точным расчетам генерала фон дер Гольтца[5], Халил-паша не имеет никакого отношения.

---

[1] Хусейн ибн Али (1856–1931), из рода Хашимитов, великий шериф Мекки

[2] Вехиб-паша, Мехмед (1877–1940) – турецкий генерал-лейтенант, с ноября 1914 г командующий 2-й армией, с марта 1916 г командующий 3-й армией, с октября 1918 г командующий 1-й армией в проливах

[3] Вельможа (фр.)

[4] Халил-паша Кут (1882–1957) – турецкий генерал, организатор резни армян в Карабахе в 1918 г

[5] Гольтц Кольмар фон дер (1843–1916) – германский генерал-фельдмаршал, с октября 1915 г командовал 6-й турецкой армией Кут-эль-Амара была окружена турецкими войсками 7 декабря 1915 г, фон дер Гольтц умер в апреле 1916, Халил был назначен на его место 20 апреля 1916 г 29 апреля Кут-эль-Амара пала после 147-дневной осады

Знаменитая 6-я турецкая армия, перейдя в подчинение к Халил-паше, вскоре пришла в полную негодность. И так было со всем, за что он брался.

Разжалованный в полковники (звание это полагалось ему по выслуге лет), Халил был взят под стражу в Константинополе и ожидал вердикта Главного военного совета. Его обвиняли в воровстве и всевозможных махинациях, которые были довольно распространены среди людей его круга, а вовсе не в военных просчетах на посту командующего армией.

В общем можно сказать, что Халил-паша был полным ничтожеством с дутой репутацией.

Кёпрюлюлю Кязым-паша[1] и Джевад-паша[2], отличившиеся первый — в Армении, второй в — Галлиполи, не имели с Халилом ничего общего. Думаю, этим все сказано.

Они отличались высокой культурой, храбростью и превосходным знанием военного дела. Их ждало великое будущее не только в Турции, но и в других странах мусульманского мира.

Помимо этих семерых военачальников в турецкой армии было множество молодых отважных офицеров, которые благодаря своим подвигам прославили родину и заслужили уважение даже в стане врагов.

Раз уж речь зашла о турецких войсках, скажу, что регулярная армия Оттоманской империи не виновата в убийстве армян. Ее солдаты и офицеры были не только против этих зверств, но сделали все возможное, чтобы предупредить их, если бы это было в их силах.

Делать армию сообщницей тех, кто совершил данное преступление, и тем более возлагать на нее ответственность за просчеты, допущенные отдельными членами Комитета «Единение и Прогресс», не только было бы несправедливо, но и во всех отношениях не соответствовало бы истине.

Среди местных руководителей этого Комитета имелся лишь один человек, выделявшийся своими личными качествами. Это был еврей-вероотступник (dönme) из Салоник по имени Талаат, главный организатор геноцида и депортаций. Хорошо умея ловить рыбку в мутной воде, он смог подняться от мелкого почтового служащего до главного визиря всей империи.

Что же до остальных членов руководства Комитета, таких, например, как доктор Назым, Рахми[3] и Кадри-бей[4], то они так и остались

---

[1] Кепрюлюлю Кязым — в 1915 г. командир 37-й пехотной дивизии, руководил подавлением самообороны в г. Ван

[2] Чобанлы Джевад (1870–1938) — турецкий генерал, командующий 4-й, а затем 8-й Армиями.

[3] Рахми-бей — вместе с Талаат-беем руководил тайной организацией младотурок — Османским обществом свободы, масон

[4] Хюсейн Кадри — член ЦК Комитета «Единение и Прогресс», масон

«падшими ангелами»: не устояв перед соблазнами власти, все они из порядочных людей превратились в сидящих на мешках с золотом чудовищ, у которых руки были по локоть в крови.

Среди армянских политиков единственным честным человеком был Нубар[1], главный вдохновитель и проводник идей движения за проведение реформ, уравнивающих в правах армян и турок в Оттоманской империи. Я не знал его лично, но, судя по его делам, могу сказать, что это был человек в высшей степени достойный и настоящий патриот своего народа.

Среди военных командиров армянского происхождения, бывших подданными Турции, которые боролись против турецких войск, один отличался военными талантами. Это был Арам[2]. Мне выпала честь осаждать столицу Армении, город Ван, обороной которого руководил этот человек. Город держался с середины марта до начала апреля 1915 года.

Зато Андраник[3] был жестоким убийцей и дерзким партизанским вождем.

Заканчивая этот краткий рассказ, позволю себе сделать одно замечание. Геноцид армянского народа, совершенный турками во время мировой войны 1914—1918 годов, был спровоцирован прежде всего борьбой за свои права восточных армян. Этой борьбой руководили экстремистские партии рамкаваров[4] и гнчаков[5], которые открыто боролись, зачастую с оружием в руках, с умеренными дашнаками[6], призывавшими к мирному диалогу и выступавшими за создание армянской автономии.

Большая ответственность за эти зверские убийства лежит и на Комитете «Единение и Прогресс». Его руководство испугалось, что армяне вступят в сговор с немцами с целью сформировать под их защитой общехристианскую лигу. Если бы это и в самом деле случилось, то лига в значительной степени лишила бы младотурок той безраздельной власти, которую они получили в империи силой оружия и прикрываясь именем султана.

---

[1] Погос Нубар (1851—1930) — сын Нубар-паши, выдающегося государственного деятеля Египта (1825—1899). Основатель Всеобщего армянского благотворительного союза, действующего по настоящее время.

[2] Арам — врач по специальности, возглавил самооборону города Ван. Хотя большинство защитников составляли старики, женщины и дети, они, несмотря на большие потери, отбили все атаки «гамидие» и регулярных частей и удержали город до подхода русских войск. Были спасены от уничтожения около 200 тысяч мирных жителей. Настоящая фамилия Арама — Ованесян (С. А.).

[3] Андраник Озанян (1865—1927) — герой армянского народа, возглавлял самооборону армян в 1894—1896 гг. и 1902—1904 гг., командир Первого добровольческого отряда Кавказской армии в годы Первой мировой войны, генерал-майор русской службы.

[4] Рамкавары — армянская Конституционная трудовая партия. Оформилась в 1906 г.

[5] Гнчаки — Социал-демократическая гнчакская партия. Основана в 1887 г.

[6] Дашнакцутюн — Армянский революционный союз. Основан в 1890 г.

10 февраля 1915 года я отправился в Военное министерство, чтобы попрощаться с генералами фон Лиманом, Энвером и Бронзартом. Последние двое только что прибыли с Кавказа после ужасающего поражения турецких войск при Сарыкамыше. По официальным же сообщениям Энвер в этой битве разгромил русские части силами 3-й турецкой армии.

Войдя в кабинет вице-генералиссимуса, я тут же заметил, насколько тяжело переживает тот свое недавнее поражение, а точнее говоря разгром, за который он поплатился не только популярностью среди турецких солдат, но и уважением среди немецких военных.

Тем не менее он принял меня очень хорошо и просил передать от него привет, среди прочих, начальнику штаба 3-й армии подполковнику Гузе-бею[1], которому меня уже отрекомендовал наилучшим образом генерал фон Бронзарт.

Энвер-паша был среднего роста, стройный, с черными глазами и такого же или темно-каштанового цвета волосами, розовощекий, с правильными чертами лица. Он носил усы «на манер Кайзера». Энвер сразу же располагал к себе собеседника благодаря необыкновенной скромности, из-за которой те, кто никогда не видел генерала прежде, нередко принимали его за адъютанта.

Несмотря на многие огорчения, которые он причинил мне впоследствии, я всегда буду вспоминать о нем с искренним уважением, которое испытывал к нему с первого дня нашего знакомства. Я прекрасно понимаю, что его покровительство не один раз спасало меня от гнева тех, кто не мог мне простить, что я становился невольным свидетелем таких вещей, которые не пристало видеть христианину.

Генерал Бронзарт фон Шеллендорф был типичным офицером немецкого Генштаба.

Высокий, стройный, с коротко подстриженными усами, с прекрасными аристократическими манерами, Бронзарт подкупал своей прямотой и необыкновенной проницательностью.

Он следовал тенью за Энвер-пашой и с течением времени занял пост начальника турецкого Генштаба, которым столь успешно руководил, что после его отставки в конце 1917 года командный состав турецкой армии выразил свое глубокое огорчение по этому поводу, оказав его преемнику, генералу фон Секту[2], весьма холодный прием.

По отношению ко мне генерал фон Бронзарт все то время, когда он оставался в Турции, был не только великодушным покровителем, но и прекрасным другом, которому я искренне признателен и по сей день.

---

[1] Гузе Феликс – германский подполковник, начальник штаба 3-й армии

[2] Сект (Seeckt) Ганс фон (1866–1936) – германский генерал, начальник Генерального штаба Османской империи

Маршал фон Лиман, или Лиман фон Сандерс-паша, не был похож на Бронзарта.

Хотя в его жилах также текла голубая кровь, в общении со своими подчиненными он вовсе не отличался благородными манерами в отличие от того же Бронзарта или от фельдмаршала фон дер Гольтца.

Роста скорее высокого, крепкого телосложения и с крайне неуравновешенной психикой (как и все те из нас, кто вынужден был иметь дело с восточными людьми), фон Лиман, как правило, пользовался большим уважением у высших офицеров-младотурок.

Правда сказать, Энвер не испытывал к нему большой симпатии, но отказаться от его услуг не мог: генерал фон Лиман был Разящим Мечом империи.

Лишь благодаря его неиссякаемой энергии Турции удалось спасти Дарданеллы. Он был душой и телом той знаменитой операции.

Основной, если не единственной, причиной его разгрома во время обороны Палестины (в сентябре 1918 года) было полное отсутствие каких-либо резервов. При таких обстоятельствах поражение фон Лимана было неизбежно.

Лавры победителя, с таким трудом добытые им во время блистательных побед на Галлипольском полуострове, были с не меньшей славой похоронены в пустынях Палестины.

Глава III

12 февраля 1915 года я провел в Кадыкей, неподалеку от Константинополя, готовясь к предстоящей поездке. Идущий на восток военный поезд отправлялся в восемь часов вечера. Я немного волновался, поскольку мое путешествие через всю Малую Азию — при том что я, не зная ни слова по-турецки, должен был отправиться воевать среди зимы на Кавказ, а потом, возможно, и в Персию — вряд ли можно было назвать приятной прогулкой.

Ближе к вечеру я пошел прогуляться по золотистому песчаному берегу Пропонтиды[1]. Я брел, думая о своей жизни, как вдруг с удивлением заметил длинные закатные тени. Небо заполыхало огнями, и минареты Стамбула запылали, отражая яркие лучи заходящего солнца.

На следующее утро поезд остановился в живописном городке Биледжик в горах Вифинии. В этих местах можно было легко встретить медведя или волка.

[1] Т. е. Мраморного моря

На западе виднелась заснеженная вершина азиатского Олимпа. По мере того как мы спускались с гор, растительность становилась все беднее и беднее, так что через несколько часов, когда мы оказались внизу, вокруг нас виднелись лишь голые холмы да бескрайние равнины, покрытые степью. На сухой желтоватой земле паслись стада овец, охраняемые пастухами в негнущихся накидках из серого войлока.

Через несколько часов, ближе к одиннадцати дня, на юге в прозрачном небе Фригии показались белоснежные купола Эскишехира, прежде называвшегося Дорулайюмом. Этот город считается одним из важнейших в Оттоманской империи благодаря обширным залежам морской губки (или силикату окиси магния), которые находятся в соседней с ним деревушке Сариойяк. Вечером мы прибыли в Кютахья, также крупный город, насчитывающий примерно 60 000 жителей.

Утром того же 13 февраля поезд остановился в Афьонкарахисаре (что означает «черный город опия»). Это поселение уже издалека привлекает к себе внимание старинной крепостью, венчающей полуразрушенную скалу, которая возвышается над пыльной равниной. Еще через шесть часов езды по местности, похожей на пампу, где не было ни гор, ни пустынь, но лишь бескрайняя нескончаемая степь, которая, словно удав, обвивающий жертву, то подступала к заснеженным горным вершинам, то уходила куда-то вглубь к краю пустыни, мы добрались наконец до города Конья, в древности прозывавшегося Икониумом. Он расстилался у подножия горы Фригия вплоть до знаменитой пустыни Тузлучёль, или, как называли ее в эпоху античности, Аксилос.

Среди его жителей, одетых весьма живописно, попадались люди румяные, с белой кожей, однако большинство были смуглые и широкоскулые, с ярко выраженными чертами монголоидной расы. Я догадался, что мы находимся на земле сельджуков, потомков кровожадного Хулагу, внука Чингисхана.

Город Конья был разделен на две части — древние развалины и новые кварталы.

Из его исторических памятников лучше всего сохранилась усыпальница поэта Мовлеви Джалалиддина Руми[1], основателя ордена мовлевитов, особенно поражавший украшениями в виде сталактитов в персидском или мавританском стиле, а также своим византийским обликом, который, кстати, придает искусству сельджуков изящество и совершенство. Помимо этого в Конье привлекают внимание много-

[1] Руми, Джалалиддин (почетное имя — Моулеви, или Мовлеви) — (1207–1273) — фарсиязычный поэт, мистик

численные могилы мусульманских аскетов — тюрбе[1] — и главная мечеть с высоким ажурным минаретом. Однако, несмотря на все эти достопримечательности и на то, что в городе проживают 50 тысяч жителей, Конья производил на первый взгляд впечатление грустное, если не сказать мрачное, словно сама смерть прикоснулась к его полуразрушенным башням и бастионам.

На следующее утро мы смогли разглядеть на горизонте розовые вершины гор Ешиля и Хасана. И по мере того как солнце спускалось все ниже по диким склонам гор, сумерки над степью рассеивались, позволяя увидеть то там то сям голубой дымок: это были места, где разбили свой лагерь кочевники, а возможно лишь одинокие песчаные смерчи, беззвучно скользившие по бескрайним степям.

Потеряв человек тридцать или сорок во время аварии на железной дороге, мы наконец высадились 15 февраля на полустанке Улукышла, названном так из-за построенного там во времена Селима II огромного караван-сарая. Пользуясь утренней прохладой, я стал искать возможность продолжить путешествие. Вскоре, усевшись по-турецки в одной из этих дьявольских повозок, которую местные жители называют арбами, я двинулся в неизвестность — на восток. На юге, словно бриллианты, сверкали серебристые вершины Аладага, а на севере мерцал вечный мираж пустыни, будто дрожа под лучами полуденного солнца.

Ночь я провел в деревеньке Нигде. Благодаря окружавшим ее рощам она напоминала оазис посреди опасной пустыни. Здесь ко мне присоединилось несколько турецких офицеров, едущих в том же направлении, что и я. На следующий день на рассвете мы продолжили путь, двигаясь вдоль голубой громады Антитавр. Оставив в стороне город Невшехир, черневший вдали, мы к вечеру прибыли в караван-сарай Арабли-хан, который был знаменитым прибежищем бандитов и мошенников. С крыши караван-сарая мы могли восхищаться в лучах закатного солнца снежной вершиной древней горы Аргеус, которая сверкала, словно бриллиант, на золотом небе. Эта знаменитая гора (а точнее потухший вулкан), известная сегодня как Эрджияс, возвышается примерно на четыре тысячи метров над уровнем моря и является самой высокой во всей Азии.

Утром 18 февраля мы обогнули подножие Эрджияса и въехали в Кайсери, или, по-другому, в Цезарею. Этот древнейший город стоит на берегу Карасу, притока Кызылырмака, в старину называемого Халисом. Окруженный старыми кладбищами и древними крепостными стенами, построенными сельджуками, под которыми раскинулся базар, город этот (особенно издалека) имел довольно жалкий вид.

---

[1] тюрбе — гробница, усыпальница (тур.)

В Кайсери я оставался пару дней и оказался гостем в доме богатого цезарейского gentleman'а Ибрагима-эфенди. Благодаря ему я узнал, что такое настоящее восточное гостеприимство, которое оттоманские господа оказывают своим мисафирам, т. е. гостям, как богатым, так и бедным... Ведь мисафира посылает сам Всемогущий Единый и Единственный Бог — Аллах, Творец вселенной, Господин миров. Тот, кто стремится познать душу мусульманина, должен ехать не в Константинополь, а в провинциальные городки Анатолии, где люди не стыдятся отдавать предпочтение духовному перед материальным и где о качестве пекутся больше, чем о количестве.

Ошибается тот, кто полагает, будто народы Ближнего Востока менее культурны, чем европейцы.

Конечно, если превосходство современной цивилизации состоит в умении наживать богатство, восточный человек, безусловно, менее цивилизован, чем западный. Но разве он менее культурен? С этим я никогда не соглашусь, поскольку Восток — это колыбель мировой культуры. Он смотрит на стремящуюся обогатиться Европу со снисхождением, если не сказать с сожалением; так умудренный опытом старик смотрит на юношу, торопящегося поскорее исполнить свои детские прихоти. Вспомним, что в то время, когда Европа представляла собой одни леса и болота, на Востоке уже существовала многовековая культура; что когда европейская цивилизация находилась в упадке, например в эпоху распада Греции и Рима, цивилизация Древнего Востока продолжала блистать над горизонтом так же ярко и неизменно, как и в момент своего сотворения.

Помимо того что через Кайсери проходили важнейшие торговые пути, через него проходила этническая граница Малой Азии. На востоке от него жили лазы и армяне, потомки древней хуррито-арамейско-киммерийской расы, в то время как на западе — остатки хуррито-алародической расы (смешавшейся с курдами, монголами и семитами в южной части и с греками и левантийцами на западе).

Эта необыкновенная смесь современных народов и потомков доисторических рас, говорящих на разных языках, имеющих разнообразные обычаи (я бы назвал их просто неохурритами или алародами), делится на две группы. Одна из них составляет 80% от всего населения и является мусульманской. Во вторую входят православные греки, армяне, сирийцы-халдеи, яковиты, несториане и еще целый ряд крохотных полуязыческих сект, таких, например, как езиды (или «почитатели дьявола»), али-ахали, бекташи, кизилбаши и т. д. и т. д.

В тот день, когда падет центральная власть Константинополя, Малая Азия со всем этим множеством народностей и этнических групп разнообразнейшего происхождения и диаметрально противо-

положного вероисповедания превратится во вторую Македонию или в новые Балканы. Со временем она, возможно, будет представлять опасность даже для Европы, а особенно для европейских колоний в Азии и Африке, прежде всего для тех, что исповедуют ислам. Это произойдет, поскольку кратер страшного вулкана расширится до размера всего мусульманского мира.

20 февраля мы выехали из Кайсери и выбрались на древнейшую дорогу, или т. н. королевский путь. По обеим сторонам дороги встречались кое-где строения из красного камня — ханы[1], возведенные по приказанию сельджукских султанов. Эти постройки служили пристанищем для караванов дромадеров, которые сегодня, как и тысячу лет назад, не спеша двигались по пустыням и выжженным солнцем степям, таким же голым и пыльным, как красноватые равнины Маньчжурии. Когда день уже клонился к вечеру, мы приблизились к красивому озеру, которое называется Тузла-хисар. На его берегу мы и разбили лагерь, напротив руин знаменитого Султанханы или Паласа, которые представляли собой квадратную башню, поддерживаемую, если мне не изменяет память, четырьмя колоннами и окруженную внутренними галереями дворца.

Главный вход Султанханы был настоящим произведением искусства в ранне-сельджукском стиле. Казалось, он говорил со мной на красноречивом и безмолвном языке тех времен, когда исламский полумесяц еще пребывал в гармонии с искусством и материальным прогрессом.

К сожалению, сегодня эти развалины являют собой жалкое зрелище, поскольку среди жителей окрестных мест и большинства анатолийских крестьян укоренилась привычка вытаскивать камни из фундамента древних построек для возведения собственных жилищ и храмов.

Если фундамент растаскан по частям, нет ничего удивительного в том, что стены покрываются трещинами и обрушиваются, превращаясь в те самые груды обломков, которыми мы так восхищались в Конье и во всех местах, где правили мусульмане и христиане, перенявшие восточные обычаи.

Горько видеть, как значительная часть (если не большинство) жителей Ближнего Востока со временем превратилась в паразитов, живущих былой славой своих предков — по меньшей мере это относится к архитектуре. Похоже, сами они не способны ничего создать, а могут лишь пользоваться тем, что было до них создано, и разрушать.

[1] Хан — постоялый двор (тур.)

Лучшим доказательством тому служит Константинополь, и особенно Стамбул, город, возвышающийся на руинах прежних эпох, больше похожий на огромное кладбище былой славы, в котором забвение витает как мрачный предвестник смерти.

Незадолго до рассвета мы покинули деревню Хайрие и спустились в обширную долину, которая на юге упиралась в горы Антитавр, опоясывающие ее серебристой лентой. Мы подъехали к симпатичной деревушке Гемерек, где я остановился в доме командира местного гарнизона, ветерана русско-турецкой войны 1877—1878 гг., участвовавшего в обороне Плевны под началом Османа Гази-паши[1].

После завтрака по-турецки, состоявшего из омлета, поджаренного на сливочном масле и начиненного миндалем, изюмом и фисташками, за которым последовали pêle-mêle[2] лукум, колбаски «бастурма» с чесноком, чай, безе, салат из сырого лука, клубника со сливками, пирожки с сыром, шербет с ароматом роз и фиалок и напоследок булгур (вареные зерна дробленой пшеницы, являющийся непременным заключительным блюдом любого menu prochain-oriental[3]), мы выехали из Гемерека. Перебравшись на еще одну обширную равнину, также лишенную каких бы то ни было деревьев, мы с приближением сумерек спешились в местечке Шаркышла, где и заночевали.

На следующий день мы пересекли высокое плоскогорье, весьма напоминавшее саванну в окрестностях Боготы, и спустились к левому берегу Кызылырмака. Переправившись на другую сторону реки по массивному каменному мосту, с которого можно было увидеть на востоке овальные купола и минареты Сиваса, в древности называвшегося Кабиса, Диосополис или Себаста у римлян. За исключением нескольких обычных административных зданий, одного-двух десятков особняков в псевдоевропейском стиле и сельджукских надгробных мавзолеев в Сивасе было около двадцати мечетей (или медресе) — ветхих и полуразрушенных, хотя и красиво украшенных, а также множество деревянных и каменных домов, готовых вот-вот обвалиться.

В Сивасе, население которого в то время насчитывало около сорока тысяч и где я был, кстати говоря, хорошо принят генерал-губернатором провинции Меамур-беем, мне представился случай полюбоваться знаменитой черкесской кавалерией. Русские называют этих всадников за их мастерство в верховой езде турецкими казаками. Я также наблюдал там прибытие военного конвоя, дос-

---

[1] Осман Нури-Гази — турецкий генерал и военный министр. В русско-турецкую войну 1877—1878 гг. прославился упорной обороной Плевны. Султан даровал ему титул «гази» — «победоносный».

[2] Вперемежку (фр.).

[3] Ближневосточное меню (фр.).

тавившего из Эрзурума тысячу пятьсот пленных московитов. При виде их некий полномочный представитель Украины в Турции, присоединившийся ко мне по пути, загорелся идеей остаться и начать среди них «панукраинскую» (как он ее называл) пропаганду.

Я не знаю, был ли господин Маркус большевиком или нет, но он оказался замечательным попутчиком и стал моим хорошим другом. В дальнейшем я не раз искренне сожалел о том, что нам пришлось расстаться.

25 февраля вечером мы выехали из Сиваса. Была гроза, пошел град. Мы поднялись на плато, окруженное заснеженными вершинами. Чувствовалось, что Кавказ совсем рядом. На следующее утро мы догнали два эскадрона верховых, которые пытались проложить себе путь среди толстого слоя снега, выпавшего за ночь. Прибыв в окрестности Зара, контуры которого вырисовывались в глубине обширной низины, окаймленной тополями, мы отправились поприветствовать Сулеймана Нури-пашу (в то время полковника военно-санитарных частей, а через год — главного интенданта медицинской службы в Военном министерстве). Он много лет прожил в Германии и в это время был еще человеком порядочным и достойным. Однако в дальнейшем Сулейман Нури взял пример с пришедших к власти младотурок и из человека строгих принципов превратился в негодяя, так что его даже обвиняли (по крайней мере за глаза) в загадочной смерти наследного принца Юсуфа Иззеддин-эфенди.

В предместьях Зара я посетил среди прочего два военных лагеря, в которых шло обучение огромного числа новобранцев, разделенных на батальоны по тысяче человек в каждом. Инструктаж проводили в основном молодые офицеры запаса, которые неплохо справлялись со своей работой. Это были почти все студенты или дети из благородных турецких семейств, проведшие большую часть своей жизни в Европе или Соединенных Штатах.

Многие, возможно, не знают, что к началу войны турецкая армия была если и не равна немецкой во всем, то по крайней мере столь же хорошо обучена. Все кадровые офицеры закончили военную академию в Константинополе, а среди офицеров запаса только очень немногие имели лишь среднее образование.

Отставные офицеры — текают (tekaüt), ранее несшие службу в войсках бывшего султана Абдул-Гамида, были задействованы исключительно в интендантском ведомстве, а также занимали отдельные должности в военной администрации.

После трех тяжелейших дней, проведенных нами на вершинах и склонах пустынных гор, опоясывающих с юга реку Кызылырмак,

мы, миновав ущелья, плоскогорья и расселины, продуваемые всеми ветрами, 3 марта начали спускаться в обширную долину Эрзинджан. Эта равнина омывается водами Карасу, или Восточного Евфрата, и словно увенчана высокими белоснежными отрогами гор, сияющими, как россыпь жемчужин и бриллиантов.

Оставив по левую руку несколько казарм, мы прибыли с наступлением ночи в Эрзинджан. В городе не было ничего примечательного, если не считать развалин римской крепости Стала и величественного вида, который открывался на горы. Это был один из многочисленных анатолийских городов, возведенный на развалинах более древних поселений. Он во многом походил на Сивас: те же домишки, готовые вот-вот обрушиться, те же скрипучие повозки, которые тянут волы, погоняемые красивыми крестьянками с закрытыми платком лицами. В древности город назывался Азирис и славился своим храмом Анахит[1].

В Эрзинджане, поражавшем своей неопрятностью, запустением и атмосферой всеобщей лени, мне посчастливилось познакомиться с полковником Рамзей-беем, позже ставшим генералом, который перед войной был военным атташе Турции в Санкт-Петербурге. Теперь он направлялся в Эрзурум, чтобы принять командование расквартированным там 8-м армейским корпусом. Вместе с Рамзей-беем в Эрзинджан прибыла миссия австрийских офицеров запаса под началом известного востоковеда доктора Пичманна, нанятого турецким правительством для формирования и обучения корпуса ski runners[2] в составе 3-й армии. Кое-кто из членов этой миссии, происходившие в основном из Тироля и привыкшие к морозу, имели обыкновение обтираться снегом под открытым небом к сильному возмущению добропорядочных мусульман, которые никак не могли взять в толк, для чего нужна эта «последняя французская мода».

В Эрзинджане я познакомился также с кавалерийским капитаном Еркен-беем. Он получил образование в Германии и только что прибыл из Эрзурума в обществе майора Лагранжа. От него я узнал ряд интереснейших подробностей о положении на Кавказе, что в последствии мне очень пригодилось.

В последнюю ночь, проведенную мной в этом городе, выпало много снега, отчего реки вышли из берегов, а дороги через горы, все еще отделяющие меня от Эрзурума, сделались непроходимыми. Тем не менее я выехал на следующее утро в сопровождении майора Хаккы-бея и лейтенанта Вэфик-эфенди. Мы должны были подняться на этот удивительный скалистый гребень, окруженный высоченными

[1] Анахит — у армян богиня-мать, богиня плодородия и любви
[2] Лыжники (англ.)

горами. Он больше походил не на горную цепь, а на беспорядочное нагромождение ледников, где не стихали снежные бури и человек зачастую не видел даже собственной руки. Такой пейзаж я раньше наблюдал лишь на Аляске.

Много раз мы были вынуждены возвращаться и несколько часов кряду искать отставшего в буране попутчика или застрявшего в снегу мула.

Повсюду, куда только хватало взгляда, виднелись обглоданные трупы ослов, мулов и верблюдов, а иногда окоченевшее тело солдата, наполовину погребенного под снегом и ставшего пищей собак и волков.

После целой недели тягот и лишений, какие можно испытать только посреди зимы на грозном Кавказе, после того, как мы проводили иногда целые ночи на ногах у костров, чтобы не замерзнуть окончательно, спали в грязных лачугах вместе с умирающими или тифозными больными, мы наконец покорили эти дикие горы, чьи серебристые вершины были похожи на ледяные пирамиды, уходившие в мрачное серое небо, с которого бесконечно валил снег — этот смертоносный ливень гор.

Затем, преодолевая черные бездонные пропасти, на дне которых студеные воды скапливались наподобие ледников, мы наконец спустились к обледенелой равнине Эрзурума, туда, где меж топей и болот берет начало Западный Евфрат, или Фрат-Су.

На исходе девятого дня мы прибыли в деревню Гес, где и заночевали. На рассвете мы прошли вдоль редутов и вошли в древний город Харзен-эр-Рум, который основали в 1049 году переселенцы из византийского города Харзени, или Теодосиополиса.

Вечером я отправился засвидетельствовать свое почтение полковнику фон Поссальту — командующему гарнизоном крепости. На следующий день я явился в штаб-квартиру Хасанкале, где подполковник Гузе-бей представил меня нашему новому главнокомандующему Махмуду Кямиль-паше[1]. Вот так и случилось, что через четыре недели после отъезда я уже находился в составе героической 3-й армии, которая, несмотря на ужасное поражение и почти полное уничтожение ее в снегах Сарыкамыша, продолжала стойко сопротивляться «железным сибирским легионам». Их основные силы закрепились на неприступных позициях напротив Кёпрюкёя. Русская артиллерия всех калибров не прекращала огонь, отчего с серебристых отрогов горы Арарат сходили белоснежные лавины, перепрыгивая с гребня на гребень, со скалы на скалу, обрушиваясь со страшным грохотом на безмолвные берега Аракса.

Махмуд Кямиль-паша — генерал турецкой армии, заместитель военного министра, затем командующий 2-й, а впоследствии 3-й армиями

Однако больше всего во время моего путешествия через пустынные равнины центральной части Малой Азии меня поразило почти полное отсутствие деревьев и, более того, птиц. Несмотря на огромное количество падали, я ни разу не приметил ни ворона, ни орла.

Горе тем землям, которых чураются даже стервятники!

Глава IV

Харзен-эр-Рум, или Эрзурум, население которого до войны насчитывало около семидесяти тысяч человек (из них двадцать тысяч — армяне), был типичным средневековым городком. Он располагался на южной границе одноименного плоскогорья вулканического происхождения. Там, среди студеных топей и болот, покрытых плотным слоем снега, берет начало Западный Евфрат.

Среди самых высоких гор, окружающих плоскогорье, выделяются Каргапазары и Паландёкен. В ясные дни на востоке виднеется легендарная величественная гора Арарат, чьи устремленные к небу вершины окрашены в белый цвет вечными снегами.

Путь на восток (т. е. самое опасное направление, поскольку именно там находилась русская граница) защищался в то время полукруглой цепью передовых позиций. Они держали под контролем ущелье Хасанкале. Через него проходит самый главный из четырех караванных путей, ведущих на Кавказ. Эрзурум и его окрестности выглядели очень печально и негостеприимно. Даже русские называли его столицей турецкой Сибири.

Куда ни бросишь взгляд — везде только снег, лед и серое небо, нависающее, словно свинцовый свод, над этой злополучной землей.

По обочинам дорог и вокруг деревень было видно множество свежевырытых могил и большое количество трупов служили пищей огромным собакам курдов, рыскавшим иногда целыми днями по снегу среди тел умерших. Редко когда что-нибудь после них оставалось.

Помимо всего прочего в городе бушевала эпидемия. Несмотря на принятые военными властями санитарные меры, только в армии умерло от болезней двадцать процентов личного состава.

И все же, не обращая внимания на плотный слой снега, покрывавший улицы, в Эрзуруме продолжалась бурная жизнь, обычная для городов Востока.

Повсюду собирались толпы военных и крестьян, загораживая проход войскам и затрудняя продвижение караванов с вооружением, которые непрерывно стекались к красноватому минарету.

Переулки и лавки на базарах были полны голосившим народом, в то время как турецкие купцы, закутавшись в плотные меховые накидки и покуривая свой nargile, или кальян, провожали прохожих пристальным взглядом с прилавков, на которых они сидели скрестив ноги Они поджидали, когда муха попадет в сплетенную паутину, ведь покупателя нет смысла зазывать — его посылает тебе Аллах.

В нижней части города была одна широкая улица, на которой помимо филиала Оттоманского имперского банка располагались разного рода заведения, в большинстве своем принадлежавшие армянским торговцам. Их владельцев легко было узнать по тревожному и недоверчивому взгляду. Почти всех сковывал дикий страх, многие отзывали меня в сторону и спрашивали: «Неужели начнутся погромы?»

Эти настойчивые расспросы заставили меня в конце концов заподозрить, что, возможно, вопросы этих людей не были лишены основания. Чтобы разобраться в ситуации, я с этого момента стал внимательно слушать и наблюдать, ведь это единственный способ на Ближнем Востоке узнать что-то наверняка. Здесь даже у дверей есть уши, зато рот держится всегда на замке.

Я узнал тогда в числе прочих примечательных вещей о том, что за несколько дней до начала войны армяне отказались вступить в четы — отряды нерегулярных войск, которые турецкое правительство намеревалось использовать для оккупации Кавказа после объявления войны. Мне также стало известно, что после ее объявления депутат от Эрзурума Гаро Паздермишян перешел вместе с армянскими офицерами и почти всеми рядовыми армянами 3-й армии на сторону русских. Потом они вернулись, поджигая деревушки и безжалостно вырезая всех мирных мусульман, какие попадались у них на пути.

Следствием подобных выходок стало то, что оттоманские власти были вынуждены как можно быстрее разоружить всех армянских жандармов и солдат, которые еще оставались в армии (видимо потому, что просто не сумели сбежать), и использовать их на строительстве дорог и для перевозки продовольствия через горы.

Совершенно неоправданное дезертирство армянских подразделений вместе с бесчинствами, которые те совершили по возвращении в районы Башкале, Сарая и Баязета, постоянно беспокоили турок и внушали им опасение, что и остальное армянское население пограничных провинций Ван и Эрзурум тоже восстанет и нанесет удар в спину. Так и в самом деле случилось через несколько недель после моего приезда, когда армяне вилайета Ван подняли массовое восстание в тылу нашей экспедиционной армии в Персии. В подобных обстоятельствах эти печальные и окрашенные кровью события никого не удивили.

Массовые убийства и принудительные депортации, к слову сказать, начались после вооруженного восстания 1885 года. Его подняли армянские подрывные элементы под откровенно сепаратистскими и нигилистскими лозунгами в провинциях Трабзон, Эрзурум и Битлис.

Мятеж, подавленный полками гамидие, т. е. нерегулярными войсками курдов, которым правительство Оттоманской империи поручило навести порядок на этой территории, стал причиной бесконечного ряда кровавых актов мести с обеих сторон. В конце концов это вывело турок из себя и приблизило резню 1894—1895 годов: сперва в Сасоне (в августе 1894 г.) и под конец — в Трабзоне, Акшехире, Битлисе, Зейтуне, Куруне, Мараше и особенно в Эрзуруме, где расстались с жизнью по меньшей мере пять тысяч человек.

В преддверии этих событий, угрожавших христианскому миру в Малой Азии, английское правительство предложило другим державам осуществить военную интервенцию в Турцию. Однако Россия и Франция решительно этому воспротивились, видимо опасаясь, что в результате такого развития событий влияние Великобритании на Востоке чрезмерно усилится.

Когда армяне поняли, что помощи от Европы ждать напрасно, они внезапно захватили Оттоманский имперский банк в Константинополе, угрожая его взорвать в том случае, если мировые державы не окажут им поддержки.

Столь опрометчивый с их стороны шаг послужил туркам предлогом для того, чтобы зверски убить прямо на центральных улицах столицы более шести тысяч армян, так что мировые державы даже не смогли выразить протест против подобного преступления.

Впоследствии резня и погромы продолжались, хотя и не в таких масштабах, по всей Малой Азии вплоть до прихода к власти в 1908 году младотурок, положивших этому конец.

Однако с началом мировой войны резня возобновилась с такой силой, что из двух с половиной миллионов армян, живших в Турции до 1914 года, не осталось, я думаю, и полмиллиона, включая сюда и те триста или четыреста тысяч, которые проживали в Константинополе и в Смирне и, оставшись в живых, чудом избежали депортаций.

Если бы армяне проявили больше осторожности и меньше амбиций, сегодня они, возможно, уже контролировали бы Турцию. Однако они переоценили свои возможности и попытались подчинить себе турок в восточных провинциях империи. Печальный результат этого нам известен. Мы, истинные христиане, оплакиваем их участь, тем более что армяне, несмотря на их большие просчеты и недостатки, сформировали тот очаг цивилизации, который помог бы переки-

нуть мостик, а затем и проложить широкую дорогу для мирного проникновения западной цивилизации на Ближний Восток.

До битвы под Сарыкамышем и во время нее в 3-й армии служили, по всей видимости, довольно много немецких офицеров. Но из-за произвола, чинимого Энвер-пашой и некоторыми другими высшими военными чинами из младотурок, они постепенно разбегались. Так, недель через пять или шесть после моего приезда на Кавказ оставил свой пост полковник фон Поссальт: он был оскорблен тем, что на пост главнокомандующего 3-й армией вместо Дамада Хафиза Хаккы-паши[1], скончавшегося от тифа, Энвер-паша назначил не его (что на самом деле было бы справедливо), а злополучного Махмуда Кямиль-пашу, который даже среди турецких офицеров слыл редкостной бездарью.

К счастью для нашей армии, сражавшейся на Кавказе, новый генералиссимус вскоре осознал свою бездарность и нехотя уступил наконец настойчивому нажиму со стороны Генерального штаба в Константинополе. Смирившись перед неизбежностью, он передал дела начальнику штаба 3-й армии подполковнику Гузе-бею, во всех отношениях опытному военному.

Пока он руководил военными действиями на Кавказе и в северной Персии, турки удерживали всю огромную линию фронта длиной километров в пятьсот. Но когда он через полтора года уехал в Германию, все вернулось на круги своя, и 3-я армия распалась под чудовищным натиском лавины русских.

В то время когда я познакомился с Гузе-беем, ему было около сорока двух лет. Это был мужчина невысокого роста, с короткими усами, стройный, довольно раздражительный, поразительно энергичный. Если бы не наступил конец немецкой регулярной армии, он бы быстро дослужился до генерала, так как был на самом деле достоин этого звания.

Помимо Гузе-бея на Кавказе я познакомился с подполковником Стейнжем, майором Стразовским (служившим в инженерных войсках), лейтенантом фон Шойбером, исполняющим обязанности германского консула в Эрзуруме, а также с двумя унтер-офицерами — Мейером и Тьелем.

Из них единственным, кто девять месяцев спустя продолжал вопреки интригам и нескончаемым козням младотурецких старших офицеров (расхрабрившихся, поскольку противник прекратил атаковать) нести службу на кавказском фронте, был подполковник Гузе.

[1] Хафиз Хаккы-паша Дамад — турецкий генерал, до начала 1915 г. помощник начальника Генерального штаба, затем командующий 10-м армейским корпусом и короткое время командующий 3-й армией

Он стойко держался до тех пор, пока не заболел тифом и не вынужден был снова отправиться в Германию на лечение.

По всей видимости, только его присутствие и сдерживало атаку московитов, поскольку не успел он отбыть, как генерал Юденич обрушил войска на нашу армию и почти полностью ее уничтожил.

Именно тогда Махмуд Кямиль наконец-то понял, что настоящим пашой был не он, а Гузе-бей, и в раскаянье просил того вернуться. Однако было поздно. Когда Гузе-бей приехал обратно, русские уже овладели всей провинцией Эрзурум и частично провинцией Битлис.

К тому времени, когда я попал на русско-турецко-иранский фронт, война там практически приостановилась из-за глубокого снега, затруднявшего продвижение войск, а также из-за очевидной нехватки сил со стороны как турок, так и московитов. Их едва доставало, чтобы кое-как оборудовать и поддерживать огромную линию фронта, которая тянулась от берегов Черного моря до самого центра Азербайджана.

Турки овладели узкой полоской русской территории вблизи Олту, в то время как их противник продолжал удерживать Уч-Килису и всю северную окраину провинции Ван.

Единственной реально действующей силой турок на этом фронте была знаменитая дивизия жандармерии Вана под командованием майора Кёпрюлюю Кязым-бея (в настоящее время он Кязым-паша, военный министр Турции). Поддерживаемая остатками регулярных и нерегулярных войск провинций Ван и Битлис, она продолжала гнать московскую армию у западного берега озера Урмия и даже обошла город Тебриз в персидском вилайете Карадага.

Кязым дожидался прибытия подполковника Халил-бея (позднее он стал полковником в Кут-Эль-Амара), который во главе летучего отряда направлялся к нему форсированным маршем из Мосула для проведения совместной атаки на русских. Те поторопились вырыть окопы в окрестностях Дилмена и Шехир-Саламеса.

В районе Кёпрюкёя, который был центром нашего кавказского фронта и находился всего в семи километрах от Хасанкале, наши действия ограничивались нескончаемой артиллерийской пальбой и редкими перестрелками на передовых позициях, а также попытками не замерзнуть, не заразиться тифом и дождаться наконец весны, чтобы возобновить военные операции.

Пресытившись в конце концов бездейственным существованием офицера штаба в Хасанкале, я однажды утром явился к Гузе-бею и попросил себе место в дивизии жандармерии Вана, которое мне было тут же и предоставлено.

Быстро собрав вещи, я пошел попрощаться с Махмудом Кямиль-пашой. Тот, узнав, что у меня не было сопровождающих, немедленно предложил мне тридцать конных жандармов. Однако я под всяческими предлогами вежливо отказался от их услуг: мне вполне хватало моего помощника Тасима Чавшуна и конюха Али, которые были оба отличными наездниками.

Сопровождаемый этими юношами, я выехал из Хасанкале и вновь отправился навстречу новым горизонтам в поисках армянского Урарту, земли кровавых слез и горестных воплей. С серого и безжизненного, словно глаза покойника, неба беззвучно сыпались хлопья снега.

Глава V

Мое путешествие на юг, в сторону древней Армении, было далеко не безопасным. Сначала я должен был в разгар зимы пересечь «горную цепь Тысячи и одного озера», иначе говоря Бингёль, высотой около 13 тысяч футов. Даже в летнее время переход через нее считался настоящим подвигом.

С ее отвесных склонов стекает знаменитый Аракс, игравший и продолжающий играть немаловажную роль в истории Армении.

Мне приходилось противостоять не только льдам, но и полудиким жителям тех мест. Это были в основном курдские племена, которые признавали власть султана только на словах, а жили главным образом разбоем.

По правде говоря, в пути я испытал множество трудностей. Но это была единственная дорога, по которой я мог добраться до ирано-турецкой границы. Я пересек равнину Хасанкале, почти непроходимую из-за выпавшего снега, и начал взбираться на те самые горы, через которые две с лишним тысячи лет тому назад перешел грек Ксенофонт во время знаменитого «отступления десяти тысяч греков».

Курды, или кардухи, оказались такими же, какими описал их Ксенофонт в своем «Анабазисе», изменилось лишь их вооружение: вместо стрел и копий они используют теперь маузеры и самозарядные пистолеты.

Их кривые кинжалы, странные обычаи и даже печки для приготовления хлеба, представляющие вкопанные в землю горшки, были точь-в-точь такими же, что и в прежние времена.

Я никогда не забуду снежные вершины Бингёля, казалось спящие вечным сном под покровом легкого тумана.

Куда ни кинешь взгляд, не видно ни деревьев, ни кустарников, а только иней и воронки бесчисленных озер, покрытых снегом, о существовании которых можно узнать только по гулкому звуку под копытами лошадей.

Если бы земля вдруг провалилась у нас под ногами, мы бы навсегда исчезли в недрах «горной цепи Тысячи и одного озера».

5 апреля мы провели ночь в бедной деревушке под названием Кетван, состоявшей из нескольких засыпанных снегом лачуг. 6 апреля мы ночевали в Меджеде, ничем не отличавшемся от Кетвана по бедности и заброшенности. 7 и 8 числа мы останавливались в Хатшуне и Баршине.

Первую, вторую и четвертую деревни населяла неописуемая смесь разношерстных племён, в то время как Хатшун представлял собой исконно курдскую деревушку, прилепившуюся, как орлиное гнездо, к склону скалистой горы. Плоские земляные крыши домов опирались на скалу и поднимались вверх в виде расположенных друг над другом террас. Домики были совсем низенькими. А окнами служили отверстия печных труб.

Однако, несмотря на сильный мороз на улице, внутри дома было тепло благодаря животным, стоящим в стойле. Стойло обычно окружало основное помещение, которое занимала, а точнее сказать в котором спала, по патриархальным обычаям, вся семья.

Мужчины носили и теперь еще почти все носят твердые белые фетровые шапки, которые вверху расширяются и закругляются. Поверх шапки повязывается шаль или разноцветное тряпье. Остальная одежда состоит из широких шаровар, кожаных сандалий, надеваемых поверх толстых шерстяных носок, и жилета из дубленой кожи черной овцы, под которой носят рубашку или тунику, подпоясывая ее ремнем. Рукава делают сантиметров на сорок длиннее обычного и завязываются вокруг запястий на манер браслетов. Курды живут т. н. ордами, или асиретами, и делятся на две касты — на господ и вольноотпущенников (гураны). Первые из них — захватчики (асиреты) индогерманского происхождения. У многих из них рыжие волосы, серые или светло-голубые глаза, поражающие суровым, а порой и жестоким взглядом. Каста вольноотпущенников, напротив, состоит из потомков завоеванных племен, перенявших обычаи асиретов и говорящих теперь исключительно на курдском языке.

Среди женщин высшей касты я встречал образчики красоты, даже более совершенной, чем у самих черкешенок.

Стройные, а иногда и величественные, они, как правило, являются обладательницами красивых глаз, тонко очерченных носиков с горбинкой и белоснежных зубов. Они часто украшают волосы золотыми и серебряными монистами.

На мой взгляд, за курдами будущее Ближнего Востока. Они еще не испорчены пороками старых цивилизаций и потому представляют собой молодую и сильную нацию, которая постепенно завоевывает северную Персию и большую часть юго-восточной Азии. Они навязывают побежденным свои обычаи и свой язык и ассимилируют другие полудикие народы, входящие с ними в контакт.

Многие из курдов являются христианами, принадлежащие к секте несторианцев, другие же — езидами (поклонниками дьявола). Однако больше всего — мусульман-суннитов, встречаются среди них и шииты.

Среди самых прославленных людей в истории курдов первое место занимает султан Саладин[1], родоначальник династии Айюбидов, отвоевавший в конце XII века Иерусалим у крестоносцев.

12 апреля мы спешились в Хынысе. Вместе с оттепелью город превратился в болото. Каймакам, иначе говоря уездный начальник, разместил меня в доме зажиточного торговца-армянина, который всячески старался мне услужить.

Там я имел возможность понаблюдать вблизи за жизнью этих славных людей, которая мне показалась весьма разумно организованной и прежде всего очень патриархальной.

В то время как грек может отказать себе во всем — вплоть до еды — чтобы блеснуть новым автомобилем или бриллиантами, армянин ест все самое лучшее, что только у него есть, носит добротную одежду и стремится создать просторный, удобный и уютный дом. У армянина есть свои огромные недостатки. Например, неблагодарность и скупость. Но зато он обладает и прекрасными добродетелями, среди которых особо выделяются стойкий патриотизм и преданность христианской вере, которую этот народ сумел пронести сквозь полтора тысячелетия преследований. Поздно вечером со мной пришли познакомиться в числе прочих отцов города местный армянский священник (папас) и один юноша, некоторое время работавший в Нью-Йорке на часовой фабрике. Все были встревожены и расспрашивали меня, не начнется ли резня.

За ужином, на котором присутствовали хозяйка дома с дочерьми в замечательных национальных костюмах, хозяин мне признался, что, как только закончится война, он продаст все свое имущество и уедет с семьей в Америку.

Однако этому не суждено было случиться.

---

[1] Саладин (европейское искажение имени Салах-ад-дин — «благо веры») — (1174—93). Саладин захватил Иерусалим 2 октября 1187 г. Айюбиды (или Эйюбиды) правили в конце XII—XIII вв. в Египте, Сирии, Месопотамии, Южной Аравии

Скорее всего он стал пищей собак и волков, так же как и остальная часть армянского населения этого селения, которое было почти полностью вырезано в Хынысе 19 мая, то есть через пять недель после моего приезда.

Тем временем к Хынысу подошел этап с бывшими солдатами-армянами. Они были разоружены и несли на спине мешки с мукой. Паек, отпущенный им правительством, едва дотягивал до 500 граммов хлеба в день. От сопровождавших их жандармов я узнал, что более половины армян погибли в пути от голода и холода.

14 апреля вечером мы снова отправились в путь. И после того как пересекли глубокое и на вид совсем дикое ущелье, вышли на топкую равнину, покрытую снегом. Почти в темноте мы спустились на дно заросшего кустарником и заваленного буреломом оврага, где и решили заночевать. Однако вой волков всю ночь не давал нам заснуть.

Несколько раз мы замечали во тьме матовый блеск из глаз. Мы не решались стрелять в них, опасаясь привлечь внимание курдов, которых мы боялись еще больше, чем волков. С наступлением рассвета мы различили на севере — уже в последний раз — величественный конус грозного Бингёля, который возносил свои белые вершины к нагромождению серых туч. К вечеру мы подошли к селению Гюмгюм, окруженному невысокими холмами, покрытыми травой — предвестницей долгожданной весны. Меж скал, словно приветствуя путников, тут и там робко проглядывали первые огненно-красные и желтые цветочки.

Ночь в Гюмгюме я провел в качестве гостя зажиточного курдского старейшины Мустафы-эфенди (окончившего военную академию в Константинополе и командовавшего одним из полков асиретов, или гамиди, которые причинили армянам столько горя во время резни 1895—1896 годов). На следующую же ночь я остановился в армянской деревне Саркат, расположившись в казарме жандармерии. Около часа ночи меня разбудили выстрелы. Несколько пуль с сухим треском впились в стену напротив моей постели. Когда я позвал к себе командира резервистов и спросил его, что все это значит, он с таинственным видом отвечал мне, что армяне уже не первую ночь обстреливают их подобным образом.

Его ответ окончательно убедил меня в том, что мы находимся накануне серьезных событий.

Незадолго до рассвета мы по красивому мосту перешли через Евфрат и, пройдя по обширной долине Карасу, где уже издалека виднелись развалины многочисленных христианских часовен, возвышавшихся над крышами армянских деревень, вошли около полудня в селение Муш. Оно расположено у подножия Антитавра, кото-

рый величественно простирается с востока на запад, увенчанный серебристыми вершинами Даркоша и Шейтан Дага.

Муш был совсем крохотным поселением. Кроме его грязных и бедных базаров смотреть там было, в общем, не на что. Когда я пошел засвидетельствовать свое почтение мутасаррыфу, или правителю округа, тот сообщил мне, что военный комендант округа был срочно вызван в Битлис, столицу одноименной провинции, а также что в Муше существует школа для девочек, открытая немецкими миссионерками.

Я поблагодарил его за эти сведения и отправился навестить миссионерок. На самом деле оказалось, что это не немки, а датчанки, они заведовали сиротским приютом для армянских девочек.

От них я узнал крайне тревожные подробности о ситуации в Армении и понял их вполне оправданный страх за судьбу их маленьких воспитанниц.

Однако, несмотря на серьезные подозрения, которые мне внушал срочный отъезд подполковника Вайзель-бея в Битлис, я постарался успокоить их как мог и даже взялся доставить доверенное мне письмо старшей сестре их миссии в Ване.

В тот же вечер я узнал от одного уважаемого армянина (если я не ошибаюсь, депутата или государственного сенатора), что ситуация, сложившаяся в Ване, грозила ухудшиться из-за кровожадного нрава генерал-губернатора провинции Джевдед-бея[1], свояка Энвер-паши: не удовлетворившись подлым приказом об убийстве видных христиан своего вилайета, он попытался добраться до самого епископа, чтобы его повесить или расстрелять.

Немного отдохнув, мы покинули Муш. И, обойдя с юга долину Фрат, с заходом солнца спешились у деревни Кодне напротив Немрут Дага. Это вулкан высотой 9 тысяч футов, на вершине которого находится кратер, а лучше сказать озеро, окружностью восемь километров. Благодаря этому озеру он считается одним из пяти чудес Армении.

В четырех или пяти километрах от Кодне мы напоили животных из ручья, журчащего неподалеку от дороги. Судя по руинам вокруг него, когда-то он протекал под храмом или часовней из розового камня. Это был исток знаменитой реки Карасу, который историографы иногда путают с истоком Восточного Евфрата, располагающимся на северном склоне Аладага, неподалеку от Арарата.

[1] Джевдет-бей — зять Энвер-паши, вали Ванского вилайета «Прославился» своими зверствами по отношению к армянскому населению

17 апреля к вечеру мы, наконец, добрались до деревушки Татван, примостившейся на юго-западном берегу озера Ван (или, как его называли древние, Ариза-палус).

Оно простирается — гладкое, как серебряное зеркало — на высоте тысячи трехсот метров над уровнем моря, имеет сто метров глубину, сто двадцать пять километров в длину и пятьдесят — в ширину. Хотя его воды очень соленые, оно богато рыбой. Похоже, его сток в бассейн Тигра был закупорен тысячи лет назад потоками лавы с Немрут Дага, когда тот еще был действующим вулканом. Тем не менее озеро Ван все еще соединяется с рекой Битлис через подземные артерии, а с Восточным Евфратом — через небольшое озеро Назик.

Татван был (по крайней мере, в то время) ничем не примечательной деревушкой, расположившейся у подножья голого холма, или возвышения, с которого и Ксенофонт, и Тамерлан много веков тому назад взирали на опаловые воды знаменитого озера, простиравшегося на юг до горной цепи Эрек. Через этот горный хребет вела дорога, которой я сначала намеревался воспользоваться. Однако, увидев покрывающие ее слои снега, я, к счастью, предпочел северный маршрут, хотя и более длинный, но зато и более проходимый.

Вечером, пока я сидел на голом холме Татвана, мечтая в одиночестве и любуясь гладкими водами Ариза-палуса, потихоньку спустились сумерки, и Сюпхан Даг, который в вечернем небе напоминал гору пены, постепенно затягивался мрачными тучами, тогда как Арарат полыхал вдали, как капля раскаленной серы.

Этот пейзаж, озаренный угасающим светом и отмеченный бесконечной грустью, напомнил мне, что я достиг наконец цели своего путешествия и нахожусь в самом сердце древней Армении.

Продолжая путь вдоль подножия Немрут Дага, мы прибыли 19 апреля в селение Ахлат у северо-западной оконечности озера Ван и неподалеку от развалин древнего Ахлата — города, в свое время взятого штурмом Тамерланом под звуки труб и дробь барабанов, обтянутых кожей защитников Ахлата.

Из окна моей комнаты, находившейся в тени старых платанов, я мог разглядеть местного военачальника, отдающего приказы своим офицерам, в то время как группа секретарей занималась расшифровкой огромного количества телеграмм.

При виде столь необычной активности я заподозрил, что буря вот-вот разразится.

Я не ошибся.

На следующее утро, 20 апреля 1915 года, объезжая с другой стороны Ахлат, мы наткнулись на многочисленные изуродованные трупы армян, лежащие вдоль дороги. Часом позже мы заметили

несколько гигантских столбов дыма, поднимающихся с противоположного берега озера и выдающих то место, где города и деревушки провинции Ван были объяты пламенем.

В этот момент я понял: жребий брошен. Армянская революция началась.

Глава VI

На закате мы вошли в старинную крепость Адильджеваз, окруженную лесами и темными оливковыми рощами, над которой нависали скалистые горы. Во дворах над крышами домов возвышались стройные тополя и ивы. А в тени раскидистых платанов покоились развалины древних мечетей и прекрасных усыпальниц.

На озере недалеко от берега волны слегка покачивали несколько лодок. На пустых и мрачных базарах бросались в глаза разграбленные армянские лавки и пятна запекшейся крови, свидетельствовавшие о том, что на этом месте убийцы настигли своих жертв. Группы вооруженных до зубов турок и курдов сновали туда-сюда по всем улицам, в то время как эхо отдаленных выстрелов возвещало, что охота на людей еще не прекратилась. Напротив здания местного правительства меня поджидал уездный начальник — каймакам, окруженный важными чиновниками. Они поприветствовали меня от имени правительства. Перекинувшись парой слов, мы вошли в зал заседаний, украшенный дорогими коврами и золотыми надписями, воспроизводящие суры Корана.

Здесь я узнал от вышеупомянутых господ, насколько серьезна сложившаяся ситуация, и о том, что нам грозит опасность со стороны армян, которые, по их словам, укрепились в горах вокруг селения.

Зашло солнце, и небо окрасилось в кроваво-красный цвет, в то время как на востоке столица Армении, город Ван, был объят пламенем и разрушался под ударами турецких мортир, которые разрывали эту кровавую ночь грохотом отдаленных залпов.

21 апреля. Я проснулся на заре от выстрелов и грохота артиллерийских снарядов. Армяне атаковали город.

Я мгновенно оседлал коня и в сопровождении нескольких вооруженных человек отправился разведать обстановку.

Но каково же было мое удивление, когда я понял, что агрессоры вовсе не армяне, а сами городские власти. Поддерживаемые курдами и местным населением, они осаждали и грабили армянский квартал, где триста или четыреста ремесленников-христиан отчаянно защищались от этой разбушевавшейся толпы подонков. Нападавшие взла-

мывали двери, перелезали через глинобитные ограды, врывались в дома и, прирезав свои безоружные жертвы, заставляли жен, матерей или дочерей этих несчастных вытаскивать тела за ноги или за руки на улицу, где остававшиеся там мерзавцы их добивали. Затем, сорвав с них одежду, бросали трупы где попало на растерзание воронов и шакалов. Несмотря на бурную перестрелку на улицах, мне наконец удалось добраться до belediye reisi, т. е. градоначальника, который заправлял этой вакханалией, чтобы приказать ему прекратить бесчинства. Однако тот, к моему крайнему изумлению, сообщил, что всего лишь подчиняется категоричному письменному приказу генерал-губернатора провинции *«уничтожать всех армян мужского пола от двенадцати лет и старше»*.

Когда я увидел этот приказ, исходящий от гражданских властей, исполнению которого я как военный при всем моем желании не мог воспрепятствовать, то приказал жандармам не вмешиваться в происходящее, а сам стал дожидаться конца резни.

Через полтора часа этой бойни из всех армян Адильджеваза в живых оставалось лишь семеро, которых я, угрожая оружием, смог вырвать из лап палачей.

Окруженный этими несчастными, хватавшимися за хвост и гриву моего коня, как за спасительную соломинку, сопровождаемый толпой озверевших людей, пресытившихся кровью и нагруженных добычей, я направился в центр городка. Мне пришлось пробиваться сквозь скопление людей, в основном состоявшее из турецких и курдских женщин. К слову сказать, они смотрели на это ужасающее зрелище, усевшись на улицах и на крышах домов, — неподвижные, непроницаемые, словно сфинксы.

Когда я спешился перед зданием местного правительства, навстречу мне вышел каймакам и от имени правительства поблагодарил меня за спасение города от этого ужасного нападения армян.

Пораженный неслыханной наглостью, я поначалу не знал, что ответить. Затем попросил проявить снисхождение к моим пленным. Он, положив руку на сердце, дал мне честное слово и даже добавил важно и торжественно, что ответит мне за их жизни собственной головой.

Тем не менее той же ночью он приказал их обезглавить. А тела их бросили в озеро, вместе с телами еще сорока трех армян, которые до этого прятали Бог знает где.

Вот как на Востоке подчиненные султану городские власти держат свои клятвы и обещания!

Тем временем была восстановлена телеграфная связь. Через некоторое время подошел катер, который прислал за мной вали[1] из Битлиса, чтобы я мог продолжить путешествие.

Я поднялся на борт. Попрощавшись с властями и жителями Адильджеваза, которые специально пришли на берег озера, мы взяли курс по направлению к Вану. Катер стремительно отдалялся от селения, которое издалека казалось самым мирным на земле.

Команда состояла из капитана, небольшого отряда жандармов и четырех безоружных армян, которые были одновременно и механиками, и матросами. Почувствовав усталость, я отправился вздремнуть. Когда я проснулся, было уже пять часов вечера. Мы по-прежнему были далеко от берега. Я стал прогуливаться по палубе и, дойдя до машинного отделения, заметил, что из четверых армян осталось только двое. Куда подевались двое других?

Этот вопрос никогда не следует задавать на Востоке, если вы не хотите прослыть человеком непросвещенным.

Люди султана убивают без лишнего шума, преимущественно по ночам, как вампиры, устраивая бойню в основном посреди глубоких озер, где нет ненужных течений, которые выносят трупы на берег. Или в отдаленных горных пещерах, где псы и шакалы помогают им скрыть следы преступлений.

Уже в сумерках мы подплыли к маленькому острову Ахтамар. На нем, казалось, не было иных построек, кроме красивого старинного монастыря, в котором была резиденция епископа Армянской церкви Вана. Фасады монастыря были покрыты аллегорической росписью. Но в сумерках их почти нельзя было рассмотреть с катера. На пороге и во дворе храма вповалку лежали тела монахов и самого епископа. Создавалось впечатление, что на острове не было больше ни одной живой души, кроме турецких жандармов, которые и расправились с несчастными.

Когда жандармы потребовали срочно снабдить их боеприпасами, чтобы идти убивать Бог знает кого еще, мы оставили им пять тысяч патронов и поплыли дальше по направлению к берегу. О том, где он находится, можно было с трудом догадаться по дальним отблескам пламени, бушующего в деревнях, и расцвечивающего небо алыми всполохами.

Среди прочих селений особенно ярко полыхало местечко Артамид, где богатые торговцы из Вана обычно проводили лето. Церковь Артамида казалась факелом и служила нам маяком.

---

[1] Должностное лицо в Турции, которое представляет центральное правительство в вилайете

Около десяти вечера мы высадились в кромешной темноте. Было тихо, как в склепе. Лишь иногда раздавался гул отдаленных выстрелов или зловещий вой шакалов. Не желая дожидаться здесь рассвета, мы с капитаном оставили двух жандармов сторожить катер и пошли по полям и пастбищам. Через полчаса — резкий оклик турецкого часового: Kim var?[1].

Когда мы подошли к крайним домам Артамида, к нам навстречу вышел местный военачальник. Он поздоровался с нами и поздравил с тем, что мы добрались живыми и невредимыми, потому что дорога, по которым мы только что шли, находились, по его словам, под контролем армян. Так оно и было. Не успели мы придти, как стрельба возобновилась и мы сами убедились, что остались живы по чистой случайности.

Маленькую площадь, на которой мы стояли и разговаривали, озаряли фантастическим светом языки пламени, которые, подобно гигантским змеям, вырывались из руин сожженной церкви. Из окон окрестных домов торчали дула винтовок наших баши-бузуков,[2] весьма живописных типов: обвешанные патронташами, они использовали автоматические ружья и носили на поясе широкие ножи или маузеры.

Среди них я заметил также нескольких курдов, входивших в большую группу людей, которые на рассвете должны были подойти, чтобы помочь прикончить армян, пока что еще продолжавших удерживать некоторые позиции и дома вокруг селения.

Я видел, что перестрелка становилась все ожесточеннее. К тому же нам стало невмоготу вдыхать запах горелого мяса, шедший от трупов армян, которые лежали среди дымящихся руин церкви. Мы пошли прочь, осторожно пробираясь среди садов, и наконец уперлись в белую стену какого-то большого дома. Здесь мне суждено было провести эту ночь.

Перед тем как лечь спать, я решил открыть окно и в последний раз взглянуть на бушующий вокруг пожар. Высунувшись наружу, я услышал свист пуль, одна из которых задела рукав моей шинели.

Несмотря на непрекращающуюся пальбу, то и дело нарушавшую ночную тишину, я спокойно спал до самого утра, покуда меня не разбудил истошный крик, за которым последовала череда выстрелов... В город вошли курды и атаковали армян с тыла.

Это продолжалось четверть часа. И пока я завтракал на балконе в обществе нескольких курдов, пришедших меня поприветствовать,

---

[1] Kim var? — Кто идет? (тур.)

[2] Баши-бузуки — отряды турецкой нерегулярной пехоты, буквальный перевод слова «баши-бузук» — «сорвиголова». Название «баши-бузуки» стало нарицательным для характеристики людей, способных на самое жестокое насилие.

на наших глазах разыгралась такая ужасная картина, какую с трудом можно себе представить.

Как затравленные кролики, бежали армяне, преследуемые картечью, которая валила их с ног десятками. Многие из них садились на землю и, оцепенев, покорно ожидали смерти, словно овцы, отведенные на заклание.

Только небольшая группа юношей, теснимая к глинобитной ограде, продолжала отчаянно защищаться, пока не выбилась из сил и не сдалась. Юноши падали один за другим под ударами прикладов и ножей — в целях экономии патронов курды предпочитали по возможности использовать холодное оружие.

Покуда все это творилось в садах, по улицам ходили патрули, проверявшие подвалы и дома мусульман в поисках недобитых армян.

Если таковых находили, им или отрезали головы ятаганами, или вонзали в грудь кинжал. Излишне говорить, каково мне было изображать на лице улыбку при виде этих зверств, видя то, как люди корчились от боли и, упав на землю, бились в предсмертных судорогах, а также слыша их истошные крики, которые и по сей день преследуют меня.

Незадолго до того как consumatum est[1], патрульные подвели ко мне двух юношей из благородных семей, которые, увидев меня, протянули руки, моля о защите.

Желая спасти их во что бы то ни стало, я приказал их запереть в соседнем здании, строго запретив прикасаться к ним, пока я не решу, что с ними делать. Но в этот момент явилось несколько курдов, которые, делая вид, будто не слышали моего приказа, выволокли армян во двор и всадили в них четыре пули. Услышав звуки выстрелов и протяжный предсмертный крик, я догадался о том, что произошло. Однако я сделал вид, что ничего не понял, поскольку на Востоке считается неучтивым демонстрировать свои чувства или протестовать против того, чего уже не изменишь.

Взглянув на церковь, которая продолжала гореть, словно извергающийся вулкан, я заметил группу баши-бузуков, раздававших хлеб женам убитых армян.

Эта жуткая сцена свидетельствовала о том, что варварство идет рука об руку с состраданием. Однако это меня не сильно удивило, но лишний еще раз убедила в том, что Восток всегда был и будет родиной бессмыслиц.

Здесь женщины носят шальвары, в то время как мужчины носят нижние юбки. Здесь, заходя в церковь, снимают обувь и покрепче

[1] Свершилось (лат.) — слова Иисуса Христа на кресте

нахлобучивают фески. Здесь по склонам скачут галопом, а по равнинам едут спокойным шагом.

Турок, как правило, не способен сказать слово «нет» («hayir»). Когда он говорит «сегодня», то хочет сказать «завтра». А когда говорит «завтра» («yarin»), хочет сказать «никогда». Hayirli olsun![1]

Ближе к полудню прибыл эскорт конных жандармов, которых направил мне генерал-губернатор Джевдед-бей. Едва мы выбрались из этого ада, где царили неслыханные бесчинства, как заметили на берегу озера небольшую виллу, которая принадлежала американской миссии в Ване. У ворот лежало два трупа. По обе стороны дороги кружили с громким карканьем стаи черных воронов, которые сражались с собаками за разложившиеся тела армян, которые лежали повсюду. На западе сквозь голые ветви тополей виднелись минареты и купола города Ван, столицы Армении. Ван расположен почти что у самого южного склона одиноко стоящей скалистой горы, которая возвышается на 80 метров и тянется по равнине с востока на запад почти на километр. Вершина горы увенчана гигантскими зубчатыми стенами и древним замком, который, по легенде, был выстроен еще во времена ассирийской царицы Семирамиды.

Ван, прежде называемый Тушпа, Альниун или Семираносерта, выглядел мрачно и печально, как, впрочем, и почти все города армянского плато, покрытого бесконечной степью. Высота его в среднем — от 5 до 6 тысяч футов. Шесть месяцев в году там лежит снег, и только в бассейнах рек немногочисленное местное население находит прибежище и плодородные земли.

Многие дома здесь — двух или даже трехэтажные, они построены из необожженного кирпича и стоят на каменных фундаментах.

Почти все кварталы города были покрыты густым дымом, сквозь который поднимались языки пламени. С вершины длинной узкой скалы, которая походила на гребень надвигавшейся волны, готовой вот-вот разбиться о берег, постоянно раздавались залпы турецкой артиллерии, которая не давала отдохнуть армянам ни днем ни ночью.

В паре километров к югу располагался так называемый район вилл, или Айгестан, который сообщался с городом широкой дорогой, построенной на века. По обе стороны от нее стояли шале[2], загородные дома, окруженные садами, и поля, орошаемые с помощью старинного акведука, названного Серамис-Су в честь его прославленной создательницы.

---

[1] Дай Бог, чтобы все было хорошо! (тур.)
[2] Шале — небольшие дома из дерева по образцу швейцарских

Айгестан состоял в основном из отдельных построек, защищенных изгородями. Армяне умело использовали их для создания непрерывной линии хорошо укрепленной защиты.

Помимо этих оборонительных сооружений, способных с честью выдержать огонь нашей артиллерии, они наскоро соорудили около восьмидесяти небольших укреплений (blockhouses). Они позволяли им контролировать ситуацию во всей долине.

Почти все дома армян, находящиеся вне зоны обстрела, были разрушены мусульманской чернью, фанатично искавшей сокровища: на Востоке можно по пальцам пересчитать тех, кто хранит сбережения в банке. Большинство прячет деньги в тайниках внутри стен или в полу, а иногда под самой крышей. Чтобы найти эти сокровища, нужно было разрушить весь дом.

Прибыв в город, я увидел, что власти заметают последние следы своих преступлений. Иными словами, срочно закапывают трупы армян, лежащих повсюду. Возможно, они не хотели, чтобы я понял, каковы масштабы произошедшего.

Тем не менее мне на глаза постоянно попадались горы трупов, а также собаки, которые глодали человеческие руки или ноги, торчавшие из земли.

Стоял невыносимый запах мертвечины. Я почувствовал себя счастливым, когда наконец добрался до резиденции губернатора. Его самого я не застал дома — он отправился в крепость. Не желая дожидаться его возвращения, я сам отправился туда, чтобы с ним повстречаться.

Однако, чтобы попасть в крепость, нам пришлось сделать крюк, поскольку армяне открыли непрерывный прицельный огонь. Не одна пуля просвистела прямо над нашими головами, а нескончаемый грохот снарядов был настолько оглушительным, что даже в нескольких километрах от Вана можно было услышать, как он то стихал, то усиливался, но никогда не прекращался.

Большинство армян были хорошо вооружены, у многих были маузеры, которые при стрельбе с короткой дистанции наводили ужас на противника. Их воздействие можно было сравнить лишь с тем, что оказывали пулеметы, поскольку вместо того, чтобы стрелять пуля за пулей, армяне направляли четыре, пять, шесть пуль в одну и ту же цель практически одновременно. Кроме того, они изобрели нечто вроде бура и с его помощью быстро пробивали отверстия в глиняных стенах зданий. В результате, как только мы отвоевывали у них какую-нибудь позицию, они просовывали пистолеты в мгновенно сделанные новые отверстия и сеяли среди нас смерть прежде, чем мы успевали понять, что происходит.

Многие из осажденных (прежде всего дети и женщины) укрывались в домах с южной стороны, что отчасти спасало их от артил-

леристского обстрела из крепости. На верхней части скалы все еще виднелись надписи клинописью на древнеармянском языке. Судя по всему, они были сделаны во времена царей Сардури из Урарту, иначе говоря в IX–VII веках до Рождества Христова. Большая часть надписей – на трех языках и повествует о сыне Дария Ксерксе.

К сожалению, я не мог как следует рассмотреть их с близкого расстояния, поскольку это место интенсивно обстреливалось осажденными.

Судя по обломкам колонн, пьедесталов и каменных плит, которые виднелись поверх крепостных стен, это укрепление без конца разрушалось и перестраивалось целой чередой завоевателей: турками, сельджуками, византийцами, римлянами, парфянами, персами, мидянами, ассирийцами, вавилонянами, шумерами, которые на протяжении тысячелетий пытались стереть с лица земли все поселения на армянском плато. Дело в том, что для всех завоевателей Анатолии Армения наряду с Сирией и Палестиной являлась огромным перевалочным пунктом или же тупиком: только укоренившись на ее территории, они могли обезопасить себя от нападения воинственных орд из Центральной Азии.

Собственно цитадель, или кале[1], представляла собой множество зданий казарм, а также пороховых складов, высеченных прямо с скале. Над ними возвышалась белая мечеть, в которой на следующий день я и устроил свою главную казарму.

С высоты минарета, вонзавшегося в небо как каменная игла, я наблюдал за ходом боя и направлял огонь нашей артиллерии на город Ван, который расстилался передо мной, как огромная карта. С высоты я без труда различал –иногда и невооруженным глазом – любой дом, любой двор и даже ходивших по улице людей.

В паре километров к западу виднелись белые дома Скелекёй, которые издали напоминали стаю голубей, опустившихся на берег озера; на востоке же, в темнеющих далях, едва можно было различить контуры деревень Артчаг, Хазеран, Богас-Кесен, Шушанц и других. Их населяли преимущественно армяне. Деревни лежали вокруг Вана полумесяцем, северный конец которого упирался в небольшое озеро Эрчек, а южный – в мрачную и неприступную гору Варак.

На западном склоне горы находился огромный монастырь, построенный как крепость. Он назывался yidi kilisa[2]. Благодаря ему армяне могли контролировать все ущелье Вартак, по которому проходил караванный путь, связывавший центральную часть вилайета Ван с долиной Хайяц-Цор и с иранской границей.

---

[1] Kale – крепость (тур.)
[2] Kilise – церковь (тур.), yidi – возможно – искаженное автором yedi – «семь» (тур.)

В день моего приезда началась осада Вана.

Арам-паша со своими армянами, численность которых, судя по данным, опубликованным мисс Кнапп и господином Рушмонди, достигала более тридцати тысяч, занимали почти весь город внутри крепостных стен и район Айгестан. Мы же удерживали крепость и пригороды, образуя железное кольцо, становившееся все уже после каждой нашей успешной атаки.

Редко приходилось мне видеть, чтобы люди сражались с таким ожесточением, как при осаде Вана.

Это был непрекращающийся бой, местами переходящий в рукопашную схватку.

Здесь никто не молил о пощаде и никто никого не щадил.

Ни христианин, ни мусульманин из плена не возвращался.

Спасти пленника в те дни было так же невозможно, как отнять добычу у голодного тигра.

Рвение моих людей было настолько сильным, что иногда мне приходилось отдавать приказ установить артиллерию внутри домов, чтобы разрушать стены, отделявшие нас от смежных зданий. Когда же мы захватывали эти стены, то поджигали, чтобы наши противники не смогли за ночь восстановить их.

Вот так только — с обожженными волосами, грязными от пороха и дыма лицами, полуоглохшие от разрывов артиллерийских снарядов и от пальбы в упор — мы могли медленно, ценой неслыханных жертв, продвигаться к центру этого упрямого города, в котором армяне продолжали отчаянно защищаться среди горящих руин своих домов, до последнего вздоха сражаясь за свободную Армению и за победу христианской веры...

Я же проклинал тот час, когда злая судьба превратила меня в палача моих единоверцев.

Глава VII

У ворот крепости меня встретил генерал-губернатор провинции Джевдед-бей, свояк Энвер-паши, один из самых энергичных правителей.

Подтянутый, лет сорока, с коротко стриженными усами, роста скорее выше среднего, Джевдед-бей одевался по последней парижской моде. На фоне его необычайно бледного лица резко выделялись иссиня-черные волосы и черные же глаза.

Хорошо образованный и обходительный, как истинный османский бей, любезный и щедрый, когда это было ему нужно, он на

самом деле был пантерой в человеческом обличии, готовой убрать с дороги любого, кто мог бы ему помешать или знал больше, чем надо. Для выполнения секретных приказаний Джевдеда обычно использовали яд, веревку или пули его янычар, которыми командовал капитан Рашид-бей.

После церемонного приветствия, полагавшегося по турецкому этикету, мы оба устроились на одной из многочисленных террас крепости. Город расстилался у наших ног, словно огненный вулкан, из которого без конца поднимались огромные клубы дыма вперемешку с багряными вспышками пламени и бесчисленными снопами алых искр.

Не обращая внимания на оглушительный грохот пушек и постоянную ружейную пальбу, от которых на столе позвякивали бокалы, Джевдед-бей подробно объяснил мне, откуда берет начало эта кровавая драма, а также рассказал многие другие полезные мне детали. С наступлением темноты мы сели на лошадей и в сопровождении многочисленной свиты проскакали галопом опасную зону, которая находилась под обстрелом вражеской артиллерии и освещалась заревом пожаров, и несколькими минутами позже доскакали до Дома правительства. Последний представлял собой симпатичный шале, построенный в европейском стиле. Он стоял в окружении тополей на обочине Айгестанской дороги и был роскошно обставлен.

Меня разместили в кокетливо убранной спальне, освещенной арабской люстрой с множеством разноцветных стеклышек, вделанных в бронзовые пластины. Помимо роскошнейших ковров, дамасского оружия и севрского фарфора, в зале находилось пышное ложе, а точнее сказать настоящее гнездо из кружев и зеленого шелка.

Когда на туалетном столике я обнаружил карминного и густо-черного цвета кисточки для наведения макияжа, то догадался, что Джевдед-бей поселил меня — в знак особого расположения — не больше не меньше как в покоях своей супруги, которая в то время находилась в Константинополе.

Вскоре появился valet de chambre[1], чтобы провести меня в обеденный зал. Там, в центре, красовался ярко освещенный стол с серебряными приборами и хрусталем. В самой Европе ему не было бы равных по изысканности. Генерал-губернатор сел напротив меня. На нем был безупречный evening dress[2], белый галстук и, как мне показалось, даже цветок в петлице. Слева от меня занял место капитан Рашид-бей в мундире с иголочки. Он командовал батальоном лазов и был доверенным лицом губернатора, исполнявшим его тайные поручения.

---

[1] Камердинер (фр.)
[2] Вечерний костюм (англ.)

Он выглядел столь изящным и столь образованным, что я с трудом мог себе представить, как эти ухоженные руки в перстнях проливали кровь десятков, а может быть и сотен невинных людей.

По правую руку от меня сидел господин Ахмед-бей. Он был одет в строгий английский костюм спортивного покроя. Ахмед-бей прекрасно говорил на нескольких иностранных языках, был членом лучших клубов Константинополя и прежде долгое время жил в Лондоне.

Благодаря аристократическим манерам и несколько пресыщенному выражению лица его можно было бы принять за одного из тех снобов, что проводят жизнь, разъезжая four in hand[1] по аллеям Гайд-парка. И все же Ахмед-бей был тем самым знаменитым разбойником Черкес-Ахмедом, главарем банды черкесских партизан, который впоследствии убил в Дьявольском ущелье по приказу правительства армянских депутатов Зограба[2], Варткеса и Дахаваряна. В том же году он и сам был повешен в Дамаске по настоянию Джемаль-паши, боявшегося, как бы не раскрылось его соучастие в убийстве депутатов.

Пока мы вчетвером сидели за роскошно освещенным столом, обсуждая последние новости и припоминая свои галантные похождения, все стекла в Дома правительства дрожали от артиллерийских взрывов, которые потрясали до основания героический город Ван и превращали его в огромный костер. В нем заживо сгорали каждый день невинные дети и женщины, чей единственный грех состоял в том, что они родились христианами.

На следующее утро я верхом отправился в главную казарму жандармерии (стоявшую недалеко от траншей на юго-востоке), чтобы возглавить оборону крепости, а также осаду Вана, которые многие называли укрепленным городом, поскольку некогда он был окружен двойной системой оборонительных линий. В цитадели я разместил две артиллерийских роты с орудиями разных калибров, а также батальон курдских стрелков и батальон турецких волонтеров.

На западном, самом уязвимом, участке я поставил три батальона добровольцев и часть конных жандармов под командованием капитанов Салах-эд-Дина и Хаккы-эфенди. Ответственным за юго-западный участок я назначил бывалого вояку, командира черкесских добровольцев Киямбулат-бея. Вместе с майором Ахмедом (командиром батальона жандармов Башкале) он продолжал пользоваться,

[1] В собственном экипаже (англ.)
[2] Зограб Григор (1861–1915) – выдающийся западноармянский писатель-новеллист и юрист

как и раньше, моим полным доверием. В том числе в течение тех трех недель, что я руководил осадой города.

За восточный и юго-восточный участок отвечал уже упомянутый Ахмед-бей. У него были почти все регулярные войска и несколько батальонов добровольцев. Майор Бурхан-эд-дин принял командование резервными частями пехоты и кавалерии, расквартированными в главной казарме жандармерии.

Помимо этого контингента в моем распоряжении были два батальона добровольцев, приданных подполковником Сулейман-беем, и тысяча двести — тысяча триста курдов, довольно хороших стрелков, неплохо владевших также и рукопашным боем. Однако организованно сражаться они не умели — дисциплины они не знали никакой.

Курды присоединились к нам в первую очередь для того, чтобы заняться мародерством, и по мере того, как осада затягивалась, они дезертировали десятками, а то и сотнями человек.

Что касается современной артиллерии, то я располагал лишь несколькими полевыми орудиями, зато у меня было две с половиной батареи орудий с мантелетами[1] а также несколько десятков пушек с особыми ядрами, которые позднее мне очень пригодились, потому что ядер у нас было с избытком, а вот пушек не хватало.

Кроме того, ядра, выпущенные из этих пушек, производили большие разрушения в толстых глинобитных стенах зданий, поскольку вместо того, чтобы пробивать их насквозь, как это делали снаряды конической формы, они как бы молотили их, иначе говоря обрушивали этаж за этажом. Остальные орудия горной артиллерии и пушки с мантелетами Джевдет-бей приберег для прикрытия летучих эскадронов, благодаря которым он держал в страхе армян пригородного района и время от времени проводил рейды в соседние деревушки, все еще находившиеся в руках армян.

Под моим началом находился контингент, примерно равный дивизии, то есть десять-двенадцать тысяч человек. В основном это были старые бойцы, которые прошли школу у опытных офицеров и были готовы держаться до конца, несмотря на опасность со стороны русских войск — те находились всего в нескольких часах ходьбы от Вана и пытались прорваться через ущелье Бергери и Котур Даг (Ханасур). В героической обороне ущелий участвовала часть наших жандармов, поддерживаемых курдами и волонтерами из округов Эрджиш и Башкале.

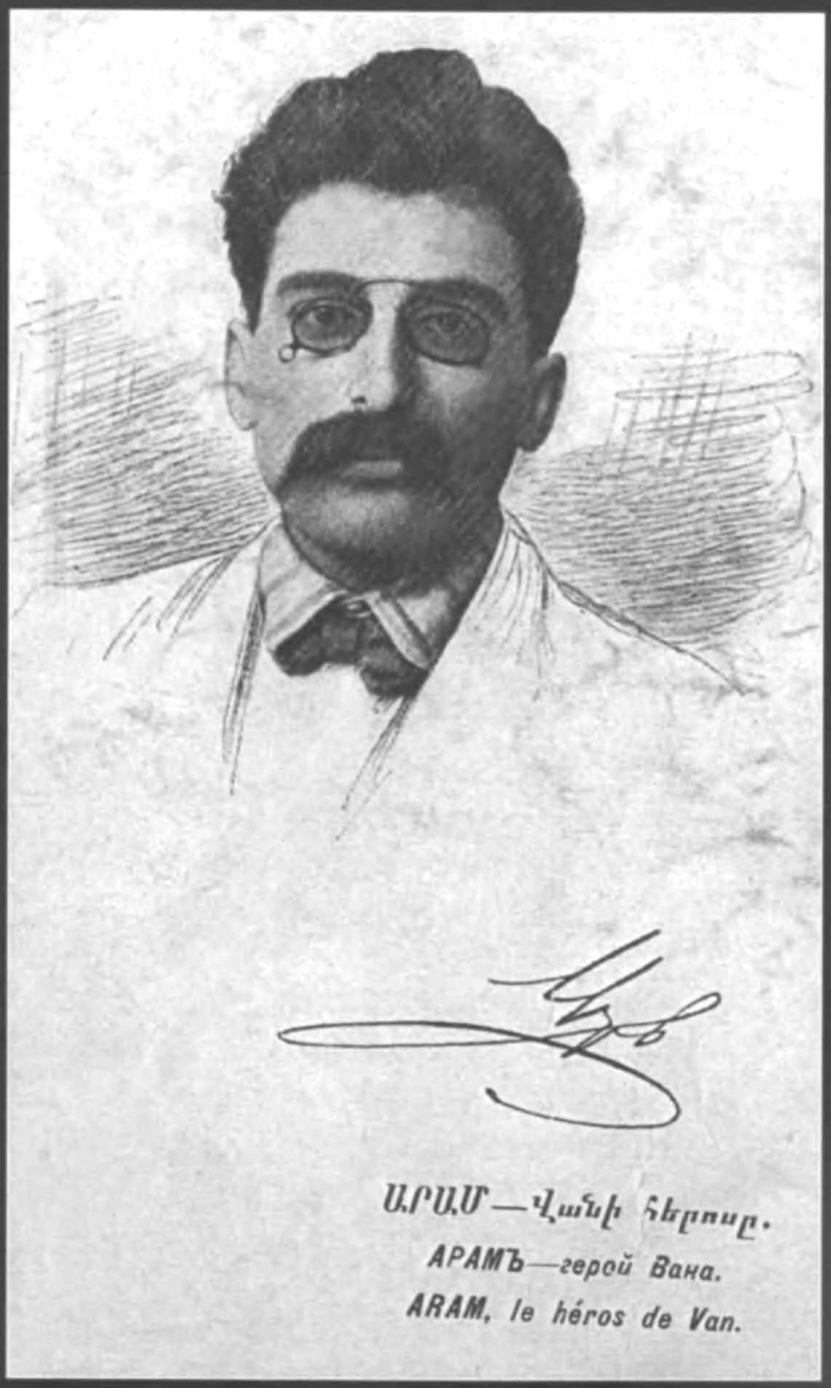
Если бы те тысячи армян, которые находились в Ване, не организовывали оркестров, не занимались формированием временных

---

[1] Мантелет — щит или укрытие больших размеров, употреблявшийся ранее при осадах крепостей.

Рафаэль де Ногалес Мендес в форме офицера турецкой армии

Рафаэль де Ногалес Мендес – во время службы инспектором на железнодорожном узле в Мамурете (1915 г.)



Ованесян С. А. (псевдоним Арам) – врач, возглавил Комитет самообороны города Ван. Хотя большинство защитников составляли старики, женщины и дети, они, несмотря на большие потери, отбили все атаки регулярных войск и шаек «гамидие» и удержали город до подхода русских войск. После образования Армянской демократической республики в 1918 году был назначен министром внутренних дел, организовывал сопротивление наступавшим войскам Кемаля

Турецкие пулеметчики

Турецкие пушки, обстреливавшие город Ван

Курды, осаждавшие город Ван, служившие в личной охране Ногалеса

Руины города Ван после осады

Армян расстреливали,
вешали, травили, резали,
душили, топили.
Они умирали всеми
смертями, возможными на
земле во все вр[illegible]а

Талаат-паша, Мехмед – генеральный председатель ЦК Комитета «Единение и Прогресс», масон. Как член триумвирата и министр внутренних дел (1913-1917гг.), великий визирь (1917-1918гг.) является главным организатором геноцида армянского народа. Убит армянским студентом Тейлеряном в Берлине в 1921 году

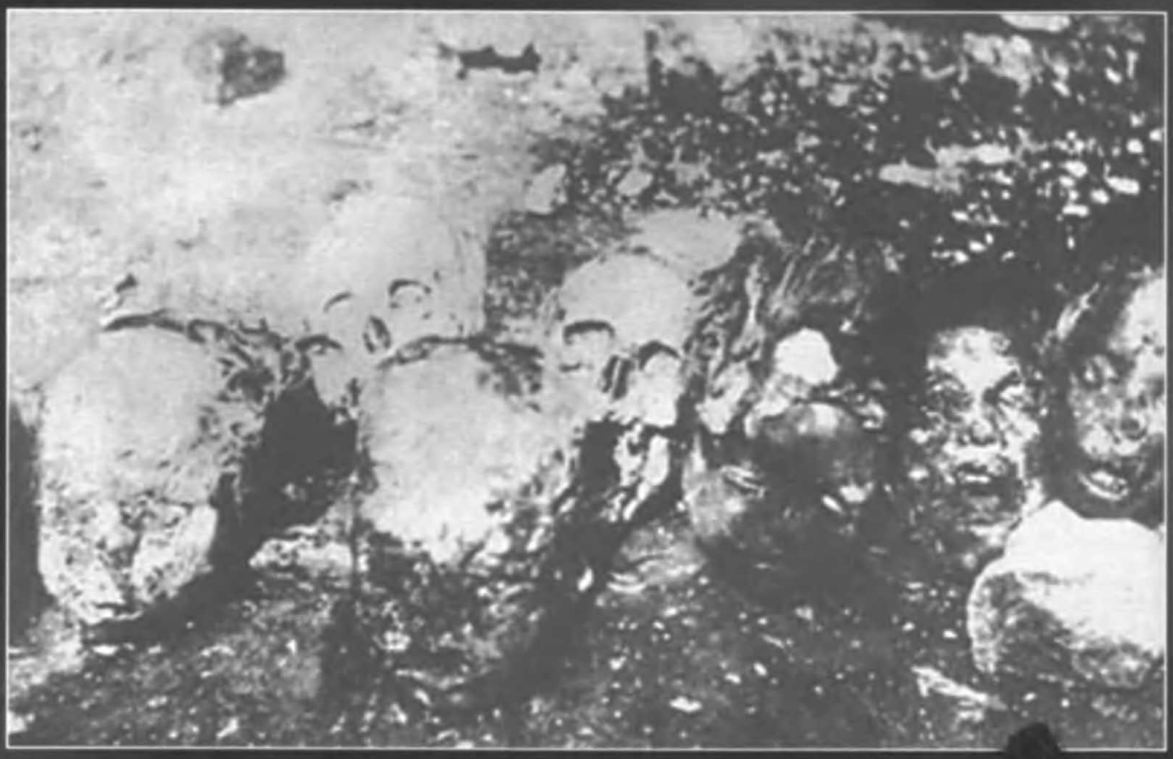
Энвер-паша, Исмаиль – масон, главнокомандующий турецкой армией во время Первой мировой войны, член триумвирата, ответственного за геноцид армянского народа. Застрелен в августе 1922 г. советским чекистом Акопом Мелкумовым при попытке перехода в Афганистан

Армяне, повешенные у здания военного министерста

Турецкие солдаты - участники геноцида

Джемаль-паша,
Ахмед – с 1914 г.
военно-морской министр
Османской империи,
член триумвирата,
ответственного за геноцид
армянского народа.
Убит в Тифлисе в июне 1922 г.
армянскими мстителями

Ататюрк Мустафа, Кемаль – масон, денме, верный продолжатель «дела» Талаата, Энвера, Джемаля, организатор геноцида армян в Смирне. С 1923 г. фактический диктатор Турции. Содомит. Умер в возрасте 57 лет от цирроза печени в результате алкоголизма



правительств, не чеканили медали и военные кресты, а перешли наступление, пусть даже вооруженные дубинами, топорами и ножами и попробовали обрушиться на нас всем скопом, — кто знает, быть может, они в конечном счете разбили бы нас наголову или даже заставили бы нас отступить в провинцию Битлис. К тому же они бы и на отрезали путь к отступлению нашей экспедиционной армии. Персии и спасли бы тысячи жизней своих единоверцев, ежедневно гибнущих в соседних деревнях и по всему вилайету Вана под ударами кривых сабель курдов и от пуль наших волонтеров.

У осажденных из артиллерии была лишь пара самодельных бомбометов, но зато они находились под защитой тесно стоящих глинобитных зданий — двух- и трехэтажных. Кроме того, извилистые улочки расходились во все стороны, и их было легко оборонять, вырыв траншеи и построив баррикады.

Помимо нескольких тысяч пистолетов системы Маузер, которые на короткой дистанции достигали эффекта пулеметов, осажденные располагали внушительным числом карабинов, русских винтовок и винтовок Маузер, которыми они запасались в течение нескольких лет. У них также было значительное количество ручных гранат, от которых в скором времени мы понесли немалые потери.

Из-за этого, несмотря на то что крепость находилась у нас в руках (то, что она располагалась на возвышении и слишком близко к деревне, затрудняло наведение наших орудий на цель и мешало точности стрельбы), преимущество, как мне кажется, было все же на стороне армян. Помимо уже указанных причин, следует принять во внимание их численное превосходство, ведь, как они сами признавались, их было больше тридцати тысяч, не считая сотен беженцев, день за днем прибывавших из окрестных районов и деревень.

Объехав наши главные позиции и проверив расстановку сил, я расставил сигнальщиков. Зная, что некоторые из наших офицеров ночью покидали свои посты и отправлялись спать в казармы, я настрого запретил им поступать подобным образом. Я также обратил их особое внимание на то, что артиллерийский огонь не должен был прекращаться ни на минуту с рассвета и до самого заката, а если потребуется — то и всю ночь.

Утром мы неожиданно завладели западной частью города и продолжали наступать, хотя и медленно, в направлении огромного здания, которое мы окрестили büyük-konak[1]. Армяне по-прежнему удерживали восточную часть города вплоть до самых полей. Они контролировали ситуацию с минаретов и знаменитых deyr[2], среди кото-

---

[1] Büyük konak — большой особняк (тур.).

[2] Deyr в просторечии означает две разные вещи: а) церковь; б) таверна, кабак (тур.).

рых особо выделялся размерами meyve-konak[1]. Его мы захватили после полудня. Мне самому пришлось возглавить приступ, чтобы приободрить наших курдов, чей энтузиазм иссякал по мере того, как осада затягивалась.

На юге армяне были неуязвимы. Они укрепились внутри и вокруг еще одного огромного deyr, прозываемого lokanta[2]. Здесь армяне успешно противостояли нам в течение всей осады, благодаря тому что боковой шквальный огонь из соседних кварталов успешно прикрывал их от огня нашей артиллерии из крепости.

Так обстояли дела, когда около четырех часов дня меня навестил генерал-губернатор. Он рассказал мне о фортификационных работах, которые приказал провести вокруг района усадеб. Он укрепил лишь три четверти его, намеренно оставив открытым с востока, со стороны полей, чтобы беженцы-армяне продолжали прибывать и съестные припасы у осажденных закончились из-за этого побыстрее.

Осажденные же превратили стены домов этого пригорода в отлично укрепленные позиции, непрерывные и широкие, защищенные многочисленными блокгаузами, которые могли противостоять даже артиллерийскому обстрелу. Во всем этом меня не устраивало лишь одно: две заряженные турецкие пушки с мантелетами, направленные на белые здания американской миссии, которые представляли превосходную и заманчивую цель для наших артиллеристов.

Я обратил внимание Джевдед-бея на данную диспозицию, которая казалась мне не только ненужной, но и противоречащей международным нормам, тем более что над зданиями развевалось несколько североамериканских флагов. Губернатор в расстройстве ответил, что это произошло по ошибке, и тут же приказал изменить направление орудий.

Благодаря быстрому ответу и любезной улыбке Джевдеда, я так и не понял, насколько огорчил его, разгадав его хитрые намерения, которые, судя по всему, состояли в том, чтобы обстрелять американскую миссию, покуда я был занят осадой Вана, точнее говоря укрепленного пригорода.

В дальнейшем Джевдед-бей, опасаясь последствий посетившей меня догадки, принимал все меры, чтобы скрыть от меня свои планы, которым я мог помешать. И он, безусловно, в этом преуспел.

Когда мы уже собрались покинуть это место, точнее говоря казарму, называемую haci-bekir-kişla[3], чтобы отправиться в Дом правительства, из Башкале прибыло несколько эскадронов жандар-

---

[1] Meyve – фрукт (тур.)
[2] Lokanta – ресторан (тур.)
[3] Haci – шутл. гуляка, повеса (тур.). bekir – человек, который рано встает (тур.), kışla – казарма (тур.)

мов вместе с двумя- или тремястами курдов, тоже верховых. Им далось пройти по Варакскому ущелью, несмотря на то что отряды армян во главе с Койюнчаном обстреливали их из окопов и из часовен монастыря yidi-kilisa, в котором хранились ценнейшие книги и документы.

Пока мы разговаривали с офицером, возглавлявшим прибывшие эскадроны, над соседней армянской деревушкой, которую по дороге подожгли жандармы и курды, стал подниматься густой дым.

Заметив его, Джевдед пришел в ярость и сурово отчитал тех, кто это сделал, однако его взбучка вызвала лишь насмешливую улыбку курдов: те, видимо, догадывались, что гнев начальника не так силен, как он изображает.

Пока мы ужинали в Доме правительства, перестрелка стала настолько ожесточенной, что я, опасаясь, как бы армяне не предприняли массовую вылазку, вскочил на лошадь и поскакал в штаб-квартиру. От моего помощника, Ахмеда-эфенди, я узнал, насколько серьезный оборот приняли события. Армяне пытались посеять возмущение среди моих солдат, выкрикивая из окопов: «Почему вы признали командиром гяура? Он такая же «христианская собака», как и мы!»

24 апреля. К утру перестрелка немного стихла. Я прилег отдохнуть до тех пор, пока бой не разгорелся вновь повсюду из-за активности моих артиллеристов, которые без устали палили по тылам противника.

Однако теперь это был уже бой, и не цепь случайных схваток, а по всем правилам ведущаяся осада, такая, какой я с самого начала и предполагал ее вести.

Я сам был поражен тем, что мои приказы, передаваемые при помощи сигнальщиков, выполнялись беспрекословно и точно.

И если бы не это методичное и упорядоченное осуществление наших одиночных и общих атак, мы бы мало продвинулись в те дни, поскольку армяне сопротивлялись нам отчаянно, а их смелость была достойна высшей похвалы. Куда бы ни направлялись наши войска, их встречал точный шквальный огонь. Каждый дом превратился в крепость, и завоевывать их надо было поодиночке. Несмотря на обманные маневры, которые я время от времени организовывал, пытаясь сбить с толку противника и добиться прорыва наших штурмовых отрядов в центр города, мне никак это не удавалось. Порой стоило больших трудов скоординировать действия турецких волонтеров, курдов и черкесов. Но мы терпели неудачу главным образом из-за того, что армяне мгновенно перемещались к тем объектам, которые мы собирались захватить.

Много раз я намеревался, никому не сообщая о своих планах, внезапно взять то или иное здание, чтобы использовать его потом как

опорный пункт. Однако на рассвете я, как правило, узнавал, что за ночь противник уже успевал его укрепить. Мне даже стало казаться, что армяне научились читать мои мысли.

Как-то утром генерал-губернатор послал курдскую кавалерию в укрепленную армянскую деревню Шушанц, которая располагалась у подножья горы Варак. Именно оттуда беженцы обычно проникали по ночам в район усадеб. Однако армяне, не дожидаясь курдов, оставили позиции и укрылись среди мятежников в монастыре yidi-kilisa.

С этого дня я не покидал окопов, даже чтобы поужинать во дворце, поскольку с наступлением ночи бои усиливались и массовая вылазка противника стала еще более вероятной. Случись это, и курды и даже наши турецкие волонтеры оказались бы в замешательстве: все они были уроженцами города Ван и его окрестностей и, взявшись за оружие, оставили семьи в лежащих по соседству загородных домах и мусульманских деревушках.

25 апреля. На рассвете возобновился артиллерийский огонь, и грохот орудий, несколько стихший ночью, раздался с новой силой. Повсюду, куда падали наши снаряды, рушились крыши, поднимая столбы дыма и пыли вперемешку со снопами искр. Обломки построек лавиной летели на сражавшихся.

На следующее утро, объезжая с инспекцией восточный сектор, я обнаружил, что из-за сотрясений пушки, стрелявшей изнутри одного из захваченных нами зданий, там обвалился потолок. Некоторые из наших солдат были похоронены заживо, остальные же оказались в изоляции и могли попасться в руки к осажденным.

Стремясь во что бы то ни стало предотвратить эту беду, я вместе с сержантом и капралом бросился к развалинам здания, которое уже заполняли армяне. В то время как мы с сержантом с помощью ножей и пистолетов сдерживали натиск противника, атаковавшего нас спереди и по бокам, капралу удалось привязать канат к лафету пушки. Наши солдаты стали быстро выволакивать ее из здания, а мы с сержантом прикрывали их и отступали, задыхаясь от дыма и пыли, которые поднимались от падавших вокруг нас стен.

Пушку мы спасли ценой пятерых убитых и множества раненых. Среди погибших оказался и капрал, которому пуля попала в голову в самый последний момент.

Примерно через час после этого инцидента батальон «Лазистан» из трехсот верховых курдов отправился штурмовать деревню Шабагс, где окопалось от четырехсот до пятисот армян. Когда лазы при поддержке артиллерии бросились в штыки, их атаку поддержали курды и, напав на армян с тыла, всех их безжалостно вырезали.

В то время как мы с Джевдедом следили со стен крепости за ходом этого сражения, находившиеся в городе армяне начали об-

стреливать нас с купола собора Петра и Павла. Я до сих пор не трогал его, поскольку он не только был христианской святыней, но и являлся ценнейшим историческим памятником.

Эта необдуманная со стороны осажденных провокация безусловно приблизила момент крушения собора: поняв, откуда нас обстреливают, Джевдед-бей отдал мне приказ немедленно разбомбить его.

Благодаря чрезвычайно прочной конструкции храм смог продержаться несколько часов под шквальным артиллерийским огнем. Однако к вечеру от его пирамидального купола остались лишь обломки — печальные свидетельства его былого величия.

Потеряв эту боевую точку, армяне стали стрелять по нашим позициям с минарета главной мечети, мусульманской святыни, которую я, несмотря на протесты генерал-губернатора, также приказал немедленно уничтожить: la guerre c'est la guerre.[1]

Так в один и тот же день исчезли с лица земли два основных храма Вана, которые целых девять столетий слыли самыми выдающимися историческими памятниками города.

26 апреля. В то время как командующий восточным сектором майор Ахмед продолжал идти вперед, оставляя за собой целые кварталы, охваченные пламенем, на пути командующих западным сектором встал deyr, называемый büyük-konak и все их усилия по продвижению вглубь занятых армянами территорий сошли на нет.

Желая преодолеть столь сильное препятствие, я попросил Ахмеда продолжать наступление. В это же время Киямбулат со своими черкесами должен был при поддержке нашей артиллерии внезапно напасть на büyük-konak и взять его штурмом.

Около одиннадцати наши батареи начали обстреливать это укрепление с такой силой, что меньше чем за полчаса от первого и второго этажей здания не осталось и следа, а цокольная часть превратилась в груду развалин и вовсю пылала. Армяне же тем не менее продолжали стрелять в наших черкесов с неслыханным мужеством.

К сожалению, турецкие волонтеры и курды упустили выгодный для штурма момент. Когда они перешли в атаку, противник уже успел как следует укрепиться.

Видя угрожавшую нашим опасность, я передал командование артиллерией крепости Рашид-бею, а сам на полном скаку бросился в опасную зону. Я остановился у полыхавшего базара, который наши готовы были оставить. От армян, окопавшихся в дымящихся развалинах büyük-konak, нас отделяла всего-навсего полуразваленная глинобитная стена.

[1] На войне как на войне (фр.)

Я отдал приказ о начале штурма и, поддерживаемый Киямбулатом и его черкесами, начал взбираться на стену, как вдруг мой адъютант упал, убитый пулей, а сам я рухнул почти без сознания под отвалившимся куском стены. Киямбулат едва успел за ноги оттащить меня, как обвалилась и вся стена, а армяне начали обстреливать то место, где мы только что находились.

Так провалилась наша первая попытка захватить büyük-konak.

27 апреля. Тем временем я попытался увеличить количество нашей осадной артиллерии, добавив несколько мортир XV века (из тех, что пускали снаряды весом в три-четыре арробы[1]). Вдохновленный этой идеей, я приказал начинить порохом пустые снаряды подходящего калибра и снабдить их фитилями.

Этими довольно-таки примитивными орудиями мы открыли хотя и размеренный, но точный огонь по Вану, который превратил в руины большую часть города и стал виновником смерти многих его защитников. Здания, в которых взрывались наши петарды, мгновенно рушились, погребая под собой всех, кто находился внутри. Похоже, было много случаев, когда от одного взрыва погибало более шестидесяти человек.

Снаряды мортир, которые турки называли havan-top[2], были круглыми и такими огромными, что иногда за их полетом можно было проследить в бинокль. К несчастью, один снаряд взорвался, когда его заряжали, и убил майора Решиб-бея.

Чтобы почтить его память, я приказал сложить на его могиле пирамиду из этих снарядов. Они, должно быть, и теперь сохранились среди руин крепости.

28 апреля. На рассвете я приказал открыть огонь из всех орудий по büyük-konak и соседним с ним кварталам, которые обрушивались под ударами наших батарей. Однако когда я дал сигнал к атаке, то с сожалением заметил, что на этот раз опаздывали черкесы, в то время как турецкие волонтеры и курды тесными рядами пошли на врага. Они оставляли за собою поле, усеянное мертвыми и ранеными, которых позднее пожирали вороны и псы, так как зона, где они лежали, была заминирована и находилась под постоянным обстрелом противника.

Так закончилась наша вторая попытка захватить форт. Несмотря на то что он представлял собой груду камней, армяне продолжали обрушивать на нас шквальный огонь и отчаянно противостояли приближению наших сил. В тот день армяне при помощи инженерной мины[3] взорвали половину казармы Ридшедже, откуда капитан

---

[1] Арроба равна примерно 11,5 кг

[2] Havan-topu — миномет, мортира (тур.)

[3] Мощный заряд, заложенный под укрепление противника с помощью подкопа. Приводится в действие при помощи бикфордова шнура

Решид-бей и вице-губернатор Бергири контролировали большую часть Айгестана.

Эта неудача привела в бешенство Джевдед-бея. Он тут же приказал Черкес-Ахмеду, чтобы тот со своими головорезами совершил набег на соседние армянские деревушки, в которых, кстати сказать, оставались только женщины и дети. Излишне говорить, что сделал Ахмед с этими несчастными, если сам Джевдед порицал его за жестокость. Даже курды были потрясены его действиями.

29 апреля. Когда рассеялся утренний туман, артиллерия вновь открыла огонь. Пушечная пальба постоянно усиливалась. Наконец стала угрожающей, особенно в восточном секторе. Его командующий без приказа начал бой, чтобы захватить некоторые позиции, на которые давно уже обратил свои взоры.

Я, желая убедиться в том, что артиллерия крепости поддерживает наступление майора Ахмед-бея, вскочил на лошадь и в сопровождении группы офицеров и нескольких курдских, лазских и черкесских командиров стал подниматься по склону горы. Сотни и тысячи лет назад к крепости также поднимались Бог знает сколько турецких, византийских, римских, персидских, парфянских, мидийских, ассирийских, вавилонских и шумерских генералов, для того чтобы захватить город. Но по странному стечению обстоятельств именно мне, военному из Латинской Америки, история отвела роль человека, который в 1915 году должен был довести до конца это дело.

В то утро мне пришлось стать свидетелем настоящей охоты на человека.

Мы с Ахмед-беем укрывались в одном из дворов от неприятельского огня, обсуждая еще один план наступления, когда нас заметил один армянин и начал стрелять из окна.

Чтобы сбить его с толку, мы надели наши kalpak[1] — военные головные уборы из каракуля — на изгородь и потихоньку перебрались к щели в соседней стене. Оттуда мы увидели, как он целится в kalpak, удивляясь твердости наших голов, которые оставались на своем месте, несмотря на выпущенные пули.

Ахмед-бей отодвинулся от меня и, продвигаясь с осторожностью тигра, крадущегося к своей жертве, приблизился к нему. Когда их разделяло всего лишь несколько метров, Ахмед-бей вскочил и взвел курок. Однако он тут же опустил оружие, поскольку армянин, почувствовав опасность, резко обернулся.

Пока армянин пытался понять, почему враг испугался, его шею обвили две тонкие ручонки и детский голосок начал нашептывать ему какие-то непонятные слова. Не осмеливаясь выпустить винтовку

[1] Kalpak — шапка, папаха (тур.)

из рук и раздосадованный столь несвоевременными объятиями, армянин попробовал избавиться от них, тихонько уговаривая ребенка. Однако, видя, что его слова бесполезны, он слегка оттолкнул девочку правым локтем.

Все его усилия были тщетны. Ручки по-прежнему ласково обнимали его за шею, а тонкий голосок ворковал что-то нежное.

Повинуясь отцовскому чувству, армянин все же инстинктивно обернулся к дочери — на какую-то сотую долю секунды. Но этого было достаточно. Ахмед-бей выстрелил и снес армянину полчерепа.

Когда огонь со стороны армян немного стих, я в компании адъютанта отправился пообедать в дом губернатора. На одном из поворотов — уже почти вне опасной зоны — нас неожиданно настиг залп вражеской артиллерии. Вокруг нас взметнулись столбы пыли, и мы, пришпорив лошадей, помчались прочь.

У здания Дома правительства мы заметил трех солдат — они кормили пленного армянина, который провел девять дней без еды, спрятавшись на дне колодца. Он рассказал, что отказался участвовать в заговоре против губернатора. Страх заставил его спрятаться от остальных заговорщиков, которые его разыскивали, чтобы убить. Когда он наелся, его отвезли в госпиталь, где исправно лечили несколько дней, покуда больной не пошел на поправку. Потом его расстреляли.

Этот человек вместе с разоруженным армянским жандармом, который прислуживал мне за столом, и торговцем по имени Терсибатчян, иногда оказывавшим услуги переводчика в канцелярии губернатора, были единственными *живыми* армянами, встреченными мною среди нас во время осады Вана.

Во дворце меня уже ждал губернатор. Он пытался убедить нескольких курдских командиров не уводить своих людей. Курды надеялись таким образом спастись, опасаясь русских, которые, по слухам, собирались вот-вот форсировать ущелье Котур Даг. Поняв, что все его усилия напрасны, Джевдед-бей вышел из себя, ударил кулаком по столу и закричал: «Allahim! Billahi! Vallahi billahi![1] Пусть обрушится на вас гнев Божий, трусы и убийцы!». В следующую секунду он, раздосадованный, повернулся к ним спиной, взял меня под руку и провел в selâmlık[2]. Мы уселись в удобные кресла, выпили кофе и закурили, пытаясь хоть на пару часов забыть о тяготах и об ответственности, которую требовал от каждого из нас занимаемый пост. Даже когда я понял, что Джевдед ищет способ убрать меня с дороги — ради государственных интересов — мы не перестали быть

[1] Allahım! — о, Аллах! Bıllahı! — клянусь Аллахом! Vallahı bıllahı! — клянусь Аллахом (тур.)
[2] Selâmlık — селямлык, мужская половина дома

добрыми друзьями. Мы всегда были готовы помочь друг другу и делать все, чтобы знамя полумесяца продолжало реять над этими равнинами и горами, опустошенными и насквозь пропитанными кровавыми слезами.

30 апреля. В то время как мы продолжали ожесточенно сражаться и продвигались, хотя и довольно медленно, к центру героического города Вана, в ущелье Бергири наши резервные силы под командованием вице-губернатора продолжали мужественно сдерживать натиск русских экспедиционных сил, шедших на помощь осажденным.

Положение складывалось такое, что мы со дня на день ждали внезапного нападения противника и в любой момент могли превратиться из охотников в преследуемую добычу.

Эта неопределенность нависла над нами как дамоклов меч и оказывала на курдских командиров пагубное воздействие. Курды толпами покидали нас и отправлялись спасать от возможного нападения московитов свои семьи и стада.

То же самое происходило и среди наши турецких волонтеров. Видя, что отток курдов увеличивается, они в свою очередь начали беспокоиться — и не без основания — за судьбы своих родных и близких. Это наводило уныние на мое небольшое войско, что не могло меня не беспокоить.

Когда на следующее утро я оправился к Джевдед-бею обсудить, как нам следует действовать в случае всеобщего бегства солдат, тот, к моему удивлению, сообщил мне о только что заключенном перемирии с армянами. Оно требовалось, чтобы обе стороны смогли положить конец тому положению вещей, при котором большая часть населения и материальных ценностей провинции Ван была уничтожена.

Джевдед, казалось, наконец-то убедился, что невозможно было продолжать осаду с армией, частично состоящей из нерегулярных сил, в то время как русские продолжали непрерывно продвигаться вперед, несмотря на героическое сопротивление наших волонтеров в ущельях Бергири и Котур Даг.

Когда Джевдед убедил меня, что армяне и в самом деле согласны на перемирие, я приказал прекратить огонь по всему фронту. Меня поразила почти гробовая тишина, последовавшая за этим приказом. Мы так привыкли к нескончаемому грохоту артиллерии и ружейным выстрелам! Через полтора часа переговоров вернулись наши эмиссары с ответом от епископа. Он заверял, что армяне признавали и продолжают признавать власть султана и что они готовы покинуть город, дабы уйти в Персию, если губернатор гарантирует им неприкосновенность ценой собственной жизни.

Полагая, что Джевдед не может и не должен ни за что соглашаться на это требование и желая остановить кровопролитие, я пред-

ложил вместо него себя. Однако губернатор не согласился, потому что понимал, что это было бы равносильно убийству, за которое ему пришлось бы рано или поздно ответить перед военным трибуналом: всем было известно, что Джевдед желал и добивался одного – заставить армян покинуть город Ван и уничтожить их по дороге.

1 мая ровно в 7 утра наша артиллерия вновь открыла огонь. Грохот разрывающихся снарядов раздавался с прежней силой.

За завтраком я узнал от моего денщика, что в военном госпитале находятся медсестры-немки, которым приходится очень нелегко.

Пораженный этой столь необычной новостью, я поскакал в госпиталь. Каково же было мое удивление, когда я и вправду встретился там с двумя девушками: одна из них, сестра Марта, действительно была немкой. Вторая же – мисс Макларен – североамериканкой. Обе принадлежали к миссиям своих стран в Ване, а когда началась осада города – оказались, уж не помню, по какой причине, в лагере турок.

Если бы я раньше узнал о том, что эти девушки находятся среди нас, то смог бы избавить их от многих неприятностей, которые доставил им военный врач майор Иззет-бей, по-видимому, не всегда относившийся к ним с должным почтением.

Сестра Марта, позднее умершая в Битлисе от тифа, рассказала мне среди прочего что в самом начале осады турки избавились от всех армян, которые работали или лечились в госпитале. В результате в госпитале не осталось ни одного армянина, а многие раненые умирали от гангрены, потому что Иззет-бей, ампутируя ногу или руку, не дезинфицировал хирургический инструмент.

Однако наибольшее возмущение вызвало у девушек то, что в той же повозке, на которой отвозили умерших на кладбище, им и пациентам привозили овощи, хлеб и прочие продукты.

После столь необычной встречи я отправился к губернатору и высказал ему недовольство тем, что меня держали в неведении относительно пребывания у нас этих девушек. Я также рассказал ему все, что узнал от сестры Марты.

Огорченный, а возможно, даже обеспокоенный услышанным, Джевдед-бей вызвал главного врача. Он устроил ему суровый выговор, последствия которого не замедлили сказаться.

2 и 3 мая осада шла довольно успешно. Однако бой был тяжелым. С наступлением ночи сотня или две безжизненных пар глаз мертво смотрели на звезды.

2-го числа, если я не ошибаюсь, капитан Решид-бей отправился во главе летучего отряда подавлять восстание мятежников. Однако те, завидев его, спешно покидали деревни, в которых уже окопались, чтобы затем пополнить ряды армян в ущелье Варак.

4-го утром из Хасанкале прибыл наконец батальон жандармов «Эрзурум», которым командовал капитан Касим-эфенди. Они, к счастью, доставили гранаты, которых нам так недоставало. В один из этих дней, точно не помню уже когда, губернатор получил письмо от доктора Ашера. Тот обвинял его в намеренном обстреле зданий американской миссии в Ване, над которым развивались североамериканские флаги.

Это письмо, которое Джевдед перевел мне на французский, было написано в весьма резком тоне. Оно настолько разгневало Джевдеда, что он, не слушая моих советов, пригрозил в ответном послании доктору Ашеру, обстрелять его миссию «по-настоящему», если американцы не прекратят настраивать армян против Оттоманского правительства, председательствовать на революционных «митингах» и т. д.

Тем временем армяне продолжали скапливаться вокруг монастыря yidi-kilisa в таких больших количествах, что это стало представлять для нас настоящую угрозу в том случае, если бы нам пришлось отступать в этом направлении.

Вследствие этого батальон «Эрзурум» получил приказ выбить их оттуда. Армяне не выдержали напора и, обратившись в бегство, сдали этот замечательный памятник истории с библиотекой в тысячу томов в руки турок, которые, как и следовало ожидать, спалили его дотла.

К тому времени курдов среди нас почти не оставалось. В довершение несчастий пришло известие о том, что полковник Халил-бей потерпел поражение в Дилмене и что наша экспедиционная армия отступает к турецко-иранской границе.

Ежедневные бои вокруг Вана с переменным успехом шли в различных секторах города. Они усиливались по мере того, как русские приближались к нам. Джевдед-бей, уже почти потерявший всякую надежду взять город силой, решил уморить осажденных голодом. С этой целью он приказал собрать всех армянских женщин и детей, еще остававшихся в соседних деревнях, и под конвоем жандармов отправил их в окопы к осажденным, полагая, что те их примут.

Но он ошибся.

В то время я случайно оказался на одной из террас крепости и наблюдал за этой странной процессией. Я не мог поверить своим глазам, когда увидел, что вместо того, чтобы принять этих несчастных, армяне открыли по ним огонь. Многие были ранены и многие убиты. Оставшиеся в живых, осознав наконец, что в действительности означают эти выстрелы, развернулись и побежали прочь от этого места, устланного телами погибших. Плача и крича от ужаса, они искали защиты у нас.

Меня, как христианина, охватили такие возмущение и ненависть к этим чудовищам, которые не задумываясь открыли огонь по собственным детям и женам, чтобы не делить с ними оставшийся провиант, что я немедленно отдал приказ открыть огонь и не прекращал его до тех пор, покуда не стер с лица земли квартал, откуда эти варвары стреляли по людям одной с ними крови.

К 12 мая мы захватили две трети города Вана, в то время как оставшаяся часть по-прежнему находилась в руках противника. Она сократилась до островка домов и зданий, разрушаемых тысячами снарядов, которые сыпались на них денно и нощно.

Армяне не ошибались, когда впоследствии уверяли, что за первые две недели осады я выпустил по их позициям 16 тысяч снарядов и гранат.

Чтобы завладеть и последней частью города, нам требовалось прежде захватить deyr, называемый lokanta. Он был, так сказать, ключом к неприятельской линии обороны в южном секторе. С этой целью при поддержке батальона «Эрзурум», который смог укрепиться в нескольких близлежащих домах, я приказал артиллеристам направить огонь большинства орудий на это укрепление. Мы превращали его в развалины этаж за этажом, пока от здания не осталась лишь груда камней.

Тем не менее армяне продолжали сражаться. Прижимаясь к земле, они стреляли в нас почти в упор сквозь расщелины полуразрушенных стен.

Несмотря на все усилия моих людей поджечь эту груду обломков, из-под которой армяне все еще вели непрерывный огонь, они так и не смогли этого сделать. Едва армяне замечали где-нибудь первые языки пламени, они бросались туда с ведрами воды и тушили пожар ценой собственной жизни. В раздражении от неудач я бросился к руинам, чтобы их поджечь, как вдруг ручная граната попала ровно в тот окоп, из которого я только что выскочил. Почти все, кто там находился, погибли или получили ранения, потому что не отважились идти вместе со мной.

В этот момент приехал губернатор — сообщить мне, что наши волонтеры, сражавшиеся в ущелье Котур Даг, вот-вот начнут отступать под все более стремительными атаками русских. Те продвигались неумолимо, стремясь отрезать путь к отступлению нашей экспедиционной армии, разбитой в Дилмене.

Поняв, насколько опасной становится ситуация, я приказал немедленно переправить по озеру весь персонал и всех больных военного госпиталя в Битлис. Эти меры вкупе с тревожными вестями, продолжавшими поступать с иранской границы, естественно, привели к массовому бегству мусульманского населения, включая большую часть наших волонтеров, которые были вынуждены сопровож-

дать свои семьи в безопасные районы. От гарнизона крепости осталось всего человек двадцать да два отряда черкесов, пришедших из Ахлата.

Новость о грядущем отступлении привела всех в смятение. Наши офицеры запаса в основном были выходцами из этих мест. И почти у всех были семьи. Лейтенант Эгха-эфенди, например, покинув свой пост, забыл передать ключи от вверенных ему пороховых складов. Я вынужден был отдать приказ выломать двери хранилищ, чтобы мы могли продолжать артобстрел. Чтобы армяне не заметили, что в цитадели почти не осталось людей, я сам принялся стрелять из орудий, пока к вечеру не вернулись солдаты и некоторые офицеры, принося свои извинения.

Если бы армяне воспользовались паникой, царившей этим утром, они могли бы внезапно напасть на крепость и уничтожить нас, возможно, при помощи нашей же собственной артиллерии.

Начиная с этого дня никто уже больше не думал о том, как захватить Ван. Мы размышляли лишь о том, как сдержать наступление русских, уже окружавших Халил. Я видел всю бессмысленность дальнейшего продолжения осады. К тому же Кязым просил меня о помощи. Вот почему я отказался от поста командующего осадой города, который занимал до сих пор, и начал собираться в дорогу: уже на следующий день, то есть 14 мая, я хотел направиться к турецко-иранской границе.

Узнав о моих приготовлениях к отъезду, Джевдед испугался, что я смогу рассказать о его преступлениях. Поэтому он тайно приказал Бурханэддин-бею, чтобы тот отправил со мной эскорт из его особо доверенных людей. Это означало согласно турецким обычаям, что эти люди должны были прикончить меня по дороге.

Об этом я узнал ровно через час от самого Бурханэддина, бывшего моим близким другом. Чтобы на корню пресечь происки Джевдеда, я собрал всех командиров и офицеров, бывших под моим началом, и посвятил их в происходящее. Коварство губернатора вызвало у них такое возмущение, что Ахмед и Киямбулат тут же вызвались лично сопровождать меня. Этого я допустить не мог. Я отбыл на следующее утро под охраной отобранных ими людей. Джевдед не осмелился помешать моему отъезду.

Глава VIII

После легкой стычки с небольшим отрядом армянских повстанцев в ущелье Варак мы начали спускаться по долине Хаяц-Цор. Повсюду горели армянские деревни.

В четыре часа дня до нас донеслись последние пушечные залпы со стороны Вана. На закате мы въехали в селение Хошап, которое украшали прекрасный каменный мост, покрытый надписями, и древняя крепость необычной архитектуры, возведенная то ли иранцами, то ли сарацинами. Она называлась Güvercinkale, то есть «Голубиная крепость», так как на одной из ее башен было множество отверстий на манер голубятни. На рассвете мы перешли через заснеженные вершины Курд-Даги, на которых располагался отряд пехотинцев под командованием капитана Ибрагима-эфенди. Едва я спешился, как Ибрагим вручил мне письмо от Чефик-бея, губернатора Башкале. Тот просил меня взять на себя командование смешанными силами в ущелье Котур Даг, которые в то время пытались сдержать стремительное наступление русских. К счастью, я поспел как раз вовремя, чтобы организовать контрнаступление. Таким образом, нам удалось смягчить повторную атаку русских и их союзников-армян, которая была ужасна. Особенно нам задали жару казаки, каждый из которых вез на крупе своего коня по ребенку. Однако наши курды выстояли, победа осталась за нами.

Выставив линию защиты на завтра, я, уже в сумерках, поехал дальше. Переправившись через Заб в окрестностях Дереа, я прибыл на рассвете в Башкале. Там меня ждал Чефик-бей с телеграммой. В ней сообщалось, что русским удалось обойти ущелье Котур Даг после моего отъезда и что наши волонтеры и жандармы вынуждены были покинуть ущелье и поспешно отступить к подножью горы Чоуг-Даги, где в настоящее время ожидали приказов.

После прорыва русских уже никак нельзя было остановить их продвижение к Башкале, где оставались большие запасы провизии и военного снаряжения.

Осознавая, насколько серьезна ситуация, я под мою ответственность отдал приказ о немедленной эвакуации гарнизона Башкале, впрочем, уже начавшуюся сама собой — настолько был силен ужас, внушаемый жителям казаками и армянскими добровольцами. Как утверждали, они убивали только ради удовольствия, преимущественно женщин и детей.

Больно было смотреть, как наши тяжелораненные солдаты на карачках ползли вдоль дорог, только чтобы не попасться в руки врагам. Ведь в то время как регулярные турецкие и русские войска уважали пленных и сохраняли им жизнь, казаки и армянские повстанцы, с одной стороны, и курды — с другой безжалостно убивали любого попавшегося им раненного или безоружного человека.

К часу дня в Башкале оставалось всего-навсего триста или четыреста армянских женщин и детей и не более пятнадцати армян-ремесленников, которым городские власти сохранили жизнь только пото-

ли, что им не хватало работников в военных мастерских. Завидев меня, они бросились мне в ноги, умоляя не оставлять их на милость моего конвоя, который, по их словам, состоял из самых отъявленных негодяев среди всех волонтеров Башкале.

Удрученный этим зрелищем, я послал за губернатором, который в присутствии всех поклялся мне, что эти люди, как мужчины, так и женщины с детьми, будут целыми и невредимыми доставлены в Токарагуа. Я, не до конца веря в эту комедию, пригрозил смертью жандармам, если они нарушат его приказ.

Поверив слову Чефик-бея, я отпустил несчастных, которые целовали мне руки, стремена и даже лошадь и гриву моего коня. А в это время передовые части русских войск продолжали двигаться к Башкале. Впереди шли казаки и армяне — как пешие, так и конные.

Когда русские были всего в пятистах метрах от нас, мы выпустили по ним несколько снарядов и, преследуемые их патрулями, отошли к Сове. Там мы провели ночь.

Следующим утром мы вплавь переправились через Заб и к полудню пришли в деревушку Токарагуа, расположенную в нескольких верстах к северо-востоку от Куод-Ганиса (где находилась резиденция патриарха-несторианца Мар-Симоуна). Эта деревушка слыла самым центром гордого и дикого Курдистана. Труднопроходимые горные цепи служили границей между Турцией и Ираном. В это время года их склоны были покрыты льдами, однако на них уже кое-где виднелись изумрудные пятна зеленеющих по весне лугов.

С высоты караванного пути, по которому мы следовали, иногда отчетливо слышалось грозное журчание бурных вод, устремлявшихся ко дну мрачного ущелья, усеянного крошечными и, так и хочется сказать, цепкими деревеньками. Они чудом держались на почти отвесных склонах мощного зигзагообразного гребня гор. Вид его был хотя и неприветливый и дикий, но очень романтичный.

В Токарагуа я встретился с командующим нашей дивизией Кёпрюлюлю Кязым-беем. Албанец по происхождению, он был человеком честным и к тому же доблестным и опытным военным. Он наводил страх на русское войско в течение четырех или пяти месяцев, имея в своем распоряжении лишь дивизию жандармов Вана и турецких и курдских волонтеров губернатора провинции Джевдед-бея.

Его храбрость и энергичные действия настолько поразили русских, что они, не дожидаясь его прихода, с началом войны спешно покинули районы Башкале, Серая и других городов, чтобы укрыться на севере Персии, недалеко от Тебриза, который тоже был завоеван турками.

Таким образом обстояли дела на русско-турецко-иранском фронте, покуда там не объявился полковник Халил-бей (позднее Ха-

лил-паша из Кут-Эль-Амара) и не испортил все, повинуясь своим амбициям и врожденному хвастовству.

Желая вызволить наши запасы провизии и боеприпасы, все же попавшие к русским, я отобрал шестьдесят лучших всадников в конвое Кязыма и в сопровождении группы офицеров, которые добровольно присоединились ко мне, отправился в северном направлении. Я намеревался совершить налет на Башкале этой же ночью, если получится.

Незадолго до наступления темноты мы переправились через Заб. Около девяти заняли позицию напротив Башкале, затем подошли к его стенам как можно ближе и открыли огонь. Наше неожиданное нападение обратило в бегство казачий гарнизон, и мы отбили город.

Я немедленно выслал четыре передовых отряда вслед за противником, чтобы не терять его из виду, а также отправил письмо Кязым-бею с просьбой прислать мне подкрепление, чтобы мы смогли продержаться, пока он не подойдет с остальным своим войском. Башкале был ключевой точкой в ущелье Курд-Даги, которое прикрывало наши тылы при осаде Вана.

Остаток ночи мы провели на ногах, готовые в любую минуту вскочить в седло, но, к счастью, все тревоги оказались ложными.

Лишь на рассвете, когда первые лучи восходящего солнца окрасили в розовый цвет белоснежные вершины иранских гор, мы заметили вдалеке два медленно двигавшихся в нашу сторону вражеских полка, возглавляемых казаками.

Из-за блеска штыков, которые русские всегда держат наготове, эти две колонны напоминали пару чудовищ, нечто вроде гигантских змеев с золотой чешуей, которые лениво ползли по пыльной долине.

Понимая, что подкрепление вовремя не подоспеет, чтобы помочь удержать город, я приказал облить главные здания Башкале нефтью, так что когда туда пришли русские, они не обнаружили ничего, кроме груд пепла и города, объятого со всех сторон пламенем.

Близ Совы я поинтересовался у Чефик-бея, какова судьба армян из Башкале. Заметив, что он делает вид, будто не понимает, о чем я спрашиваю, я повторил свой вопрос. В ответ он протянул руку и указал на какие-то пещеры у подножья соседней горы.

Этого мне было достаточно.

И подумать только, что этот изверг получил образование во Франции, принадлежал к одному из виднейших семейств Константинополя и даже являлся одним из сенаторов Оттоманской империи!

За полчаса до прибытия в Токарагуа мы столкнулись с несколькими курдами, которые вели человека, на первый взгляд похожего на бродягу-иноверца.

Сколько Чефик-бей ни пытался заставить его говорить, все было напрасно. Когда его уже собрались было расстрелять, он подал знак мне, как будто желая что-то сказать.

Уважив его просьбу, я отозвал бродягу в сторону. Он обратился ко мне на чистейшем французском языке и поведал, что раньше жил в Париже. Я выяснил, что он был вовсе не армянским шпионом, как решили курды и турки, а персидским принцем необычайно знатного рода Фарма-фармах, если не ошибаюсь. Он бродил в горах, переодетый в бродягу, по воле обстоятельств.

Не видя никаких оснований удерживать принца в плену, я выдал ему пропуск, приказал его немедленно отпустить и сопроводить до иранской границы.

Год спустя этот человек пришел засвидетельствовать мне свое почтение в Алеппо. Перед уходом он в знак благодарности прикрепил мне на грудь почетный иранский орден, который я храню до сих пор.

Когда на закате рассеялись тучи над громадой диких гор, на склоне мы различили с полдюжины или больше бледных пятен. Это были палатки нашей экспедиционной армии, которая подошла к нам из Персии. По мере приближения к биваку мы все яснее видели пасущихся на склоне горы овец, мулов, быков и лошадей. Издали пехотинцы и кавалеристы в лагере напоминали муравьев — они сновали у складов, огневых позиций и вдоль рядов белых палаток, которые в красных лучах заходящего солнца казались пурпурными.

После ужина Кязым-бей представил меня командующему нашими экспедиционными войсками подполковнику Халилу. Халил принял меня, к слову сказать, следуя пышному восточному церемониалу, который мы, как правило, ошибочно принимаем за радушие. Однако на востоке подобные церемонии зачастую означают совершенно иное, порой они даже скрывают отравленную перчатку, или чашку кофе, или шелковый шнур.

Халилу в то время было лет тридцать восемь. Телосложения он был хрупкого, однако обладал красивыми чертами лица. Он поднялся по службе от капитана до полковника всего за три года, но не благодаря своим воинским талантам — его знания в военном деле не превышали знаний командира партизанского отряда — а потому лишь, что приходился дядей военному министру, Энвер-паше.

(Здесь уместно вспомнить, что система «повышения по службе за особые заслуги», применяемая в высших эшелонах оттоманского войска во время мировой войны, породила множество злоупотребле-

ний, особенно среди высших офицеров-младотурок, таких, как Энвер, Джемаль и прочие. Они возглавили Комитет «Единение и Прогресс» и делали все, что хотели, поскольку никто не мог им помешать: султан полностью им повиновался, а немцы предпочитали не вмешиваться во внутренние дела гражданских и военных органов управления Оттоманской империи.)

Войска, которые Халил привел из Константинополя, состояли в основном из линейных полков, обученных полковником Николаи-беем[1]. Они отличались особой храбростью и дисциплиной, а также были отлично экипированы.

К сожалению, даже это элитное войско быстро потеряло свои достоинства из-за разгильдяйства Халила, которое со временем вошло в поговорку у солдат и офицеров.

Халил, завидовавший Кязыму, поскольку тот честно завоевал себе славу, сражаясь на турецко-иранской границе, отстранил его от командования дивизией. Он также приказал вице-губернаторам Шадака, Бергири и Серая, которые героически сдерживали там наступление русской армии, немедленно отступить к нашим позициям. Таким образом он открыл дорогу русским, и те, разумеется, не замедлили захватить почти весь вилайет Ван и частично вилайет Битлис.

Настоящая причина его столь странных действий, которые кое-кто счел бессовестной продажей и предательством родины, заключалась в том, что Халил, понимая, насколько сам он бессилен перед русскими, не хотел, чтобы победа над ними досталась кому-нибудь другому.

Об этом я узнал позднее от разных людей, которые сами слышали его признание в то время, когда он находился под воздействием винных паров.

Таким образом, Халил-бей жертвовал один за другим нашими лучшими полководцами и командирами, которые более полугода удерживали власть Оттоманской империи вдоль всей границы с Ираном. Когда же от экспедиционных войск, пришедших вместе с Халилом из Константинополя, не осталось почти никого, он бросил оставшихся на произвол судьбы и уехал в Эрзурум, где развалил и 3-ю армию своими необдуманными поступками.

Видя, что и тут он не может извлечь для себя никакой выгоды, Халил взял с собой лучшие дивизии и отправился в Месопотамию. В результате он открыл границу русским, чем те не могли не воспользоваться. Они разгромили 3-ю армию и заняли большую часть провинции Эрзурум (март 1916 г.)

---

[1] Николаи – германский офицер, начальник Артиллерийского управления Военного министерства Турции

Халил с оставшимся у него войском переместился в Багдад, где тут же незаконно присвоил себе успех полковника Нурэддин-бея, который одержал победу в битве при Ктесифоне. Затем, воспользовавшись тем, что фельдмаршал фон дер Гольтц умер, он присвоил себе и его победу при Кут-эль-Амаре. Но, как и все лжецы, Халил вскоре распрощался со своим высоким положением, хотя перед этим успел уничтожить и 4-ю армию, командование которой доверил ему фельдмаршал незадолго до кончины.

После заключения перемирия Халил, Джевдед и еще двести младотурок, занимающих высокие посты, были взяты под стражу. Халил, по крайней мере два года назад, все еще ожидал приговора Главного военного совета Константинополя. Его обвиняли не столько за свои крупные военные поражения, сколько за зверства и причастность к массовым убийствам армян.

Халил-бей или Баха дорого обошелся Турции. Сначала страна потеряла из-за него провинции Ван и Бетлис, а также экспедиционную армию на границе с Ираном. Затем он погубил 3-ю армию и стал виновником сдачи Эрзурума. Наконец, он уничтожил 4-ю армию и потерял Месопотамию, так и не проведя ни одного сражения на территории противника. О Халиле — дяде Энвер-паши — можно, не погрешив против истины, сказать, что он был всего-навсего узурпатором. Таким оказался человек и командующий, с которым я имел честь познакомиться этой ночью в нашей штаб-квартире в Токарагуа. Нас окружали византийские вельможи, сопровождавшие Халила от самого Константинополя, привлеченные сюда перспективой бесконечных удовольствий и богатыми трофеями.

Тем временем Халил приказал Джевдеду оставить Ван на произвол судьбы и по хошапской дороге прибыть в Токарагуа. Повинуясь полученному приказу, губернатор со всеми своими людьми отправился по указанной дороге. Но, выйдя из ущелья Курд-Даги, он наткнулся на русских, которые разбили лагерь в Дерее и преградили ему путь в окрестностях Чоуга. Несмотря на это, после короткого боя, стоившего казакам пятидесяти убитых, Джевдед сумел-таки отбиться от неприятеля и при поддержке двух батальонов, присланных им на помощь, присоединился к нам в Токарагуа на следующий день. От него мы узнали, что после того, как он покинул Ван, армяне рассредоточились по всей долине, грабя и убивая всех мусульман, которые им попадались — стариков, детей и женщин. Иначе говоря, они совершили то, чего до сих пор не осмеливались совершить даже курды, которые — это правда — убивали мужчин, но женщин и детей — нет. По крайней мере, столь открыто.

Этот случай напомнил мне другой, свидетелем которого я был во время осады Вана. Я вместе с несколькими офицерами находился на крыше, наблюдая за пушечной стрельбой, в то время как на соседней крыше старая мусульманка развешивала белье.

Заметив ее, армяне открыли по ней сильный огонь и не оставили на ней живого места. Однако они так и не начали стрелять в нас. Ее изрешетить пулями было проще. По остервенению, с которым они стреляли, было понятно, что жизнь этой несчастной старухи интересовала их гораздо больше, чем полдюжины офицеров, находившихся гораздо ближе к ним.

Данный случай, как и многие другие в том же духе, которые я мог бы припомнить, конечно, повлияли на мое отношение к армянам и, до известной степени, его ухудшили. С одной стороны, я не могу ими не восхищаться по многим причинам, с другой — не могу их не порицать. Ведь одно дело — читать в газетах об убийствах, жестокости и несправедливости, а другое — видеть их своими глазами в обоих лагерях, так, как видел я, не имея возможности хоть как-то помешать этому.

Глава IX

5 мая мы перевели нашу штаб-квартиру из Токарагуа в окрестности Совы, где заняли выгодное положение, контролируя дорогу в Мосул. Русские тем временем окопались напротив нас, чтобы помешать нам продвинуться к Вану по хошапской и башкалекской дорогам.

Дорога на Вастан, протянувшаяся по всему южному берегу озера Ван, оставалась единственной, по которой мы могли бы отступать в Битлис.

Если б мы слегка поторопились, то могли бы без труда занять ее. Но Халил не решался на это, несмотря на советы Кязым-бея, имевшего большой военный опыт и понимавшего, какой серьезной угрозе мы подвергаемся.

Похоже, Халил-бей начал бояться русских после поражения под Дилменом. Он даже не осмелился начать наступление и попытаться прорвать линию московитов, лишь упускал бесценное время, которым пользовался противник, дабы сплести вокруг нас опасную и с каждым днем все более прочную паутину. Так мы провели несколько дней, ожидая атаки неприятеля. Мы с Халилом и его офицерами бродили по горам, охотясь на зайцев, кабанов и куропаток. Меня даже тогда занимали эти конные прогулки по диким горам Курдистана, древние крепости с башнями, похожие на гнездо кон-

дора, крошечные деревушки, видневшиеся на краю пропасти, в которой бурлили зеленоватые воды реки Заб и ее притоков.

Мы находились на высоте трех и более тысяч метров, посреди гор, скал и лугов, являвших собой тучные весенние пастбища, походившие на изумрудный ковер.

Везде, насколько хватало глаз, были видны лишь светло-зеленые холмы, усеянные белыми и ярко-красными цветочками. Вдоль ручьев, повсюду сбегавших с гор, журча и перекатываясь по камням, росли высокие желтые лилии и альпийские розы. Небо было жемчужно-золотым, поскольку на такой высоте небесный свод перестает быть голубым и становится прозрачным.

Появление русских взволновало курдов. Было видно, как они разбегаются в разные стороны со своими отарами перед московскими «гяурами» и их союзниками — армянскими волонтерами, которые не давали пощады ни одному мусульманину, попавшему им в руки.

На вершинах гор и в глубине ущелья — везде виднелись их живописные лагеря, похожие на поселения краснокожих, в которых я часто оказывался в бытность мою ковбоем.

Поняв наконец, какая нам грозит опасность, Халил принял решение отступать по дороге на Вастан.

Наша дивизия жандармерии, которая состояла из двенадцати батальонов опытных бойцов, умевших сражаться в горах, должна была образовать передовой отряд. Ее задача состояла в том, чтобы слиться с остатками гарнизона Вана, стоявшего лагерем недалеко от Шахманиса, и двигаться далее на Вастан. Остальное войско должно было идти вслед за ней.

В течение тех шести или семи дней, когда мы стояли в Сове, у нас не было ни одной серьезной стычки с противником — лишь иногда возникали перестрелки. Русских вполне устраивало такое положение вещей, когда мы сидели сложа руки, а они наступали на север, чтобы взять нас в кольцо.

Поэтому наше неожиданное отступление тут же встревожило неприятеля, который открыл по нашему войску яростный артиллерийский огонь и бросился в штыковую атаку на наш арьергард.

Однако все попытки московитов задержать нас оказались напрасными — наши отряды смогли уйти в горы Бервар и Нордуз и продолжить путь к Вастану.

26 мая мы с Кязым-беем в сопровождении нашего штаба и эскадрона конной жандармерии отправились в сторону Шахманиса, где, как я уже сказал, нас поджидал прежний гарнизон Вана и куда мы заранее направили основные силы нашей дивизии.

Ночь мы провели в деревушке Кешам. Жителями ее были не курды, а полукочевые израелиты, объяснявшиеся на смеси курдского и арамейского языков и признававшие многоженство.

После ужина я имел случай довольно долго беседовать с некоторыми из их старейшин, пришедшими поприветствовать меня. От них я узнал массу любопытных подробностей, в особенности об изгнании иудеев в Вавилон во времена Навуходоносора — они рассказывали об этом с такой непринужденностью, будто это случилось вчера.

Среди хранившихся у них реликвий была одна очень древняя копия Пятикнижия, записанная на длинном пергаментном свитке, который сворачивался вокруг древка из розового куста. Имелись у израелитов и другие ценные документы, записанные необычными буквами и по непонятной мне причине скрываемые от турок.

Помимо Кешама существовали, видимо, и другие селения, где проживали полукочевые израелиты. Они располагались у подножия гор Хартош и Джебел-Тоура. Их жители мирно соседствовали с хасидами, курдами и несторианами, населявшими эти дикие и малоизвестные гористые местности Загроса и Ботансу.

На следующий день, 27 мая, мы преодолели крутой перевал, рассеченный в нескольких местах пропастями, из-за чего мы вынуждены были по большей части спешиваться и вести лошадей под уздцы. Это было не очень просто, особенно мне, поскольку я уже некоторое время страдал несварением желудка, которое через несколько дней обернулось сильнейшим приступом дизентерии.

На следующий вечер в какой-то захолустной деревушке, названия которой я не помню, мы встретили нашего главного врача — Иззет-бея. У него уже был готов для нас великолепный ужин. Мы переночевали там, разбив лагерь на развалинах старинной крепости, в которой однажды останавливался Тамерлан. У тропинки, которая некогда была королевской дорогой, я заметил груду булыжников, каждый размером со страусиное яйцо: каждый из солдат Тамерлана должен был положить в нее камень.

Таким образом подсчитывались в древности на Ближнем Востоке приблизительные размеры войска. Он до сих пор существует под названием talimname[1] в некоторых областях Кавказа и Северной Персии.

29-го мы наконец прибыли в Шахманис, где я имел удовольствие встретиться с Ахмед-беем, Бурханэддин-беем и другими моими товарищами по осаде Вана. Не хватало только Киямбулата, который, как я узнал, пал в бою с русскими, уж не помню, где именно.

На следующее утро я двинулся с передовым кавалерийском отрядом по дороге в ущелье Касрик, которая вела в Вастан. Накануне

[1] Talimname — устав, наставление (тур.)

вечером мы приняли решение занять эту дорогу с помощью отряда из двухсот-трехсот человек и, таким образом, предотвратить нападение неприятеля с правого фланга.

Подъехав к селению Касрик, мы услышали ружейную пальбу, а затем и орудийные залпы. Они усиливались по мере того, как мы продвигались вперед. Столь сильный грохот сражения свидетельствовал, что наш маленький гарнизон, находившийся в ущелье, был только что атакован русскими и волонтерами-армянами из Вана. Вместе они насчитывали не менее трех-четырех тысяч пехотинцев и примерно восемьсот казаков, имевших при себе три или четыре батареи горной артиллерии.

Пытаясь спасти наших смельчаков, отчаянно сражавшихся на голом склоне, я послал в атаку батальон «Эрзурум», который неожиданно напал на правый фланг неприятеля. Тем временем «Мосул» укрепился на нескольких высотах и, ведя оттуда огонь, сумел подавить сопротивление вражеской артиллерии. В результате меньше чем за полтора часа мы вновь стали хозяевами ущелья, а незадолго до заката уже полностью контролировали ситуацию. Однако в этот момент от Кязым-бея нам поступил приказ покинуть Касрик и обосноваться в местечке X, чтобы затем продолжить марш в другом направлении.

Если бы мы не выполнили этого приказа, на рассвете могли бы захватить Вастан, а позднее, возможно, даже Ван, поскольку неприятель уже начал отступать к северу, полагая, что мы будем преследовать его всем войском.

Около десяти часов вечера я встретился с Кязымом, от которого узнал, что он действовал в соответствии с приказом Халил-бея. Тот срочно вызвал Кязыма на помощь, так как основные силы нашей экспедиционной армии оказались в очень тяжелом положении.

Русские пытались помешать отступлению Халила из Совы жестокой атакой в штыки (во время которой потери русских составили не меньше шестисот человек). Затем за ним в погоню пустились почти вся их кавалерия, так что к настоящему моменту войско Халила было не только загнано в угол, но почти что окружено московитами в окрестностях Мерване.

Чтобы спасти Халила, нам необходимо было напасть на правый фланг противника. Так мы и сделали, перебравшись ночью по Перпеледану, где в пропастях погибли многие наши вьючные животные. Тьма была такая, что, дабы и самим не сорваться в ущелье, приходилось держаться за хвосты лошадей, служивших нам проводниками.

В этот памятный день я смог по достоинству оценить заслуги нашей дивизии и опыт ее отважных бойцов.

Многие из наших жандармов были прежде разбойниками или повстанцами, которых сослали к турецко-иранской границе за непо-

виновение. Но в наших руках они стали послушными овечками, поскольку за малейшую попытку ослушаться их карали смертью.

Кязым-бей, я думаю, приказал расстрелять, а, возможно, и убил своими собственными руками больше сорока ослушников. Даже мне не раз приходилось с револьвером в руках или угрожая кинжалом прекращать беспорядки и останавливать грабежи. Но, несмотря на это, наша дивизия оставалась элитным корпусом во всех отношениях: ее бойцы умели мгновенно воспользоваться малейшим преимуществом, они перестраивались и применяли тактику партизанских отрядов, были настолько спаянными, что зачастую не нуждались в приказах командиров.

Эти жандармы не терялись даже в самую трудную минуту. При поражении они никогда не бросались в беспорядочное бегство, но покидали поле боя всегда лицом к врагу.

На рассвете мы добрались до деревянного мостика, перекинутого через Чатак как раз напротив селения Перпеледан. Курды, теснимые казаками, продолжали десятками тысяч спускаться с окрестных гор, ведя за собой огромные стада коз и овец. Часть их собралась толпой у окраины селения. Они препирались, чья очередь идти по мостику, иногда даже размахивали кинжалами и стреляли.

Нет нужды объяснять, какой поднялся переполох, когда подошла наша дивизия и мы стали ударами прикладов прокладывать себе дорогу среди этой толпы. Ведь спасение Халила зависело теперь только от того, как скоро прибудут наши силы.

Едва переправился на другой берег наш арьергард, как курды с удвоенной энергией бросились на мостик, который не выдержал огромной тяжести и с грохотом обрушился, превратив Чатак в новую Березину.

Эту ночь мы провели в Перпеледане, ожидая новостей от Халил-бея. Но мы их так и не получили. На следующее утро нас разбудил отдаленный звук выстрелов и непрерывные пулеметные очереди.

Через четверть часа мы с трудом различили вдалеке обозные колонны нашей экспедиционной армии. Они спускались зигзагообразными линиями по крутому склону холма, а следом за ними в безупречном порядке шли отдельные боевые части.

Если бы не грохот пальбы, никому бы и в голову не пришло, что это войско преследовали и уже почти окружили основные части вражеской кавалерии. И когда мы было двинулись навстречу нашему войску, нас удивило, что на одной из высот посреди дороги появились какие-то неизвестные отряды.

Слава Богу, это оказались передовые силы армии Халил-бея. Четверть часа спустя и он сам присоединился к нам, довольный тем, что вновь оказался под защитой нашей дивизии.

Тем временем завязался жаркий бой между неприятелем и нашим арьергардом. Укрепившиеся на другой стороне реки в селениях Мерване и Чилкери, русские войска состояли из многочисленных кавалерийских казачьих полков. Им были приданы стрелковые батальоны, которые по мере продвижения войска занимали удобные позиции и прикрывали основные силы во время боя.

Интересно было наблюдать за атакующими нас казаками. Они походили на озлобленных пчел. Прикрываемые своими стрелками, казаки исчезали вдруг за холмами, чтобы затем внезапно появиться уже на нашем фланге. Однако тут их поджидали наши пулеметчики: они гнали казаков назад, и множество их боевых коней возвращались обратно без седока.

Это напоминало Порт-Артур.

В половине второго в бой вступила наша артиллерия. Русские вынуждены были отступить и укрепились вокруг селения Мерване.

Пара их батальонов, отважившихся перейти реку, смогли окопаться среди горных уступов и скал, которые я держал под прицелом. Оттуда они открыли ответный огонь по холмам из красного порфира, где стояли мои части, образующие крайне левый фланг нашего фронта.

Мы находились менее чем в трехстах метрах друг от друга, однако все попытки русских выбить нас отсюда закончились неудачей: им пришлось отступить и дожидаться захода солнца, чтобы покинуть поля боя в темноте и избежать кровавой расправы с нашей стороны.

При отступлении к ним присоединилась пара сотен также обращенных в бегство сибирских казаков — поначалу мы их не заметили за склоном горы.

Когда казаки увидели, что их обнаружили, и услышали свист пуль, пущенных в их сторону нашими опытными солдатами, то бросились врассыпную, взлетая на полном скаку на склон противоположной горы. Но, несмотря на то что нас отделяло от них не менее восьмисот метров, мы все же нанесли им заметный урон.

Я заметил, что у казаков было довольно много лошадей белой и сивой масти. Это навело меня на мысль о том, что они получили подкрепление из армянских волонтеров, так как казаки, в особенности сибирские, использовали обычно лишь скакунов темного окраса.

Когда стемнело, артиллерия и пехота неприятеля, засевшая в нескольких километрах от Мерване, стала отступать из опасения, что мы предпримем ночную контратаку. Однако на следующее утро они вернулись. Но уже не для наступления, а чтобы вести за нами

наблюдение на расстоянии пушечного выстрела. В это время другая часть неприятельской пехоты, которая подошла ночью, захватила дорогу на Чатак и таким образом отрезала нам путь отступления в Битлис по дороге на Вастан.

Мы оказались запертыми здесь, зажатыми в тиски основными частями русской армии, которая угрожала нам с трех сторон. Иначе говоря, мы оказались прикованными к покрытым льдом горам в непроходимых районах верхнего Ботана. Вдобавок мы неожиданно попали в метель, которая принесла нам много мучений, особенно ночью. От снега также страдали наши лошади, и без того измученные многочисленными переходами через дикие горы Нордуз и Бервар.

На следующее утро мы проснулись от громкой перестрелки. Поначалу мы испугались неприятного сюрприза со стороны неприятеля. Но это оказалось не так. Пара заблудившихся медведей в испуге бродила по нашему лагерю в поисках выхода. Однако злая судьба привела их к котлам и жаровням наших поваров.

Мы находились на высоте три тысячи метров над уровнем моря, и температура воздуха была как в Сибири.

Мы продолжали находиться в крайне тяжелом положении, и одному Богу известно было, где бы мы отдали концы, если бы судьба не улыбнулась нам. Она предстала в виде некоего Норо, главаря курдских разбойников и помощника знаменитого разбойника Мурмухи. Норо, заручившись нашим обещанием добиться отмены угрожавшего ему смертного приговора, взялся вывести нас в Сиирт через суровые ледники Ботана и Джуди.

Я поверил на слово этому типу, и наше войско пустилось в путь по никому не известным местам. Как уверял меня сам Джевдед-бей, я был первым иностранцем, ступившим на эту землю.

Второй раз в моей жизни я путешествовал по доселе неизведанным районам.

В ночь на 5 июня снова повалил снег, но теперь он сопровождался бешеным ураганом. Из-за него замерзли несколько вьючных животных и сотня или две солдат. А 6-го утром наша дивизия двинулась вперед в арьергарде войска.

Поначалу русские преследовали нас, но затем, видя, что мы не обращаем на них внимания, они отстали — возможно, боясь засады.

В тот вечер мы спустились в прелестную долину, скрытую от человеческих взоров высочайшими горами. Мы увидели пестрые луга, цветущие сады и три или четыре селения, окруженные фруктовыми рощами. Но дома стояли пустые. Их жители поспешно бежали, узнав о нашем приближении. У двери водяной мельницы мы наткнулись на стадо груженных мукой ослов, которых бросили бежавшие хозяева.

На рассвете мы стали подниматься вверх по грозным, с виду непроходимым, заснеженным горам. Их посеребренные склоны круто изгибались от гребня к гребню и терялись вдалеке средь белых пиков Хартоша, взметнувшихся до самых облаков.

Мы находились на совершенно неизведанной земле. Позже, а точнее говоря ближе к вечеру, мы пересекли ущелье, покрытое толстым слоем снега — в четыре-пять метров.

И уже на рассвете начали спускаться по направлению к югу, следуя течению многочисленных ручьев, чьи бурные красноватые воды срывались по обрывам в овраги, увлекали с собой куски льда и образовывали водопады, которые с оглушающим грохотом разбивались о дно пропасти.

Поскольку продовольствия недоставало, в течение этого и следующего дня мы были вынуждены питаться корешками и какими-то ароматными, напоминающими по вкусу лук, травами, которые курды используют для приготовления сыра.

К нашему великому счастью, количество растительности увеличивалось по мере того, как мы спускались. К закату мы уже грелись вокруг огромных костров, то и дело пыхающих пламенем и стреляющих искрами.

В то время, как я отдыхал, завернувшись в плащ, слушая ночное пение птиц и наслаждаясь видом чернеющих скал, покрытых льдом и окрашенных пурпурными отблесками огня, тишину нарушил пронзительный тоскливый вой. Он повторился несколько раз и, казалось, доносился с темных, острых вершин, которые окружали нас.

Наши курды, услышав подобный вой, обычно собирались вокруг костров, в страхе шепча суры из Корана, чтобы прогнать этого «шайтана», или Сатану Гор. Судя по голосу, это была на самом деле пантера.

Этот кошачий вой, а также завывание волков вдалеке время от времени будили в моем воображении воспоминание о том, что нам пришлось пережить в Кельехане, в котором хозяевами были не люди, а дикие звери.

7 июня мы продолжали спускаться по склону горы, заросшей кустарником, кривыми грушами-дичками и карликовыми каменными дубами. Мы спускались до вечера, пока не вышли в обширную долину, называемую курдами maziro[1]. С севера на юг ее пересекала какая-то полноводная река (мне кажется, что это было верхнее течение Ботансу).

Окруженные сверкающими, словно бриллианты на солнце, заснеженными горными хребтами, эти плато альпийской зоны Хаккяри

[1] Mazi — 1) чернильный орешек, 2) пальма (курд.)

были terra incognita. Снег покрывает их восемь месяцев в году. Они известны лишь курдам и езидам, которые приходят в эти места летом пасти стада и собирать чернильные орешки.

Переходя тем же вечером реку, я смог оценить наших дромадеров. Они шли по шею в бурлящем потоке, перенося с одного берега на другой наши боеприпасы и наши артиллерийские орудия. Если бы не верблюды, все это пришлось бы оставить на берегу: лошади и мулы должны были преодолевать реку вплавь, поскольку с головой уходили под воду, если пытались перейти ее в брод.

Не было ничего красивее окружавшего нас пейзажа. Особенно прекрасен был вид на юг, где в голубой дали четко виднелось одинокая заснеженная вершина Джебель-Тоуры. На западе же сверкали на солнце серебристые вершины горы Джуди (горы Евреев)[1]. По древнему арамейскому преданию, именно к ней причалил когда-то Ноев Ковчег.

Впредь вместо снега нам встречались по пути только страшные базальтовые пустоши и каменистые урочища. Наши бедные животные поранили на них ноги и охромели. Кроме того, нам приходилось подбирать больных и раненых из войска Халила, которых бросили из-за недостатка транспортных средств.

Иногда я был вынужден бросать боеприпасы, чтобы забрать с собой некоторых из этих несчастных, которые в противном случае неизбежно погибли бы от рук курдов или стали добычей диких зверей.

9 июня мы обошли вокруг подножья горы Джуди, которая тянулась с востока на запад, как огромная глыба льда. Около четырех часов дня мы с Кязым-беем спешились в маленьком селении Кизгир, которое своими садами и ореховыми рощами издали напоминало желанный оазис.

Там мы встретили Халила. Во дворе чудесного дома он сидел на ковре, разутый, и попивал rakl, или düziko, то есть виноградную водку, в обществе своей свиты.

Одновременно с нами прибыли подполковник Исаак-бей и известный политик Омар Наджи-бей. Они очень отрицательно относились к объявлению Турцией войны Италии. Нам, не помню уж каким образом, недавно стало об этом известно.

Некоторые, в их числе и Омар Наджи-бей, проклинали тот час, когда Османская империя вступила в эту войну, и считали, что необходимо во что бы то ни стало заключить сепаратный мир

[1] Yahudı – еврей (тур.)

с союзниками, даже если для этого придется пожертвовать частью своей территории.

Жалко было смотреть на Кязыма, одного имени часто было достаточно, чтобы обратить противника в бегство. Он вынужден был уступить все лавры Халил-бею, этому архиубийце, который из зависти и невежества в военном деле только что уступил неприятелю провинцию Ван.

Когда я прибыл в селение в поисках продовольствия для наших людей, страдавших от недоедания уже целую неделю, я наткнулся на совершенно пустые лавки на базаре. Войска Халила прошли здесь, как стая саранчи, разрушая и разбрасывая на своем пути все, что не могли унести с собой.

На следующий день мы поехали по безводной местности, окруженной желтоватыми известковыми холмами. Они напомнили мне форты в Андах на краю саванн Касанар. К одиннадцати часам мы подъехали к селениям Амбар и Гюндеш, которые Халил приказал разграбить и сжечь под предлогом того, что их жители якобы украли оружие у некоторых наших солдат.

На берегу реки я заметил качавшиеся на ветру трупы полдюжины повешенных курдов. А через некоторое время мы наткнулись человек на двадцать армян, которых наши люди нашли в горах — они скрывались там, пытаясь выдать себя за несториан. Однако все их усилия оказались напрасны. Ими занялся наш арьергард. Когда мы снова тронулись в путь, до меня донеслись ружейные выстрелы.

В ту ночь я спал ужасно. Меня беспокоили блохи и сильные приступы дизентерии, которая грозила обернуться тифом.

В этих местах водились клещи и огромное множество слепней, которые не давали покоя нашим животным.

Выбравшись из кавказский снегов, мы стремительно спустились в субтропики Джазиры и Верхней Месопотамии.

12-го июня мы наконец перешли впадающую в Тигр Ботансу по мосту Саман-Копрю (который казаки поначалу попытались отбить у нас) и вошли в провинцию Битлис. В этот день наши пути с Халилом разошлись. Он со своим войском продолжал двигаться на север, чтобы заручиться поддержкой Джевдеда и организовать бойню в Сиирте, Битлисе, Муше и Сасоне. Кязым-бей тем временем получил приказ двигаться к Карахисар и вернуть провинцию Ван, которую Халил потерял из-за своих промахов.

В конце концов, несогласный с таким количеством неоправданных убийств христиан, совершенных если не по прямому указанию, то по крайней мере с негласного благословения главнокомандующего нашего экспедиционного корпуса полковника Халил-бея, я попросил понижения до исполняющего обязанности начальника штаба диви-

зии жандармерии Вана. Воспользовавшись ночной темнотой, я переоделся жандармом и отправился в город. Был мне жгучий выяснить, что стало с сестрой Мартой и мисс Макларенн.

К сожалению, я не смог их разыскать и до рассвета должен был вернуться к своему небольшому конвою, который оставил в деревушке солеваров под названием Варкан. Там меня неожиданно застал городской глашатай с последней новостью из Константинополя: германский император обратился в исламу.

По дороге в Сиирт ко мне присоединились несколько офицеров из батальона волонтеров Башкале. Они с гордым видом рассказали мне, каким образом в ваши бы не нанесено подготовленное и жданное ранее *окончательного приказа*. Хаин-бей, чтобы начать одну из самых подлых расправ в истории современной Армении.

В приливе дружеских чувств (стражи почти всегда были ко мне расположены, возможно потому, что я выучил их язык) они даже посоветовали мне поторопиться, если я хочу успеть на великую резню в Сиирте — она вот-вот должна была начаться под руководством генерал-губернатора провинции Джевдет-бея.

18 июня, спустя полудня, мы прибыли в город. Сиирт — это бывшая служающаяся квартал домики. Указывали на то, что его основали армяне.

Шесть минаретов, один из которых стоял накренившись, вырисовывались как гигантские иглы на бирюзовом небе Месопотамии.

На прилежащей равнине спокойно паслись стада коров, овец и черных буйволов. Несколько заросших шерстью громадных верблюдов, дремавших, лежа у единственного источника.

Однако это мимолетное чувство умиротворения, которое вызвала эта картина в моей измученной душе, внезапно улетучилось из-за ужасного зрелища, открывшегося на соседнем с дорогой холме. Тысячи полуобнаженных окровавленных тел громоздились друг на друге. Кое-кто из них еще был жив.

Отцы, братья, дети и внуки нашли свой преждевременные мучения и перерубленные ятаганами.

То тут, то там виднелись руки и ноги, сотрясаемые предсмертными конвульсиями.

Из перерезанных глоток ручьями вытекала кровь, унося с собой жизнь этих несчастных.

Стаи воронов взлетывали с глаз у уже мертвых и еще умирающих. В застывших взглядах их агонизирующих жертв выразился весь ужас предсмертных мук. Питавшиеся падалью псы вонзали острые клыки в еще теплые внутренности.

Придя в ужас от столь жуткой картины и перескакивая через горы трупов, преграждавших путь нашим лошадям, мы наконец

въехали в Сиирт, где полиция наравне с простым людом грабила дома христиан.

В Доме правительства я встретился с верхушкой администрации этой провинции, собравшейся на совет. Его возглавлял начальник местной жандармерии капитан Назим-эфенди, лично руководивший расправой.

Из его слов я сразу понял, что об этом кровопролитии распорядился за день до того Джевдед-бей, сам же он на рассвете направился в Битлис, чтобы начать еще одну резню, о которой мне рассказали офицеры из Башкале.

Один из вышеупомянутых административных чинов, с которым я был в дружеских отношениях, предупредил меня со всей осторожностью, что Халил уже распорядился убить меня, дабы я не мог позднее ни в Константинополе, ни за границей рассказать о происшедшем. Ведь во всем войске, по словам Халила, я был единственным христианином и непосредственным свидетелем того, что не дозволено видеть неверному.

Между тем я разместился в красивом доме несториан, разграбленном, как и все прочие. Из всей мебели осталось лишь несколько сломанных стульев. Полы и стены были залиты кровью. В дальнем углу я нашел английский словарь и маленькую иконку Девы Марии. Наверное, какой-нибудь ребенок спрятал их там впопыхах.

Немного отдохнув, я спустился в военный клуб, где меня уже ждала группа офицеров, бывших у меня под началом во время осады Вана. В их обществе я мог спокойно смотреть на те жестокие вещи, которые совершали жители Сиирта в это время.

Среди прочих малоприятных сцен, которые я должен был наблюдать с улыбкой на губах, помню патруль жандармов. Они вели почтенного старца. Тот был в черной рясе и фиолетовой скуфье, выдававших в нем несторианского епископа. Из раны на лбу стекали капли крови, скатываясь по его бледным щекам, они превращались, казалось, в кровавые слезы страданий. Проходя мимо нас, он задержал свой взгляд на мне, как будто бы угадывая во мне христианина, однако затем прошел дальше, в сторону того холма, где лежала его паства, опередившая своего пастыря на пути смерти. Там он остановился, распростер руки крестом и упал, изрубленный саблями убийц.

Через некоторое время появилась толпа городской черни, волоча за собой трупы детей и стариков. Головы умерших бились из стороны в сторону и бились о булыжную мостовую. Проходящие мимо люди плевали в них и поносили их.

Так, одна за другой, разыгрывались на моих глазах все более и более трагические сцены. В конце концов, устав быть свидетелем

этого ужаса, я отправился домой. Я наконец принял решение не служить под знаменами Халил-паши, позволявшего совершать подобные издевательства над людьми.

Тем временем стемнело, и серебристая луна вскоре взошла над верхушками пальм и куполами далеких мечетей. Похожие на волшебные замки, они грозно и величественно созерцали загадочную лазурь небес, в то время как из глубин земного мрака время от времени доносились, словно предсмертные стоны, слабые отзвуки военных горнов и таинственный вой гиен.

Когда луна поднялась высоко в небо, я уже был далеко от Сиирта и ехал по земле Кашана. Никто даже и представить себе не мог, в каком направлении я двигался.

В полдень мы с помощью курдов пересекли широкую реку. Курды, проводившие нас на другой берег, попытались предательски напасть на нас. Однако мы, предвидя это, уложили их почти всех первым же залпом.

В те времена человеческая жизнь не стоила и ломаного гроша. Горе тому, у кого во рту можно было разглядеть золотые коронки. Курды способны были долгое время преследовать человека, чтобы в конце концов, выдрать их предварительно перерезав бедняге глотку.

Перед самым закатом мы прибыли в небольшое селение под названием Сокайда, в котором проживал глухонемой старейшина Мохамед-Чефик, брат богатого шейха Мохамеда-эфенди. Последний был владельцем семидесяти деревень в соседней равнине. Он сражался на нашей стороне в Ване, но затем из личного интереса перешел на сторону врага.

Курды поначалу отказывались принимать меня под предлогом, что Мохамед-эфенди отсутствовал. На самом-то деле они хотели вынудить меня ехать дальше и прирезать меня вместе с небольшим отрядом из семи жандармов ночью в каком-нибудь пустынном месте.

Однако блестящего маузера, ловко приставленного мною к животу глухонемого старейшины, а также того факта, что кое-кто из курдов знали меня в лицо и слышали обо мне еще в Ване, сполна хватило, дабы Мохамед-Чефик поменял решение. Он немедленно предложил мне остановиться у него в доме. Однако, прекрасно зная курдов и их подлый нрав, я отказался от этого приглашения и предпочел расположиться в стоящем особняком строении, с крыши которого были видны верхушки окружающих домов.

Внизу я поставил лошадей под присмотром трех жандармов. А сам с четырьмя остальными своими спутниками поднялся на второй этаж, приготовившись — в случае нападения — защищаться до последнего.

После ужина я отправился на самый верх моей маленькой крепости, чтобы насладиться прекрасным видом, открывавшемся оттуда. Особенно великолепен он был на востоке: розоватые вершины горы Джуди виднелись на фоне перламутрового неба. На западе же дремала, окутанная туманной дымкой у самого горизонта, голубая громада гор Сасун и Анток — именно там в 1896 году армяне с Верхнего Тигра дали отпор турецко-курдским войскам Али-паши. Там же спустя пять недель должны были погибнуть почти все выжившие до того дня христиане провинции Битлис под ударами сабель курдов и под пулями волонтеров жестокого Джевед-бея. Этот тиран убивал, возможно, не только ради того, чтобы убивать, но также и потому, что был свято убежден — таким образом он служит своей родине и в первую очередь своей религии. Так же и крестоносцы под началом Готфрида Бульонского[1] в 1099 году вырезали все еврейское и мусульманское население Иерусалима числом в 80 тысяч душ.

Цепи голубых гор и обширные шафрановые долины, похожие на искусно вытканный гобелен, окружали нас со всех сторон. Казалось, каждая из здешних руин и даже каждый камень говорят мне о блистательной персидской коннице и ее метких стрелках, которые наводили ужас даже на римских легионеров.

Поскольку курды, как и прочие исконные жители Месопотамии, в теплое время года обычно спят на крышах, я удивился, что в тот вечер туда никто не поднялся. Если не считать нескольких мужчин, которые забрались наверх прочесть вечернюю молитву, а заодно и проследить, что делаем мы. Их странное поведение окончательно убедило меня в том, что курды что-то замышляют. Чтобы они не застали нас врасплох, я на всякий случай принял все необходимые меры предосторожности и стал ждать.

В начале первого я услышал странный звук с одной из соседних крыш, за которым последовал едва уловимый свист. Догадавшись, что это не что иное, как сигнал к действию, я выстрелил в воздух, чтобы предупредить моих людей внизу.

Мой одинокий выстрел, похоже, стал знаком для курдов, они разу же открыли по нам яростный огонь и не прекращали его до самого рассвета.

Тем временем, привлеченные, вероятно, шумом сражения, нас окружили десяток или два турецких дезертиров, до того прятавшихся в ближайших горах. Увидев такое скопление курдов, которые воинственно вопили и готовились к штурму, они вместо того, чтобы

---

[1] Готфрид Бульонский — герцог Нижней Лотарингии (1060—1110), был заступником гроба Господня.

прорваться к нам, перепугались и кинулись бежать к холмам, преследуемые курдами. Те, видимо, вскоре догнали их и убили.

Воспользовавшись этим неожиданным поворотом событий, мы сели на лошадей и, несмотря на то что четверо из нас были ранены, проложили себе дорогу саблями и пистолетами и поскакали во весь опор прочь. Но прежде этого мы успели поджечь дом, в котором провели ночь, и на прощание выстрелить пару раз в окна здания, где засели Мохамед-Чефик и его приспешники.

Утро казалось прекрасным и полным радости не только нам, но даже нашим лошадям, которые не переставали ржать.

Единственное, что никак не вязалось со столь прекрасным ощущением света и жизни, были дымящиеся развалины христианских деревень и омерзительный запах мертвечины.

Меж тем курды пришли в себя от удивления и, вскочив на своих норовистых скакунов, бросились за нами в погоню. Однако догнать нас они не решались. Урок, который мы им только что преподали, и близость к селению Сок, видимо, отрезвили их: постепенно они исчезли в облаке пыли.

Старейшиной в этом селении был мой старый друг, болгарин-вероотступник. Он встретил меня с распростертыми объятиями и тут же сообщил, что только что получил срочную телеграмму от Джевдед-бея, в которой тот спрашивал, не видели ли меня здесь. Эта новость сильно обеспокоила меня. Зная благородный нрав моего друга, я со всей откровенностью поведал ему о том, что со мной случилось. Он же имел мужество дать Джевдеду отрицательный ответ.

В этот же день за обедом я сумел разглядеть в окна дома старейшины несколько сотен христиан — детей и женщин — расположившихся на рыночной площади. На их впалых щеках и во ввалившихся глазах уже лежала печать смерти.

Среди женщин (большинство из них были молоды) находились и матери с детьми, точнее сказать со скелетами детей на руках.

Одна из них явно потеряла рассудок. Она укачивала полуразложившийся труп новорожденного.

Еще одна женщина лежала на земле не двигаясь. Она была мертва. Двое сирот, думая, что она спит, со всхлипами пытались ее разбудить.

Рядом с ней в луже алой крови умирала другая женщина, очень молодая и красивая. Ее убил солдат из конвоя.

В бархатистых глазах умирающей, которая, похоже, была из аристократической семьи, отражалась неописуемая, ужасная мука. Когда я пробился с помощью хлыста через толпу курдских жандармов, которая ее окружала, и протянул ей стакан воды, она успела лишь поцеловать мне руку — и скончалась.

Когда прозвучал сигнал отправляться, эти грязные, одетые в лохмотья скелеты, стали подниматься один за другим. Они воплощали в себе всю горечь человеческого существования, взывающую к небесам. Эти несчастные медленно удалялись, сопровождаемые толпой курдов и всякого местного сброда, которую бородатые жандармы пытались отогнать, бросая в нее камни. Правда, безуспешно — курдов не пугали такие мелочи, они не отставали от своих будущих жертв, предвкушая добычу, как стая грифов-падальщиков. Эти подонки осыпали бедняг проклятиями и размахивали кинжалами перед их носом. Единственный грех этих несчастных пленников заключался в том, что они были христианами.

Служащий канцелярии губернатора, которого я знавал прежде, по секрету сказал мне, что за прошедшую неделю уже несколько подобных конвоев были отправлены в Синан, но ни один так и не дошел до места назначения. Когда я спросил почему, он смиренно ответил: «Поскольку Аллах велик и милосерд!».

Отдохнув сутки, мы снова отправились в путь.

Месопотамское солнце ярко светило над морем золотых колосьев, а вдали сверкали серебристые воды реки Батмансу, впадающей в Тигр. В полдень мы пересекли ее на пароме. Примерно около часа мы соединились с эскадроном тяжелой кавалерии, шедшей в авангарде 36-й дивизии под командованием полковника Генштаба Сиаг-бея. Он был старейшим преподавателем Военной академии Константинополя, очаровательным человеком, и к тому же прекрасно говорил по-немецки.

Несмотря на все его положительные качества, а также на то, что в свое время он учил Халил-бея, тот через несколько недель приказал отстранить его от должности, а потом и вовсе разжаловал. Только потому, что Сиаг-бей мешал Халилу.

Эту ночь я провел в Синане. Алькальдом (muhtar) этого городка был молодой араб с огненно-рыжими волосами. Он сразу же мне не понравился. Потому что был излишне любопытен, как и все арабы низкого происхождения. Так, например, заводя разговор о резне, он непременно хотел узнать мое мнение, которое я не имел ни малейшего намерения высказывать, и говорил лишь, что меня как человека военного эти дела мало касаются.

Однако алькальд, тем не менее, приказал своему секретарю вполголоса (якобы для того, чтобы я не услышал) немедленно телеграфировать в Военное министерство в Константинополе и сообщить, что я нахожусь в Синане и знаю обо всех событиях (hepsi-belir)[1]

[1] Hepsi — все (тур.), belirgi — очевидность, ясность (тур.)

Можете себе представить, что я почувствовал, услышав это. Я, разумеется, сделал вид, что ничего не понял, и, прощаясь, как бы невзначай обронил, что собираюсь на следующее утро продолжить свой путь в Мосул по дороге на Редван и перейду мост Akrebi (иначе говоря, «скорпионов») в окрестностях Джазирет-ибн-Омара.

Поначалу я и в самом деле следовал этим маршрутом, но через несколько часов свернул с дороги, взяв курс на запад, и прибыл вскоре в Бисмиль, где и заночевал. Во главе этого селения стоял черкес — человек очень сдержанный, который приютил меня в своем доме. Наутро, прощаясь, он добродушно улыбнулся и известил меня, что он «все знает, но чтоб я не беспокоился». Я ушел со спокойной душой — ведь я был его гостем, а для черкесов гость — это святое.

В тот день, 25 июня, Джевдед-бей приказал повесить в Битлисе Какиджяна-эфенди вместе с двумястами наиболее почитаемых армян, предварительно изъяв у них — в качестве ссуды — пять тысяч фунтов золотом. Эту сумму он впоследствии разделил с Халилом.

Не удовлетворившись этим злодеянием, он приказал отвести всех живших в Битлисе армян мужского пола группами по пятьдесят человек в пустынное место в близстоящих горах и убить их. Армян похоронили в общих ямах, предварительно вырытых ими же. Единственными, кого он оставил в живых, были десяток или два ремесленников — они нужны ему были в военных мастерских.

Молодые женщины были отданы на откуп черни, а старухи с детьми младше двенадцати лет — высланы.

Таким образом, за один единственный день в Битлисе и его окрестностях погибло около пятнадцати тысяч армян.

Одна иностранка, проживавшая тогда в Битлисе, рассказывала об этой резне в своем письме от 23 июня (1915 года) и говорила среди прочего следующее: «После заключения армян в тюрьмы турки начали высылать женщин. Узнав об этом, я направилась к губернатору и умоляла его сжалиться над ними. Но он ответил мне, что если бы даже и захотел, то не смог бы этого сделать, так как приказ был отдан самим Халил-беем». Затем сеньорита добавила, что написала прошение Халилу, но тот даже и не подумал ответить ей.

У меня есть основания полагать, что этой сеньоритой была сестра Марта, о которой я уже рассказывал в предыдущих главах.

Те немногие армяне, которым удалось избежать расправы битлисцев, поспешили укрыться у своих соотечественников в округе Муш, а также частично среди беженцев из Сливана и Бишерика. Этих беженцев преследовали курды из Беле, Бекрана и Шего и оттесняли в дикие непроходимые горы Сасун и Анток. Последняя возвышается, словно дозорная вышка, в горной цепи Антитавра над выжженными долинами Диярбакыра.

Число этих беженцев доходило до тридцати тысяч — мужчин, женщин и детей. Взгляд их был одновременно грустным и свирепым. Они отступали до тех пор, пока не были загнаны на покрытые снегом вершины вулканов и гребни гор, венчающие мрачную и необъятную горную цепь. Там эти люди, став спиной к пропасти, бросались с высоты, ни за что не желая попасть в руки курдам и волонтерам Джевдед-бея. Тот из-за своего патриотизма, фанатизма или кровожадных инстинктов — называйте это как хотите — окончательно превратился в ангела смерти, истребляющего армян в восточных провинциях, и в послушную марионетку Халил-бея. Халил вертел Джевдедом как хотел, ради того чтобы отомстить христианам за моральную и материальную поддержку, которую те оказали русским в битве при Дилмене и в последующем завоевании провинции Ван.

После истребления в городе Битлисе армян, халдеев, сирийцев-католиков и несториан Джевдед в сопровождении тогда уже ставшего подполковником Кязым-бея (судя по тому, что мне рассказывал позднее сам Джевдед) направился в долину Муш, чтобы покарать непокорных жителей этого округа и тех, кто прятался в горах Сасуна.

(Так это называли турки, когда речь заходила об устроенной ими резне...)

Тогда долина Муш и ее окрестности в районе Сасуна были отрезаны мощными отрядами жандармерии и курдских асиретов. Джевдед-бей, как обычно, потребовал выплатить ему ссуду, вслед за чем последовали произвол и всякого рода преступления, приведшие к уничтожению огромной части армянского населения данного вилайета. Наряду с этим началось всеобщее мародерство, затронувшее восемьдесят или сотню христианских селений в долине Муш и даже сам город. Там армяне, как всегда, совершили стратегическую ошибку, укрывшись в больших зданиях и церквях, каковые турецкая артиллерия, естественно, не замедлила стереть с лица земли.

Таким образом, в Муше и его окрестностях меньше чем за две недели погибло около пятидесяти тысяч армян.

В некоторых близлежащих деревнях, таких, как Аледчан, Маграком и Кескег, были совершены ужасающие преступления. Часть женщин и детей согнали в сарай и сожгли живьем, тогда как остальные нашли смерть в волнах Евфрата.

В это время, избрав предлогом «незаконное хранение оружия», турки начали осуществлять массовые депортации и убийства в городах Мардин, Диярбакыр, Мезире, Карпут и других. В них было покончено почти со всем христианским населением, а следовательно, практически со всей торговлей и процветающей промышленностью в провинциях Мамурет-эль-Асис и Диярбакыр.

После расправы в Диярбакыре прокатилась волна кровавых убийств и стычек по провинции Адана, в результате чего север Сирии (Цейтун, Урфа, Мараш и др.) был заполонен беженцами из центральной и северной Анатолии. Депортации были приостановлены лишь в Смирне и Константинополе по настоянию Австрии и Германии.

Провинции Ван и Битлис, Диярбакыр и частично Мамуретэль-асис были единственными, в которых совершались убийства в полном значении этого слова. В остальных вилайетах империи гонения приняли форму массовых депортаций, которые, однако, привели к тому же результату. Так, до трех четвертей, а иногда — и до девяноста-девяноста пяти процентов бесконечных верениц тысяч и десятков тысяч депортированных, отправлявшихся из прибрежных районов Черного моря и из центральной и восточной части Анатолии в сторону пустынь Сирии и Месопотамии, как правило, погибали по дороге от тифа и голода.

Те же, кто не умер по этим причинам, становились жертвами курдских и черкесских бандитов. Они нередко погибали от рук жандармов: те, устав конвоировать этих несчастных, избавлялись от обузы, забивая их прикладами, или заставляли — под дулом ружей — переплывать глубокую реку, в водах которой эти ходячие скелеты исчезали навсегда.

Я своими глазами видел на берегах Евфрата истощенные тела десятков или даже сотен армянских детей и женщин, служивших пищей грифам и шакалам.

Наличие этих трупов меня сильно удивило, так как гражданские власти Оттоманской империи обычно скрупулезно заметали следы своих преступлений — так, чтобы даже стаи воронов и собак, питающихся падалью, не выдали постороннему глазу место недавнего пиршества хищных гиен с полумесяцем на лбу.

Убийства и депортации, без сомнения, являлись частью хорошо продуманного плана реакционной партии, возглавляемой великим визирем Талаат-пашой и гражданскими властями, находящимися у него в подчинении. В соответствии с этим планом он намеривался расправиться в первую очередь с армянами, а затем с греками и другими христианами, бывшими подданными Оттоманской империи.

Доказательством тому служат убийства в Сиирте, Джазире и близлежащих округах, когда погибло не меньше двухсот тысяч христиан-несториан, сирийцев-католиков, якобитов и прочих, которые не имели никакого отношения к армянам и всегда были верными подданными турецкого султана. То же самое произошло с депортированными армянами Анкары: почти все они были католиками и предпоч-

ти умереть, но не отречься от веры в отличие от армян-грегориан, которые в такой же ситуации приняли ислам.

Чтобы стало понятно, с каким преступным безразличием гражданские власти Оттоманской империи относились к страданиям и мольбам полутора миллионов христиан, погибших во время этих расправ, думаю, достаточно вспомнить одну фразу, произнесенную великим визирем Талаат-пашой во время его встречи с американским министром мистером Моргентау:

«Убийства? Ах, да! Надо же мне было чем-то развлечься!».

Глава X

После Бисмиля нам уже не приходилось больше карабкаться по горам. Окружающий пейзаж напоминал равнины Дакоты, а поля пшеницы простирались со всех сторон до самого горизонта.

По небу проносились черные тучи саранчи, предвещая голод и чуму. Колодцы и резервуары для воды были заполнены разлагающимися тельцами насекомых, которые настолько заражали воду, что даже животные отказывались ее пить.

Подобные наблюдения, сделанные мной в течение тех четырех лет, что я оставался в Турции, наводит меня на мысль, что эпидемии холеры — столь частые на Ближнем Востоке — происходят именно из-за потребления гнилой воды.

Мучаясь от сильного жара и приступа дизентерии, которая усиливалась день ото дня, я продолжал путь, крепко держась за луку седла, чтобы не упасть. Внезапно мой конь остановился, и я, подняв глаза, увидел, что у моих ног расстилается прекрасная долина, покрытая зелеными пастбищами и цветущими полями, похожими на восточный ковер. В противоположном ее конце на фоне лазурного неба — на отвесном плато — вырисовывалась, словно венец смерти, огромная зубчатая стена, сооруженная из черных базальтовых блоков.

Это был город, который арабы называли Диярбакыр, а турки — Кара-Амит или Черный Амит, столица одноименной провинции, служившая конечными пунктом судоходного пути по Тигру.

Над ее ощерившейся крепостной стеной возвышались более дюжины ажурных круглых, восьмигранных и даже квадратных (вместо колоколен) минаретов. Они были увенчаны темными куполами. На юге же пылали в солнечных лучах снежные вершины горы Караджадага.

По мере того как дорога сворачивала и изгибалась изящными петлями, уводя вглубь долины, я смотрел вокруг все более и более

рассеянным взглядом. Наконец мы проехали по построенному еще римлянами мосту длиной в десять-двенадцать арочных пролетов. Только к вечеру, проезжая по прекрасным цветущим фруктовым садам и рощам, мы прибыли в древнейший город Зофене, или Диярбакыр, через ворота, называемые Demirdin[1], расположенные в изгибе крепостной стены — сквозь ее огромные бреши и бойницы уже были видны первые звезды на темном небосклоне.

Мой скакун не раз вздрагивал из-за трупного смрада и светящихся глаз шакалов, бродивших, словно неприкаянные души, вокруг темных домов армян: они подходили то к порогу, то к окну, то к разбитой двери, что стонала, словно привидение, раскачиваясь на ветру.

Слава губернатора Решид-бея, задумавшего и организовавшего эту резню, все росла и росла и почти достигла славы Джевдеда. Единственная разница между ними заключалась в том, что Джевдед, хотя и был хитер и вероломен, как пантера, являлся при этом отважным воином, не чуждым своеобразного великодушия, в то время как Решид представлял собой гиену, которая убивает, не рискуя собственной шкурой.

Ту ночь я провел в здании военной комендатуры в качестве гостя Мехмеда Асим-бея, начальника жандармерии, расквартированной в этом городе. Он лично возглавлял расправу над армянами, недавно осуществленную в Диярбакыре.

Обходительный и образованный, как все турецкие эфенди, он с самого начала окружил меня вниманием и даже показал две фотографии, на которых был запечатлен он и его подчиненные, стоящие у горы оружия, якобы тайно хранившегося и найденного ими в домах и даже церквях армян.

Однако если повнимательней приглядеться к фотографиям, то тут же можно было заметить, что на самом деле это была гора охотничьих ружей, ловко прикрытых сверху боевыми винтовками. Это заставило меня заподозрить, что вся эта внушительная груда вооружения вовсе не была обнаружена Мехмедом Асим-беем, но служила лишь для того, чтобы обмануть и впечатлить общественное мнение. Тем не менее мне показался любопытным рассказ начальника жандармерии о том, что русские еще задолго до войны распространили среди армян, халдеев и несториан в провинциях Ван, Битлис, Диярбакыр и Урфа значительное количество оружия и боеприпасов к нему, дабы они поднимали восстания по мере того, как русские войска будут продвигаться в сторону залива Искендерон.

По правде говоря, план русских был совсем неплох. Неизвестно было лишь, действительно ли у армян хранилось оружие, или это

[1] Demir — железо, din — вера (тур.)

фантасмагорические домыслы турецких властей. Ведь они, привыкнув к своему мрачному кровавому режиму, воображали, что и весь мир настроен столь же кровожадно, и в первую очередь армяне, которые, благодаря своей энергии и талантам в конце концов стали представлять настоящую угрозу для младотурок: те, как ни стремились, не могли сравняться с ними ни в чем, особенно в промышленности.

Нет сомнений, что у некоторых (а может быть, и многих) армян огнестрельное оружие было. Но кто мог обойтись без него в тех местах, где каждый вынужден заботиться о собственной жизни, особенно когда младотурки сами толкали их на это?

После провозглашения hürryet[1], или конституции, в 1908 году с согласия министерства иностранных дел стали образовываться различные националистические армянские комитеты. Они открыто продавали оружие и боеприпасы всем своим сторонникам, которые способны были заплатить.

Это происходило к тому же не только в провинциях Ван, Битлис и Диярбакыр, где армяне и так имели огнестрельное оружие, но почти по всей Оттоманской империи, начиная с Константинополя.

Подозрения турецкого правительства насчет армян, проживающих в вилайетах Мамурет-эль-Асис, Диярбакыр и Урфа, были беспочвенны или, по крайней мере, никак не могли оправдать приказа вырезать в этих провинциях десятки (а может быть, и сотни) тысяч детей и женщин только за то, что они были христианами.

На следующее утро мне передали записку от Мехмеда Асим-бея, в которой он извинялся за то, что был вынужден уехать этой ночью, не имея возможности проститься со мной. За завтраком я узнал от одного из его денщиков, что с ним отбыл и почти весь его полк, дабы устроить новую кровавую расправу Бог знает где.

Располагая парой свободных часов, я сел на лошадь и поехал взглянуть на исторические памятники и развалины Диярбакыра — города, служившего крепостью еще ассирийским и вавилонским правителям во времена вторжения скифов и прочих северных варварских племен.

Город Кара-Амид расположен между базальтовыми пустынями и изумрудного цвета плодородной долиной Зофене. Эта долина оброждена целой системой оросительных каналов и потому издали напоминает серебристое кружево. Город окружен гигантской стеной четырнадцать футов шириной и тридцать, сорок, а местами и пять-

[1] hürryet — свобода (тур.)

десят — высотой. Она увенчана семьюдесятью башнями, которые украшены как изящными надписями, выполненными куфической вязью (простой и цветистой), так и красивейшим орнаментом в различных стилях.

Эта знаменитая оборонительная система окружностью в три или четыре мили, внутри которой имеется множество широких крытых галерей, покоится на частично разрушенной крепости Ич-Кале. Высота ее ветхих башен достигает сорока метров.

Помимо несторианского монастыря, примыкающего изнутри к крепостной стене и особо известного своим двойным восьмиугольным куполом, в крепости Диярбакыра имеется также дворец правительства, большая казарма, с полдюжины или более общественных зданий и стройная мечеть: сквозь ее отделанные под бронзу решетки окон можно было видеть саркофаги — позолоченные и украшенные цветами, если в них покоились останки женщины, или же увенчанные тюрбаном с султаном, если в них были погребены воины. И словно для того, чтобы придать этому месту еще больше очарования, в его садах струятся, переливаясь и журча, бурные воды огромного акведука, который был построен еще римлянами и снабжает город водой уже около двадцати веков.

В Диярбакыре имеется также тринадцать караван-сараев, дюжина или две общественных бань, восемь или девять церквей, среди коих особенно примечательны по разным причинам уже упомянутый несторианский монастырь, греческая православная церковь мелекитов, знаменитейшая церковь Св. Марии якобитов и, наконец, еще одна (название которой я уже не помню), превращенная в конюшню. В последнем я убедился на следующий день, когда пришел проведать своих коней: они были привязаны в главном алтаре вместе с лошадьми из разных эскадронов.

Среди тридцати или сорока мечетей, иногда украшенных декоративными элементами из резного камня, а также расположенными друг над другом стрельчатыми арками, со сверкающими витыми колоннами внутри них, особенно выделяется своей красотой и оригинальностью известнейшая Улу-Джами[1], или Главная Мечеть. По предположению некоторых историков, она — так же, как и многие христианские святыни этого округа, превращенные арабами в мечети, — была построена из камня от знаменитой церкви Святого Фомы, на руинах дворца Тиграна.

В Улу-Джами выделяется трех или четырехэтажный минарет, квадратный, с отверстиями, похожими на окна, из-за чего он на первый взгляд похож на старинную колокольню. Главный неф мече-

[1] Ulu — великая (тур.), Cami — мечеть (тур.)

обращен не к югу, как полагается, что опять же выдает его христианскую основу.

Возможно, для того, чтобы все мусульманские секты, которые претендуют на эту святыню, могли в ней молиться, помещение мечети было мысленно поделено на три части: «Hanefi», «Caferi» и «Maliki»[1].

Среди наиболее оригинальных черт этого знаменитого храма можно отметить его побеленные нефы и своды, почти лишенные украшений. Этим мечеть сильно отличается от богато украшенных остальных прочих мечетей Диярбакыра. Выделяется также ее северный фасад, который обращен к haram[2], или внутреннему двору: у основания, а также на высоте четырех или пяти метров от земли он украшен полосой из мраморных или белокаменных плит. Обе полосы покрыты надписями, верхняя — более древними, чем нижняя, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Как может быть, чтобы верхняя часть этого фасада была сооружена раньше, чем та, что находится у основания?

Эту странную особенность я отметил также и на некоторых сторожевых башнях крепости. Хотя на некоторых из них еще сохранились кое-где каменные гербы с двуглавым орлом, какие были символом древней Армении, постройка этих башен приписывается курдским и туркменским правителям, о чем сообщают нам горделивые надписи. Однако я в конце концов заподозрил, что нижние ряды базальтовых блоков в этих сооружениях были выломаны и заменены на такие же, только из мрамора, с фальшивыми эпиграфами. Возможно, древние султаны и мусульманские государи желали таким образом остаться в истории как основатели городов и крепостей, хотя на самом деле они были лишь похитителями чужой славы.

Я позволил себе сделать это замечание, чтобы помочь тем, кто, не изучив памятник на месте, садится писать труды по истории археологии, основываясь лишь на фотографиях или на рассказах других людей.

Бесспорно, самой красивой частью этой мечети является ее широкий мощеный внутренний двор, который украшен фонтаном в форме беседки. На севере двор огражден галереей монолитных и вросших в землю колонн, украшенных коринфскими капителями. На востоке его окружает двойная галерея колонн (или, лучше сказать, аркад), тройных и красивых, она отделяет двор от входа в мечеть. На западе же находится галерея из эллинистических колонн, на сей раз не монолитных, а выточенных из отдельных каменных блоков. Они

---

[1] Hanefi — ханифит, последователь учения Ханифи (тур.). Caferi — одна из сект шиизма. [2] Maliki — последователь Малика, маликиты (тур.).
[2] Haram — запретный (тур.).

целиком покрыты фантастическими и причудливыми рисунками, которые две тысячи лет назад, вероятно, соответствовали тому, что сегодня в обиходе обычно называют безвкусицей, столь любезной взорам богатых выскочек. Это, видимо, объясняется следующим — двор являлся частью дворца царя Тиграна; сей правитель, судя по всему, не разделял вкусов древних греков, а был своего рода варваром. Так и не проникшись классической красотой эллинистического искусства, он счел, что усовершенствует его, прибавив по своему разумению всевозможные украшения и художественные излишества.

Короче говоря, эта знаменитая западная сторона двора, породившая столько теорий и догадок археологов, на мой взгляд, является лишь образцом причудливых фантазий неотесанного ума, мастерски воплощенных одним из многочисленных греческих художников. По-видимому, он был одним из трехсот тысяч пленных эллинов и римлян, которых царь Тигран привел из Каппадокии, чтобы они построили ему разнообразные дворцы (в Тигранокерте и прочих городах), в частности дворец Диярбакыра. От него остались лишь эти вычурные галереи, в целом сомнительной художественной ценности, несмотря на блистательное исполнение отдельных деталей.

Поскольку армяне, на которых держались ремесло и торговля в Диярбакыре, были уничтожены, городские базары были пусты; богатейшее производство сафьяна, ковров, шерсти и шелка полностью парализовано.

Лишь только сельскохозяйственные продукты, такие, как пшеница, ячмень, табак, хлопок и фрукты (среди которых выделялись дыни и арбузы огромных размеров), а также уголь и медь, добываемые в шахтах Кемюр-Хани и Эргани-Мадена, остались единственными товарами, поддерживающими жизнь города с населением в тридцать тысяч человек. Уже до войны его жители состояли в подавляющем большинстве из турок, курдов и туркмен, иначе говоря явных последователей мусульманства.

Из четырех ворот в крепостных стенах, окружающих город, самые красивые — Алеппские, или Rum-Kapi[1]. Помимо огромных железных створок на них сохранились красивейшие рисунки и надписи различными алфавитами на разных языках, а также ниши в греческом стиле и изображения римских орлов.

Являясь конечным пунктом судоходного пути по реке Тигр, Диярбакыр с незапамятных времен был важнейшим перевалочным пунктом также и караванных путей. Отсюда сирийские и анатолийские купцы отправляли свои товары в Багдад на плотах, установлен-

[1] Rum — грек. Kapi — ворота (тур.)

ных на наполненных воздухом бурдюках из буйволиной или бараньей шкуры.

Так вкратце можно описать Диярбакыр, или Кара-Амид, который, будучи бесспорно крупнейшим торговым центром, считается одним из самых важных городов Оттоманской империи и ее передовым форпостом в пустынных равнинах Джазиры, или Северной Месопотамии.

После завтрака я нанес визит вали, или главному губернатору провинции. Решид-бей был пятидесятилетним мужчиной с изысканными манерами, он получил образование в Париже и принадлежал к одному из самых аристократических семейств Стамбула.

Когда я деликатно осведомился, предупредил ли его военный министр о моем приезде в город, он ответил отрицательно. А после того как я дал понять, что рассчитываю получить консультацию у одного американского врача, который, по слухам, проживает в Диярбакыре, Решид-бей сообщил, что тот уже уехал. Губернатор добавил, даже не без некоторого огорчения, что за последние несколько дней ему пришлось выслать из провинции почти всех членов американской миссии, поскольку их поймали с поличным, когда они передавали за границу зашифрованные ложные сведения о деятельности турецких властей.

Затем, прибегнув к осторожным, но достаточно ясным высказываниям, Решид-бей намекнул, что, уничтожая армян в своем вилайете, он лишь выполнял приказ начальства. А посему ответственность за случившуюся резню лежит не на нем, а на его начальнике — Талаат-бее, в то время министре внутренних дел (год спустя ставшем великим визирем Талаат-пашой). Именно министр прислал по телеграфу приказ, в котором, если мне не изменяет память, было всего три слова: «Yak — vur — öldür», что означало: «Жги, круши, убивай».

Подлинность этого ужасного приговора подтверждается тем, что уже после заключения перемирия в константинопольских газетах была опубликована некая телеграмма, которая была обнаружена турецкой комиссией по расследованию массовых убийств и депортаций среди бумаг в секретариате Комитета «Единение и Прогресс». В этой телеграмме великий визирь Талаат-паша в следующих выражениях приказывал главе отделения Комитета в вилайете Малатиа организовать уничтожение христиан данной области: «Aneantissez, expulsez, etc.... j'assume la responsabilite morale et materielle»[1].

[1] «Уничтожайте, высылайте и т. д. ...моральную и материальную ответственность я беру на себя» (фр.)

27 июня на рассвете я сел в повозку и отправился прочь из Диярбакыра — с тем чтобы два с половиной года спустя вернуться сюда и провести пару месяцев в качестве инспектора кавалерии 2-й армии.

Когда на Алеппских воротах заскрежетали петли, и их железные створки распахнулись, чтобы выпустить меня, я наконец-то вздохнул с облегчением: уже несколько дней я ждал, что меня вот-вот арестуют по приказу военного министерства из-за проклятой телеграммы, посланной градоначальником Синана в Константинополь (в ней сообщалось, что мне известно все об устроенной турками резне).

Памятуя о том, к каким суровым методам прибегают турки, дабы заставить молчать человека, который слишком много знает, я ни на секунду не упускал из виду моего запасного коня, оседланного на черкесский манер и скакавшего на привязи вслед за повозкой. При неожиданном нападении он помог бы мне спастись и отыскать в пустыне бедуинов. Если бы я в те дни попался в руки Халила и Джевдеда, то исчез бы «по-турецки», т. е. бесследно. Ведь они боялись (с полным на то основанием), что позднее я расскажу обо всем, что видел, и им придется отвечать за свое участие в массовых убийствах и депортациях.

Утро было прекрасное. Следуя по военной дороге в Урфу, мы проехали — уже на изрядном расстоянии от города — мимо дюжины или двух армянских домов, разграбленных и частично разрушенных. Затем, километра через два, мы оказались в Великой Каменистой пустыне, которая расстилается от самых предместий Диярбакыра до северной границы с Сирией.

Колоссальные крепостные стены Кара-Амида, построенные из черных базальтовых блоков, придавали городу похоронный, чтобы не сказать зловещий, вид. Не менее уныло выглядели и его предместья, покрытые черной распаханной землей и кусками вулканической породы, которые издали можно было принять за надгробные плиты.

Единственным светлым пятном, которое я заметил в этом чрезвычайно грустном пейзаже, были фиолетовые горы Антитавра с заснеженными вершинами, окружавшие обширную мрачную долину Зофене, словно громадное ожерелье из жемчугов и аметистов.

Через несколько часов езды мое внимание привлекли какие-то непонятные фигуры, которые посверкивали среди скал и на выжженной солнцем земле. Желая понять, что это такое, я постепенно приближался к ним, как вдруг мой конь испугался и встал на дыбы перед одной из фигур. Передо мной лежали раздутые и кишащие червями трупы десятков, а может быть и сотен, армянских солдат.

ся по всему, конвой приказал им отойти в сторону от дороги, и все они были безжалостно зарезаны.

Их выпущенные наружу внутренности, блестевшие в лучах солнца, я и заметил издалека. Это зрелище убедило меня, что в провинции Диярбакыр турки не ограничились уничтожением христианского населения в одной только столице вилайета. Армяне всей этой части стали жертвами жесточайших преследований и мучений.

Поудобнее устроившись в глубине повозки, я уснул. Но через некоторое время меня разбудили тревожные крики — нам преградили путь пикет конных жандармов и верховых курдских асиретов с ружьями наперевес. Я с трудом удержался от того, чтобы прыгнуть с седла и броситься с револьвером в руках им навстречу, отправить на тот свет нескольких из них и помчаться в пустыню в поисках оставших бедуинов — ведь я хорошо знал турок и боялся, что это засада. К счастью для меня и для жандармов, их начальник подъехал к мне и показал письменное распоряжение проверять подорожные документы всех офицеров, проезжающих по этой дороге. Увидев мои бумаги, подписанные самим Энвер-пашой, он тотчас извинился, распорядился пропустить меня, а затем рассказал, как несколько дней тому назад по дороге в Сиверека из Алеппо были задержаны один капитан и два лейтенанта, которые при ближайшем рассмотрении оказались не турками, а переодетыми бельгийцем и армянами. Они везли секретные бумаги к восставшим в Битлисе и в Ване. «Вот кому повезло беднягам», — сказал я про себя. Самое ужасное заключалось в том, этих людей выдали сами же армяне, так как армянин, когда речь заходит о деньгах, продаст любого.

Горько вспоминать многочисленные случаи, которые стали известны не только в Алеппо, но и в Адане и в прочих местах, когда депортированные не колеблясь, почти открыто продавали своих детей — порой меньше чем за двадцать реалов.

Через полчаса мы снова наткнулись на пикет жандармов, стоявших на обочине дороги. А еще через пятьсот шагов нам повстречались тысяча триста — тысяча пятьсот безоружных армянских солдат. Они тесали камни и чинили дорогу.

Их испуганные, брошенные украдкой взгляды, а также большое количество пеших и конных жандармов вокруг объяснили мне наконец, что за работу отправился выполнять накануне утром Мехмед Рагим-бей вместе со своим полком.

В эту ночь гиены возблагодарят этого доброго командира, а также Рагим-бея — градоначальника Сиверека. Тот, узнав, какая ужасная трагедия должна разыграться у его селения, не нашел в себе моральных сил даже выразить протест против подобного бесчеловечного преступления.

Уже в сумерках мы приехали в местечко под названием Карабунаркёй, населенное курдскими асиретами. Увидев, что меня сопровождают всего трое жандармов, курды повели себя крайне неприветливо.

К счастью, тут прибыли отряд пехоты и эскадрон черкесских волонтеров — они немедленно указали курдам их место. Это происшествие послужило им хорошим уроком на будущее, дабы они не совершали подобные ошибки при появлении других путников.

Следующим утром мы снова двинулись в путь по Великой Каменистой пустыне. Это была огромная степь, или cöl, покрытая чахлой травой и глыбами застывшей лавы. Здесь не было ни деревца, ни капли воды. Лишь к одиннадцати часам вдали показалось в глубине рыжей котловины, похожей на оазис, селение Сиверек, окруженное садами, огородами и виноградниками.

В Сивереке мне пришлось задержаться на пару часов по причине нового приступа дизентерии и лихорадки, из-за которых в последние несколько дней мое самочувствие резко ухудшилось.

Вдоль дороги из Сиверека количество селений возрастало. Почти с наступлением вечера мы спешились в деревеньке, называемой Карадже, которая расположена километрах в двадцати от Евфрата. Там мы задержались, чтобы посмотреть на танцы и всевозможные трюки бродячих циркачей.

На следующее утро, посвежевшие и отдохнувшие, мы вновь тронулись в путь и довольно рано въехали в город Урфу, или Эдессу, знаменитую бывшую столицу королевства Осроэна, где проживал не менее знаменитый царь Абгар: прослышав о чудесах, творимых Иисусом Христом, он обратился к нему и был исцелен.

По легенде, в знак благодарности за то, что сей монарх укрывал христиан от преследований фарисеев, Господь наш послал ему чудесный плат, на котором отпечатался Его лик. Легенда сообщает также, что только благодаря присутствию в Эдессе этой реликвии (теперь она, кажется, находится в одном из соборов Италии) город не сдался ни персам, ни сарацинам, которые неоднократно осаждали его больше чем на год[1].

С незапамятных времен город Урфа являлся одним из самых значительных центров Сирии и Месопотамии благодаря своему необыкновенно выигрышному расположению. Он контролировал бога-

[1] Как пишет Евсевий Кесарийский, Абгар V еще при земной жизни Иисуса Христа искал его в надежде, что он исцелит царя от паралича Апостол Фаддей, один из семидесяти Апостолов, принес плащаницу в Эдессу Затем, заказав у местного ювелира золотую раму, он сложил плащаницу так, что стал видеи только Лик И Х., тем самым полотно превратилось в икону Приняв икону, царь исцелился и вскоре стал христианином Реликвию окружили большим почетом как защитницу царя и города

тейшие равнины Харрана и Суруча (на которых стоят шестьсот—восемьсот селений), а также плодородные земли в бассейне Верхнего Евфрата и реки Хабур. Когда-то эта территория и была царством Осроэна, среди его главных городов выделялись Эдесса, Чарех, Гераполис, Нисефориум и Ресайна, которая ныне называется Рас-Эль-Айн.

Уже за тысячу пятьсот лет до Рождества Христова Эдесса, хотя и под другим названием, видимо, существовала наряду с такими важнейшими торговыми центрами древней империи хеттов, как Кадеш, Хамат и Кархемиш. Однако и в наши дни этот город пользуется большой славой не только благодаря богатейшим природным богатствам его окрестностей, но также и потому, что в городе Харран, или Чарех, в эпоху арамеев жил Авраам (в последние годы жизни) и скончался его отец Фарра.

Среди святынь этого города выделяется главная мечеть, в то время как среди его исторических достопримечательностей наиболее интересен знаменитый birket-ibrahim[1], или пруд Авраама. В прозрачных водах этого изящного водоема плавают карпы и отражаются ветви неподвижных, словно погруженных в сон, кипарисов, а также сероватые купола медресе довольно мрачного вида.

Урфа — это своего рода оазис посреди каменистых склонов Антитавра и глинистых пустынь Верхней Месопотамии. Когда я в конце июня 1915 года проезжал там, в Урфе была целая укоренившаяся здесь колония предприимчивых армян. Они, узнав, что им также грозит депортация, подняли восстание и засели в христианском квартале, где им удалось продержаться четыре или пять недель под натиском отрядов Фагри-паши и его доблестного начальника штаба графа Вольфшкеля фон Райхенберга. Последний несколькими месяцами ранее уже во многом поспособствовал укрощению непокорных в Зейтуне и Мараше, которые первыми открыто выступили против власти султана — возможно, вдохновленные мыслью о том, что военные действия в Дарданеллах закончатся победой англичан (февраль и март 1915 года).

Во время осады Урфы, которая началась четыре или пять недель спустя после моего приезда, армяне допустили политическую ошибку, захватив в заложники некоторых высланных турками англичан и французов — таким образом они надеялись заставить союзников высадиться и направить свои войска им на помощь.

Подобный характерный для армян поступок, близкий к шантажу и вымогательству, уже не один раз наводил меня на мысль о том, что даже когда Джевдед в свое время выдал пропуск членам американ-

---

[1] По-видимому, bereket — счастье, благоденствие (тур.)

ской миссии (в Ване), армяне их наверняка не выпустили: они предполагали использовать их как заложников, считая, что русские помогали освободить Ван не столько из любви к армянам, сколько из желания угодить американскому правительству, ведь оно было очень озабочено судьбой американских граждан, оставшихся в этом городе.

Лучшим доказательством моим догадкам является поспешное отступление русских из провинции Ван (в июне 1915 года), когда они бросили армян на произвол судьбы, так что многие из них, в том числе тысячи женщин и детей, были схвачены, растерзаны, зарезаны курдами и нашими волонтерами в предместьях Бергири.

Незадолго до темноты я поднялся на один из самых высоких минаретов города, чтобы насладиться величественным видом окрестностей бывшей столицы царства Осроэна.

Я как сейчас вижу эти каменистые склоны, которые вздымались величественной грядой и уходили вдаль на север к крутой горной цепи Антитавра, опоясывающего горизонт на сколько хватало глаз. На юге же расстилалось, не переставая восхищать взор, целое море пшеницы в плодородных долинах Суруча и Харрана. Там и сям виднелось множество селений с глиняными островерхими домиками, напоминающими сахарные головы.

Однако, хотя я и продолжал с большим интересом осматривать окрестности и пытался запомнить свои впечатления, чувство опасности, как дамоклов меч, не давало мне покоя сильнее, чем прежде. Вот почему я отпустил мою охрану и в сопровождении лишь двух моих помощников на следующее утро отправился в путь по направлению к югу.

Ровно в два мы приехали на станцию Араб-Бунар, что находилась на железнодорожной ветке, идущей до Багдада. Я рассчитывал сесть на вечерний поезд, который бы доставил меня в Алеппо меньше чем за сутки. К несчастью, поезда не было ни в этот день, ни на следующий. Я застрял на станции, не зная, что предпринять, поскольку возвращаться в Урфу было поздно. Ко мне подошел начальник станции — он был армянином — и сказал мне, что в километре отсюда живет один немецкий инженер. Если я его попрошу, то он наверняка разрешит мне пробыть несколько дней в его доме.

Я последовал совету армянина. И в самом деле — через четверть часа я получил записку от сеньора Фохта, в которой было всего два слова: Herzlich willkommer[1].

Невозможно описать, с каким искренним радушием принял меня этот славный господин, который, кстати говоря, последние сорок лет жил в пустынях Сирии и Палестины.

[1] Добро пожаловать (нем.)

Из ванной комнаты я прошел в столовую чтобы отведать блюда традиционной немецкой кухни которых не ел с самого детства После приятной беседы завершившей нашу трапезу я отправился передохнуть Я почти успокоился, поскольку понимал что встретил друга на которого могу рассчитывать и которому могу доверить свои беды

После завтрака я сел на лошадь и решил проехаться до станции. Когда я приехал туда то стал свидетелем сцены которая не перестает меня поражать до сих пор Оказалось, что ни много ни мало 250 английских французских русских и итальянских негоциантов и адвокатов были заперты охраняющий их прислугой и кучерами на скотном дворе огромного караван сарая Эти мерзавцы намеревались любыми способами изъять у иностранцев серебро которые те везли с собой

Среди часовых стерегших пленников находился один суданский негр Поначалу он отказался исполнить мой приказ и выпустить несчастных тогда я выстрелил в него из револьвера и начал хлыстом сечь остальных охранников В результате — меньше чем за полчаса — московиты которые были самыми бедными и ехали в Урфу бесплатно а затем и остальные пленные у которых были все же какие то средства, уже спокойно сидели в соседнем кафе и дожидались поезда

Я конечно догадывался что подобный поступок — слишком уж радикальный а возможно и чересчур альтруистический, — со временем сослужит мне дурную службу Однако я поступил именно так как подсказывала мне совесть

Среди жертв нападения были люди известные чьи имена я по случайности помню до сих пор В Р Хенсманн из Иерусалима господа Фергюсон, Фаланга (отец и сын) Хефторн Альбер Гекклер Жоли с сыном, Дюбуа Констан и Арбела из Бейрута а также господин Риццо и доктор Любикс из Константинополя

В тот вечер когда мы с господином Фохтом сидели на террасе его маленького шале за чашкой чая, из Алеппо прибыл один швейцарский инженер по фамилии Вюст Он с таинственным видом рассказал нам, что в Сирии и Палестине зреет восстание

Я вскоре привык к подобным уткам распускаемым швейцарцами работавшими на багдадской железной дороге Их пристрастие к пустым слухам даже вошло в поговорку

В пять часов вечера 4 июля (1915 года) на алеющем сирийском горизонте показались, наконец, сторожевые башни крепости Алеппо Полчаса спустя мы подъехали к ее просторному центральному вокзалу, который в то время считался центральной точкой Оттоманской империи

В том же поезде, что и я, ехали под конвоем один депортированный молодой англичанин и американский врач из Диярбакыра со своим семейством.

Увидев их в столь неприятном положении, я не мог не представиться им — иначе они подумали бы, что я отказываюсь их приветствовать от того, что они под арестом.

С вокзала я отправился прямиком в немецкий клуб, где и остановился. Там я имел честь раскланяться, среди прочих, с начальником гарнизона графом фон Вольфшкелем, майором фон Микошем, начальником штаба объединенного экспедиционного корпуса Сирии и Палестины, затем — с капитанами Каппелем, Гарольдом Путцером, фон Кайзерлингом и Клингхардтом, а также со многими другими офицерами. Они рассказали мне о событиях, произошедших в Турции за те пять или шесть месяцев, покуда я пребывал в горах.

На следующий день меня осмотрел доктор Фай — главный врач нашего экспедиционного корпуса в Египте. Он никак не мог понять, каким образом мне удалось проделать столь тяжелый и долгий путь при таком состоянии здоровья, и немедленно прописал мне полный покой в течение нескольких недель.

Затем я направился в штаб-квартиру, чтобы засвидетельствовать почтение Джемаль-паше, который одновременно являлся главнокомандующим 4-й армией, морским министром и генерал-губернатором Сирии и Палестины. Я нашел его в рабочем кабинете, до отказа набитом шелковыми вещами ярчайших расцветок. Он конфисковал их у своих жертв с явным намерением преподнести их затем наложницам или женам из своего роскошного гарема.

Джемалю тогда было лет пятьдесят пять — пятьдесят шесть. Он был среднего роста, носил черную бородку клинышком и имел вид настоящего палача — даже его кошачья улыбка не могла скрыть в нем характера кровожадного труса.

Его доверенным лицом был начальник главного штаба подполковник Али-Фуад-бей. Этот господин был полным ничтожеством, хотя любил сравнивать своего командира Джемаль-пашу с фон Гинденбургом, а себя самого — с фон Людендорфом. Однако реальным командующим 4-й армией был не Джемаль, а храбрый полковник фон Кресс-бей, позднее ставший фон Кресс-пашой. В отличие от вопиющего труса Джемаль-паши и завистливого дурака Али-Фуад-бея фон Кресс мог бы легко захватить Суэцкий канал еще в самом начале войны, то есть тогда, когда силы англичан в Египте были малочисленны и к тому же не имели опыта военных действий в пустыне.

Али-Фуад-бей, таким образом, стал орудием в руках судьбы, спасшей Египет усилиями англичан. Он же покончил и с нашей 4-й

мней в тот самый момент, когда приказал ей перейти от наступления к обороне.

В ту ночь в Алеппо, уж не помню по какому поводу, устроили garden-party[1], или kermesse[2]. На этой вечеринке можно было видеть много проводящих время дам из высших слоев местного христианского общества. Они, казалось, состязались в красоте, чтобы понравиться Джемалю. Тот в качестве знаков внимания к ним произносил тосты, если не в честь их мужей и родных, то, по крайней мере, за удачу в их делах. Последние же, как и подобает подлинным левантийцам, без колебаний предпочитали выгоду чести.

Такого поведения, как у христианок, я не видел у мусульманских женщин, которые — по крайней мере в том, что касается их внешнего облика, — всегда казались мне бесконечно выше, чем оттоманские гречанки и левантийки.

Так называемое высшее левантийское общество Ближнего Востока, в котором преобладают банкиры и прочие представители коммерции на высшем уровне, всегда проявляло себя невыгодным образом не только в Европе, но даже в Константинополе и Оттоманской империи. Это происходило из-за их полной аморальности, низменных интересов и врожденной склонности к мошенничеству. Эти качества, судя по всему, являются квинтэссенцией их национального характера, а точнее говоря интернациональной чертой, поскольку большая часть левантийцев, как высокого, так и низкого происхождения, похоже, сами не знают, как правило, откуда они родом.

Живущие в Оттоманской империи греки, которые также не отличаются ни особыми добродетелями, ни совестливостью, — просто святые на фоне левантийцев. Зато армяне (настоящие продувные бестии, бессовестней которых нет рынках на Востока) могли бы тогда послужить примером большинству живущих здесь христиан, а также многим европейцам — по крайней мере в том, что касается нравственности в семейной жизни.

Армянская женщина — это верная жена и непревзойденная мать, в то время как армянин не жалеет ни средств, ни самого себя ради того, чтобы дать своим детям «европейское образование», по возможности не только среднее, но и высшее.

Понятно, почему в былые времена армянские рабы пользовались особым спросом, а также почему многие самые известные и самые толковые министры Турции были либо армянами, либо их потомками.

---

[1] Вечеринка в саду (англ.).

[2] Праздник церковного прихода, который устраивают в Голландии по случаю открытия церкви.

Закончив все дела, которые смог переделать в первый день моего пребывания в Алеппо, я отправился к себе домой. Я проснулся лишь в десять часов утра на следующий день, когда мой денщик вошел ко мне доложить о визите личного адъютанта Теуфик-паши, военного губернатора провинции Алеппо. Адъютант, едва войдя, предъявил мне визитную карточку Его Превосходительства, выразил удовольствие по поводу моего приезда, а затем просил оказать честь почтить свои присутствием губернатора в то же утро.

Тогда я все понял: телеграмма из военного министерства дошла наконец до Алеппо. Но, поскольку я уже успел прибыть сюда и доктор Фай предписал мне полный покой в течение нескольких недель, я мог потянуть время и найти какой-нибудь выход из столь непростой ситуации. К тому же я уже неплохо знал младотурок и понимал, каковы их слабые места.

Как бы то ни было, сидя в экипаже, который должен был доставить меня в штаб, я не переставал испытывать странное ощущение, которое меня привлекало и пугало одновременно — ощущение, что я иду по острию ножа.

Теуфик-паша был уже человеком немолодым и весьма любезным (что характерно для людей тучных). Он принял меня радушно, и мы очень быстро почувствовали расположение друг к другу.

Сначала мы по обыкновению пили кофе, курили ароматные сигареты и беседовали обо всем на свете, кроме того единственного дела, которое интересовало меня больше всего на свете. Наконец паша, безо всяких комментариев, но не без некоторого сожаления (искреннего или притворного) протянул мне две правительственные телеграммы.

Одна из этих депеш была отправлена главнокомандующим 3-й армией Махмудом Кямиль-пашой. Он сообщал, что я пропал без вести, и просил — в том случае, если я появлюсь в Алеппо, — немедленно отправить меня на Кавказ.

Вторая была направлена из военного министерства. В ней содержалась просьба сообщить, нахожусь ли я в Алеппо, а также приказ в случае моего появления ни при каких обстоятельствах не позволять мне отправиться в Константинополь.

Прочитав обе телеграммы, я в свою очередь молча показал ему фотографическую копию приказа Кязым-бея (оригинал я для большего спокойствия оставил на хранение в доме одного моего друга, немецкого офицера). В сем приказе Кязым официально заявлял, что отпускает меня из 3-й армии по состоянию здоровья и разрешает мне переехать в Константинополь, дабы я поступил там в распоряжение военного министерства.

Этим документом категорически аннулировался приказ Махмуда Кямиль-паши, в то время как заключение доктора Фая не только

подтверждало слова Кязым-бея, но также предписывало мне отправиться в Константинополь для лечения у специалиста.

Когда Теуфик-паша получил подобные убедительные бумаги, о которых он немедленно сообщил в министерство, ему ничего не оставалось, как разрешить мне задержаться в Алеппо. Я воспользовался тем, что отныне напрямую подчиняюсь военному министерству, и тут же отправил две телеграммы: одну — Энвер-паше с просьбой об отставке по причине ухудшения здоровья, другую (через немецкого консула в Алеппо) — начальнику Генерального штаба генералу фон Бронзарту, сообщая ему о моем положении.

После чего, несмотря на сильнейший жар и лихорадку, я спокойно уснул, понимая, что вышел победителем из игры.

Глава XI

Через сутки после моего первого визита военный губернатор Алеппо вновь пригласил меня, чтобы показать телеграмму из военного министерства. В ней Энвер с сожалением сообщал, что не может удовлетворить мое прошение об отставке, поскольку заменить меня некем, а также приказывал, чтобы во время моей болезни меня лечили лучшие врачи главного штаба в Алеппо. И лишь в конце добавлял, чтобы я в качестве ответной услуги соблаговолил поступить в распоряжение Вели-паши: он уже отправил ему телеграмму и рекомендовал меня как прекрасного организатора.

Несмотря на столь лестное послание, которое делало меня неуязвимым для Халил-бея и Джевдед-бея и в котором проявились также благородство и дипломатичность Энвер-паши, я все же счел благоразумным не отдаваться, особенно теперь, во власть военных врачей турок (каковые могли порой ошибиться и прописать инъекции стрихнина вместо хинина). Я предпочел лечить свои недуги сам, как умею. И достиг в этом такого успеха, что меньше чем через месяц чувствовал себя достаточно отдохнувшим, чтобы вновь вернуться к делам.

В течение месяца, который я провел в Алеппо, мне посчастливилось близко общаться среди прочих с немецким консулом господом Рёсслером. Несмотря на то что многие его недолюбливали, он был одним из самых великих защитников армянского народа во все времена. Иначе бы он не давал себе труда неоднократно посылать официальные и неофициальные обращения к своему правительству с протестами против убийства армян и их депортации.

Среди немецких дам я имел честь также познакомиться с высоко образованной и утонченной госпожой Кох. В ее салоне собирались

сливки немецкой военной интеллигенции. Ее гостеприимный дом походил на оазис в этом огромном городе с двумястами тысячами жителей, с его узкими кривыми улочками, зачастую немощеными без тротуаров, с так называемым европейским кварталом, в городе который летом утопал в толстом слое пыли, а зимой — в грязи и глубоких лужах.

Провинция Алеппо насчитывает (или, лучше сказать, насчитывала до войны) около миллиона жителей. Они являют собой невообразимый конломерат всевозможных национальностей, в значительной степени перемешавшихся между собой. Когда-то эти народы были захвачены и подчинены турками. Поскольку эта провинция находится на Ближнем Востоке, сегодня все эти народы говорят по-арабски, хотя раньше говорили по-гречески, по-арамейски и т д Она включает в себя помимо части бассейна Оронте всю северную зону Сирии, которая находится между Средиземным морем, Тавром и Западным Евфратом.

Главными торговыми центрами этой области были и остаются процветающие города Айнтаб, Зейтун и Мараш, а также порт Александрета, расположенный в ста шестидесяти километрах от метрополии данной провинции. Столица носит то же название — Алеппо, или Халеб, что по-арабски означает «молоко». Это название, возможно, происходит от старинных преданий еще арамейского происхождения, согласно которым некая серая корова из стада патриарха Авраама любила пастись на том самом холме, где сегодня возвышается крепость Алеппо. Алеппо также называют еще Шалманом по имени древнейшей столицы царства Нушаше, чей расцвет пришелся на 1500—1400 гг до н. э Его обитатели поклонялись Рамсану, или Баалу, — идолу, который был наиболее почитаемым среди ассирийцев и вавилонян После того как была разрушена соперничавшая с Шалманом Пальмира, город стал называться Берёа, покуда его не завоевали арабы и не нарекли Халеб, или Алеппо.

Еще окруженный кое-где развалинами крепостных стен со сторожевыми башнями и бастионами, город Алеппо имеет в самом центре насыпной холм метров 50 в высоту — на нем и покоятся остатки древней крепости. Ее красноватые башни зловеще вырисовываются на фоне неба, словно окровавленная рука, воздетая к небесам. Вокруг этой цитадели, купол которой открыт всем ветрам, видны там и сям развалины различных медресе и караван-сараев. Их архитектурный стиль живо напоминает мавританские постройки в Египте. Такие, например, как Калаад в Каире или могила мамелюков.

Но самое большое впечатление в этом городе произвели на меня крытые базары. Это настоящие лабиринты из галерей и узких проходов, погруженные в полумрак. Солнечные лучи, словно золотые копья, кое-где врываются в эти сумерки, а неописуемая экзотическая толпа жестикулирует и голосит на всех языках Ближнего Востока.

Из лавок и лавчонок с пряными травами, спрятанных в глубине темных ниш, доносятся волны тончайших ароматов Востока — флер-д'оранжа, роз, которые напомнили мне о цветах моей родины, растущих в далеких Андах...

Давным-давно я зачарованно слушал лунными ночами сказки «Тысячи и одной ночи». Тогда я не мог себе и представить, что однажды превращусь в одного из странствующих рыцарей и буду видеть мавров и христиан в далеких сказочных землях.

Вели-паша был человеком очень энергичным, но более всего — необыкновенно хитрым. Увидев мое особое, а иногда и преувеличенное отношение к порядку и дисциплине, он немедленно перевел меня на важнейший транспортный центр (menzil)[1] — город Мамурет в провинции Адана. Он был, если можно так выразиться, сердцем всей системы армейского надзора, поскольку являлся крупным транспортным узлом на железных дорогах Багдада и Анатолии. Отсюда шли также колонны грузовиков и машин, караваны верблюдов, вьючного скота и т. д. Здесь контролировалось все движение по этим главным артериям, через которые осуществлялась постоянная связь Константинополя с дальними провинциями Сирии, Месопотамии, Палестины, а также — частично — Кавказа.

Расстояние, которое контролировалось из Мамурета, было относительно небольшим — сто километров — и одновременно необыкновенно сложным для контроля: дорога проходила через горную цепь Тавр, сквозь которую в то время прокладывали пяти- или шестикилометровый туннель, так как был лишь один способ сообщения — шоссе, наспех построенное лейтенантом инженерных войск Кноном после бомбежки Александреты английской эскадрой.

С самого начала я был наделен полномочиями инспектора, или müfettiş, и заместителя полковника Генштаба Нури-бея, недавно назначенного вместо подполковника Ахия, каковой оставил этот важнейший перевалочный пункт в сильном беспорядке.

От многочисленного автопарка и большого количества скота, которыми располагала военная инспекция Мамурета всего за несколько недель до нашего прихода, осталось лишь пятнадцать или

[1] Menzil — дистанция, стоянка (тур.)

двадцать караванов по восемьдесят-сто верблюдов в каждом; сотня или две повозок, запряженных буйволами, и что-то вроде двухсот пятидесяти колонн вьючных животных. Вместе с верблюдами и прочим мы располагали около 3500—4000 голов скота, однако из них пятьдесят или шестьдесят погибали каждый день из-за небрежности и казнокрадства ответственных офицеров администрации. Почти все эти должностные лица принадлежали к корпусу отставных офицеров старого режима, а лучше сказать, служили при султане Абдул-Гамиде. Тот набирал их по большей части среди сержантов и капралов, поскольку боялся, что если доверит командование своими войсками профессиональным офицерам, те могут поднять против него мятеж.

К вышеупомянутым офицерам, так называемым tekaüt[1], как правило, относились с ненавистью — из-за их склонности к воровству, а особенно по причине их подлого характера. Отсюда ясно, почему младотурецкие офицеры, лишившие власти Абдул-Гамида, состояли в основном из людей образованных и передовых, иначе говоря из людей по-настоящему либеральных и в некотором смысле искренних патриотов и националистов.

Поскольку в условиях войны возместить потери скота и средств передвижения было трудно, если не сказать невозможно, Вели-паша приказал мне навести в Мамурете порядок и разрешил действовать по моему усмотрению. Я обещал ему это сделать и приложил все силы для исполнения приказа. В результате менее чем за четыре недели я с удовлетворением увидел, как хаос заменяется порядком и мамуретский menzil начинает работать как часы.

Но какой ценой!

Мне пришлось ни много ни мало применить палочную дисциплину и прописать по тридцать пять ударов кнутом каждому из офицеров и солдат, которые воровали корм для скота, а также заключить в карцер большую часть офицеров, принадлежавших, как я уже сказал раньше, почти целиком к отставникам. Именно они, как мне кажется, были самой большой язвой в этой несчастной стране и причинили ей наибольший ущерб во время войны. Ведь даже прожорливая саранча уничтожает лишь пастбища и посевы, тогда как эти закоренелые паразиты продавали медикаменты, пайки для солдат и скота и — найди они покупателя — продали бы не задумываясь паровозы с Багдадской железной дороги.

За каждый из вышеупомянутых караванов верблюдов отвечал один из таких отставных офицеров, который делил со своим заместителем половину, а то и больше, рациона, отпущенного на питание

[1] Tekaut — отставка с пенсией (тур.)

животных. Думаю, что этого факта достаточно, чтобы понять, в каком состоянии находились дела в Мамурете к моменту моего приезда.

Однако хуже всего было то, что большая часть вышеупомянутых господ даже и не думали сопровождать вверенные им караваны на пути в Раю и обратно. Они со всеми удобствами устраивались на первой же станции, называемой Хасанбели и расположенной в двадцати километрах от Мамурета. Там они спокойно дожидались возвращения своих baş-çavuş[1] и забирали часть награбленного, которое им, как начальникам, причиталось.

Из ста верблюдов, входивших в каждый караван, пять или шесть самых лучших сержанты продавали по дороге курдам или спекулянтам. Из 94 или 95 оставшихся шестьдесят были в довольно приличном состоянии, тогда как остальные были покрыты язвами и истекали гноем и кровью.

Я помню, как не раз видел горбы дромадеров, целиком стертые до крови. Нет ничего удивительного, что в этой ситуации Вели-паша мог публично дать пощечину кому-нибудь из отставников и разрешил мне для наведения порядка использовать любые методы.

Помимо двух конечных станций — Мамурета и Раю — было еще три промежуточных под названием Хасанбели, Интели, Ислахье и Тахтакёпрю. В них обычно останавливались на ночлег караваны, застигнутые темнотой. Хотя в каждом из них были ветеринар, врач и несколько офицеров военной администрации, отвечавшие за обширные провиантские склады, как заболевшим солдатам, так и больным животным приходилось несладко, равно как и здоровым, страдавшим от голода, поскольку врачи распродавали все медикаменты, а офицеры — провизию.

Нечего и говорить, сколько бессонных ночей я провел и сколько ударов палками прописывал ежедневно этим людям, погрязшим в привычном казнокрадстве, прежде чем смог навести среди них порядок и добиться того, чтобы не было ни растрат, ни раненых и оголодавших животных, ни задержек на пути следования караванов.

Через несколько дней после приезда мы с Нури-беем принялись сооружать временные бараки для больных животных. Чтобы лечить их, нам потребовалось нанять местных ветеринаров (курдов и арабов), поскольку те врачи, которых направило начальство из Алеппо, имели мало опыта, кроме того — работали спустя рукава, а иногда и вовсе не занимались своим делом. Похоже, эти господа приехали в Мамурет с единственной целью — отдохнуть и подзаработать на спекуляции. Не окажись я там в это время, они бы этой цели

[1] baş-çavuş — старший сержант (тур.)

безусловно добились, хотя бы за счет наших бедных животных. И это при том, что верблюды и прочий скот были единственным средством передвижения, которым располагало тогда главное управление интендантской службы, чтобы добираться от Мамурета до Раю, точнее — чтобы переправлять от конечной станции железной дороги в Анатолии до конечной станции Багдадской железной дороги провизию, боеприпасы и прочее, поступающее из столицы. Без этих грузов деятельность 2-й, 4-й и 6-й армий была бы если не целиком, то в большей степени парализована.

Многих из этих господ нам пришлось позднее выслать в пустыню, или col, вместе с несколькими строптивыми отставниками, которые были начальниками караванов и так и не пожелали исправляться.

Провинция Адана, на восточной окраине которой у подножия Амануса находится Мамурет, включает в себя помимо побережья Карамании территорию древней равнинной Киликии. Она представляет собой обширную веерообразную долину, безусловно очень плодородную, но местами совершенно непригодную для жизни. Ее омывают текущие с севера на юг полноводные реки, берущие начало на вершинах Тавра и Антитавра. В прежние времена они являлись частью древней Катаонии. Среди дубовых и кедровых рощ еще до сих пор можно встретить кочевых караманцев, а также обитателей прибрежных городов, ищущих здесь укрытия от летней жары, до тех пор, пока изломанные вершины Таврических гор не покроются снегами, а осеннее ненастье не заставит этих людей вернуться в свои дома под сень вечнозеленых миртов и лавров.

Одноименная столица провинции является важным городом, насчитывавшим до депортации пятьдесят тысяч жителей. Он построен на месте древнего Батне.

Когда-то это был морской порт, но сегодня город удален от побережья на пятьдесят километров и раскинулся на обоих берегах реки Сейхан, прежде называвшейся Сарус. Через поток перекинут прочный мост, возведенный еще во времена императора Адриана. От древних стен города остались одни руины, а от цитадели — кое-какие останки, не представляющие никакого интереса для историков.

Нескончаемые горные леса, горячие скакуны, разнообразные полезные ископаемые, неисчерпаемое плодородие почв, на которых произрастают виноград, хлопок, лен, сахарный тростник, принесли с незапамятных времен провинции Адана славу одной из самых благословенных и процветающих стран на Ближнем Востоке.

За городом Аданой следует — по своему торговому значению, по крайней мере, — порт Мерсин, в основном заселенный оттоманскими

греками и левантийцами. За ним, в свою очередь, идет Тарсис, или Тарсус, некогда соперничавший с Афинами и Александрией. Там родился святой Павел, там покоятся останки императора Юлиана, а также халифа Мамуна[1], который весьма поспособствовал украшению этого города.

На левом берегу реки Сидмус, которая омывает Тарсус, и неподалеку от того места, где теперь стоит старая мельница, легендарная египетская царица Клеопатра под звуки флейт и цитр сошла со своей серебряной галеры, чтобы склониться перед гордым Антонием.

А посреди долины, на руинах, некогда бывших жилищем Гарун-аль-Рашида, и по сей день можно прочесть знаменитое изречение ассирийского царя Сарданапала: «Наслаждайтесь жизнью пока можете, ибо все остальное — сон».

Помимо Тарсуса, целиком являющегося историческим памятником, в провинции Адана имеются знаменитые развалины Анамириума, Сиде, Исуса, Анасабры, Мопуэстии, Сиса и фракийской Киликии. Они кое-где украшают прибрежные скалы и холмы древней Исаврии и тянутся за пролив Адалия вдоль всего подножия Лидийских гор.

Мамурет являл собой, по сути, железнодорожную станцию, окруженную зданиями нашего перевалочного пункта. Он располагался, как я уже говорил, на гнилых болотах и был плохо пригоден для жизни. Это поселение находилось у подножия горы Аманус, покрытой густыми сосновыми и лавровыми рощами, изобиловавшими дичью.

В те времена шакалов там было так же много, как и воронов. Кроме того, не одна кровожадная пантера наводила ужас на жителей этих гор, которые также служили прибежищем многочисленным шайкам разбойников (как правило, это были дезертиры) и армянским и курдским бандитам, охотившимся в одиночку.

Горе тому, кто осмеливался зайти в эти леса без охраны. Он наверняка стал бы добычей хищных зверей и воронов.

Полукочевой народ Амануса зимой оседает в kişlik — поселениях на равнине, а летом перебирается в yayla (черные шатры на высоких плоскогорьях). В него входят курды и туркмены, вечно пребывающие в состоянии войны с армянами, селящихся на этих же плато. Вместе с почти независимыми караманцами, или ürkürük[2], кочевники Амануса — сами того не желая — оказали роковое влияние на от-

[1] Мамун (786–833) — седьмой халиф из рода Аббасидов, покровитель литературы и искусств.
[2] ürkürük — дикарь (тур.)

томанских правителей Алеппо те, как настоящие византийцы, использовали эти местные междоусобицы, чтобы укрепить власть турецкой империи в горах и на побережье Киликии.

Армяне провинции Адана, которые даже в лучшие времена составляли лишь третью часть населения данного вилайета, были оседлыми и в большинстве своем укоренились на побережье. Они занимались ремеслом, торговлей и производством.

В то время, когда я приехал в Мамурет, из Тарсуса, Келебека и с соседних гор уже начали спускаться первые этапы депортированных, состоявшие из тысяч семей. Они брели наугад в сторону сирийских пустынь.

Большинство из них с самого начала было лишено почти всех средств к существованию из-за склонности правительственных чиновников к воровству, а также из-за неслыханных злоупотреблений своим служебным положением подполковника Агия-бея — он в то время отвечал за строительство и ремонт военной дороги из Мамурета в Кадме, по которой должны были перегонять этих несчастных. Ни одной, даже самой зажиточной, семье из города Адана не было разрешено взять с собой что-либо, кроме того скарба, который они могли погрузить на запряженную волами повозку. Их дома, роскошные особняки со всем их содержимым и земельные участки оставались в ведении местных провинциальных властей Те делили их между собой, оставляя пятую часть Комитету «Единение и Прогресс» в Константинополе, каковым в те времена заведовал министр внутренних дел Талаат-паша.

Этот скандальный дележ армянской собственности почти по всей стране, а особенно в удаленных от столицы провинциях, и послужил толчком к повсеместному распространению казнокрадства среди младотурок, которые, надо признать, до начала войны оставались честными

Однако золото, рекой стекавшееся им в руки, так затуманило им разум и коррумпировало их, что, не насытившись легко доставшейся добычей от армян, они стали красть все, что только могли И года не прошло с начала войны, как они уже организовали отлаженную систему воровства под руководством коварного Исмаила Хаккы-паши

Ему активно помогали так называемые комиссары империи, которые осуществляли военный контроль на железных дорогах и представляли транспортные средства только тем, кто платил им взятки от ста до двухсот фунтов за пользование одним вагоном.

Нечего удивляться, что подобная система саботажа в конце концов должна была вызвать сильное повышение цен на продукты. Этим объясняется тот факт, что цена на мясо в Константинополе выросла

орока франков за килограмм и не падала в течение нескольких яцев, а сахар в течение двух лет стоил пятьдесят франков

Энвер-паша, который в начале войны был еще человеком чест-м и столь бедным, что на свадьбу вынужден был одолжить стулья, ы усадить гостей, вначале попытался предотвратить это скандал видя, что все усилия тщетны, он в конце концов уступил под иском лавины нарушений. Сделав один ложный шаг, он стал тываться все ниже и ниже, пока не превратился в самого боль-о вора во всей Турции — если, конечно, не считать Исмаила кы-пашу и Джемаль-пашу, которые, повторяю, были настоящими ниями в искусстве казнокрадства.

Должности комиссаров империи в начале 1915 года все же нимали честные и талантливые офицеры Генштаба. Однако по е того, как ширилось моральное падение общества, эти должности чаще доставались офицеришкам, родственникам или протеже ководителей Комитета «Единение и Прогресс». Те, благодаря ему влиянию, могли поспособствовать, чтобы их «подопечные» яли какое-нибудь из этих столь вожделенных мест, позволявших тро распоряжаться по своему усмотрению государственными дами.

Комитет «Единение и Прогресс» осуществлял частичный кон-ль за путями сообщения и полный контроль за вооружением Нет его удивительного в том, что в течение первых трех с половиной войны его руководители делали все что хотели в Турции, покуда трон не взошел султан Мехмед VI. Он начал их преследовать, но, жалению, слишком поздно: зло проникло всюду слишком глубо-по вине клана офицеров-отставников, и семя казнокрадства уже росло среди большого числа (чтобы не сказать большинства) церов турецкой регулярной армии.

Если бы хоть один немецкий офицер находился во главе ве-ств, контролирующих снабжение продовольствием и пути сооб-ния, как того требовал с самого начала Генеральный штаб герман-х войск, то этой управленческой катастрофы можно было бы жать. Возможно, тогда бы даже осталось лишнее продовольст-например зерно и мясо, которыми можно было бы помочь ским и гражданскому населению стран—союзниц Турции. Однако тан Гаши-Мехмед Решад V категорически воспротивился этому к говорили, под давлением Исмаила Хаккы-паши).

Таким образом, этот хаос и бедственное положение, в котором ходится сейчас Оттоманская империя, явились следствием не ько злоупотреблений Комитета «Единение и Прогресс», но и по-тики Гаши-Мехмеда Решада V. Ведь это он позволил руководи-ям данного комитета распоряжаться всем как им вздумается

и даже не удосужился призвать их к порядку, как это сделал его брат и преемник Мехмед VI.

Однако мне пора продолжить свой рассказ.

Чем дальше, тем больше было депортаций, так что в конце августа на дорогах у Мамурета виднелись сплошные вереницы разнообразных повозок и вьючного скота, рядом с которыми брел целый поток мужчин, детей и женщин — жалких и одетых в лохмотья. Они двигались из провинций, в которых, в общем, не было массовых убийств, а производились лишь депортации. Горько было видеть, как некоторые из них, отстав и протащившись довольно долго вслед за этапом, словно раненые животные, кричали, призывая своих товарищей по несчастью, а затем — падали без чувств на обочине, чтобы вскоре испустить дух.

Среди депортированных часто встречались старики и старухи, несущие на плечах правнуков, быть может последних, кто выжил из их многочисленной семьи. Встречались и дети, покрытые язвами, облепленные мухами, с загноившимися глазами, на руках они несли братика — возможно бездыханного — или совсем крохотного младенца, чья мать умерла по пути.

Семидесяти- и восьмидесятилетние старики, волокущие за собой какой-нибудь грязный матрас или одеяло, жующие беззубыми деснами пучок травы за неимением другой еды или даже обсасывающие кость какой-нибудь падали, — вот типичная картина тех дней.

Но больше всего в этих вереницах из тысяч депортированных привлекали мое внимание мужчины, сотни покорных мужчин, взиравших на подобные ужасы с полным смирением. Среди них не оказалось ни одного достаточно храброго, чтобы восстать против четырех или максимум пяти конвойных, сопровождавших каждый этап и иногда даже не имевших при себе ружей.

«Почему, — спрашиваю я себя, — вместо того чтобы рыдать, словно женщина, эти трусы не взбунтовались, как настоящие мужчины, и, стремительно уничтожив малочисленную охрану, не напали сообща на небольшой гарнизон Мамурета, где мы держали оружие и боеприпасы?».

Если бы они их захватили, то немедленно получили бы контроль над горами, а затем с помощью английских и французских крейсеров, постоянно патрулировавших в заливе Александреты, возможно, овладели бы всем вилайетом Адана и частично вилайетом Алеппо.

Если бы армяне Оттоманской империи вместо того чтобы терять время на бессмысленные интриги и ждать сложа руки помощи от Антанты, взбунтовались бы повсюду с самого начала, если бы, следуя примеру народов, достойных и осознающих свое национальное превосходство, они укрылись в горах и подняли восстание, исполненные

имости отвоевать свою независимость любой ценой, сегодня ения была бы свободной, подобно Болгарии, Сербии и Черно- ии. А если бы она была и не полностью свободной, то, по крайней уважаемой самими ее палачами.

Поэтому я думаю, что если кого и нужно пожалеть в первую ведь среди убитых, так это не мужчин-армян, а их жен и невин- детей. Ведь это они заплатили своей жизнью за трусость и эго- своих отцов и детей.

Те деньги и драгоценности, которые некоторым депортированным ось спасти, позднее были отобраны у них охранниками, требо- ими взятку даже за то, чтобы набрать воды из колодца.

Те, у кого были собственные повозки, как правило, лишались их те со всей поклажей в самом начале пути из-за разбойников, рые крали тягловый скот по ночам. То же самое происходило депортированными, взявшими повозки напрокат, поскольку воз- ы через пару дней отказывались ехать дальше.

По этой причине многие армяне по прибытии в Алеппо вынуж- ы были обивать пороги, прося милостыню. Ведь килограмма ба по разнарядке (так называемого vesika[1]), который правительст- выдавало раз в три-четыре дня, явно не хватало.

Ночевали они обыкновенно под открытым небом, на пастбищах, вно скот, в огороженных проволокой загонах, в антисанитарных овиях, как, например, в лагере Кадме. В подобных условиях эти лагеря быстро превратились в источники заразы, где процветали возможные виды инфекций, в том числе тиф и оспа.

По мере распространения эпидемий поля и дороги заполнялись ами, на которых сбегались гиены даже из пустыни. Шакалов же ло такое множество, что среди бела дня можно было увидеть, как пожирают трупы, а иногда, по свидетельствам очевидцев, и еще спевших умереть людей.

Я помню случай, когда эти хищники разорвали на куски ребенка, ка он спал рядом с матерью. Проснувшись, женщина обезумела ришла к дверям нашего госпиталя, громко крича и неся на руках терзанные останки своего сына.

С заходом солнца от равнин до самых вершин гор слышались ль хохот гиен и зловещие завывания этих мерзких пожирателей ани, а также шакалов, которые в то время, когда я по ночам жал верхом из лагеря, бежали за мной часами вдоль дороги, да близко, что я почти мог достать до них хлыстом. Эти хищники,

---

[1] vesika — документ (тур.)

хотя и безобидные поодиночке, становятся крайне опасными (особенно для животных), когда сбиваются в стаи и озлоблены голодом

Однажды ночью во времена мексиканской революции со мной приключился один случай. Ближайшие собратья шакалов койоты как-то стали преследовать меня в таком невероятном количестве, что мне пришлось вместе с лошадью спасаться на одном заброшенном кладбище. Там я провел остаток ночи внутри какой-то ниши, которая, судя по сильной вони, прежде была занята каким-нибудь...

Среди животных, чаще всего приходивших поживиться в долину Мамурет, была некая стая волков. Они спускались с гор, привлеченные манящим запахом падали, который распространялся повсюду. Как-то ночью я услышал их вой достаточно близко от моей хижины и вышел пострелять в них. Однако мне не удалось подстрелить ни одного из них из-за темноты и густых зарослей на горе

Несмотря на отвратительный вид, эти хищники оказывали пользу, и немалую, поскольку помогали очищать поля и дороги от трупов.

Настоящими и гораздо более опасными паразитами были люди — многочисленные шайки разбойников, которые повсюду атаковали и грабили беззащитных депортированных. Им невольно помогали в этом конвойные, решившие передвигаться по ночам, чтобы спастись от сильной жары Помню, как однажды я ужинал в маленьком поселке Интели, который постепенно превратился в настоящий бандитский притон. Вдруг я вскочил, пораженный звуками выстрелов и громкими криками о помощи. Я вышел посмотреть, что происходит, и выяснил, что на конвой армян только что напали в полукилометре отсюда и всех обобрали до нитки. Это произошло почти у дверей казармы, в которой меня разместили.

Многие из тех, кому удалось вырваться из рук убийц, погибли во время бегства, так как в темноте падали в пропасть. Остальные же добрались до Интели — истекающие кровью и просящие ради Бога подать кусок хлеба. Я немедленно распорядился раздать им хлеб из моих собственных запасов, хотя официально нам запрещалось передавать депортированным какое-либо продовольствие без vesika, то есть без письменного распоряжения, подписанного гражданскими властями той провинции, откуда был выслан депортированный, и без прочих нелепостей, которые напридумывал обратившийся в мусульманство иудей Талаат-паша, чтобы уморить голодом этих несчастных.

Кажется, были даже случаи, когда жандармы, а также подручные подполковника Агия-бея, подкупленные шайкой преступников, нарочно уводили с дороги целые этапы депортированных, чтобы завес-

-ехожеными тропами в лесную чащу, где их уже поджидали ...ты, которые обирали армян до нитки и убивали.

До какой же степени должна была дойти наглость этих разбой-...в если они однажды утром все же решились, несмотря на мой ...пр, напасть на меня вчетвером посреди дороги, схватить моего ...за поводья и стрелять в упор? Они бы, безусловно, меня ...ли, не дав мне времени даже выхватить револьвер, если бы моя ...ль не встала на дыбы, не перепрыгнула через их головы и не ...кала во весь опор.

В другой раз я ночевал в военном лагере по соседству с Мамуре-... как вдруг проснулся от звуков выстрелов и адских воплей. Один ...асовых, у которого я поинтересовался, что происходит, просто-...но ответил мне, что «это всего-навсего наши ребята грабят ...янский этап».

И в самом деле: на рассвете я заметил на близлежащей дороге ...колько окровавленных трупов и пустые опрокинутые повозки; ...судя по обрезанным ремням упряжи, были украдены.

По мере того как провинция Адана все больше и больше пустела ...депортации христиан, которые здесь, так же как и в остальной ...ерии, воплощали прогресс, иными словами разумно организован-... промышленность и сельское хозяйство, Алеппо наполнялся ни-...ми и больными чумой. Они умирали на улицах сотнями и распро-...нили заразу среди городского населения до такой степени, что ...за ...и дни, когда не хватало похоронных дрог, дабы перевести всех ...рших на кладбище.

Тоже самое случилось в Дамаске, а годом позже — в Иерусалиме, где ...демия тифа достигла необычайных размеров из-за полного отсутст-... гигиены в еврейских кварталах, а также среди арабской бедноты.

Однажды, в середине сентября, я совершил поездку с целью ...мотреть развалины древнейших хеттских деревень, расположен-... в долине реки Африн, напротив селения Исляхие, где рас-...ожился Агия-бей. Подполковник выразил желание взять меня ...омощники в качестве инспектора во время ремонта военной ...оги из Мамурета в Кадме. До сих пор этими работами руководили ...нные инженеры капитаны фон Клингхарт и лейтенант Лютц.

Три или четыре строительных батальона, состоявшие почти цели-... из армян и греков, являлись той рабочей силой, что находилась ...ении офицеров (практически все они были отставниками), ...рые, впрочем, заботились скорее о лошадях, нежели о своих ...мых обязанностях и поддержании порядка во вверенных им ...ках

Расположившись в лучших зданиях Келлера и соседних селений, ...господа использовали батальонные автомобили в собственных

целях, сдавая их в аренду профессиональным шоферам. Их наглость дошла до того, что они не только не вели никакого учета, но, судя по всему, даже не имели понятия о том, каково количество их подчиненных. Пайки для армии и скот, регулярно высылаемые интендантской службой Алеппо, они обыкновенно продавали почти в открытую, бравируя своим богатством, что пятнало честь военного.

В этих батальонах каждый делал что хотел.

Вместо шести тысяч человек, числящихся по документам, у них едва насчитывалось две тысячи Жалование и пайки недостающих четырех тысяч оседали в кошельках командиров и младших офицеров

Вследствие подобного беспорядка пятьсот из упомянутых двух тысяч «безоружных солдат» были при смерти, в то время как остальные полторы тысячи умирали от голода и анемии, разумеется за исключением сержантов, которые, будучи товарищами и доверенными лицами офицеров, гребли деньги лопатой и жили на широкую ногу

Когда полковник Агия-бей заметил, что мне довольно-таки быстро удалось навести порядок в Мамурете, он столь настойчиво стал обращаться в интендантскую службу в Алеппо, что Вели-паша в конце концов уступил его просьбам. И я отныне должен был работать не только в Мамурете, но и у Агия-бея. И все это для того, чтобы тот мог и дальше всласть грабить потоки армянских депортированных, которые продолжали день и ночь брести по Исляхие Эти этапы были настоящей золотой жилой для Агия-бея — ведь он как истинный отставник, хотя и стремился заполучить крупную добычу, не брезговал и мелким уловом.

Его способ действия был предельно простым.

Когда становилось известно, что кто-нибудь из депортированных имеет при себе что-то ценное, полковник приказывал его позвать и сообщал ему, что в дальнейшем тот будет рядовым в одном из строительных батальонов. Услышав это, несчастный, желая спастись от почти неизбежной смерти в результате истощения, доставал чаще всего пять или десять фунтов золотом, которые Агия, разумеется, брал, но вовсе не для того, чтобы положить их себе в карман, а чтобы в гневе швырнуть их на пол, угрожая бедняге расстрелом за попытку подкупа.

После этого он немедленно под предлогом официальной конфискации отбирал у депортированного все его сбережения. Затем, продержав беднягу пару дней под стражей, полковник, довольный любой суммой, которую ему удалось заполучить, приказывал отпустить арестованного Тот был счастлив, что остался в живых, хотя и без гроша в кармане

Агия несомненно был первоклассным отставником.

Если же задержанный имел несчастье быть отцом одной или нескольких привлекательных дочерей, полковник приказывал без церемоний забрать их на несколько недель в свой гарем. Впоследствии он продавал их курдам, живущим в соседних горах. Те с неохотой покупали девушек, только чтобы не поссориться с Агия-беем.

Все рассказанное здесь достоверно. Я узнал об этих подробностях в разных местах, беседуя с доверенными лицами и подчиненными полковника Агия-бея, которые иногда участвовали сами в его грабежах. В порыве откровения, вызванном чрезмерным потреблением спиртного, они даже хвастались его успехами в искусстве разорять христианских псов и отправлять их в глубины cehennem или, иными словами, в глубины ада.

Поднаторев в обуздании строптивых отставников Мамурета, я довольно быстро навел порядок среди командиров и офицеров упомянутых выше батальонов — они, наверное, до сих пор меня за это проклинают. В результате через две недели после того, как я приступил к работе на новом месте, уже 83% строительных бригад были сформлены и могли выспаться. Они работали на восстановлении участка дороги, образующего большой зигзаг неподалеку от Келлера. Мы намечали его построить на восточном склоне Аманус, чтобы обеспечить перемещение тяжелой артиллерии.

Тем не менее я продолжал объезжать батальоны с инспекцией и всегда был начеку: я прекрасно понимал, что стоит мне не появиться, как все это искусственное сооружение, построенное на административной честности, которое я возвел ценой стольких жертв, тут же рушится, как карточный домик. Это неизбежно случится из-за злополучной инерции и любви к рутине, свойственным восточному фанатизму, инстинктивно противящемуся любому нововведению и прогрессу.

К сожалению, мое здоровье вновь ухудшилось до такой степени, что продолжать занимать двойной пост инспектора армии — и в Мамурете, и в Исляхие — было бы равносильно самоубийству.

Поэтому я решил попросить отпуск на пару недель, хотя и знал, что это не понравится ни Агия-бею, ни Нури-бею. Ведь на то время, пока я отстраняюсь от дел, вся неблагодарная работа, которую я выполнял по велению совести, пала бы на их плечи. Однако ни один, ни другой не были способны продолжить ее, поскольку турецкие бюрократы привыкли, чтобы другие жертвовали собой за них. Но чтобы они пожертвовали собой ради Родины? Никогда в жизни! Этим никогда занимается Аллах!

Когда я убедился, что и Нури, и Агия-бей, вместо того чтобы дать мне испрашиваемый отпуск, постараются всеми силами задержать

меня в Мамурете, обратился лично к Вели-паше, который немедленно выдал мне разрешение на поездку в Иерусалим — я давно уже мечтал посмотреть этот город.

В Алеппо я задержался только для того, чтобы подготовиться к путешествию.

Пока я отсутствовал, центральные районы этого города превратились в нечто вроде бараков для умирающих из-за тифа и других инфекций, которые продолжали приносить с собой депортированные, en route[1] в пустыни Сирии и Месопотамии.

Повсюду встречались группы оголодавших людей — настоящие ходячие скелеты. Иногда они умирали на самых главных улицах города, а чаще на загаженных задворках домов, которые служили им жилищем.

Лишенные всего, иногда даже одежды, эти несчастные мужчины и женщины всех возрастов тащились от дома к дому, прося милостыню. Они повсюду распространяли тифозные миазмы. Только в Алеппо число погибших от этой заразы за короткий период с августа 1916 до начала 1917 года достигло 35 тысяч человек.

Почти во всех селениях от Алеппо до Мосула умерло больше половины населения, а в округе и в селении Рас-эль-Айн, которое тогда было конечной станцией Багдадской железной дороги, число умерших, как говорили, достигло 88%.

В некоторых районах помимо тифа разразилась также эпидемия холеры. К счастью, она не достигла тех размеров, которых все так боялись поначалу.

В ту пору культурные развлечения в Алеппо ограничивались походами в пару кинотеатров и в несколько турецких klimbim, где одалиски с чувственными губами и арабскими глазами извивались под аккомпанемент пронзительной музыки. Имелось также несколько кафе на открытом воздухе, где левантийцы и сирийцы, которых называли alebi-çelebi, красовались в своих kumbashes, то есть юбках из цветастого шелка, а бок о бок с ними сидели напыщенные и иронично-сдержанные effendi. Последние, казалось, не сводили глаз с бесцветной толпы (некоторые лица были сплошь покрыты язвами) жителей Алеппо, которые шли по тротуарам, ехали верхом, в экипажах и на автомобилях по главным улицам, особенно же по центральному проспекту, тянувшемуся по прямой через маленькую грязную речушку Кувейк от аркад Дома правительства до Дамасского вокзала.

[1] Направляющиеся (фр.)

В эти дни ожидался приезд маршала фон дер Гольтц-паши, давно назначенного главнокомандующим 4-й армией, которая укрылась на Багдадском фронте, т. е. на турецко-иранской границе от Мосула до оттоманской провинции Ирак-араби в Нижней Месопотамии.

Среди многочисленных офицеров Генштаба, служивших еще до назначения фон дер Гольтца, был капитан Бадер. Он возглавлял отдел телеграфной связи и недавно вернулся с французского фронта. Случи проездом в Мамурете, он сделал пару десятков фотографий депортированных армян, находившихся в самом плачевном состоянии.

Довольный, что у него в руках такие интересные отпечатки и не переставая хвалиться ими, он, боясь испортить столь ценный материал, решил отдать проявить их одному из лучших фотографов Алеппо.

Так обстояли дела, когда на следующий вечер ко мне на ужин явился капитан Бадер (который, к слову сказать, был довольно странным господином). Рыча, как разъяренный лев, он сообщил нам, что фотограф по неосторожности испортил все фотографические пластинки. На самом же деле, как я узнал потом, фотограф сделал это по приказу правительства, каковое прилагало все усилия, чтобы заграницей не узнали правды об убийствах и депортациях.

После этого случая мне стало совершенно ясно, почему четыре дня назад военный министр отправил Теуфик-паше телеграмму с приказом во чтобы то ни стало помешать мне доехать до Константинополя.

В Алеппо я имел честь в этот раз познакомиться со знаменитым полковником фон Крес-беем (ныне он уже генерал). В ту пору он возглавлял наш экспедиционный корпус в Египте и являлся членом Генштаба. Высокий, стройный, гладко выбритый, он носил очки и был чем-то похож на президента США Вильсона.

За его приветливость и почти что простоту в обращении, а также за благородные рыцарские чувства фон Кресса обожали все его офицеры. Среди людей, пользовавшихся его наибольшим доверием — все они были люди молодые и неробкого десятка — выделялись майор Шлер, будущий защитник Газы; майор Хай-бей, отвечавший за артиллерию; князь Ганс фон Гогенлое, бывший образцовым немецким кавалерийским офицером, а также лейтенант Хайден — артиллерист, которому не было равных на этом фронте.

Дух искреннего товарищества, *царивший в ставке фон Крес-бея*, временем дал основания прозвать ее «лагерь Валленштейна»[1].

---

[1] Валленштейн Альбрехт (1583—1634) — немецкий полководец. Ногалес использует название драматического произведения Ф. Шиллера об этом известном командующем Тридцатилетней войны «Лагерь Валленштейна».

И не без оснований: там ложились спать не разоружаясь и никого не надо было уговаривать исполнять свой долг.

Глава XII

Пробыв в Алеппо три или четыре дня, я уехал оттуда (в начале ноября) в крытом товарном вагоне, который имперский комиссар любезно предоставил мне в мое полное распоряжение.

В то время эти вагоны являлись предметом роскоши, с того момента, как вагоны пассажирские, в особенности первого класса, с их суконной и бархатной обивкой превратились в еще один рассадник инфекций и всевозможных насекомых после того, как в них стали перевозить солдат. В передней части вагона я разместил лошадей, в центре устроились мои денщики, я же с удобством расположился вместе с моими собаками в задней части. Вся обстановка состояла из складной кровати, пары стульев и складного стола, а керосиновая лампа служила для готовки.

Устроившись таким образом в моей передвижной гостинице, которая больше походила на Ноев ковчег, чем на вагон, я отправился в отпуск. Мой путь должен был поначалу проходить по долине Оронте до станции Рияк, от которой отходит ветка, идущая в Бейрут.

Продолжая двигаться на юг вдоль западной границы сирийской пустыни мы вскоре заметили справа селение Калъат-эль-Мудик. Оно располагалось на восточном берегу болота Габ, питающегося водами реки Оронте, у подножия мрачной горы Джебель-эн-Нусайрия (прежде это было владение «главаря» ассасинов, «старца горы» зловещего Хасана). Около деревни находятся развалины Апамеи, которая две с лишним тысячи лет назад была огромным городом, вторым по величине после Антиохии, а также крепостью, в которой правители Селевкидов обычно держали боевых слонов.

Двигаясь все время в одном направлении, мы добрались к двум часам пополудни до Хама, или древней Хамат-Епифании. Жители этого города отличаются необыкновенным фанатизмом. До наступления сумерек мы успели добраться до древнейшего города Хомс, или Эмесы, известного своими прекрасными шелками. Однако мы смогли увидеть лишь его минареты, купола мечетей и несколько расположенных на берегах Оронте огромных колес, медленно вращаемых водой.

Из Хомса помимо дороги, ведущей в деревню Тадмур или Тадмор, идет Соломонов путь (откуда до сих пор видны развалины

Пальмиры, омываемые соленым источником посреди пустыни). Оттуда же отходит ветка железной дороги, построенной французами, которая заканчивается в порту Триполи или Ламина, где в XVII веке правил друзский эмир Факр-эль-дин. В эту эпоху Триполи слыл самым важным портом в районе Ливанских гор.

На рассвете мы обогнули темную скалу Джебель-Акар, которая является частью горной цепи Антиливан. Спустившись вдоль бассейна знаменитого Нар-эль-Асиса, иначе говоря по верхнему течению Оронте (эта река берет начало в окрестностях Райяка и образует между Ливаном и Антиливаном живописную долину, называемую Целесерия, что означает «Пустая Сирия»), мы тем же утром оказались на станции Баальбек. Здесь я приказал отцепить мой вагон, поскольку собрался осмотреть развалины знаменитейшего в свое время города Хелиополиса.

Когда я осматривал гору величественных и бесконечно прекрасных руин, которыми не мог налюбоваться, то больше всего меня поразили их грандиозные размеры.

Там, к примеру, я видел каменный квадратный блок, лежащий у подножья древнего фундамента, частью которого он когда-то должно быть я являлся. Этот блок в 60 футов длиной, 13 или 14 высотой и столько же — шириной, представлял собой монолит, которых я не встречал даже в египетских пирамидах.

А среди развалин знаменитого храма Солнца, покоящегося на этом фундаменте циклопических размеров, особо привлекли мое внимание его портики и подземные ходы, которые неизвестно куда ведут. Наконец, меня восхитили несколько коринфских колонн, огромных и прекрасных, каждая в 22 фута окружностью и 80 футов высотой, если измерять от самого их подножья до верха капителей.

Бок о бок с руинами этой святыни, на Акрополе, находятся также остатки храма то ли Юпитера, то ли Вакха. Хотя он был явно меньших размеров, чем первый, его также построили из известняка и в коринфском стиле. Он был столь разукрашен и имел такие причудливые формы, что я бы рискнул назвать этот стиль селевкидским, чтобы отличить от подлинно эллинского.

Среди прочих сохранившихся развалин Акрополя, который, несмотря на землетрясение 1758 года и на разграбление его арабами и Тамерланом, продолжает оставаться предметом всеобщего восхищения, фигурирует круглое здание не очень понятного предназначения. Возможно, это был храм Венеры. Он опирается на полдюжины гранитных колонн в ионическо-коринфском стиле и, судя по всему, некоторое время служил христианским святилищем.

Весь этот восхитительный ансамбль развалин неповторимой красоты подобно руинам Амаана и Маана в Палестине и Петрийской

Аравии, которые мне также посчастливилось увидеть воочию, представляет собой, с моей точки зрения, одно из самых веских доказательств того, что мировая цивилизация, повторяя путь солнца, движется с Востока на Запад. Она тянет за собой, словно бесконечно летающая в космическом пространстве комета, сверкающий шлейф развалин и исторических памятников неописуемой красоты, как те, что усеивают тысячами или даже сотнями тысяч выжженные степи и пустыни Ближнего Востока и Индии по обе стороны Ганга.

Начиная от Баальбека, дорога в течение нескольких часов идет у подножия Джебель-эль-Чарки, или Антиливана. Затем, свернув направо, она пересекает котловину и доходит до Рияка у подножья Ливанских гор. Рияк, как я уже говорил, является узловой станцией между Дамаском и Бейрутом. Он находится на самой высокой части долины, а лучше сказать на чем-то вроде холма или плодородного плато. Здесь берет начало и спускается на север река Эль-Асис, тогда как на юг и юго-запад течет река Эр-Литани (или Леонтес, как ее называют в Ветхом Завете). Последняя пересекает знаменитую долину Бекаа и вливается в Средиземное море неподалеку от развалин Сидона и древнего Тира.

И Ливанские, и Антиливанские горы, вершины которых образовывали горизонтальные плато, похожие на каменные пустыни, в это время года были покрыты толстым слоем снега. Он доходил почти до самой долины и питал бесчисленные ручьи. Их глинистые воды сбегали по иссохшим склонам гор и падали с высоты выступающих камней на дно бездны.

На закате в тот вечер меня поразил и даже привел в восторг прекрасный и бесконечно грустный пейзаж: розоватые вершины Ливана и Антиливана, большие темные тучи над ними, из чрева которых устремлялись лучи солнца, словно золотые стрелы, таинственная равнина, по которой расстилались, словно темные крылья, темные тени, предвещающие скорое наступление ночи.

Желая также осмотреть Бейрут, а заодно пару раз искупаться в море, я оставил лошадей с денщиками в Рияке и сел на утренний поезд, который меньше чем через полчаса уже поднимался по горному серпантину восточного склона Ливанских гор. Надо признаться, что этот пейзаж мне не очень понравился.

На склоне этом не было ни лесов, ни лугов, а лишь многочисленные фермы и усадьбы, стоявшие там и сям на однообразных пахотных землях или на вершинах холмов, которые были изрезаны в разных направлениях рыжими каменистыми оврагами и руслами высохших горных рек.

Таким образом мы поднимались пару часов, пока не оказались наконец на самой вершине горы, с которой было видно не только

море, но и весь плодородный западный склон вплоть до самого пляжа, что протянулся с севера на юг узкой золотой полосой с постоянно разбивающимися об нее бирюзовыми волнами. Там, внизу, у подножья этого огромного цветущего сада — белоснежного, будто стая голубей, разбросал множество своих домов город-порт Бейрут. Дома были окружены оливами, виноградниками и садами. Особенно выделялись, словно колонны или потухшие факелы, пальмы и темно-зеленые кипарисы. В тоже время на юге, уже у самого горизонта, едва различались на берегу моря селения Сайда и Сур, возведенные на развалинах Тира и Сидона. Правда, сейчас невежественные посетители вряд ли разглядят их в куче одинаковых камней и кусков мраморных колонн — единственных следов их былого величия, которое бесславно сравнялось с землей, уступив место сорнякам.

У Бейрута довольно много общего с Алеппо, особенно как у города, через который проходят оживленные торговые пути. Однако Бейрут имеет преимущество, являясь морским портом и располагаясь на точке пересечения путей всех караванов, двигающихся из Центральной и Южной Сирии. Помимо того в Бейруте находится превосходный американский университет, который значительно способствовал не только духовному развитию, но и материальному прогрессу Сирии и Палестины.

Бухта, или порт Бейрута, является, собственно говоря, не портом, а очень опасным рейдом — таким же, как например, в Яффе. Однако здесь он защищен волнорезом. Тем не менее во время сильных штормов и мощных северо-западных ветров рейд становится почти недоступен.

По этой причине Бейрут рано или поздно должен был уступить свое господство у берегов Сирии Александрете. Она действительно являлась хорошо защищенным портом и хотя и была достаточно загрязнена, имела важнейшее преимущество: сообщалась с Аданой, Алеппо и севером Месопотамии посредством знаменитой Багдадской железной дороги.

Бейрут, или библейский Берот, расположен на холмистом склоне возвышенности святого Деметрия и делится на старый и новый город.

Помимо тридцати или около того церквей в нем находится около двадцати мечетей. Самая большая из них — это бывший христианский храм, возведенный крестоносцами и позднее превращенный сарацинами в мусульманское святилище. В начале войны из ста пятидесяти тысяч жителей Бейрута сорок тысяч было православными греками, тридцать тысяч — маронитами и около пяти тысяч — европейцами-христианами. Однако, если принять во внимание число умерших от голода и эпидемий христиан, в настоящее время население города должно быть преимущественно мусульманским.

От многочисленных кедров, которые некогда покрывали склоны Ливанских гор, нынче оставалось от силы четыреста или пятьсот, спрятавшихся в недоступных местах.

В Бейруте я встретил немало людей, прежде живших на американском континенте, прежде всего в Латинской Америке. То это был портной, несколько лет обретавшийся в Буэнос-Айресе, то парикмахер, который провел некоторое время либо в Барранкилье либо – в Гватемале, а может быть и в Кальяо. Все они, похоже, хотели вернуться туда после окончания войны.

В то время как некоторые состоятельные люди, по-турецки называемые zenginlar[1], с каждым днем становились все богаче, хотя и сорили деньгами, обогащаясь за счет мошеннической торговли и шантажа турецких бюрократов, нищета честного и работящего среднего класса и несчастного простого люда была огромной.

В то время в Бейруте почти ежедневно регистрировались сотни смертей от голода. Они происходили из-за того, что большая часть христианского населения Ливанских гор практически полностью зависела от средств, которые им до начала войны присылали родственники и друзья из Америки. Многие к тому же вложили свои сбережения и имущество в городские поместья или торговые предприятия, а не в сельскохозяйственные угодья. Возможно, из-за того, что земля приносила меньше доходов, ибо находилась в относительно бедных районах.

Ясно одно: в конце 1915 года больше половины христианского населения Ливанских гор если и не умирали с голоду, то были совершенно разорены и не имели никакой возможности заработать себе на жизнь, поскольку торговля, промышленность, а частично и сельское хозяйство были парализованы.

Джемаль-паша из друга Франции превратился в ее злейшего врага, так как успехи фон Гинденбурга внушили ему мысль, что Германия выиграет войну. Джемаль, казалось, отныне поставил себе задачу уморить голодом всех христиан в Сирии. Издавая декреты, которые запрещали снабжать их зерном, он истребил христиан в таком количестве, что в конце войны, я думаю, среди них осталось не больше 60 процентов трудоспособного населения.

Возвращаясь в Рияк, я выяснил, что из-за завалов на дороге поезда не будет ни этим вечером, ни на следующий день. Не желая задерживаться так долго, я решил продолжить путь верхом. С этой целью я незадолго до наступления сумерек отправился в путь в со-

[1] Zengin – богатый (тур.)

провождении примерно тридцати верховых жандармов. Я углубился в горы Джебель-эль-Чарки, или Антиливан, покрытые ночным мраком. В те времена там орудовали многочисленные шайки разбойников, столь же отчаянных, сколь и кровожадных. Они держали в страхе всех обитателей этих гор от Дамаска до Нар-эль-Кельба.

Чтобы избежать встречи с этими господами, нам следовало продвигаться по почти нехоженым диким тропам. Иногда мы вынуждены были взбираться на отвесные скалы или почти на ощупь спускаться на самое дно пропасти.

Около полуночи мы наконец остановились у какой-то заброшенной хижины. Мы не зажигали ни свечи, ни спички, опасаясь выдать себя разбойникам. Те никогда не нападали открыто, они стреляли наверняка, сначала — в лошадей, а затем — в спешившихся всадников. Разбойники безжалостно расстреливали бедняг одного за другим, поскольку охотились не за пленниками, а за трофеями.

От вершины Антиливана до Дамаска последовательно спускаются три террасы, похожие на огромные ступени с широкими трещинами. На восток же простирается до самого горизонта, пугая своей бесконечностью и однообразием, Большая Сирийская пустыня. Арабы называют ее Бадиет-эс-Шам.

Она лежит на известняковой платформе и так же, как и Аравийская пустыня, по структуре и геологическому составу сродни африканским. Стоит отметить, что морские отложения третичного и мелового периодов сохранили свое горизонтальное положение благодаря твердости ниже лежащих платформ: они устояли перед мощным давлением, породившим складки тектонической структуры Азии и Африки.

Эти колоссальные сейсмические толчки и пульсации стали причиной образования огромных трещин. Из них стали извергаться базальтовые потоки и раскаленная лава, которые растекались по поверхности пустыни и создавали на больших расстояниях друг от друга каменистые урочища или скалистые пустыни. Они покрылись темными базальтовыми блоками и стали похожи на окаменевшие моря. Здесь бедуины обычно прячутся во время военных действий. Весной эти места покрываются ковром цветущего карачаира. Обычно он служит пищей многочисленным местным племенам, блуждающим по пустыне.

Среди этих суровых и бесконечных каменных лабиринтов особенно выделяется своими колоссальными размерами Летче-Калаад-Алах, находящийся в окрестностях Дирет-эт-Тулуля и на восток от знаменитой горы вулканического происхождения — Аврана, или Джебель-эль-Друзе. С нее стекают многочисленные реки и ручьи, которые неизвестно где заканчиваются. Быть может, они проходят

под землей по богатым базальтовым равнинам Хауран-эм-Нукры, или древней Бецры, той самой, которую завоевал и обессмертил в своих песнях царь Давид.

На рассвете мы начали спускаться по долине упоминаемой в Библии реки Барады. Беря свое начало в горах, она протекает по Дамаску и несет свои воды в широчайшую низменность Гута, или ager damascenus[1], как называли ее римляне.

Вдоль берегов Барады тянулись цветники и фруктовые сады. Сквозь ветви деревьев иногда проглядывали белые дома. Несмотря на их внушительные размеры и неоспоримую красоту архитектуры, побитые стекла и поврежденные изгороди придавали им тот характерный заброшенный вид, который, похоже, является квинтэссенцией и отличительной чертой обиталища у народов Ближнего Востока.

Эта особенность, как и многие другие, замеченные мною прежде, окончательно убедила меня в том, что полагать, будто армяне, оттоманские греки или левантийцы находятся на одном уровне цивилизации с европейскими народами лишь постольку, поскольку все они — христиане, столь же ошибочно, как думать, будто мормоны в Америке не могут быть лучше арабов только потому, что и те и другие придерживаются полигамии.

Примерно на середине равнины, слева от реки, я смог разглядеть, хотя и не очень четко, какие-то ступени или надгробья, высеченные на шероховатой поверхности высокой скалы. Похоже, там еще сохранились какие-то аллегорические изображения в виде барельефов, характерных для ассирийского или хеттского искусства, если я не ошибаюсь.

Еще до полудня мы въехали в Дамаск. Как я уже говорил, он стоит у широкой долины, по которой протекает Барада. Словно острова или темные пятна, виднеются порой оливковые рощи и пыльные селения, коих насчитывается там от восьмидесяти до девяноста.

Слева привлекало внимание расположившееся у голого холма предместье Сальхье. В верхней его части проживают курды, мохаджиры, черкесы и тысячи друзов — в основном потомки тех, кто в 1860 году принимал участие в кровавых расправах над христианами в Ливанских горах и затем переселился в Дамаск.

Панорама, открывающая взору с высот холма Сальхье, поистине грандиозна. Не мудрено, что она вдохновила Магомета, когда тот пытался описать дивные сады своего воображаемого Эдема.

Я никогда не забуду этой величественной картины...

---

[1] Дамасское поле (лат.)

Нескончаемые изумрудного цвета луга, с востока окруженные крутыми горами Джебель-эль-Чарки, которые уходили в сторону пустыни и делались все меньше и меньше, пока не превращались у самого горизонта в лиловую точку — гору Джебель-Авран...

На западе же взметнулась к небу белая вершина Джебель-эль-Чарки — библейского Хермона. Он возвышается, словно исполин, над гребнями Галилейских гор, местами покрытых растительностью, а местами голых, как будто природа решила сотворить их по принципу контраста.

По приезде в Дамаск я остановился в гостинице «Виктория». Благодаря своему безвкусному фасаду и аляповатому внутреннему убранству она вполне может служить образчиком trade mark[1] левантийского стиля.

Здесь я имел удовольствие засвидетельствовать свое почтение среди прочих капитану Ледереру, командующему авиационным корпусом 2-й армии; майору Похлю; майору Фишеру, который позднее стал военным атташе в Дании; майору Хей-бею, о котором я уже как-то упоминал, и, наконец, выдающемуся немецкому инженеру Мейснер-паше — именно ему Турция обязана своей знаменитой железной дорогой Эль-Хиджаза, равно как и многими другими важнейшими железнодорожными ветками.

Кроме современного района, почтовой площади и нескольких зданий в европейском стиле на проспекте Джемаль-паши и на берегах Барады, больше в Дамаске, по моему мнению, любоваться нечем. Большинство его улиц — узкие и грязные, а базары построены несуразно и сильно уступают базарам Алеппо и Константинополя.

Однако, хотя Дамаск и малопривлекательный город, с исторической точки зрения он очень интересен. Помимо остатков знаменитых стен в нем находится около пятидесяти разнообразных мечетей. Среди них типично арабской красотой выделяется большая мечеть аль-Валида, или Омейядов. На ее месте когда-то стоял языческий храм, превращенный в IV веке в знаменитую церковь Святого Иоанна (в ней по традиции хранилась отсеченная кисть святого Иоанна Дамаскина)[2].

Торговая марка (англ.)

Мечеть Омейядов была воздвигнута в VIII в. на месте византийской церкви Иоанна Крестителя, которую построили на фундаменте храма Юпитера. В первые века ислама в ней вместе молились христиане и мусульмане. В мечети находится гробница Иоанна Крестителя, в которой, по преданию, хранится его голова. Известно, что и Иоанн Креститель и Иисус Христос включены исламом в число пророков под именами Яхья и Иса. Гробница Иоанна Крестителя уважаема христианами и мусульманами, ее надгробие — шедевр восточного искусства. (Прим. переводчика.)

Именно на развалинах этого храма шестой халиф из рода Омейядов приказал построить прославленную мечеть (согласно арабским хроникам роскошь ее была просто сказочной), которую впоследствии разграбил и частично разрушил жестокий Тамерлан. Тот, кто любовался этим святилищем и не менее известной иерусалимской мечетью Омара, должен согласиться, что в очертаниях мусульманских храмов и в их неповторимых куполах отражается не только духовное развитие создавших их народов, но и та возвышенная, величественная вера, которая их на это вдохновила

Кроме мечети Омейядов заслуживают внимания мечеть Синания с минаретом, покрытым зелеными изразцами, и мечеть Такия Сулеймания на берегу Барады, или ветхозаветной Аваны. Последняя также украшена двумя минаретами. Она была построена в XVI веке неизвестным архитектором в качестве приюта для паломников, ведь именно в Дамаске начинается derb-el-hac, или путь паломников, которым ежегодно следуют все караваны мусульман, направляющихся в Мекку

Со времени моей поездки прошло много лет, однако до сих пор я вижу поразившие тогда мое воображение остатки древней триумфальной арки, мечети, в которой, по преданию, похоронен святой Ананий, Прямую дорогу[1], кусок стены, через отверстие в которой святой Павел спасся во время своего бегства и многие другие исторические памятники.

В Дамаске проживают, если мне не изменяет память, около двухсот тысяч человек. Три четверти из них — магометане. Город славится производством холодного оружия, столярных изделий, мыла, духов, сафьяна, шелковых и хлопковых тканей и т. д. Эти товары вместе с плодородными почвами превращают Дамаск в один из самых богатых городов Ближнего Востока.

Связь города с морем осуществляется через порт Бейрута. Если бы ливанские христиане (в первую очередь марониты) и дальше пытались отделиться от Сирии, то не было бы ничего странного в том, что со временем дамасские купцы стали бы искать новый выход в море — со стороны Палестины, т. е. через порт Хайфы (с которым город уже связан двойной широкой дорогой). Это вызвало бы полное или частичное разорение Бейрута, поскольку Багдадская железная дорога, заканчивающаяся в порту Александреты, уже монополизировала большую часть торговли с южной Сирией и Месопотамией. А ведь еще совсем недавно эта торговля велась через порты Бейрута и Ламины, или Триполи, расположенных у подножия Ливанского хребта.

[1] Via recta (лат.) упоминается в христианских письменных источниках

Последний день моего пребывания в Дамаске, или Аш-Шаме, как это называют арабы, я посетил знаменитые три дома — еврейский, христианский и мусульманский. Эти достопримечательности славятся своими блестящими мраморными полами и пышной азиатской обстановкой. Вечером я присутствовал на банкете в роскошной резиденции Мейснер-паши, а на следующее утро отправился в Палестину. Я был очень доволен тем, как мне удалось провести эти четыре дня в древней столице Омейядов.

Через несколько часов пути по базальтовой и местами холмистой местности, уже покрывавшейся зелеными всходами — радостными предвестниками раннего урожая, мы проехали станцию Дарейя, от которой отходит железная дорога на Эль-Хиджаз. Оставив позади плодородные равнины Хаурана с его деревнями, построенными из черных базальтовых блоков, мы начали спускаться по извилистым дорогам живописных склонов Вади-эс-Шериата, или Нахр-Рекада. Струи воды, словно серебряные нити, протекали по всей долине, кое-где оттененной редкими пальмовыми рощами. Наконец вечером мы остановились на станции Саморра на берегу Тивериадского, или Геннисаретского, озера. Затем мы пересекли Иордан, ниже по течению называемый Шериат-эль-Кибир, который прямой линией направляется на юг и впадает в Бахр-эль-Лут, или Мертвое море, также называемое Асфальтитес. Когда стемнело, мы въехали на станцию Афулех, которая находится в центре знаменитой равнины Ездрилон у подножия священного Назарета.

Следующим утром мы проехали находящуюся слева гору Гаризим (священную для самаритян), напоминающую розовое пятно на небосводе, а также знаменитый город Наблус, или ветхозаветный Сихем. Отдохнув день в живописном Рамаллахе, украшением которого является испанский монастырь Святого Иосифа Аримафейского, вечером 20 ноября мы прибыли в Иерусалим. Здесь я расположился сначала в гостинице «Фаст», а затем — в роскошной монастырской гостинице Святого Павла. Настоятель монастыря, отец Дункель, и святые отцы Зоннен, Мюллер и Шпаргель, помогавшие ему в управлении столь богоугодным заведением, оказали мне радушный прием.

Здесь, среди роскоши и спокойствия, я смог наконец насладиться тишиной и душевным покоем. Мне так не хватало их, ибо я находился на грани нервного истощения.

В те счастливые для меня дни я посетил по очереди все постройки и памятники тысячелетнего Ерушалаима — от церкви Гроба Господня до Гефсиманского сада и источника Девы Марии в Иосафатовой долине. Осмотрев их, я пришел к выводу: вместо того, чтобы описывать те приятные впечатления и глубочайшие разочарования, кото-

рые, видимо, вызывает Иерусалим в душе всех, кто старательно его изучает, лучше, наверное, просто промолчать, хотя бы из уважения к священному имени этого города.

Чтобы пояснить свою мысль, позволю себе заметить следующее. Осознав огромную разницу между величественным молчанием и красотой мечети Омара — с одной стороны, и почти языческим культом греческих священников в церкви Гроба Господня, а также ее главным алтарем, напоминающим скорее скобяную лавку — с другой, я, честно говоря, был так разочарован и огорчен, что будь я не христианином, а язычником, то, возможно, поверил бы в Аллаха и его пророка Магомета.

Дай Бог, чтобы под контролем англичан Иерусалим превратился когда-нибудь в город священный, и прежде всего в чистый, как с физической, так и с моральной точки зрения. Думаю, этим все сказано.

Однажды, когда я осматривал францисканский монастырь в Эммаусе (он стоит на развалинах дома, в котором Иисус Христос предстал перед апостолами), мне неожиданно передали телеграмму от полковника фон Кресса. Он приказывал мне немедленно ехать в Багдад и поступить в распоряжение маршала фон дер Гольтца, вызвавшего меня к себе.

Собрав чемоданы и попрощавшись с добрыми священниками, я, не задерживаясь долее, тем же вечером выехал из Иерусалима в Месопотамию через Дамаск, Алеппо и Мосул. У меня все же было предчувствие, что эта поездка не принесет мне ничего хорошего, поскольку Халил-бей (теперь уже Халил-паша) находился в Багдаде: он приехал на фронт в качестве командующего Иранской группой войск и заместителя маршала фон дер Гольтца.

Такая неожиданная перемена произошла вот каким образом.

После поражения подполковника Аскери-бея в окрестностях Басры в самом начале войны турецкие войска стали отступать, преследуемые по пятам англичанами. Те не давали им ни отдыха, ни покоя. Аскери-бей, увидев свои лучшие войска деморализованными и в панике разбегающимися, сел поглубже в своем экипаже (где он находился, поскольку обе ноги ему оторвало гранатой) и пустил себе пулю в лоб.

После смерти Аскери остатки экспедиционного корпуса в Нижней Месопотамии возглавил полковник Нурэддин-бей. С помощью подкрепления, присланного ему из Мосула Халилом, он разбил англичан в окрестностях Ктесифона, т. е. в двух шагах от Багдада, и заставил их отступить до самого селения Кут-эль-Амара — оно находится на левом берегу Тигра в ста с лишним километрах вниз по течению от Багдада.

Когда Халил узнал, что победа была одержана благодаря своевременному прибытию подкрепления, отправленного им из Мосула, он потребовал присвоить ему лавры победителя. Он благополучно добился их благодаря огромному влиянию, которым он пользовался, будучи дядей всемогущего военного министра Энвер-паши. И хотя настоящим победителем являлся Нурэддин, Халилу мало было присвоения чужой победы. Он опять потребовал и опять получил пост командующего иракской группой войск, ранее занимаемый Нурэддином, который без зазрения совести был смещен.

После смерти маршала фон дер Гольтца он с неслыханной наглостью присвоил себе и командование 6-й армией. Как и следовало ожидать, она очень скоро растаяла в его руках, как снежинка в летний день.

Вот каким образом Халил смог подняться по служебной лестнице подполковника до заместителя маршала фон дер Гольтца меньше чем за девять месяцев.

В Дамаске я сразу же пересел на другой поезд, а в Алеппо задержался всего лишь на пару часов. Таким образом, уже 12 декабря я уехал по мосту Джараблуса, или Европуса, города древних митанийцев, который уже четыре тысячи лет назад был одним из самых процветающих в древней империи хеттов.

По другую сторону реки с востока начинается западная оконечность Верхней Месопотамии. Извилистый Евфрат омывает ее до того места, где находятся руины Цирцезиума. Эта местность отделена от Большой Пустынной равнины рекой Эль-Хабур, или библейской Аборы, которая здесь широко разливается. Похоже, она зарождается из бесчисленного множества родников и ручьев, спускающихся с белоснежной горной цепи Караджадаг, или горы Мазиус, как называли ее в древности. Из-за недостатка полива плодородность не столь высока в этом районе, который соответствует древнему Осроэну и в свое время входил в состав Баджато в Урфе.

В области, расположенной на западе Ракаха, простираются лунообразные равнины у легендарной Микдонии, или Антимусии — города древних римлян. В нем все розы — красные, и все еще возвышаются древние стены знаменитой крепости Нисибис, или Антиония-Микдония, которая в течение трех или четырех столетий задерживала продвижение парфянских, новоперсидских и прочих орд.

Глава XIII

Итак, 12 декабря, как я уже говорил, мы перебрались через Евфрат по мосту Джараблуса. Оставив позади Сирию времен селевкидов, которая скорее походила на кладбище древних городов, мы въехали в Месопотамию, напоминавшую аналогичное кладбище. Единственная разница заключалась в следующем: в Сирии развалины громоздились друг на друга вроде сталагмитов, поскольку горы здесь устойчивые, а бассейны рек четко определены; в Месопотамии же остатки старинных построек постепенно рассеивались по всей округе, так как русла рек часто менялись, особенно Тигра и Евфрата, которые вместе со своими многочисленными притоками представляют собой, если можно так выразиться, всю гидрографическую систему этой обширной области.

Неудивительно поэтому, что те, кому это неизвестно, бывают поражены при виде древнейших городов, таких, скажем, как Хатра, стоявших некогда прямо посреди пустыни. Они и не подозревают, что тысячу лет назад здесь, возможно, протекала полноводная река или находился широкий оросительный канал; со временем первая могла поменять русло, второй — пересохнуть, отчего сельское хозяйство пришло в упадок и данные города разорились.

Мы отправились в путь рано утром, а с наступлением темноты проехали мимо станции Араб-Бунар, где полгода тому назад произошел описанный мной инцидент с депортированными — подданными из стран Антанты. Оставив по левую руку развалины Чарреха и Саматара, мы наконец спешились на следующее утро у исторического селения Рас-Эль-Айн, или, как его называли древние, Ресайна.

Там я пополнил запасы продовольствия. А затем в сопровождении отряда конных жандармов пустился в путь по Месопотамской пустыне. Песок в ней шафранового цвета, а по лазурному небосклону вдали плывут, словно снежинки, белые облака. В то время как на западе пламенеет в лучах заката едва различимая снежная вершина горы Караджадаг, на юге и востоке расстилается бесконечная желтая степь, а точнее страшная пустыня Бадиет-Эс-Шам. Там вовсю хозяйничало племя Шамар. В то время оно стало настоящим бичом этих мест, ибо подстерегало и грабило караваны, направлявшиеся по пути, которым ехали и мы и по которому следовали три, четыре и пять тысяч лет назад победоносные войска Александра, Кира, Навуходоносора, Набополасара, Сарданапала, Ашшурбанипала, Тутмоса, Нина, Семирамиды, Нимрода и многих других легендарных полководцев древности.

Через двадцать часов мы приехали — уже в сумерках — в курдско-арабскую деревню Курдс-Араб. С помощью угроз я добился, чтобы нам уступили жилище, где мы могли бы переночевать. Час спустя туда пришел и каймакам Дей. По дороге арабы отобрали у него и у его охраны лошадей.

Страдая от своей обычной болезни и от едкого дыма костра (куда мои слуги, чтобы согреться на рассвете, подбрасывали верблюжий навоз), я воистину обрадовался, когда наконец-то снова оказался в седле. Хотя muhtar[1] и приказал приготовить для нас завтрак, мы, не дожидаясь его, вновь тронулись в путь по пустыне. В результате уже к десять часов утра мы оказались в окрестностях Вираншехир, а точнее говоря у дворца Османа-Агхи, дяди и преемника Ибрагим-паши, знаменитого вождя курдов Милиса. Семь лет назад тот погиб вместе почти со всеми своими людьми во время неудавшегося восстания 1908 года.

Осман-Агха был почтенным старцем. Чтобы отпраздновать наш приезд, он приказал заколоть и зажарить верблюжонка, которого затем нам подали поверх горы пиляв[2] высотой в метр или даже больше. (Это блюдо готовится на сливочном масле из слегка подсушенного на солнце ячменя. Он получается очень вкусным и напоминает запеченный рис.)

Меня, как почетного гостя, усадили за стол первым. Точнее будет сказать, что я сел не за стол, а на ковер, скрестив ноги. Посредине ковра стояло огромное цинковое блюдо с пирамидой пилява и водруженной поверх нее тушей верблюжонка. Только после того, как я устроился на полу и пригласил остальных последовать моему примеру, наш гостеприимный хозяин и старейшины племени в свою очередь расселись вокруг блюда. Затем, засучив рукава, они начали руками делать шарики из пилява, которые беспрерывно заглатывали с удивительной скоростью. Каждым куском пилява съедалось, как полагается, по куску мяса, которое эти господа отрывали руками, а иногда, в знак особого почтения, клали в рот своим соседям или тем, кому они хотели таким образом оказать особую честь.

И вот в то время, когда я пытался справиться с верблюжьим мясом, мой взгляд, не помню уж почему именно, остановился на каком старике со слезящимися глазами. Он сидел как раз напротив меня и тщательно лепил обеими руками один из этих ужасных жирных шариков. Наконец сделав его, он, к моему вящему ужасу, протянул шарик мне, почтительно произнеся: «Buyurun, bey»[3].

Muhtar — староста села (тур.)
Pilâv — плов (тур.)
Угощайтесь, господин (тур.)

Не желая обидеть старика, я ответил «спасибо», пожелал ему еще сто лет здравствовать и, зажмурившись, проглотил шарик.

После нас к трапезе были допущены воины и свободные члены племени. Затем — женщины и дети. И наконец, в последнюю очередь — рабы. Надо сказать, что в провинции, особенно в больших домах, еще имелись рабы, как мужчины, так и женщины. Однако обращаются с ними очень хорошо, и дети хозяев часто заключают с ними браки.

При прежнем режиме, то есть в эпоху правления султана Абдул-Гамида, лучшие генералы и высшие сановники империи как правило происходили из бывших рабов (разумеется, белых), по преимуществу черкесов. Говорят, бывали даже случаи, и весьма многочисленные, когда они женились на принцессах императорской крови.

После обеда мы омыли руки в «проточной воде», то есть в той, которую рабы поливали нам на руки из посеребренных медных кувшинов. Дело в том, что Кораном запрещено совершать омовения в «стоячей воде». Откинувшись на шелковые подушки, лежавшие повсюду на коврах, мы стали пить кофе и курить сигары или кальян, а наш амфитрион, держа на правой руке домашнего сокола, принялся рассказывать о своих многочисленных га[1], сопровождая свое повествование поучительными сентенциями. Когда он вспоминал о том, как в молодости сражался с непримиримыми и жестокими врагами, Шамарами, взор его омрачался.

Почти во всех господских домах такого рода имели обыкновение держать специального человека для приготовления кофе. Он в присутствии всех жарит кофейные зерна, мелет их, варит напиток и подает его гостям в крошечных чашечках без сахара, горьким, как хинин.

Приемы, которые оказывали нам обычно арабские и курдо-арабские шейхи тех земель, мало чем отличались от только что описанного мной. Разве что не все могли заколоть в нашу честь верблюда. Большинство ограничивались бараном, а некоторые — козой. Однако никто ни разу не позволил мне уехать, не воспользовавшись щедрым и искренним гостеприимством. Да хранит их Аллах!

Сегодняшняя пища бедуинов остается такой же, какой была вчера и тысячу лет назад: кислое или свежее молоко, сыр и хлеб, точнее лепешки из пшеницы, овса или ячменя, испеченные на тлеющих углях или в золе. Самые зажиточные добавляют к этому кусок зажаренного мяса и несколько маслин, но не более того. Зато кофе и табака у них всегда вволю. Даже у самых бедных.

---

[1] Вооруженные набеги (га — сдача в плен) (курд.)

Арабы, живущие в городах — как в Сирии, так и в Месопотамии, как правило, не столь умеренны в еде, как их собратья в пустыне, а даже наоборот. Вот почему они чаще всего ленивы и распутны, иногда и женоподобны.

На рассвете мы выехали вместе с группой старейшин, которые довольно долго нас провожали. Мы оставили по левую руку ровный обширный склон, усеянный обломками камней — некоторые полагают, что это остатки бывшей знаменитой столицы Армении, Тигранокерта. Вскоре мы въехали в Телль-Армени, расположенный у подножья горной цепи Караджадаг. Ее голые склоны и откосы почти вертикально спускаются к равнине, словно прибрежные отвесные скалы, к которым льнет, подобно морю, желтая и пыльная пустыня.

Над этой громадой гранатового цвета с медным отливом, нескончаемо тянущейся с востока на запад, вознесла высоко вверх свой черовный гребень одинокая вершина, на которой возвышался город Мардин. Много веков назад он будто бы бросил вызов и победоносно сопротивлялся полчищам самого Тамерлана.

От знаменитой цитадели, называвшейся Джубакале, остались лишь развалины нескольких башен и крепостных стен, а от прежде многочисленного христианского населения города — едва ли дюжина или две несториан, которые каким-то чудом смогли остаться в живых после кровавой расправы, учиненной вали этой провинции Решид-беем 24 июня 1915 года.

Горы в окрестностях Мардина поразительно живописны. Иногда с них открываются столь величественные виды совершенно уединенных мест, что они напоминают мне необычный таинственный полумрак средневековых соборов, чьи темные высокие нефы заставляют вибрировать самые потаенные струны человеческой души.

Я, честно говоря, не помню, чтобы мне приходилось видеть за все мои многочисленные путешествия от Аляски до Индокитая и от Анадира и Камчатки до Мыса Горн картины, подобной той, что любовался на заходе солнца с высоких зубчатых башен замка Мардин.

У меня еще и теперь стоят перед глазами эти безлюдные, наводящие ужас пустыни Месопотамии, простирающиеся у моих ног, словно океан жидкого золота. Они незаметно превращаются в огромный диск червонного золота, а потом — в колоссальный фиолетово-коричневый аметист. Отблески его все гаснут и гаснут, по мере того как огненный небосклон над Ассирией все чаще окрашивается в быстро меняющиеся цвета и озаряется огненными всполохами.

В селении Телль-Армени, или Котш-Гисар, среди прочих развалин имелись также руины древнего христианского святилища. Через его частично разрушенный кирпичный купол, в который заглядывало голубое небо, постоянно влетали и вылетали сотни белых и сизых голубей. Тремя или четырьмя куадрами[1] западнее среди хаотического нагромождения обломков домов возвышалась одинокая квадратная башня, построенная из глыб черного базальта.

Среди этих темных и мрачных руин выделялись, словно пара белых лебедей, два белых павильона из мрамора или белого камня. Помимо надписей на них мое внимание привлек знакомый мне запах. Желая выяснить, откуда он исходит, я в ужасе попятился прочь от нескольких ям или резервуаров, наполненных сильно разложившимися трупами христиан... Чуть дальше я наткнулся еще на одно подземное хранилище, судя по запаху, оно тоже было заполнено телами мертвых.

И как будто этого было мало, повсюду, куда хватало глаз, я замечал трупы — либо не захороненные, либо слегка прикрытые кучкой камней, из-под которых виднелись клок окровавленных волос, рука или нога, обглоданные гиенами.

Я вернулся в селение, точнее — в дом военного коменданта Телль-Армени, у которого я остановился. Его ключница, несторианка, единственная из христиан уцелела во время этой резни. Она поведала мне о том, как жандармы и арабы, поддерживаемые местной чернью, неожиданно набросились на христиан, живших в Телль-Армени, и безжалостно закалывали их, не давая опомниться.

Когда эта девушка с черными волосами и грустными голубыми глазами узнала, что я не турок, а христианин, она бросилась к моим ногам, как Мария Магдалина припала к стопам Христа. А у меня в ушах не переставали звучать, словно хохот гиены, циничные слова великого визиря Талаат-Паши: «Убийства?! Да это я просто развлекаюсь!».

17 декабря мы ранним утром выехали из Телль-Армени, чтобы по возможности успеть в тот же день добраться до поселения Нусайбин. До него было двенадцать часов езды по бесплодной и пыльной пустыне. Доехав, слава Богу, благополучно, если не считать небольшого столкновения с жителями некоей курдско-арабской деревушки под названием Ахмедкёй, мы оказались в легендарном городе. Однако кроме немногочисленных руин, не представляющих особого исторического интереса, и большой гамидианской казармы ничто не

[1] Мера длины, равная 463 м.

напоминало о той поре, когда здесь стояла знаменитая крепость римлян. А ведь она наряду с Низипом, Зеугмой, Румкале и Самсатом не одно столетие защищала проходивший по соседству великий караванный путь от набегов стремительных полчищ парфян и персов под началом Хосрова, Сапора и т. д.

Мы прибыли в Нусайбин позднее, чем рассчитывали. Не желая беспокоить местное начальство, а также моих утомившихся в пути всадников, я не стал заставлять их расстилать мою походную кровать и заснул, устроившись на одной из парт в школе. На следующее утро ко мне явился засвидетельствовать почтение и предложить свои услуги капитан Хусейн-эфенди, командир 4-й и 5-й пулеметных рот, которые также направлялись в Багдад.

Воспользовавшись столь замечательным случаем, я отправил своих мулов вперед вместе с вьючными животными Хусейна, а сам в сопровождении своего конвоя отправился осмотреть те немногие руины, которые еще сохранялись со времен процветания Нусайбина. Они были разбросаны там и сям по обеим берегам притока Эль-Хабура Джаг-Джага, или Хелы, как его называли в древности.

Затем мы, не задерживаясь, поехали дальше вслед за пулеметными ротами Хусейна-эфенди. Дорога шла вдоль южной оконечности какой-то плодородной области, усеянной деревнями. Эта область тянется на северо-восток от Нусайбина и располагается вдоль всего подножия горы Масиус, ныне называемой Тур-Абдин.

Взглянув на юг, я заметил на горизонте голубую тень. Это были горы Абд-эль-Азиз, возвышающиеся, словно одинокий остров, среди горячих песков Бадиет-Эс-Шама. Они уже тысячи лет защищали от хаммурма горделивую Синеар, столицу царства Хатти, от которой не осталось почти ни единого следа.

Около полудня, когда мы уже продвинулись достаточно далеко в глубь пустыни, наткнулись на пятна крови у дороги и на мешки с продовольствием. А заметив на песке следы сотен неподкованных копыт, мы мгновенно догадались, что здесь произошло.

Встревожившись, мы продолжали путь с орудиями наголо, пристально следя за тем, не появятся ли облачка пыли неподалеку от нас или на горизонте. Наконец, когда уже почти стемнело, нам повстречался боевой отряд, посланный на наши розыски Хусейном-эфенди. Несмотря на все его боевые орудия, бедуины этим же вечером уже напали на него. Полчаса спустя мы спешились у разрушенного блокгауза Киркбилека. Пулеметные роты уже разбили здесь лагерь. Мы узнали, что мешки с продовольствием принадлежали нескольким жандармам, что бедуины напали на них и зарезали, чтобы украсть лошадей.

Когда на следующее утро густой туман над пустыней рассеялся,

мы различили на горизонте окутанную легкой дымкой голубую гору Джебель-Синджар, которая величественно простиралась вдали, словно гигантский мыс посреди моря.

Между тем мы снова отправились в путь по раскаленной пустыне. Местами нам встречались темный скальный грунт и чахлые кусты. Кое-где в них извивались тонкие ручейки кристально чистой воды, которым было суждено либо засохнуть в песках, либо влиться в приток Евфрата Эль-Хабур.

Постепенно увеличились и количество базальтовых плит, и их размер. Разбитые мятежными племенами лагеря, которые прежде виднелись повсюду на горизонте, теперь скрывались за возвышенностями. В конце концов мы уже не видели вокруг ничего, кроме беспорядочного нагромождения исполинских скал. Зато еще через час мы очутились в небольшой долине Демир-Капы («Железные ворота»). По ней протекала красивая речка, полная форели. У подножия скалистого холма мы заметили небольшой блокгауз, где располагался гарнизон жандармов. Там мы и нашли пристанище на ближайшую ночь.

Остаток дня я провел охотясь, благо у притоков Эль-Хабура нередко встречаются газели и антилопы, а кабаны водятся в изобилии

Помимо медведей и волков, которые во множестве встречаются на соседней горе Тур-Абдин, в холмистых каменистых пустынях попадаются пантеры, дикие ослы, пятнистые леопарды, а возможно даже львы с короткой кудрявой гривой, вроде тех, что можно увидеть на ассирийских и вавилонских фризах.

В самом центре пустыни все еще можно встретить страусов. Их перьями бедуины еще до недавнего времени украшали древко копья.

Гиен в этой местности огромное количество. Вместе с грифами и шакалами они наводят чистоту во всей пустыне.

Самой опасной частью нашего пути был, безусловно, отрезок в семьдесят километров, отделяющих Демир-Капы от Талль-Увайната. Я намеревался преодолеть это расстояние без остановок в течение следующего дня, во-первых, потому что по дороге невозможно было раздобыть ни капли воды, а, во-вторых, из-за того, что именно здесь бедуины обычно и нападали на караваны, особенно по ночам.

Они стали до того дерзкими, что не боялись даже регулярных кавалерийских отрядов, в обязанности которых входило патрулирование этого участка дороги.

Видя, что животные, принадлежавшие пулеметным ротам, не способны преодолеть этот маршрут в один день, я отправил вперед своих мулов и в сопровождении одного своего отряда тронулся в путь по пустыне. Несмотря на ранний час — было шесть утра — поверхность земли, казалось, плавилась в жарких лучах солнца.

Так мы продвигались час за часом, пока жандарм, ехавший впереди, не прискакал галопом назад и не сообщил, что заметил на горизонте крутящееся облачко пыли, которое приближалось с огромной скоростью.

Поняв, что это означает, я приказал отряду спешиться. Спрятав животных в ложбину, мы быстро окопались рядом с ними и стали поджидать стремительно несшуюся харку[1]. Одежды бедуинов развевались на ветру, кони их скакали необычайно резво. Двое человек были вооружены копьями, остальные тридцать четыре — ружьями.

Заметив, что мы их подстерегаем, бедуины остановились вне зоны досягаемости наших винтовок. Посовещавшись какое-то время, они построились в боевом порядке и стали скакать вокруг нас, образовав круг, который все сужался и сужался. Наконец, оказавшись на расстоянии трехсот или четырехсот метров от нас, они начали один за другим соскакивать с лошадей на землю, стрелять, а затем взлетать обратно в седло с такой скоростью и ловкостью, что не уступили бы нашим индейцам гуахиро.

Видя, что мы не отвечаем на их выстрелы, они, видимо, сочли нас безоружными или вооруженными одними лишь револьверами. Посовещавшись вновь, они бросились в атаку. Я только этого и дожидался. Когда они были всего в ста метрах от нас, мы открыли по ним сильный огонь. В результате чего трое нападавших упали на землю, а остальные бросились врассыпную — ведь бедуин, несмотря на бесспорную личную отвагу, не стыдится со всех ног бежать с поля боя, если встретит серьезное сопротивление.

Турок, напротив, решившись пойти в атаку, не отступит никогда.

Здесь кроется истинная причина того, что арабы почти всегда были в подчинении у турок — как в Оттоманской империи, так и в государстве Селевкидов — а также у прочих тюркских народов-завоевателей. Судя по всему в скором времени арабы вновь подчинятся оттоманским правителям, если принять во внимание новые обещания эмиров и иных арабских князей «объединиться с турками, коль скоро союзники будут продолжать упорствовать в своем нежелании признать полную независимость Сирии, Месопотамии, Палестины и т. д.»

---

[1] Hareket — движение (тур.) «Харка» — постоянно меняющая порядок группа стремительно движущихся всадников.

Из трех взятых нами в плен нападавших один находился при смерти, а двое других получили легкие ранения. Так как среди нас одного меня слегка поцарапала пуля, мы отправились дальше, привязав двух пленных к хвостам лошадей. Третьего же оставили, попросив передать остальным, что если они нападут на нас опять, то мы расстреляем их товарищей

Лишь только мы отъехали на приличное расстояние, бедуины собрались вокруг раненого, который, судя по всему, передал им мои слова. Один из них тут же поскакал в нашу сторону, привстав на стременах и подняв вверх руку. Сочтя по его внешности, одежде и вооружению, что старейшиной, или шейхом племени был именно он, я выехал ему навстречу Выслушав его, я пообещал, что перед тем, как мы въедем в Талль-Увайнат, отпущу пленников. Ведь эти люди, как простодушно сообщил мне шейх, были бедняки, да к тому же отцы семейства, а участвовали они в этом налете только для того, чтобы избавить от полной нищеты своих родных.

К слову сказать, большинство племен, живущих в пустыне, каждый год организуют свои ра — вооруженные набеги, которые не запрещены ни Кораном, ни их законами. В них участвуют лишь самые отважные или те, кто хочет во что бы то ни стало собрать махар, то есть деньги на выкуп невесты. Ведь араб отдает свою дочь замуж не просто так, а только взамен такой же или большей суммы, которую ему когда-то пришлось отдать за невесту своему будущему тестю Все это доказывает, что возмещение убытков и взятие реванша не являются исключительной привилегией европейцев.

И поскольку женщина у племен пустыни — как кочевых, так и оседлых (феллахов) — стряпает, стирает и даже служит вьючным животным своему мужу, а также ткет и вяжет ему одежду, пашет, пасет скот, растит детей, то неудивительно, что отец невесты требует от своего будущего зятя выплатить взамен дочери хотя бы стоимость одной молочной коровы или упряжки волов, если тот беден, а если богат — то дюжины-двух дромадеров.

Из-за этих ра, в которых, кстати, шума и выстрелов обычно бывает много, а раненых мало, и происходит вечное соперничество между самими бедуинами, а также постоянное их желание отыграться за обиды, нанесенные соседом X, на соседе Y.

Раз уж я заговорил об арабах, позволю себе отметить, любопытства ради, что у бедуинов, в отличие от феллахов, браки заключаются преимущественно по любви Это случается оттого, что женщины у них не носят чадру, а отчасти и по той причине, что отдельные племена живут почти в полной изоляции друг от друга. В таких условиях мужчины и женщины знакомятся и общаются с самого детства

Доказательством тому служит арабская поэзия, которая, словно душа пустыни, вздыхает и бродит в поисках недостижимых чести, горних миров и забвения.

Когда мы подъезжали к Талль-Увайнату, я приказал освободить наших пленников и, попросив их передать поклон своему старейшине, дал подарки им самим и красивые открытки их детям. Те, должно быть, далеко-далеко в пустыне уже поджидали отцов и скорее всего плакали.

Из Талль-Увайната уже прекрасно было видно на востоке гору Синджар. Она тянулась с востока на запад в виде длинного плато одинаковой высоты, ее верхняя часть — темного цвета, по-видимому, она покрыта лесами или, по крайней мере, густой растительностью. Бурные ручьи пересекают ее склоны, затененные пальмами, смоковницами и гранатовыми деревьями. На равном расстоянии друг от друга поднимаются тонкие столбы синего дыма. Они указывают на те места, где жители этого края, почти все — езиды, отдыхают после трудового дня в своих в своих черных домах, которые, по сути дела, являются пещерами, вырубленными в скалах.

Злейшие враги мусульман, езиды обитают в этих причудливых и отдаленных горах уже тысячи лет. Их называют почитателями дьявола, но, видимо, не потому, что они поклоняются Вельзевулу, а потому, что боятся его до такой степени, что убивают любого, кто произнесет его имя. Они считают, что если он узнает это, то решит, что над ним смеются и отомстит им всем.

За Талль-Увайнатом пустыня мало-помалу заканчивалась, и через несколько часов пути она превратилась в хорошо возделанную область, где иногда виднелись очертания какой-нибудь деревни. Желтоватые строения были окружены avlu[1], в которых утолял жажду скот. Кое-где вырисовывалась крона одинокого кипариса, к голым веткам которого путники привязывали маленькие лоскутки, словно хотели напомнить небесам о какой-нибудь просьбе... Между тем на севере различались, будто голубая тень, горы Загрос и Хаккяри. Их южную часть я пересек полгода назад во время нашего знаменитого отступления по пустынным снегам Верхнего Ботхана. Еще через день пути, за который мы проехали шестьдесят—семьдесят километров и устали вдыхать столько дорожной пыли, наконец начали вырисовываться в ослепительном небе Месопотамии минареты и белые купола Мосула. Серебристое сияние луны придавало ему вид тех волшебных городов, о которых повествуется в сказках «Тысячи и одной ночи».

[1] Avlu — двор

Глава XIV

«Подобные великолепной parterre[1], целиком покрытой цветами, в коих мастерство художника собрало все солнечные лучи, равнины Месопотамии, защищенные от ледяных северных ветров горами Загрос и Антитавр, устремляются к тропикам и к экватору.

Какой огромный контраст между плодородными областями и унылыми безлюдными местами края, называемого Арменией, этой необъятной Сибири. Прикованная к Кавказу, она никогда не вдыхает нежных дуновений тропических ветров, ее воздух насыщается лишь частичками полярного холода, идущего от соседних морей!»

Вот сколь цветастым и одновременно очень метким образом описывает один известный анонимный автор различие в климате, которое испокон века существовало и будет существовать многие тысячи лет между двумя неразделимыми частями Месопотамии, в которых находятся бассейны Тигра и Евфрата. Если я нахожу это описание очень метким, то это потому, что природа придала каждой из этих двух областей специфический характер. И человек напрасно будет стараться изменить его или сколько-нибудь ощутимо преобразовать его.

Пока будет сохраняться нынешнее природное равновесие на земном шаре, снега будут продолжать накапливаться на вершине горы Джуди, жгучий shirgat[2] будет и дальше дуть над бледными песками Бадиет-Эс-Шама, а льды армянских Альп не растают под лучами полуденного солнца, которые совсем рядом, но уже в другом месте жгут субтропики.

Месопотамия, которой на вид повезло больше, чем Армении, должно быть, именно климату обязана своей размягченностью, этой роковой беззаботностью, отовсюду привлекающей народы, ищущие приключений, и являющейся причиной домашней тирании, царящей здесь.

Армения и Курдистан своими западными оконечностями входят в ареал Средиземноморского бассейна, в то время как долина Эль-Джазира покоится на индо-африканской платформе. Эта платформа неким образом вошла, словно клин, между горными цепями Ирана, с одной стороны, и Ливана с Антитавром — с другой.

Обе эти области различаются также этнически: первую делят между собой армяне и турки — непримиримые враги, в то время как долины заселяют арабы, среди них преобладают бедуины-кочевники, которые занимаются, как и их предки, разбоем.

---

[1] Клумба (фр.)
[2] Восточный ветер (араб.)

«Армения, Вавилония и Месопотамия, — замечает наш анонимный автор, — долгое время были незаслуженно забыты современными географами, но при этом достойны нашего самого пристального внимания.

Именно в этих краях раскидывали свои шатры Авраам и Иаков, появлялись первые города и древнейшие царства, известные истории.

Именно там Александр победил Дария, позднее берега Тигра и Евфрата стали кровавым полем битвы, в которой легионы Траяна, Юлиана и Ираклия победили знаменитые полчища парфян и персов под началом Хосрова и Сапора.

В новые времена две большие исламские секты — сунниты и шииты — оспаривают друг у друга эти территории. Говоря об этих областях, не стоит упоминать о людях и об их эфемерной власти, поскольку природа предлагает нам множество вещей, более достойных изучения.

Немного на земном шаре есть мест, где на таком небольшом пространстве собрано столько примечательных противоположностей: в Багдаде царит жара — такая же, как в Синегамбии, а на вершинах Картоша и Арарата — вечные снега.

Еловые и дубовые леса в Месопотамии почти соприкасаются ветвями с пальмовыми и лимонными рощами. Аравийский лев отвечает своим рыком на громкий рев горного медведя. Кажется, будто Африка и Сибирь объединяются в одной точке».

Неприступные горы Ксенофонта-Гунди заполняют весь Курдистан. Один из их отрогов — Загрос или Хаккяри, как сегодня его называют, отделяет Оттоманскую империю от Персии. Нижние ответвления гор заканчиваются всего в нескольких километрах от восточного берега Тигра в окрестностях Мосула.

Еще один отрог, который отходит от горы Джуди и опирается на гору Масиус или Тур-Абдин, проходит между Тигром и Евфратом. Он образует крутой склон, где стоит город Мардин. Заканчивается этот отрог массивом Караджа к югу от Амиды, иначе говоря Диярбакыра.

От упомянутого крутого склона простирается до самого берега Персидского залива обширная равнина. Сколько ни смотри, с трудом найдешь на ее поверхности хоть малейшую неровность.

Южная часть этого плоскогорья, то есть та, которая расположена в месте, где Тигр и Евфрат протекают ближе всего друг к другу, в древности называлась Халдея, или Эль-Сеннар. Некогда она была покрыта озерами, но теперь они высохли. Однако даже в наше время

встречаются территории, которые непременно затопляются, как только в обеих реках уровень воды хоть немного повышается.

Одна из особенностей Загроса состоит в том, что он представляет собой правое крыло выгнутых дугой высоких горных цепей. Они, словно огромный амфитеатр, окружают центральный бассейн Тигра. Заключенное в этом полукруге пространство не является ни плоскогорьем, ни пустыней В былые времена эта территория была сердцем Ассирии, или Ниневии, которая, как гласит легенда, была основана Ашшуром, сыном Сима, точно не известно когда, и освобождена от вавилонского ига Нином и его знаменитой супругой Семирамидой. В ту эпоху они были хозяевами и повелителями всего мира, простиравшегося от Средиземного моря до Бактрианы, и от Каспия до Абиссинии.

Не считая нескончаемой чреды войн Ассирии против ее бывшей метрополии Вавилонии, завоевание первой египетским фараоном великим Сисострисом, судя по всему, является единственным подлинным и интересным фактом в истории этой страны, вплоть до правления Тукультиапалэшарра, или Тиглатпаласара I, иначе говоря вплоть до восшествия на престол первого истинно выдающегося правителя и завоевателя Ассирии.

Его преемниками были прославленные цари Салманасар I, Сарданапал I, Салманасар II и наиболее знаменитый Сарданапал II. Во времена правления последнего Ассирия переживала период наибольшего расцвета. Затем, во времена Белоко IV, ее владения снова расширяются от востока до самого запада, то есть от Инда до Нила. Но в правление его наследников слава Ассирии начинает гаснуть, и в конце концов страна превращается в униженного раба и попадает в зависимость от Вавилонии Последним ее пытался спасти Тиглатпаласар III, основатель династии Саргонидов, чья история, несмотря на блеск этого рода, сводилась к нескончаемой чреде войн против Израиля, Иудеи и Вавилонии Им положили конец объединенные силы мидянина Сихара и развратного сатрапа Набополасара, которые покончили раз и навсегда со знаменитым Ассирийским царством. Они уничтожили все его пашни, разрушили все наиболее важные города, включая легендарную столицу Ниневию с ее знаменитыми ступенчатыми башнями, облицованными изразцами и глазурованной плиткой, алебастровыми и известняковыми рельефами; с ее горделивыми зубчатыми стенами более чем в 50 футов высотой; с ее храмами, возведенными на огромных фундаментах и украшенными галереями, к которым вели вместо лестниц гладкие пандусы и, наконец, с ее грандиозными мраморными и алебастровыми дворцами невероятной красоты, напоминающими произведения искусства из керамики, глины и стекла. Их украшали исполинские статуи из

диорита, крылатые духи, испещренные клинописью, барельефы или фризы чудесной резьбы, а также украшения голубого, желтого, черного и лазурного цветов, покрывающие колонны, стены, а иногда и внешние фасады.

Обладая монархическим, милитаристским и деспотичным правительством, ассирийцы (так же, как и вавилоняне) множество веков подряд исповедовали монотеизм. Он — Высшее Существо без имени, Творец и Творение одновременно и т. д. То самое божество, которое вавилоняне обычно называли Мардук, Бел или Баал и изображали в окружении второстепенных божеств, воплощавших собой народы и нации, подчинявшиеся Вавилону.

Язык вавилонян — семитского происхождения и родственен арамейскому. Однако писали они клинописью. И хотя Ассирия была родной дочерью Вавилонии, ассирийские памятники относятся лишь к XII веку.

Период наибольшего расцвета Ассирии приходятся на XI—XII века. Среди же ее наиболее прославленных правителей особо выделяются Ашшурбанапал и великий Саргон, преемник Тиглатпаласара III. От больших городов, в свое время процветавших в Ассирии, ныне остались лишь следы, т. е. погребенные под землей обломки — об их существовании можно догадаться только по бугоркам, которые над ними возвышаются.

На центральной равнине Ассирии, которая достигает примерно двухсот километров в ширину и трехсот — в длину и простирается от устья Дияла, или Гундеса, до устья Верхнего Заба чуть ниже Мосула, все еще сохранились развалины древних городов. Среди них — Аполиния, ныне называемая Сулимание; Артемита, или Дестагерда, которую разрушил император Ираклий и которая в течение какого-то времени была столицей династии Сасанидов; Киркук, или Коркура, где находится могила пророка Илии; Гаугамела и Эрбил, или Арбела, прославленная Александром, и, наконец, Ниневия, на месте которой сейчас находится Мосул.

К югу от Ниневии на обоих берегах Тигра покоятся развалины Нимруда, Ашшура, или Ширгадкалеха, Бирты, т. е. нынешних Тикрита, Описа, Хатры, Апамеи-Месены и др. В то же время по другую сторону Джазиры и на берегах Евфрата по-прежнему сохраняются руины Цирцезиума, или Каркемиша, ныне называемого Мейядин, который некогда был завоеван египетским фараоном Нехо, победителем, а затем — побежденным, Навуходоносором. Сохранились также развалины Ресифы, Анато, Адиты и других поселений, за которые веками сражались правители Ассирии и Вавилона.

От этих древних руин, превратившихся теперь в незначительные поселения, отправляются каждый год караваны паломников, совершающих хадж в Мекку, дабы поцеловать Черный Камень в святилище Кааба Также поступали их предки тысячи лет назад, еще до Магомета Как и теперь, они собирались тысячами в этих самых местах, чтобы один за одним пересекать пустыню в поисках этой самой Мекки, что тогда называлась Эатрипа, чтобы поцеловать в святилище Кааба (в то время языческий храм) тот же самый Черный Камень метеоритного происхождения и чтобы преклонить колена перед статуей богини Астарты, или Астарот, каковая — по мнению древних — олицетворяла землю и потому была матерью всех народов

Собиравшиеся там каждый год паломники, иногда приходившие даже из далекого Туркестана и из Астрахани, часто являли собой живописное зрелище: они передвигались на лошадях или пешими группами по узким и пыльным улочкам и по темным переулкам несчастных деревушек с домами из глины или необожженного кирпича. Если бы не подношения и небольшой доход, который они получали от паломников во время их коротких остановок, то вскоре эти поселения перестали бы вовсе существовать, так как почти полностью лишены были собственных возможностей выжить.

Отправление каждого из этих паломнических караванов обычно представляет собой событие, которому предшествуют дни поста и покаяния, ибо громадные пустыни Сирии и Аравии, где постоянно царят тишина и мрак, ежегодно погребают под своими песками не одну такую процессию.

В ночь накануне их отъезда на берегах Евфрата светятся бесчисленные костры, их отблески наполняют окрестности пурпурным мерцанием, освещают ряды черных палаток и тысячи жующих жвачку дромадеров. Незадолго до рассвета, когда ощущается прохладный утренний ветерок, с высоты соседнего минарета раздается и тянется, словно нитка жемчуга, звонкое песнопение «Lah-Ilah-Il-Lah-Lah!»[1].

Тогда тысяча или две паломников молча собираются вокруг своего вожака и устремив взгляд на юг, в сторону Мекки и Медины, благоговейно касаются мавританскими лбами горячих песков пустыни.

«Lah-Ilah-Il-Lah-Lah!» снова звучит голос муэдзина, когда на розовом небе показывается величественный, словно окровавленный, диск солнца, чтобы вновь воздеть золотой светоносный скипетр над своим любимым царством и вновь объять жгучими лучами песочные моря пустыни.

---

[1] «Нет божества, кроме Аллаха!» (араб.) — один из возгласов азана, т. е. призыва к совершению обязательной молитвы у мусульман

Лагерь, который до того был погружен почти в гробовое молчание, мгновенно просыпается. Возгласы dervişi[1], которые спешат привязать поклажу на непокорных с рождения верблюдов, сливаются с криком животных и заливистым лаем собак.

Человеческие фигуры, закутанные в бурнусы и покрытые kefiye с ружьями, закинутыми за плечо, с кривыми кинжалами, висящими на поясе, продвигаются вперед верхом на длинноногих дромадерах, называемых hecin, и на прекрасных скакунах, чтобы возглавить живописный караван. Во время своего быстрого и молчаливого перехода по пустыне он напоминает стаю чаек, летящих в голубом небе, или гигантскую змею, которая тысячами глаз следит за горизонтом — причиной и источником ее постоянных забот.

Кажется, что эти избранные сыновья пророка, загоревшие и обветренные на этой равнине, не чувствуют ни волн невыносимого жара, идущих от раскаленной земли, ни жажды. Устремив взгляд в пустыню, они следуют за своими вождями по невидимым дорогам, на которые указывают лишь желтоватые силуэты верблюдов. Хоть это и кажется странным, пути эти являются единственными в безлюдных местах, где по ночам бродят дикие звери и летают хрипло кричащие грифы.

Иногда мелодия флейты — всего три или четыре ноты — задает ритм монотонному убаюкивающему шагу дромадеров. Эти животные, похожие на огромных марабу с их уродливыми длинными шеями, почти механически продолжают двигаться вперед, покачивая на горбах огромные седла, покрытые коврами (на них обычно путешествуют мавританские дамы), или волоча под покрывалами опий, бронзу, а возможно, и изысканные благовония из тех, что делаются только в Азии, этом континенте вечной тайны.

Поднимаются облака пыли — столь мелкой, что она проникает даже внутрь часов и постоянно забивается в глаза и уши. Минуты обращаются в часы, часы — в дни, а природа, словно насмехаясь, рисует на горизонте густые леса или манящую гладь озер с кристально-чистой водой, а также прочие картины, которые вызывают поистине танталовы муки у страдающих от жажды паломников. Огромные пятна щелочи и соды — отложения некогда живых организмов и немые свидетели времен, когда здесь было морское дно, кажется, искрятся под лучами солнца, мерцающие сквозь ткань кефье, дразнят наше воображение и терзают душу, и так уже измученную слабостью тела. Паломники с пересохшим от жажды горлом с трудом сохраняют силы, чтобы удержаться в седле.

Dervişi — дервиш (тур.)
Kefiye — арабский головной убор в виде большого платка

Когда солнце почти достигает зенита, караван наконец делает остановку. Дромадеры нехотя опускаются с возмущенными криками на колени. Участники хаджа съедают несколько сухих смокв или фиников — непременной еды в пустыне — и, обессиленные, ищут покоя в тени, отбрасываемой животными. Они слушают монотонное пение какого-нибудь феллаха или заворожено наблюдают за волшебными миражами, следя, как в полной пустоте возникают минареты и золоченые купола далекого города, а небосвод превращается в огромный ореол пламенеющих драгоценных камней.

По окончании сиесты они снова медленным шагом двигаются в путь, минуя множество мест, где самум с головокружительной скоростью пронесся по долине и разрушил сыпучие дюны, перенеся их на новое место. Жажда опять мучает паломников, она становится все сильнее и сильнее, пока не превращается в почти невыносимую пытку Вдруг весь караван вздрагивает, а верблюды ускоряют шаг — они своим удивительным нюхом почувствовали, что вода рядом.

И в самом деле: вскоре на горизонте вырисовываются смутные очертания долгожданного оазиса. А через четверть часа уже отчетливо видны верхушки пальм и изумрудного цвета пятно, которое продолжает увеличиваться и манит страдающего от жажды паломника. Наконец группа всадников пришпоривает лошадей и бросается вперед, чтобы выяснить обстановку.

Когда они возвращаются, все ликуют. С радостными криками караван направляется к источнику, который на протяжении тысяч лет нес облегчение и прохладу стольким паломникам.

Hizmetkâr[1] быстро ставят двухцветные шатры, которые ткутся мавританками из верблюжьей шерсти. А какая-нибудь ханум с лицом, закрытым чадрой, приветствует путешественников долгим взглядом своих арабских глаз.

Когда солнце в очередной раз опускается за горизонт, верующие собираются вокруг своего предводителя, скрещивают руки на груди и устремляют взгляд на юг, где покоятся останки Пророка, а муэдзин, воздев руки к небесам, снова затягивает свой звонкий призыв «Lah-Ilah-Il-Lah-Lah!».

А в это время простые путешественники, расположившись у костра, в изумлении любуются этой бесконечно печальной местностью, где, если не считать хохота гиен, царит вечная тишина.

[1] Hizmetkâr — слуга (тур.)

Глава XV

Когда мы прибыли в Мосул в ночь на 20 декабря (1915 года) если я не ошибаюсь город спал

Единственными живыми существами, которые словно призраки сновали по его узким улицам залитым лунным светом были бездомные собаки да ночной сторож стучащий своей палкой по мостовой

Было слишком поздно чтобы беспокоить консула Хольштейна которому я был отрекомендован Поэтому я приказал постучать прикладом в дверь просторного дома одного хана который упорно не хотел меня пускать В конце концов я все таки разместился в одной из лучших его комнат в которой, правда не было мебели Однако мне пришлось ее освободить почти немедленно из-за паразитов Я расположился во дворе где и провел как мог остаток ночи

Когда на рассвете я одевался чтобы отправиться в консульство один из адъютантов начальника гарнизона пришел сообщить мне от его имени что если я поспешу то смогу продолжить путь уже этим утром вместе с офицерами нескольких батарей полевой артиллерии Kelek или плот уже был подготовлен и вот вот должен был отплыть в Багдад

Не желая упустить столь прекрасную возможность я приказал доставить вещи на борт этого плота в то время как моих животных погнали по суше вместе со скотом артиллерийских батарей

Кроме нашего плота отплыл еще один на котором путешествовал известный немецкий хирург профессор Райх

Я до того подружился с ним в дороге что мы вместе провели сочельник разбив лагерь на берегу Тигра Ради праздника славный профессор мгновенно приготовил куриный бульон каковой мы и распили

Ровно в одиннадцать мы отцепили трос и поплыли по глинистым водам Тигра, держа курс на древнюю столицу халифов По левую руку остался город Мосул в окружении разрушенных стен, а по левую — то есть на противоположном берегу реки — насыпной холм называемый koyunyık[1], или nebi yunus[2] Его увенчивала белая мечеть где как считается покоятся останки пророка Ионы У подножия холма простирается бугристая равнина скрывающая под собой руины города Ниневии

Кроме результатов исследований проведенных в начале и середине прошлого века Джеимсом Ричем Боттой Лэйярдом Роулинсоном

---

[1] Koyun — баран, овца, yıkı — развалины (тур)
[2] Nebi — пророк (кроме Мухаммеда) (тур.)

и Рассамом, никаких других видимых доказательств существования некогда знаменитой столицы Ассирии уже не осталось

Среди них стоит отметить останки дворца Синаххериба, а прежде всего развалины дворца Ашшурбанапала В последних помимо библиотеки, содержащей описание Всемирного Потопа, сделанного вавилонскими историками, было обнаружено большое количество грандиозных статуй в виде быков и крылатых духов с человеческими головами. Также найдена была обширнейшая коллекция барельефов, изображающих сцены охоты, жертвоприношений, разнообразных процессий, и множество мелких предметов, необычайно точно отображающих домашний быт ассирийцев.

Когда двадцать четыре века назад Ксенофонт проезжал мимо этих руин, никто уже тогда не помнил их названия, однако он не спутал Ниневию ни с Меспилой, ни с Ларисой — таковы были имена, которыми греки обычно обозначали Нимруд и Корсабад.

По мере того как шло время, мы продвигались вперед, а голубые горы Ревандуз удалялись от нас в противоположном направлении. По ним проходит турецко-иранская граница. От их ущелий вали Мосула и храбрый лейтенант фон Шейбнер продолжали двигаться со своими добровольцами к правому флангу русской армии, расположившемуся в предместьях Шахбулаха.

Этот вечер (особенно ночь) я провел очень плохо: из-за сильного раздражения глаз, которое вызвали у меня пыль и лунный свет предшествующей ночи. Именно из-за этого я не смог рассмотреть древнейший мост, под которым мы в тот вечер проплыли неподалеку от развалин Нимруда. О нем мне рассказали наши офицеры.

Нумруд — вторая столица Ассирийского царства — была основана Салманасаром I и разрушена одновременно с Ниневией мидянами и вавилонянами. Его исследовали, в частности, неутомимые Лэйярд и Рассам. Они извлекли из под его обломков фундамент башни, называемой зиккурат, а также останки дворцов Ашшурнацирапала и Салманасара со знаменитым черным обелиском, носящим его имя.

Раскопки, которые вели Лэйярд и Рассем в Нимруде, Ниневии, Имгур-беле (или Балавате), а также в Корсабаде, безусловно, обессмертят их имена если не в истории, то, по крайней мере, в памяти ученых.

Среди ничем особо не примечательных притоков Тигра, впадающих в него с востока, сразу выделяется Верхний Заб, или, по-арабски, Заб-эль-Кибир. Он берет свое начало на западном склоне Котур-Дага, поблизости от города Башкале. Его я был вынужден восемь месяцев назад приказать поджечь, чтобы наши запасы провизии и амуниции не попали в руки русским и армянам.

Когда на следующее утро мы проплывали мимо устья Верхнего Заба, мое внимание привлекли его чистейшие, почти голубые, воды, которые столь отличались от коричневого потока старого Тигра

Однако после этого окружавшая нас панорама не была хоть чем-нибудь примечательна. Мы видели ровные желтоватые горизонты, песчаные и глиняные косы, облепленные утками и другими водоплавающими птицами, громадные утесы, вдававшиеся в реку Иногда попадалась какая-нибудь жалкая деревенька на берегу, населенная арабами-феллахами. Они были одеты в лохмотья, глаза у них гноились, а лица — обсижены мухами.

Здесь кстати будет уместно упомянуть, что почти все феллахи, проживающие на берегах Тигра и Евфрата, в той или иной степени страдали от болезней глаз. В большинстве случаев причиной тому была грязь, но нередко они сами наносили себе вред, чтобы избежать обязательной военной службы или чтобы не платить относительно низкие откупные, которые турецкое правительство требовало с них в то время.

На смену теплым дням приходили ясные ночи. Прекрасное ночное светило пылало, как одинокий костер, над безмолвными руинами Хатры, Бирты и Ширгад-Кале, или Ашшура, того, что, по преданию, основал и сделал столицей сам бог Мардук... Меж тем наши плоты, которые имели очень хрупкий каркас из тростника и тонких веток, сплетенных веревками и лианами, поставленный на бурдюки из бараньих шкур, наполненных воздухом, все плыли и плыли вниз по реке Временами вода была спокойной и прозрачной, но иногда нас подстерегали опасные отмели. Тогда плоты сминались, как бумажные листки, под напором волн или весом орудий.

25 декабря мы попали в ужасную непогоду. Если б мы не укрылись у излучины реки, мы бы утонули. Это, между прочим, произошло несколькими неделями позже с большей частью cati[1] (плоты, сделанные из досок на манер Ноевого Ковчега) капитана фон Шлука, на которых он вез в Багдад демонтированные самолеты.

26-го мы продолжили свой путь по пересеченной местности. Судя по всему, она принадлежала к зоне поперечных складок, бывшей продолжением Джебель-Хамрина и протянувшейся на северо-запад.

27-го мы обогнули крутой склон, на котором находились развалины крепости Тикрит, или Вирта (возможно, библейская Бирта). Несколько веков она являлась столицей независимого арабского княжества и оставалась христианской до середины прошлого века. Однако в конце концов крепость была сдана туркам и арабам, и те насильно обратили ее жителей в ислам.

---

[1] каркасное сооружение (тур.)

С той поры и по сей день Тикрит числится среди самых фанатичных мусульманских поселений Месопотамии. Что подтверждает древнее высказывание «Самые правоверные среди правоверных — это христиане-отступники». И объясняет, почему самые ужасные массовые убийства произошли в городах Сиирт, Битлис, Ван и Диярбакыр, чье население составляли в своем большинстве потомки древних армян-отступников.

То же самое произошло и с лазами (иначе говоря, жителями Трапезундских гор), которые около восьмидесяти лет тому назад превратились в самых ярых мусульман Оттоманской империи.

В этот же вечер в Тикрит подогнали наш скот. Отдохнув сутки, мы направились дальше. Было еще рано, когда мы проехали мимо селения Момаммед-ибн-доор. В нем возвышается лишь один минарет, если не ошибаюсь квадратной или восьмиугольной формы. Примерно около двух мы спешились, чтобы пойти взглянуть на развалины древнего Багдада — от него еще остаются несколько кварталов, окруженных громадными стенами из сырца и пересованной земли. После этого места по обе стороны реки все чаще начали появляться деревни и так называемые cirt — конструкции из палок, подвешенные по берегам. С их помощью извлекается вода, предназначенная для полива близлежащих садов и полей. Это осуществляется с помощью огромного кожаного мешка, который за веревку тянет бык или мул. Когда мешок оказывается на краю поля, то он открывается, позволяя воде наполнить специальную емкость, проводящую воду до орошаемых участков по целой системе каналов.

Из древнего Багдада на востоке виднелись среди пальмовой рощи неясные очертания Самарры. В IX веке этот город считался второй столицей халифата Омейядов. Город еще до сих пор окружен кое-где очень старыми стенами, построенными, по народным поверьям, в эпоху самого Нимрода.

Самарра уже издали привлекает внимание своей знаменитой башней-зиккуратом, золоченым куполом главной мечети, где находятся надгробия десятого и одиннадцатого имамов, равно как и двенадцатого, по имени Мохаммед-эль-Махди. Последний согласно верованиям мусульман-шиитов воскреснет в этом самом городе в день Страшного Суда.

Из-за этого представления Самарра является одним из самых крупных центров паломничества в магометанском мире, особенно она популярна среди шиитов Персии, которые ежегодно стекаются сюда десятками тысяч.

После шестичасового плавания по извилистому руслу Тигра, который петляет там, как огромная змея, мы уже в сумерках высадились на правом берегу. Здесь мы разбили лагерь, а на следующее утро

ели на специальный поезд, уже поджидавший нас на конечной станции Багдадской железной дороги.

Поскольку после Самарры Тигр и Евфрат сближаются друг с другом (так происходит, например, в окрестностях Багдада, где эти реки разделяет едва ли пятьдесят километров), пустыня превращается в огромный луг, и, чтобы получить хороший урожай, его надо лишь регулярно поливать.

Южная зона этой области, которая прежде носила название Эль-Сеннар и давала от двух до трех урожаев в год, сейчас подвергается регулярным наводнениям (в июне или июле). Это происходит из-за того, что система дамб и каналов, которая обычно защищала ее от выхода воды из устья реки, почти полностью разрушена.

Берега Евфрата в течение тысячи лет были украшены лесами каменного дуба и кипариса. Однако в настоящее время они превратились в бескрайние топи, покрытие почти непроходимыми болотными зарослями, местами они словно устланы зелеными коврами, украшенными водяными лилиями. Чуть подальше от берега виднеются одинокие кроны тамариска или голые ветви акации, на которых вьют свои гнезда певчие птицы, розовые фламинго, пеликаны, а иногда и стаи белоснежных цапель.

От городов-соперников древних Аккадии и Шумера, так же как и от Нового Вавилона, остались теперь одни руины. Но от Верхнего Вавилона, на протяжении двух тысяч лет освещавшего мир, словно гигантский факел, остается лишь груда обломков посреди болот, населенных лишь дикими зверями.

Равнина, по которой мы ехали из Самарры, была невероятно однообразной. Ее составляли участки глины и грязи, засохшей на солнце, кое-где виднелись несколько покрытых густой пылью пальм, обозначавших извилистую дорогу на Тегеран. Лишь только на подъезде к Багдаду (иначе говоря, проезжая мимо селений Шешмех или Хаземаин, если я не ошибаюсь) наше внимание наконец привлек золотой купол мечети, блестящий на солнце посреди нескончаемой серой грязи.

И когда наш hoca effendi[1] расстелил коврик в глубине вагона, чтобы совершить намаз, т. е. дневную молитву, поезд с чудовищным грохотом подъехал к перрону багдадского вокзала, расположенного в квартале Махали на берегу Тигра.

К сожалению, плавучий мост, который соединял Багдад с вышеупомянутым районом, был уже перемещен несколькими километра-

[1] Господин учитель (тур.)

ми ниже по течению. Вот почему я вынужден был дать приказ отправить мой скот в cufa, т. е. круглых корзинах шести или восьми футов в диаметре, сплетенных из тростника и покрытых снаружи слоем битума. Посреди реки они начали переворачиваться, отчего скот пугался, а мы все едва не утонули.

Когда я снова почувствовал под ногами землю, то приказал доставить меня в отель «Франсуа». Вечером я отправился ужинать в клуб, где нашел группу избранных офицеров и членов Генштаба маршала фон дер Гольтца, к которым я позднее имел честь присоединиться.

Среди этих офицеров выделялся подполковник фон Ресторфф — главный адъютант Его Превосходительства. Кроме того, поскольку капитан Хендрукс прожил несколько лет в Аргентине, не было ни одного вечера, чтобы мы не вели с ним долгих бесед по-испански.

Помимо фон Ресторффа и других высших офицеров, чьи имена я сейчас не припомню, в вышеупомянутый круг входили главные врачи фон Оберндерффер, Бах и Штоффельс, капитан фон Аулук, лейтенанты Мюллер, Гаук и Люрс, поэт Армин Вегнер, консулы Литтен и Гессе, а также известнейший доктор Галле, банкир Вюрст, профессоры Колдуэй и Будензиг (несмотря на войну, они продолжали исследовать руины Вавилона) и господа Путтманн, Якоби, Лоррей, Шмидт, Киршнер и Лаунер. Их искренность и общительность помогли мне перенести все мои невзгоды. Кроме того, они вводили меня в курс всех событий, которые происходили на иракском фронте с начала войны.

Глава XVI

Помимо клуба в Багдаде существовало еще одно место для встреч — филиал «Миссии Клейна»[1], которая действовала в Персии.

В кругу близких друзей там обычно устраивали five o'clock tea[2], начинавшийся чаем, но заканчивавшийся иногда шампанским. Мы с доктором Штоффельсом часто посещали это мероприятие.

Обычно роль хозяйки дома брала на себя сеньора Вебер, супруга немецкого консула в Тегеране. Среди завсегдатаев были начальник отряда подводного минирования лейтенант Мюллер, а также лейтенант Люрс — член Deutsche Orient Gesellschaft[3], организации, которой было поручено исследовать развалины Ашшура.

---

[1] Клейн Ф — германский капитан, затем майор, разведчик
[2] Five o clock tea — чаепитие в пять часов (англ)
[3] Deutsche Orient Gesellschaft - Немецкое восточное общество (нем)

Оба эти господина попали в плен к бедуинам во время ужасного ступления Аскери-бея. Бедуины, отобрав у них все, что они имели ри себе, бросили их голыми посреди пустыни. Там, три дня спустя, х подобрал один из наших патрульных отрядов в состоянии, близ- м к помешательству.

Помимо миллионера Мюллера и Люрса, превратившегося из рхеолога в одного из самых смелых летчиков на иранском фронте, - упомянутом кружке выделялось еще два не менее интересных рсонажа. Это были капитан Мертенс и лейтенант запаса Гаук. Мертенс был поначалу простым капитаном буксира, но затем, ввиду чти хронического алкоголизма господина X., заменил его, встав во таве эскадры военных кораблей, противостоявших «Firefly»[1] и дру- м канонеркам английской речной эскадры. Гаук выделялся из рочих чрезвычайной болтливостью, он приехал в Багдад в начале ойны в звании младшего офицера кавалерии.

На самом деле Гаук был всего лишь напыщенный bluffer[2], что он м негласно признавал. Однако при этом он являл собой charmant auseur[3] и услужливого друга. Позднее Гаук весьма мне помог, общив важные сведения.

В эти дни с французского фронта в Багдад прибыл лейтенант -иации Мейер. Несмотря на молодость, он считался одним из чших офицеров-разведчиков. Мейер приехал от имени капитана он Аулука, только что назначенного командующим нашими воз- шными силами в иракских войсках.

Будучи большим поклонником спорта, я стал помогать Мейеру нить несколько английских бипланов «Фарман», которые попали нам после сражения при Ктесифоне. Совершая на них первые бные полеты, мы чуть не рухнули вместе с машиной в Тигр когда не забуду то необычное ощущение, которое я испытал, когда высоте примерно пятидесяти метров у нас заглох мотор во время лета над домами и пальмами Багдада.

И фон Аулук, и Мейер позднее погибли на иракском фронте, как после того, как они особо отличились в боях, и особенно при де Кут-эль-Амары.

В это время, кстати говоря, отношения между турецкими и немец- ми офицерами 6-й армии были весьма натянутыми из-за непомер- х амбиций Халил-паши. Тот, незаконно присвоив себе лавры ковника Нурэддин-бея и заняв его место, был крайне озлоблен, кольку султан вместо того чтобы назначить главнокомандующим армией его, доверил эту должность маршалу фон дер Гольтцу.

---

[1] Firefly — светляк (англ.)
[2] Обманщик (нем.)
[3] Чарующий собеседник (фр.)

Не довольствуясь командованием на иракском фронте, которое ему великодушно уступил фельдмаршал, Халил-паша сердился, что его не назначили главнокомандующим всем иракским фронтом (поскольку частью иракского сектора командовал полковник Бок).

Халил обосновывал свои притязания заслугами в дипломатической миссии у шаха Персии. В начале войны эта миссия была возложена на капитана Рауф-бея. Тот не довел ее успешно до конца, поскольку вместо того, чтобы отправиться в Тегеран, как ему было приказано, использовал свой эскорт, чтобы убивать, поджигать и грабить направо и налево на иранских землях (как утверждали сами персы). Позднее он вернулся в Константинополь с мешками, полными золота. Вандализм Рауф-бея привел в отчаяние персов. Если раньше они симпатизировали туркам, то теперь возненавидели их и в конце концов вступили в союз с русскими.

Эта мало кому известная подробность объясняет, почему объявление священной войны возымело столь незначительное действие не только в Персии, но и почти на всем Востоке. Исключение составляют миссии фон Хентига и Нидермейера, которые, выставляя на показ свою безграничную храбрость, ушли от преследования казаков, пересекли Большую Иранскую пустыню и без остановок прибыли в Кабул в Афганистане.

Оттуда после окончания своей миссии лейтенант фон Хентиг, преодолев весь азиатский континент и избежав тысяч ловушек, вернулся в Германию. Нидермейер же, переодевшись дервишем, вернулся в Турцию тем же путем, которым попал в Кабул.

Так вот, Халил основывал свои притязания, пользуясь преступлением Рауф-бея и возникшим из-за него конфликтом. Немцы же доказывали, что право командования вышеупомянутым фронтом по праву принадлежит кому-либо из немецких офицеров. Ведь они оказали множество услуг «Миссии Клейна». Эта миссия прибыла почти одновременно с миссией Рауфа, но не с целью грабить и убивать, а чтобы наладить более тесные отношения с персами и воспрепятствовать тому, что как раз и спровоцировал Рауф-бей. Иначе говоря — не дать персам объединиться с русскими против центральных держав[1].

Заметив некоторую нерешительность в действиях маршала и полагая, видимо, что, форсируя события, он сможет добиться своей цели, Халил пригрозил вывести турецкие войска с иракского фронта, если фельдмаршал не передумает назначить главнокомандующим офицера из немцев.

---

[1] Союз Германии, Австро-Венгрии, Турции, Болгарии против Антанты

К несчастью для Халила на этот раз он просчитался рассерженный маршал окончательно назначил полковника Бока командовать иранским фронтом

Взбешенный еще больше этой неудачей Халил решил отомстить немцам которых он кажется стал ненавидеть еще больше чем самих французов

Одним из самых надежных инструментов в его руках был в то время исполняющий обязанности губернатора Багдада Чефик-бей, тот самый Чефик, бывший мутасаррыф Башкале, который в свое время приказал убить выживших армянских детей и женщин города в пещерах Совы

Чефик был доверенным лицом Халил-паши еще в Триполитанскую войну, когда был всего лишь лейтенантом или самое большее капитаном Пользуясь протекцией своего хозяина он вел себя до того нагло что много раз без зазрения совести отказывался подчиняться приказам маршала и ссылался при этом на то что «привык повиноваться лишь своему командиру Халил-паше» Нечего и говорить, что Чефик не посмел бы так вести себя будь на месте добродушного фон дер Гольтца Лиман фон Сандерс!

Подобного рода истории часто случались с маршалом в Турции Как то раз, когда фон дер Гольтц в Адрианополе знакомил группу турецких офицеров из Генштаба с новой системой укреплений, которую разработал он сам, один из турок заметил что эта система кажется ему неприемлемой Когда маршал попросил объяснить почему, тот ответил «Потому что Ваше Превосходительство принадлежит к старой школе которая в наши дни совершенно бесполезна»

Об этом случае рассказал мне в Алеппо один турецкий офицер присутствовавший при этом Кстати говоря, он был одним из учеников фон дер Гольтца и оставался его преданным почитателем.

Этот и подобные ему случаи, о которых ходили рассказы в армии дали повод некоторым пессимистам предположить что популярность маршала среди турок держалась главным образом на том что он прощал такого рода выходки

Мне же это мнение кажется не только неверным но и несправедливым Если маршал и был снисходителен к туркам то еще более терпим он был по отношению к немцам Однако последние не злоупотребляли его великодушием в отличие от некоторых офицеров младотурок высшего эшелона кичившихся своей храбростью Видя излишнюю снисходительность маршала, Чефик возомнил о себе невесть что и начал подстрекаемый Халил пашой бессовестно злоупотреблять своей должностью в Багдаде.

Первое что он сделал став губернатором, — изгнал из Мосула нескольких коммерсантов из христиан и иудеев за то что те от

казались ссудить ему (конечно, вместе с Халилом) некие суммы, которые Чефик постарался изъять у них под видом обязательного займа. Среди его многочисленных указов, о которые невозможно говорить без содрогания, был один, самый невинный из всех. В нем он постановлял, что «в связи с распространением в армии определенных болезней впредь все христианки, как добропорядочные горожанки, так и занимающиеся проституцией, должны добровольно являться на еженедельный медицинский осмотр».

Эта мера — сама по себе скандальная — принесла Халилу много денег, поскольку в Багдаде проживало множество богатых христианок, и даже те, у кого было не так много денег, любой ценой раздобывали их, чтобы избежать ужасного оскорбления.

Я привожу в пример этот случай исключительно для того, чтобы показать, до чего доходил Халил в своем безумном стремлении нажить состояние, которое, однако, ему так и не помогло. Когда я уже уехал из Турции, то узнал, что его разжаловали до подполковника и отправили в тюрьму по распоряжению константинопольского Военного совета. Этот совет не только должным образом распорядился его деньгами, но позаботился о том, чтобы впредь Халил не смог наживать состояние подобным образом.

Что касается ведения войны, то капризы Халил-паши приняли такие размеры, что в конце концов возникла идея разделить на багдадском фронте турецких и немецких офицеров.

В то время среди известных немецких хирургов работали профессор Рейх и старшие врачи фон Оберндерффер, Бахе и Штоффельс Они оперировали сотни раненых турок в госпиталях Багдада по особому указу маршала, поскольку тот не без основания полагал турецких хирургов недостаточно компетентными для выполнения столь тонкой и ответственной работы.

Однако Халил-паша, не довольствуясь унижениями, нанесенными фельдмаршалу, издал указ (как раз на следующий день после моего приезда), в соответствии с которым багдадские госпитали должны были превратиться в лазареты исключительно для инфекционных больных. По этой причине раненые, в том числе недавно прооперированные, были немедленно переведены в только что реквизированные дома, где не было не только операционных, но иногда и нормальных палат.

Из сотен перевезенных раненых, часть из которых была в тяжелом состоянии, треть погибла по дороге. Остальные же умерли через несколько дней на новом месте из-за халатности оттоманских военных врачей. Те, вместо того чтобы внимательно относиться к пациентам, казалось, интересовались лишь своими пайками и жалованием, которое они продолжали получать, несмотря на смерти больных

Всего этого не произошло бы если бы профессор Рейх со своими коллегами возглавлял сии медицинские учреждения Большинство немецких врачей понимая что указ Халила направлен против них, либо уволились из 6-й армии либо перешли под командование полковника Бока на иранский фронт Халил-паша не пожелал на этом останавливаться и призвал к себе Нури-бея — моего старого знакомого по Мамурету Тот был всем известным врагом немцев Халил назначил его начальником главной инспекции интендантской службы 6 й армии в Месопотамии Там Нури который, кстати был греком или сыном грека-вероотступника (так же, как и подполковник Агия бей из Ислахие), распоясался совершенно Он плел бесконечные интриги и потерял всякую порядочность так что в конце концов был с позором уволен генералом фон Фалькенхаймом и затерялся в пустыне

Я думаю что этих подробностей уже достаточно чтобы любой мог вообразить себе ситуацию, сложившуюся в Багдаде ко времени моего приезда и особенно те натянутые отношения которые сложились между турецкими и немецкими офицерами 6-й армии

Но прежде чем продолжить мой рассказ я вкратце опишу как развивались события на иракском фронте. Из этого описания станет понятно почему эта компания, поначалу не представлявшая трудностей в конце концов потребовала участия всей 6 й армии под командованием немецкого фельдмаршала

Как я уже говорил в предыдущих главах, в начале войны англичане высадились в Нижней Месопотамии и по пути захватили важнейший город Басру, расположенный примерно в ста километрах от устья реки Шатт эль-Араб Подполковник Аскери-бей, бывший главнокомандующим в этой военной зоне, выехал в свой лагерь Айн эс Шериат, чтобы понаблюдать за маневрами британских войск

Если бы Аскери-бей ограничился оборонительными действиями, как то подсказывал здравый смысл, иракский фронт не оказался бы за границами дельты Шатт эль-Араб ни в первый, ни, возможно во второй год войны Однако Аскери, подхлестываемый личными амбициями дал англичанам бой Проиграв его он, преследуемый противником, и предпринял то знаменитое отступление а лучше сказать бегство о котором я уже рассказывал

Его сопровождало при этом не более шести немецких офицеров включая главного врача доктора Бахе и еще одного хирурга Конечно же, их было недостаточно, чтобы помочь Аскери сдержать бегущую толпу, охваченную паникой люди бросали свои обозы, повозки с провиантом и амуницией а некоторые даже перерезали упряжь быков, которые тянули артиллерию и пытались спастись на них

Во время этого бегства офицеры артиллерии совершили ряд непростительных ошибок, начиная с момента когда вместо того

чтобы открыть ответный огонь, они оставляли орудия на видных местах, в поле зрения врага, который тут же, естественно, обнаруживал их и уничтожал. Так же неправильно вели себя и пехотинцы: они часто поднимались на наскоро насыпанные брустверы, чтобы лучше изучить передвижения неприятельских частей, однако тем самым они обнаруживали перед англичанами свою точную дислокацию. И те, естественно, буквально сметали их своим артиллерийским огнем.

Именно тогда погиб Аскери, и полковник Нурэддин-бей возглавил остатки армии. Именно ему удалось остановить продвижение неприятеля в окрестностях Амары. Так более-менее обстояли дела, когда русские неожиданно атаковали Багдад по направлениям Ревандуза и Керманшаха. Их атака вывела из оцепенения британскую ставку в Нижней Месопотамии и вынудила их главнокомандующего отдать приказ генералу Таунсхенду выдвинуться со своей дивизией к Багдаду.

Кажется, тот поначалу оспаривал этот приказ, но эти возражения ему никак не помогли, поскольку он все равно был отправлен в битву с Нурэддином в двадцати пяти километрах от Багдада и был им разбит. Это произошло благодаря своевременному прибытию турецких подкреплений в тот самый момент, когда конница индусов-сикхов двинулась на первые линии османских укреплений.

В тот вечер Таунсхенд отступил на юг, преследуемый своими собственными нерегулярными частями: те, увидев, что генерал потерпел поражение, восстали и начали грабить поезд с провизией. В это время Нурэддин, сам не зная о своем успехе, отступал в противоположном направлении, намереваясь укрепиться в окрестностях Багдада.

Только через двое суток он узнал об отступлении Таунсхенда и бросился за ним в погоню. Но все было напрасно, поскольку английский генерал уже окопался в Кут-эль-Амаре — селении, расположенном в самой середине косы в виде подковы у левого берега Тигра. Однако Кут-эль-Амара из убежища превратилась для него в ловушку. К моменту моего приезда он все еще был там заперт вместе с войсками, насчитывающими десять или одиннадцать тысяч человек, из которых четыре тысячи были больны или ранены, а остальные страдали от голода.

Уже упоминаемая мной «Миссия Клейна» была, так сказать, предтечей турецко-немецкого экспедиционного корпуса в Персии. Она была творением бесстрашного майора Клейна. Он без регулярной армии и без каких бы то ни было средств кроме фальшивого чека

из Немецкого банка в Константинополе набирал тех немцев авантюристов которых встречал по пути из Берлина в Месопотамию В результате когда он прибыл в Багдад в его группу «избранных» входило двадцать пять—тридцать добровольцев из всех слоев общества (от офицеров запаса и преподавателей до официантов) Впоследствии он поставил их во главе отрядов персов и афганцев-наемников

Имея при себе этот зародыш войска Клейн воспользовался моментом когда англичане преследовали Аскери бея Он совершил марш-бросок на юг с целью уничтожить нефтяные скважины в Шуштере — идущий оттуда нефтепровод заканчивался в порту Абадана и снабжал горючим английскую эскадру в Индийском океане

Выполнив свою задачу и желая сохранить своих людей майор Клеин присоединился к консулу Шохнману и прочим немецким авантюристам в Персии чтобы напасть на русские и английские предприятия официально зарегистрированные в этой стране Среди этих организаций особо выделялся Исфаханский банк который имел сильное влияние на иранское правительство Вышеупомянутые немецкие господа не замедлили лишить банк всех наличных денег чтобы заплатить задержанное жалование шведскому жандармскому корпусу бывшему на службе у шаха Жандармы, видя такое благородство Клейна как водится, не колеблясь вступили в сговор с ним и с его Helfershelfer[1] и продолжали впредь ему помогать

Похоже, офицерам вышеназванной миссии понадобилось три или четыре дня только для того, чтобы подсчитать сколько они конфисковали золота О серебре нечего и говорить!

Следуя намеченному плану, майор Клейн продолжал нападать на русских и англичан, укоренившихся на севере Персии с таким ожесточением что аккредитованный в Персии немецкий министр князь Генрих XXIII Реусский, сбежал в Багдад, боясь расправы

Возможно его бегству во многом способствовал распространившийся в те дни слух будто майор Клейн с его приспешниками взял штурмом русское консульство и убил консула Точно не помню было ли это в Исфахане или Керманшахе но точно знаю, что на территории Ирана

И словно чтобы довести до конца свое дело майор Клейн отправился в Тегеран и выставил там на посту у главных ворот города лейтенанта Гаука в автомобиле чтобы тот захватил персидского шаха

Было ли это на самом деле, я честно говоря не знаю Единственное в чем я не сомневаюсь, ибо в этом меня уверили сами персы, так это в том что поведение Клейна с компанией оставляло желать

[1] Сообщник приспешник (нем)

лучшего. В результате русские, которые до сих пор более-менее уважали нейтралитет Персии, теперь сочли возможным отыграться: они пересекли весь север Ирана и атаковали отряды вали Мосула, защищавшего Ревандузское ущелье.

Вследствие этого неожиданного продвижения русских британское командование в Нижней Месопотамии, желая помешать русским захватить Багдад, отдало Таунсхенду приказ атаковать Нурэддина под Ктесифоном. Мы уже знаем, что это закончилось поражением англичан. Приблизительно такой была ситуация на Иранском фронте, когда фельдмаршал прибыл в Багдад. Игнорируя майора Клейна (который вдруг исчез, словно по волшебству), он поставил на его место полковника Бока. Тот с турецкими солдатами и немецкими офицерами, приписанными к нему маршалом, отныне стал продолжать дело Клейна во главе неопытных, но бесстрашных и бравых товарищей.

Глава XVII

Между тем маршал вернулся из своего инспекционного вояжа по Персии, и несколько дней спустя мы отплыли в Кут-эль-Амару.

Нас провожали с триумфом. Когда корабль поднял якорь, более сотни рук в перчатках взлетели одновременно к козырькам прусских касок и к краям фесок, в то время как войска с шашками наголо маршировали под бравурные звуки военного оркестра, которые разносились по узким улицам и темным базарам древней столицы Гарун-аль-Рашида.

Почти все немецкие адъютанты носили на груди медный значок с изображением имперского орла, чтобы выделяться среди солдат сопровождения.

Это, похоже, не понравилось полковнику Кязыму Карабекир-бею, начальнику главного штаба 6-й армии, который был марионеткой в руках Халил-паши. Полковник приказал немедленно снять значки, ссылаясь на то, что изображение орлов были неуместны в Оттоманских войсках.

Подобный приказ был, по сути дела, оскорблением. И то, что маршал имел слабость согласиться с ним, несмотря на бурные протесты адъютантов, во многом способствовало тому, что немцев практически перестали уважать в 6-й армии.

Пора сменить тему. Так вот, я направлялся в Багдад не для того, чтобы делать карьеру при штабе, а затем, чтобы принять активное участие в боевых действиях. Не желая оказаться под началом Хали-

ла паши (я прекрасно понимал, что рано или поздно он захочет отомстить мне за тот случай на Кавказе когда ему не удалось меня убить), я попросил маршала приписать меня к кавалерийской бригаде Махмуда Фазель паши который подчинялся непосредственно фон дер Гольтцу Фельдмаршал был настолько любезен что назначил меня в эту бригаду не только инструктором но и своим личным представителем для того чтобы я всегда держал его в курсе событий После этого назначения которое по сути, явилось для меня охранной грамотой и спасало от Халил паши и в то же время позволяло активно участвовать в боевых действиях на данном фронте, я почувствовал себя немного спокойнее Однако в полной своей победе я совершенно не был уверен, поскольку хорошо знал Халила и понимал, что этот человек не любит проигрывать

Позднейшие события подтвердили мои опасения

На следующий день 13 января (1916 года) началась ненастная погода Около одиннадцати пошел сильный снег, который покрыл равнину, словно белая простыня На общем белом фоне выделялись лишь рыжие воды древнего Тигра, похожие на бесконечную струю крови Единственным, что скрашивало монотонность пейзажа были сіті и колеса водяных мельниц медленно вертевшиеся по обеим берегам где там и сям появлялись пыльные пальмовые рощи и желтели деревеньки

Время от времени на свинцовом небосводе появлялись громко хлопая крыльями стаи диких уток Возможно они были напуганы треугольным парусом какой-нибудь лодки которую матросы тащили вниз по реке под звуки протяжных и грустных песен, больше похожих на жалобный плач — нескончаемый как горизонт пустыни Таким образом мы плыли примерно до полудня пока не заметили посреди равнины столб густого дыма Он указывал место где нас ожидал пароход на котором плыл навстречу нам полковник Нурэддин бей Вскоре к нам на борт поднялся победитель Таунсхенда и герой битвы при Ктесифоне

Маленького роста с острой бородкой Нурэддин имел вид человека скромного но свирепого — настоящего военного Он только что по приказу фон дер Гольтца передал командование войсками Халилу и теперь направлялся в Константинополь Он был унижен его сместили с должности, несмотря на то что он выиграл сражение которое Халил паша не рискнул даже начать

Несправедливость по отношению к такому скромному и блистательному военному которым был Нурэддин пожалуй, единственная тень омрачившая славу фон дер Гольтца в последние годы его жизни

В тот вечер (точнее, уже в сумерках) мы заметили на горизонте множество курящихся дымков, которые, дрожа, подымались к небу, отливавшему свинцом и золотом. По мере того как мы продвигались вперед, мы все отчетливее видели множество пароходов, парусников, барж, куфе[1], плотов, пришвартованных к левому берегу Тигра. Одни их них разгружали, другие — загружали провизией и боевыми снарядами, которые громоздились пирамидами на пристани... Тысячи верблюдов, быков и других вьючных животных под присмотром живописно одетых арабских погонщиков спокойно паслись неподалеку от множества белых палаток, которые в сумерках терялись вдали.

Конные пикеты и взводы пехоты постоянно наталкивались на толпу, шумящую, словно морской прибой. К ее гомону присоединялись время от времени то рев быков, то хриплый вой сирены с какого-нибудь корабля, то напевные призывы имамов к молитве, то — возгласы персидских, еврейских и арабских торговцев, с красноречивой жестикуляцией предлагающих табак, маслины и жирные восточные кушанья нашим asker[2]. В то же время на юге, у самого горизонта, виднелись между пальм густые облака дыма. Они указывали на место, где горела осажденная Кут-эль-Амара, защищавшаяся от свирепого натиска турок.

Эту ночь я провел на борту английской канонерки «Firefly», попавшей к нам в руки после битвы у Ктесифона. Утром я отправился вместе фельдмаршалом на знаменитый фронт у Феллахии, или Шейх-Саида. Там уже началось сражение — поначалу оно шло скорее не в нашу пользу: из-за отступления 4-й и 5-й пулеметных рот, прибывших со мной из Нусайбина, а также батарей скорострельных орудий, которые ехали вслед за мной из Мосула, мы в тот момент располагали в Феллахии лишь полудюжиной батарей с мантелетами. Честно говоря, их не хватало даже для того, чтобы нейтрализовать действия пушек и бронированных автомобилей неприятеля.

Когда я пошел попрощаться с майором Каммероу и полковником фон Ресторффом, последний поздравил меня с тем, что я — единственный, кроме полковника Кязым Карабекир-бея, кому маршал позволил себя сопровождать.

Это странное желание фон дер Гольтца не иметь при себе в поездках никого из немецких офицеров — даже фон Ресторффа, который был его личным адъютантом и которому он очень доверял — безусловно, было спровоцировано Халилом. Тот всегда старался оказаться наедине с фельдмаршалом, чтобы легче убедить его в преимуществе

[1] Круглая лодка, сплетенная из пальмовых листьев.
[2] Asker — солдат (тур.).

воих планов и проектов, зачастую ошибочных. Так, например, он отдал приказ взять приступом Кут-эль-Амару, хотя мы и не располагали тяжелой артиллерией. Именно по этой причине наши колонны вынуждены были отступить после нескольких часов боя под жестоким огнем врага.

В паре километров от нашего лагеря я наткнулся на караван, который вез подводные мины. Отважный лейтенант Мюллер обещал установить их по всей судоходной части Тигра.

Честно говоря, я восхищался граничащим с безрассудством хладнокровием этого человека, который иногда всего лишь с несколькими арабами в помощниках переходил линии обороны англичан и невозмутимо разгуливал в тылу врага.

Проезжая по линии фронта у Кут-эль-Амары, нам пришлось делать крюк, чтобы не попасть под огонь осажденных. Через час пути я отправил свой багаж в сопровождении жандармов в лагерь нашего командования в Шейх-Саиде. Сам я тем временем вместе телохранителем и двумя проводниками поехал на левый фланг нашего экспедиционного корпуса. Его прикрывала кавалерийская бригада подполковника Акиф-бея, ее поддерживали 4-я и 5-я пулеметные роты под командованием капитана Хуссейна-эфенди. Эти части противостояли в тот момент вражеской кавалерии. Англичане, делав вид, что начинают атаку по всему фронту, разбились на мелкие отряды, пропуская вперед артиллерию и бронетехнику. Та неожиданно открыла по нашим силам сильнейший огонь и меньше чем за пять минут уничтожила четыреста человек. Среди них был и Хуссейн-эфенди, которому снарядом оторвало обе руки, когда он лично стрелял из пулемета, боевой расчет которого был полностью уничтожен разрывом гранаты.

Если бы неприятель продолжал эту атаку, он бы без малейших усилий уничтожил нашу бригаду, а у нас не было иного оружия, кроме карабинов и сабель кавалерии и пулеметов 4-й и 5-й роты. Мало того, что противник численно превосходил нас втрое. Кроме сабель и карабинов у англичан были пулеметы, бронетехника, полевая артиллерия. И что самое важное — их поддерживали канонерки, которые постоянно угрожали нам и обстреливали с правого фланга. Мы же не могли ответить на их огонь из-за отсутствия у нас скорострельной артиллерии.

Но, на наше счастье, по какой-то странной причине, которую ни я, и кто-либо из нас не мог объяснить, с наступлением темноты неприятельская кавалерия отступила, давая нам тем самым возможность не только перестроиться, но и в полном порядке отойти на удобные позиции — примерно в десяти километрах от Шейх-Саида. Затем эту линию начали называть фронтом Феллахин. Он занимал

довольно узкую полоску суши (от шести до семи километров), которая находилась между левым берегом Тигра и широкими болотными топями, шедшими до селения Бедри у иранской границы.

Кроме того селения, которое имело большое стратегическое значение и в котором мы укрепились несколько дней назад, а также вышеупомянутой полосы, куда мы отступили этой ночью, в Кут-эль-Амару (расположенную всего в десяти километрах отсюда) не было иного пути, кроме того, что вел по правому берегу Тигра. Англичане уже пытались использовать его несколькими неделями раньше, однако безуспешно и с большими потерями для них, поскольку два или три отряда нашей кавалерии на верблюдах (по-турецки это называется «hecln cüvarı») оказали им недалеко от Али-Ендила и Бек-Кязыма ожесточенное сопротивление.

Удачное решение фон дер Гольтца занять той ночью феллахийский сектор лишило вспомогательные английские войска возможности подойти к Кут-эль-Амаре и определило судьбу города, который несколькими неделями позже вынужден был сдаться.

Если бы генерал Таунсхенд попытался тогда выйти хотя бы с тремя или четырьмя тысячами человек, то он мог бы посеять среди осаждавших панику — такую же, а может быть и большую, чем спровоцировали наши экспедиционные войска в окрестностях Басры при Аскери-бее. Ведь мы в ту ночь у Кут-эль-Амары имели в своем распоряжении лишь два или три линейных батальона, больных тифом, и остатки 45-й и 51-й дивизий. В общей сумме все они едва ли составляли четыре тысячи боевых единиц.

Этот малоизвестный факт, а также совершенно необъяснимая нерешительность генерала Таунсхенда (который, видимо, ждал подхода британских вспомогательных сил под командованием генерала Элмера) заставили Халил-пашу с удивлением воскликнуть во время сдачи Кут-эль-Амары: «Я не понимаю, как восемь или девять тысяч англичан могли сдаться менее чем пяти тысячам турок, так и не решившись ни на одну вылазку за все время осады!».

Однако я продолжу свой рассказ.

После того как край правого фланга неприятеля начал свое отступление, я продолжил свой путь к лагерю нашего штаба. Он находился всего в нескольких километрах от места, где только что произошел бой между нашей и английской кавалерией, и отличался от других биваков, стоявших по всей равнине, благодаря штандарту верховного главнокомандующего 6-й армией. Этот стяг развивался на ветру над палаткой штаба.

Везде, покуда хватало глаз, виднелись лишь пустые траншеи, перевернутые повозки, разбитые в щепы обозы... На нашем же крае, на берегу Тигра, вырисовывались на фоне оранжевого неба темные

очертания какой-то деревушки. От крыш ее поднимались столбы дыма, а изрешеченные фасады зданий обрушивались под непрестанным огнем англичан.

За деревней виднелись дымящиеся куски стен, которые еще несколько часов назад были частью маленького, но процветающего селения. Среди этих руин какой-то из наших отрядов вел рукопашный бой с неприятелем.

По приезде в ставку штаба я отправился поприветствовать Халиля. Тот, как истинный дипломат, принял меня, демонстрируя необычайное радушие. Пока мы беседовали о былых временах, вспоминая эпизоды войны на Кавказе, на пограничные горы Персии начала спускаться ночь. На востоке же взору представал задымленный горизонт, который окрашивало в пурпурный цвет пламя пожара, а также вспышки артиллерийских снарядов, разрывавшихся все чаще и чаще.

Затем, бросив взгляд на лагерь, я заметил, что вопреки пожеланию подполковника X., который в момент нашего отъезда из Багдада бросил турецких офицеров из штаба, чтобы у маршала ни в чем не было недостатка, турки поместили фон дер Гольтца в маленьком грязном шатре. Войти в него можно было лишь пригнувшись. При этом сами турки расположились со всеми удобствами в великолепных палатках из непромокаемой парусины, которые они захватили вместе с другими предметами роскоши в лагере, брошенном англичанами во время битвы при Ктесифоне.

Я нашел маршала в его ужасной палатке, лежащим на жалкой койке. Увидев командующего в полном одиночестве, я тут же понял, что он очень голоден. Турки, видимо, за весь день не подали ему даже стакана воды.

Я, разумеется, тут же позвал своего денщика и приказал ему принести Его Превосходительству кусок хлеба и банку сардин, которые я как раз вез с собой.

Сидя на этой кошмарной койке и разделив с маршалом скромный ужин, я напомнил маршалу эпизоды его путешествия в Аргентину, которые, видимо, оставили в его памяти приятные и долгие воспоминания, ибо он не уставал с удовольствием говорить о них.

Я никогда не забуду покоряющую собеседника откровенность этого выдающегося и скромного генерала, чей единственный недостаток заключался в чрезмерном благородстве и верности союзникам-туркам, которые так неблагодарно отплатили ему за двадцать или тридцать лет его самоотверженного служения оттоманскому полумесяцу.

Тем временем наступила ночь. Артиллерийский огонь со стороны англичан постоянно усиливался. В конце концов он стал столь угрожающим, что маршал посчитал нужным отдать Халилу приказ спешно отвести войска на резервные позиции в Феллахин, чтобы не позволить неприятельской кавалерии повторить утренний окружающий маневр. Мне же он приказал сопровождать Халила и внимательно следить за происходящим. Последняя его просьба касалась того, чтобы я через курьера срочно сообщал ему о любых непредвиденных обстоятельствах.

Чтобы позволить моим адъютантам передохнуть пару часов, я выехал один на моем любимом жеребце по кличке Месрур. Он был похож на polo pony[1], хвост и грива его были подстрижены, бабки — защищены. Чтобы дополнить описание моего верного друга, добавлю, что это был вороной в яблоках конь чистейших черкесских кровей. Ночью он был таким же зорким, как днем, и, видимо, находил удовольствие в прыжках через траншеи, сколь бы широкими они ни были.

Так вот. Пока мы направлялись рысью к линии огня, нас догнал нарочный от маршала с дополнительными инструкциями. Продолжив путь, я обнаружил, что Халил со своим отрядом тем временем растворился в темноте.

К счастью, в это время мимо проезжал чей-то ординарец, который сказал, что вроде бы видел, как они направляются к зеленому фонарю, видневшемуся вдали. Фонарь служил опознавательным знаком местоположения арьергарда 40-го полка 52-й дивизии, который вместе с 35-й дивизией и кавалерийской бригадой полковника Акиф-бея составлял основное ядро наших сил, сражавшееся в ту ночь у Шейх-Саида против британских войск под командованием генерала Элмера, подоспевшего на помощь осажденным в Кут-эль-Амаре.

Несмотря на все мои расспросы, обращенные к старшим офицерам резервных частей и прочих подразделений, которые без конца подходили к линии огня, мне так и не удавалось разыскать Халила с его свитой, пока наконец я не наткнулся на конный пикет. Его командир был почти уверен, что видел их только что чуть дальше наших окопов первой линии, или, попросту говоря, у самой линии огня.

Я был преисполнен решимости нагнать их, поскольку маршал приказал не терять их из виду, и пустился во весь опор по полю боя. Вражеская артиллерия сметала все и вся, чтобы задержать продвижение наших обозов с боеприпасами. Через четверть часа я уже скакал туда-сюда по no man's land[2], т. е. в зоне, где пересекался огонь нашей

[1] Лошадь для игры в поло (англ.)
[2] Ничейная земля (англ.)

вражеской пехоты и где границы наших и английских сил полностью перепутались, так как наши войска отступали по частям, а не целиком. Зачастую я не мог понять, по какую линию фронта нахожусь.

В темной, как пасть волка, ночи, в грохоте сражения, были лишь два слышны, словно во сне, команды офицеров и сигнальные рожки. Кругом виднелись лишь красные отблески разорвавшихся фугасов и зелено-голубые искры от выстрелов. Дымовая завеса извивалась, как змея, ползущая с севера на юг. Несмотря на пули, которые глухим треском сыпались на нас, будто град, а также на снаряды, которые иногда разрывались почти у ног моего коня, я продолжал осторожно продвигаться в поисках выхода из этого хаоса. Вдруг мое животное споткнулось о ряд копий с бамбуковыми древками, которые были воткнуты в землю, и через несколько шагов меня окликнул английский часовой. К счастью, я смог ввести его в заблуждение, поскольку на голове у меня был пробковый шлем, и ответил я ему по-английски.

Определив по расположению копий и часового, что наш фронт находится позади меня, я повернул назад и, пришпорив моего коня, стрелой помчался обратно. Я перепрыгивал через мертвых, раненых, через окопы с мерцающими в них штыками, до тех пор, пока гул битвы не стал стихать и дым пороха не стал рассеиваться. Вдали горел и искрился изумрудный свет фонаря 52-й дивизии.

Почти подъехав к ее расположению, я встретил командира дивизии со штабом. Они умирали от усталости и лежали у копыт своих коней на дне воронки. Так как и я, и мой конь тоже нуждались в отдыхе, я завернулся в плащ и лег на землю. Вскоре появились начальник главного штаба нашего экспедиционного корпуса и его адъютант. Они пробирались ползком, чтобы разведать, в каком направлении отступают наши войска. Халил же и его свита остановились в двух километрах позади, не желая попасть под огонь вражеской артиллерии.

Получив нужную информацию, мы втроем выбрались из воронки. Через двадцать минут мы уже присоединились к отряду Халила, застав его за оживленной беседой с подполковниками Исаак-беем и Акиф-беем. Халил в кромешной темноте поначалу не узнал меня. Он продолжал в разговоре критиковать маршала и даже назвал его старым идиотом. Он также обвинял маршала, что тот отдал приказ об отступлении ровно в тот момент, когда, по словам Халила, сражение клонилось в нашу пользу. Поэтому-то, якобы, из рук паши и его шестящего войска ускользнула грандиозная победа.

Увидев, что его слова одобряют все, кроме меня, он направился в мою сторону и, когда наконец узнал, то, несколько смутившись,

попятился. Однако, тут же обретя свою обычную невозмутимость, а возможно, надеясь, что я его не понял, он обратился ко мне с улыбкой: «Ногалес-бей, неужто вы уже выучили турецкий?».

«Да, господин!» — тотчас ответил я. И продолжал: «Меня чрезвычайно удивляет, что вы критикуете перед всеми нашего общего начальника, маршала фон дер Гольтца, хотя мы все обязаны ему свободой и даже жизнью. Ведь если бы неприятель снова, как сегодня утром, окружил нас, и вы, и мы, и остальные войска, возможно, были бы уже мертвы или находились в плену у англичан».

Сказав это, я отдал честь, развернулся через левое плечо, отошел к моему коню и закурил.

Той же ночью по пути в лагерь мы заблудились, поскольку наш дозорный забыл отдать приказ зажечь красный фонарь, который должен был служить нам опознавательным сигналом. В результате мы несколько часов блуждали по лагерям разных частей, расставивших палатки по всей равнине. Лишь на рассвете мы наконец добрались до цели, однако я не успел рассказать о происшедшем фельдмаршалу, который уже уехал в Кут-эль-Амару.

После завтрака я уже готовился присоединиться к бригаде Махмуда Фазель-паши, когда в моей походной палатке появился начальник главного штаба нашего экспедиционного корпуса. От имени Халила он приказал мне немедленно поступить в подчинение командира кавалерии полковника Акиф-бея.

Быстро поняв, что все это означает, я вскочил в седло. Перебравшись через Тигр в паре километров ниже по течению от Ум-эль-Барана, я поскакал к лагерю нашей бригады. Он располагался у деревни Эль-Азиз на берегу Шатт-эль-Нила, который впадает в Евфрат напротив холма Аль-Касар.

Так мы ехали, запасшись всем необходимым и пользуясь благоприятной погодой — свежей, даже почти прохладной, из-за снега, выпавшего предыдущей ночью. Мы вплавь пересекли Шатт-эль-Амару и Шатт-эль-Шобери, а на следующее утро остановились в упомянутой деревушке Эль-Азиз. От ее западного края виднелись в глубине небольшой низины топкие берега Евфрата, покрытые густым кустарником. Эту местность здесь называют Эс-Сор. Она напоминает также заросшие кустарником берега Иордана в его нижнем течении. Когда рассвело, на восточном берегу Евфрата обозначилась холмистая равнина, где выделялись темными пятнами зоны раскопок.

Это были знаменитые руины Вавилона. Из-за отсутствия камня в Месопотамии, в древности, при постройке легендарных городов, использовали глину. Вавилон не был исключением. Вот почему сегодня его развалины также представляют собой весьма печальное

релище. Это холмистая равнина, из которой кое-где выступают бугорки земли и обломки каменных плит. Под ними погребены остатки древних святилищ и дворцов, украшенных резным алебастром и глазурованной керамикой, а также барельефами, изображающими крылатых духов и грифонов, умирающих львов и колесницы, запряженные резвыми скакунами.

Эти наполовину засыпанные землей руины, покрывающие равнины Месопотамии с самого сотворения мира, породили знаменитую фразу: «Из праха создан и в прах уйдешь». Бог знает, кто произнес ее тысячи лет назад. Возможно, имея в виду не человека, а стены вознесшегося в непомерной гордыне Вавилона — ведь и они были построены из необожженного кирпича, подобно прочим городам Аккадии и Халдеи.

Вавилонская башня, например, была просто-напросто необъятной глиняной громадой, облицованной обожженным кирпичом и керамической плиткой. Она, словно огромная сахарная голова, трескалась и растворялась под действием дождей и землетрясений — до тех пор, пока пески пустынь не засыпали ее окончательно, превратив в земляной холм.

И Верхняя, и Нижняя Месопотамия — это книга, на каждой странице которой можно прочесть библейский текст, начертанный самой Природой на поверхности земли.

Знаменитая легенда об Арарате — лишь одна из многочисленных загадок, которые легко разгадать, когда находишься в этой местности.

Поскольку эта гора была известна в Ассирии и Вавилоне как самая высокая в мире, неудивительно, что халдеи, склонные к преувеличениям, использовали этот факт, чтобы превознести значение некоего наводнения, возможно исключительно сильного, среди тех, что периодически опустошают эти бескрайние равнины. Здесь достаточно повышения уровня воды на восемь или девять футов, чтобы затопить территорию, равную половине Италии.

Даже в наши дни многие крестьяне, проживающие на берегах Евфрата, обычно держат у своих домов — либо на якоре, либо привязанными к стволу какой-нибудь пальмы — плоты, или cati. Они сделаны из досок по образцу Ноевого Ковчега. На них во время наводнения крестьяне находят убежище вместе со своими семьями и стадами коз и баранов. Они остаются там до тех пор, пока вода не опускается до уровня, позволяющего восстановить разрушенные хижины и возобновить полевые работы.

Развалины Вавилона, точнее говоря территория, на которой они находятся, делится на четыре части, которые окрещены местными арабами следующим образом: Бабиль, Му-Челеби, Аль-Касар и Амран-ибн-Али.

Холм Аль-Касар насчитывает около четырехсот метров в диаметре и является руинами дворца Навуходоносора, в котором скончался Александр Македонский.

Пригорок Амран-ибн-Али скрывает остатки высочайших крепостных стен. В свое время, кажется, именно они служили опорой для знаменитых висячих садов, которые, впрочем, представляли собой парк, располагавшийся на ступенчатых террасах.

От Вавилонской башни, или Нимруда, сегодня называемого Бирс-Нимруд, едва сохранились развалины стен, когда-то имевшие высоту шестьдесят метров, а в окружности — шестьсот. Эта стена увенчивалась башней-зиккуратом. Она занимала огромное пространство в Вавилоне (это был безупречный квадрат, каждая из сторон которого равнялась одиннадцати километрам). В этих останках легко узнать следы знаменитого храма Баала или Борсипа, также называемого esaghilah, или Вавилонская башня. В Вавилонии привыкли ее также называть itiminanki, или «краеугольный камень неба и земли». Судя по всему, эта башня имела семь этажей, каждый из которых был покрашен в свой цвет и посвящен определенному божеству.

От Имур-Бела и Нимити-Бела, т. е. от огромной двойной крепостной стены, некогда окружавшей и защищавшей Вавилон, сегодня не осталось почти ничего.

Одной из многочисленных трудностей, с которой сталкивались вавилоняне при строительстве своего загадочного города, была нехватка камня, поэтому для возведения святынь и крепостей они использовали вулканические каменные глыбы, которые иногда привозили из самого центра Аравии. Помимо этого они употребляли в строительстве известняк и алебастр, тоже привозные. Они сочетали их с плоскими и выпуклыми кирпичами (черными и желтыми). Все это скреплялось раствором из глины, соломы и сырого битума.

Среди самых грандиозных достижений вавилонского искусства были, конечно, блестящие и ярко окрашенные статуи и барельефы из глазурованной терракоты. Они изображали стрелков из лука и львов. Эти статуи украшали дворец в Шуше и были такого же колоссального размера и того же вида, как и те, что одно время украшали по бокам царскую аллею Вавилона.

Остатки фризов, похожие на те, что встречаются среди руин дворца Саргона в Корсабаде, доказывают, что не только персы, но также и ассирийцы использовали этот особенный декор при украшении своих святилищ и дворцов.

Один из наиболее сохранившихся памятников той эпохи — это храм Энлиля. Он относится к первой половине второго тысячелетия и знаменит своей башней с винтовой лестницей, или зиккуратом. Остатки этой башни покоятся на фундаменте, который находится

в хорошем состоянии. В древнейшем городе Лагаше цари Ур-Нина, Гудеа и Ур-бан оставили после себя прекрасные постройки. При царе Набополасара I — строителе нового Вавилона Навуходоносоре — были построены почти все знаменитые здания, о которых сообщают Геродот и многие другие античные историки.

Большая часть наиболее значительных построек Вавилона — в первую очередь его храмы и дворцы — были возведены на широких фундаментах высотой от двенадцати до пятнадцати метров. Все они были оштукатурены и покрыты красно-черной настенной живописью.

Наиболее выдающимися культурными центрами были города Нипур и Эриду.

Циферблат и час, разделенный на минуты и секунды, были открытием вавилонян.

А год они исчисляли в 365 дней и шесть часов, как мы. Вместо десятичной системы цифр в Вавилоне использовали шестидесятиричную, иначе говоря десятичную и двадцатиричную системы, соединенные воедино и имеющие в основе число шестьдесят.

Письменность в Вавилоне была, как и у ассирийцев, клинописная. Население делилось на касты: жрецов (магов или халдеев), воинов, земледельцев, ремесленников и, наконец, рабов.

Правитель имел титул царя царей и был не только светским, но и духовным вождем народа. Из новых вавилонских городов — таких, как Ис, Кунакса, Селевкия, Ктесифон, Апамея, Борсипа, Чаррех, Батлех, Дара, Нисефорум, Синеара, Харта, Цирцезиум и Валисия — до наших дней целиком сохранился лишь один, а именно Едесса, или современная Урфа. От старинных же городов-соперников, например Вавилона, Эриду, Урука, Ларсы, Сипурлы (или Сипура), Циспана, Ишина, Киша, Ура, Кутаха, Лагаша, Агадэ (или Аккада), Сипара и Нипура (последний был Меккой халдейских семитов), почти не осталось и развалин.

Вавилон еще на заре истории являлся одним из трех основных очагов мировой истории. Похоже, он получил семена своей культуры от некоего мифологического персонажа по имени Ур-шами, или Оанес. Он был наполовину человек, наполовину рыба и, по мнению древних, приплыл к берегам Персидского залива верхом на двадцатичетырехногом коне (возможно, это был не конь, а двадцатичетырехвесельный корабль). Это произошло в 432 000 году до потопа.

И поскольку индуистская мифология также насчитывает циклы в сотни тысяч лет, то неудивительно, что древнейшая шумерская цивилизация берет начало в Индии.

После Оанеса, или Орханеса, на мифологическом горизонте Сабара появляется еще один не менее экзотический персонаж. Его

зовут Шамаш-Напиштим, или Ксизутрос, иначе говоря, Ной, герой потопа, о котором сейчас не известно ничего, кроме того, что он существовал.

О тех временах точно известно лишь следующее: коренное население Вавилонии состояло не из семитов, а из племен тюркского или монгольского происхождения. Они назывались шумерами и прибыли на эти берега Бог весть когда и откуда. Однако они принесли с собой культуру и письменность — ту самую клинопись, которую позднее использовали халдеи, а возможно, и мидяне, персы и прочие народы, бывшие их потомками или данниками.

Тысячи лет спустя после прихода шумеров сюда стали проникать — по мнению одних, с северо-запада Месопотамии, по мнению других — непосредственно из Аравии — некоторые народы семитского происхождения, возможно кочевые. Прогнав шумеров на юг, они в конце концов смешались с ними в некоторых областях и образовали гибридное племя аккадов. По мере того, как это племя все больше ассимилировало местное шумерское население, все сильнее развивалась его тысячелетняя культура.

Со временем племя аккадов основало в Санааре город Калда, или Халдея, родину Авраама. Похоже, именно отсюда он начал проповедовать идеи монотеизма в тогда языческой Палестине.

Вслед за семитскими завоеваниями в третьем тысячелетии последовало завоевание Амурусов, однако они были ассимилированы аккадами. Затем сюда пришли хетты, или месопотамские метаннийцы. Их язык, как язык басков или этрусков, и по сей день остается такой же непостижимой тайной, как и их иероглифы.

Хетты находились под властью ассирийцев вплоть до четырнадцатого века, когда, наконец, сами их не покорили. Им удалось сделать это с помощью алхидов, о которых также ничего не известно кроме того, что они жили на севере Месопотамии.

За вторжением хеттов последовало во втором тысячелетии нашествие ярри. Те разорили Ассирию, а позже были ассимилированы арамеями.

В этом заключается одна из многочисленных причин, по которым история Ассирии и Вавилона столь запутанна. И вот почему завоеванные ими народы представляют сообщество людей без будущего.

В 5000 году до Рождества Христова в Шумере, или Эль-Сеннаре, уже существовало с десяток или более независимых городов шумеро-аккадского происхождения. Их высокоразвитая цивилизация повлияла, и, возможно, очень сильно, на развитие древнеегипетской и в особенности критской культуры.

Первый период в истории Эль-Сеннара длится с 4500 до 2300 годов и включает эру Саргона, или золотой век вавилонского искус-

тва. Этот период представляет собой исключительно историю этих независимых городов. Они, вероятно, соперничали между собой, чтобы совершенствовать и развить цивилизацию, которой сами же дали начало.

Из этих городов Нипур и Эриду (они больше всего выделялись как культурные центры), а также Лагаш, Ур и Ларса располагались в южной части Шумера, а Сипур, Агаде, Хиш и Вавилон — в северной.

После смерти Эн-шаг-Кушана — правителя Кенхи и древнейшего из известных царей Эль-Сеннара (о Патесисе Утуге Энчегале, Месилиме и Лугалзагенгуре из Киша и Лагаша дошли весьма туманные сведения), из династии Агаде вышли и отличились Саргон Великий и его сын Нарамсин. Из династии же уруков выделились правитель Ереша (современный Варкаш) Лугалзагиши, подчинивший себе всю Месопотамию от Персидского залива до столицы Армении Вана, или Тушпы.

Из рода Патесисов из Лагаша больше всех прославился Гудеа благодаря роскошным храмам и дворцам, которые он построил около города Шипурла, ныне называемым Телье.

В 2800 году политическое первенство в Шумере перешло к городу Ур. Самыми известными его правителями были Ургур и Дунги. Примерно в 2400 году возникает наконец Вавилон. Царь Хаммурапи изначально разместил его на местности, которую прежде занимали города Лагаш, Агаде и Ур. Здесь Вавилон продержался двадцать веков, до тех пор пока царь Персии Кир не покорил его в 538 году до н. э.

Династии кашитов и паше сменились в одиннадцатом веке собственно вавилонской династией. Она пресеклась с приходом халдейской династии, основанной Набополасаром, разрушившим Ассирию и Ниневию.

После Набополасара на трон взошел его сын Навуходоносор. Он разбил войско фараона Нехо, завоевал Египет, Сирию и Палестину, а также покорил город Тир в результате трехлетней осады.

Именно он восстановил Вавилонскую башню, переселил евреев в Вавилон и, поначалу преследуя пророка Даниила, затем доверил ему даже воспитание своего любимого сына Зоантропа.

Навуходоносор, без сомнения, был самым знаменитым царем, правившим в Вавилоне.

После разрушения Ниневии (иначе говоря — во время правления безумного Валтасара) пришла в упадок и эта знаменитая империя, в течение почти двух тысяч лет освещавшая мир подобно гигантскому факелу.

После нападения Кира от Вавилона осталось одно название. Он продолжал распадаться, пока в I веке н. э. не превратился в то, чем

является и сегодня — в груду руин посреди болота, населенного лишь дикими зверями.

Как я уже сказал, мы прибыли в Эль-Асиз на рассвете, но застали лагерь уже пустым: бригада выехала днем раньше, чтобы усилить гарнизон Бедри у иранской границы. Это было единственное место, где англичане могли бы попытаться совершить прорыв и подойти к Кут-эль-Амаре.

После того как мы заняли Бедри, осажденные в Кут-эль-Амаре британские силы были обречены. После этого Иракская военная кампания приняла характер монотонной оборонительной войны, в которой мы имели преимущество, захватив Бедри и Феллахию.

В то утро, когда мы приблизились к Эль-Асизу, между нами и конными отрядами бедуинов, входивших в состав нерегулярных частей эмира Абделькадыра, произошло несколько незначительных стычек. Они воевали на стороне англичан и то и дело беспокоили наши отряды, разместившиеся в военной зоне Феллуджи, напротив Багдада (в самом узком месте Эль-Джазиры). Это место является северной границей Мат-Халда, или Халдеи, иначе говоря тем самым Эрех-Касдим Ветхого Завета, где предположительно существовал Рай, или Эдем, т. е. idim древних вавилонян.

Среди упомянутых бедуинов мы заметили несколько человек из племен Бени Лам и Енези, их храбрость и жестокость наводят на всех страх в этих местах. Возвращаясь в Кут-эль-Амару, мы встретили в пустыне два каравана персидских паломников, которые направлялись в священные города Мешид-Али, или Эн-Неджеф, и Мешид-Хуссейн, или Кербелу, которые находятся в нескольких милях по другую сторону Евфрата. Там мусульмане-сектанты, называемые шиитами, поклоняются двум самым великим мученикам их веры.

В самом южном из этих городов Эн-Неджефе — он граничит с северной частью Аравийской пустыни — по преданию, покоятся останки халифа Али, зятя Магомета. В Кербеле же, где по приказу Омейядов был убит четвертый сын Али, Хуссейн, до сих пор хранятся его останки в мечети, носящей имя этого мученика. Золоченый купол мечети обычно служит опознавательным знаком для странников, сбившихся с пути в соседней пустыне Ваххабит.

Эти города отличаются не только тем, что почти все их жители носят одежду черного цвета и вывешивают в окнах черные же флаги и вымпелы. Возможно, в еще большей степени они отличаются зловещим видом пустынных окрестностей, которые до самого горизонта покрыты могилами правоверных. Набожные дети и родственники похороненных здесь ежегодно стекаются сюда десятками тысяч

от самых дальних окраин Персии и даже из Туркестана. Эти люди приходят сюда, чтобы почтить предков и чтобы они спокойно могли покоиться в этих священных горячих песках до дня Страшного Суда, точнее до того момента, как труба архангела Джибраила и глас двенадцатого имама Махди из рода Али бен Абуталиба не воскресит их. Муллы, или священники, т. е. все духовенство Эн-Неджефа и Кербелы, необыкновенно богаты, поскольку им принадлежит право на погребение. Помимо этого они получают и дополнительные пожертвования, которые двести тысяч паломников, посещающих эти места, ежегодно вручают им.

Из-за их сокровищ эти города часто разграбляли бедуины-сунниты и полуязыческие обитатели соседних пустынь. Например, вахабиты. Последние напали на Эн-Неджеф и Кербелу в начале прошлого века. Наконец, и во время мировой войны сами турецкие гражданские власти отобрали у жителей Эн-Неджефа и Кербелы большую часть богатств и даже реликвий. То же самое, кстати, произошло и в Медине.

Встречавшиеся нам паломники, шедшие караванами, были уроженцами Багдада и пограничного города Ганики (в нем почитается могила Абу Ганифаха — основателя секты ганифатов). Эти странники почти все были одеты в черное и везли с собой трупы родственников, желая похоронить их в Эн-Неджефе, или Кербеле.

Самые зажиточные везли умерших на богато убранных верблюдах в сопровождении мирз и слуг, ехавших на дромадерах или великолепных скакунах. Те, кто был победнее, везли трупы на мулах и ослах в гробах или ящиках, иногда не очень крепко сколоченных, так что сквозь щели непрерывно капала зловонная жижа...

На обратном пути паломники использовали эти же гробы вместо чемоданов и складывали туда подарки для родственников. Сюда же клали сушеные финики и шафран, дабы позднее продать их в Багдаде и хоть частично окупить таким образом затраты на путешествие.

На следующий день после нашего отъезда из Эль-Асиза мы на рассвете переправились через Тигр на куфе и достаточно рано прибыли в нашу ставку в Кут-эль-Амаре. Там я отдохнул пару часов, а потом ко мне пришел адъютант и доложил, что начальник штаба Халил-паши желает со мной побеседовать. Я направился туда, чтобы узнать, в чем дело. Начальник штаба встретил меня очень неприветливо и от лица Халила вновь приказал мне поступить в распоряжение к командующему кавалерией Акиф-бею.

В ответ я молча показал ему приказ, подписанный фон дер Гольтцем, в котором тот своей властью главнокомандующего 6-й

армией, а следовательно, и начальника Халил-паши, назначал меня советником и заместителем бригадного командира Махмуда Фазель-паши.

Однако упомянутый господин, не пожелав даже прочесть эту бумагу, вернул ее мне. С нахальством, свойственным распоясавшимся рабам, он прибавил, что это турецкая армия (osmanli ordu dir) и что ему нет дела до приказов, отданных не его непосредственным начальником.

Тут уже и я вышел из себя.

Не обращая внимания на то, что он был начальником штаба нашего экспедиционного корпуса и высокопоставленным членом Комитета «Единение и Прогресс», я сказал ему все, что думал. В частности, я довел до его сведения, что вступил в ряды турецкой армии не для того, чтобы подчиняться какому-то Халил-паше, который мало того что открыто критиковал распоряжения своего достойного уважения командующего фельдмаршала фон дер Гольтца, еще имеет наглость отдать приказ не подчиняться ему. И так далее А чтобы он не подумал, будто я говорю все это в приступе гнева, я добавил, что все сказанное будет мною записано и послано маршалу вместе с копией моего прошения об отставке.

Я немедленно вскочил на коня и уже через полчаса возвратился с документом, который передал полевому адъютанту, поручив вручить его Халилу. Спустя еще час я, предварительно посоветовавшись с подполковником Ресторффом, направил на рассмотрение маршалу прошение об отставке в связи с ухудшением здоровья.

В результате всех моих действий и несмотря на сильное недовольство военного министерства, а также на интриги военного губернатора Багдада — еще одной пешки Халила — через несколько дней фельдмаршал вручил мне драгоценный приказ, в котором я объявлялся уволенным с турецкой службы. Я во второй раз вырвался из цепких объятий Халил-паши. Тот, как я узнал позже, желал бы удержать меня в своем непосредственном подчинении, чтобы затем я незаметно исчез. Халил продолжал бояться, что я расскажу о его бесчинствах, особенно о его участии в резне в Урмии, Битлисе, Сиирте и Муше.

Я попрощался с моим благородным покровителем и верным другом Латинской Америки, которого я уже никогда больше не видел, поскольку он скончался через несколько недель. Маршал, горячо пожав мою руку, вручил мне croissant de fer[1]. Это была первая из восьми военных наград, которые я получил за эту войну. Два дня спустя я сел на поезд, идущий в Самарру. У меня были при себе

[1] Железный полумесяц (фр.)

необходимые документы и паспорта, чтобы доехать до Константинополя, а оттуда — в Германию. Там я думал остаться до окончания войны, посвятив себя исключительно занятиям наукой.

Глава XVIII

По возвращении в Багдад я отправился посмотреть легендарную гробницу Забейды — героини «Тысячи и одной ночи». Гробница одиноко возвышается на берегу Шат-эль-Масуди в районе Махали. Заодно я осмотрел и не менее знаменитые мечети — cami-el-suk, Ali-cami и мечеть Великого Визиря, которые находятся среди многочисленных мусульманских святынь этого города, известного своими изящными минаретами, украшенными изразцовой керамикой. Отражая лучи заходящего солнца, они сверкают, словно искры, среди темных рощ финиковых пальм. На этих деревьях живут бесчисленные стаи гомонящих ворон. Вечером они кружат в воздухе над мрачными кронами финиковых пальм. Их нескончаемый гвалт разносится на многие километры вокруг. Эти птицы придают Багдаду печальный, почти мистический вид.

Помимо Багдада в тех местах привлекают внимание развалины Куфы — древней столицы Нижней Месопотамии. Этот город стал знаменит тем, что там появилось куфическое письмо, имевшее для арабской литературы примерно такое же значение, как и готический шрифт — для немецкой.

В двадцати пяти километрах ниже от Багдада, на левом берегу реки Тигр и напротив руин город Коши, некогда являвшегося частью древней Селевкии, виднеются развалины некогда знаменитого города Ктесифона. Он был зимней резиденцией парфянских царей и столицей правителей из династии Сасанидов. Нынче от него сохранились лишь жалкие остатки прославленного taht-yosru[1], или дворца Хосрова. Теперь они больше напоминают не дворец, а наполовину погребенный песками череп верблюда.

Когда поезд тронулся, мы с доктором Стоффельсом последний раз помахали платками нескольким дамам и господам, пришедшим прощаться. Вместе с чувством горечи, которое всегда вызывает разлука с добрыми друзьями, я испытывал некоторое удовлетворение при мысли о том, что даже в дальней земле халифов, турецких

[1] taht — трон, престол (тур.)

куполов и минаретов мне довелось пережить немало интересных минут моей жизни. Это были, например, мое путешествие по берегам Евфрата вблизи от развалин Вавилона, и участие в битве при Шейх-Саиде (которую можно рассматривать как переломный момент в иракской военной кампании, поскольку она лишила англичан возможности наступления на Багдад и решила судьбу британских войск под командованием Таунсхенда в осажденной Кут-эль-Амаре).

Примерно в полдень мы заметили на горизонте густую пальмовую рощу вдоль течения реки Дияла, которая спускается с вершины Арделана. С наступлением сумерек мы прибыли на конечную станцию в Самарре, намереваясь продолжить на следующий день наш путь на лошадях и в повозке.

Там нас уже поджидала одна немецкая дама, которая была замужем за итальянцем по фамилии Мартини. Он находился в заключении в Мосуле, и немка ехала с детьми навестить мужа. Как госпожа Вюрст, так и госпожа Лоррей попросили нас разрешить им продолжить путешествие вместе с нами, поскольку дорога из Багдада в Мосул в эти дни стала необыкновенно опасной. Там хозяйничали многочисленные племена шамаров. Они разбивали лагеря в окрестных пустынях и подстерегали караваны, проходившие в тех местах.

Доктор Стоффельс был настоящим великаном. Рост его был шесть с половиной футов, если не больше, и был он белокурый и дородный. Он являлся уроженцем Нью-Йорка (хоть он это и отрицал, но мне это было точно известно от американского консула в Багдаде). Стоффельс служил в наших войсках в должности главного врача. Будучи сам человеком необыкновенно уравновешенным, он любил ездить верхом только на спокойных лошадях. Я же как уроженец Южной Америки был по сравнению с ним невысокого роста, нервного склада и предпочитал седлать горячих скакунов. Тем не менее мы стали неразлучными друзьями.

Если не считать дюжины перепалок в день, которые мы себе позволяли, чтобы поразвлечься, имелась, честно говоря, лишь одна мелочь, против которой я не мог не восставать. Славный доктор Стоффельс заполнил своим личным багажом весом в семьсот килограмм помимо нашей повозки с поклажей, также и экипаж сеньоры Мартини, и мой. В своей же собственной арбе он приказал разложить кровать, где и возлежал в одной пижаме, вознамерившись превратить это путешествие в триста километров в развлекательную поездку в полном смысле этого слова. Он покуривал сигары, потягивал коктейли и почитывал романы. Я же должен был ехать верхом, заботясь обо всем и окидывая орлиным взором окрестности, дабы бедуины не застали нас врасплох и не зарезали прямо на дороге.

Первый день мы провели в целом неплохо, благо двигались по остаткам того, что пятьдесят лет назад являлось царской дорогой. Однако после Тикрита, где мы переночевали, положение стало серьезным и даже чрезвычайно серьезным, ибо на земле не было никаких следов, которые бы указывали на путь.

Мы следовали по некоей воображаемой линии, по степям и пустыням. Наши повозки и арбы в любой момент могли или разбиться, или — увязнуть, ибо кучерами были арабские солдаты, каковых волновала лишь суточная норма табака и поденная оплата.

На одном из крутых спусков (с косогоров и холмов мы вынуждены были нестись во весь опор, ибо тормоза отсутствовали) моя повозка перевернулась. Испуганные лошади довольно долго еще тащили ее, в то время как я пытался выбраться из-под тюков и чемоданов, которыми доктор Стоффельс заполнил повозку до отказа.

После этого случая я забрал своих лошадей и вместе с моими ленщиками организовал отдельный караван. Я решил отказаться от общества доктора Стоффельса, если тот будет продолжать путешествие, валяясь на кровати и не заботясь о своей семьсоткилограммовой поклаже, которая уже вывела меня из себя. Под пирамидой тюков арба с багажом грозила развалиться.

Меж тем на неясном степном горизонте обозначились черные палатки бедуинов: в окрестностях крепости Гернина, где мы собирались заночевать, начиналась опасная зона.

Когда стемнело, я спешился у этой крепости, или, точнее говоря, караван-сарая. Внутри этого помещения кишели блохи и клопы. Час спустя появился и доктор Стоффельс. Однако повозки с большей частью его проклятых тюков не было. Доктор нервничал и, увидев меня лежащим посреди двора, подошел и пообещал, что если я помогу ему отыскать повозку, он не станет больше путешествовать в пижаме.

Я поймал его на слове и мы, взяв фонарь, вышли вдвоем на поиски в сопровождении вооруженного до зубов конвоя. Можно было подумать, что мы ищем затерянный клад, а не повозку. Слава Богу, долго искать не пришлось: она увязла по самую ось в песках.

Через час мы с трудом дотащили ее до места ночлега, где, несмотря на блох и прочих паразитов, мы провели остаток ночи лучше, чем ожидали. На рассвете доктор Стоффельс, верный своему слову, находился уже во главе каравана, верхом на своем боевом коне, облаченный в мундир.

От Гернины на север и на восток простиралась пустыня. Она образовывала цепи низких холмов, протянувшихся на юг вслед руслам рек. Судя по окаменелостям и ракушкам, которые я заметил

среди камня, эти пригорки, должно быть, образовывались в следствие продолжительного воздействия воды. На протяжении миллионов лет на дне доисторических морей скапливались слои кварцевого песка, глины и извести. Теперь они превратились в вереницы низких бугорков, повсеместно пересекающих степи и пустыни Бадиет-эс-Шама.

Лишь эти голые холмы, которые здесь называют tell, нарушают временами бесконечную монотонность обширной выцветшей равнины. Большую часть года она совершенно голая, но в январе, феврале и марте одевается в прекрасный изумрудный убор весенних пастбищ.

Когда мы в то утро выезжали из Гернины, к нам присоединился караван kelekchi, или кожевников, возвращавшихся в Мосул. Они везли с собой на семистах ослах и прочих вьючных животных пустые бурдюки. Еще несколько дней тому назад служили им плотами, на которых они спустились из того же самого города. Вооружены они были невообразимой смесью из самого разного оружия: от обыкновенных дубинки и палки до маузера. Однако если учесть их твердую решимость во что бы то ни стало защитить свои скудные сбережения, то надо сказать, что они представляли собой достаточно мощную силу — и в физическом смысле, и в моральном, — чтобы бедуины не осмелились беспокоить нас на всем протяжении путешествия.

Однако кочевники все-таки причиняли нам некоторое беспокойство. Так, однажды, уже в темноте, часовые привели какого-то типа, которого обнаружили крадущимся к нашему лагерю. Чтобы мы его не расстреляли, этот хитрец стал заливаться горючими слезами и претворился глухонемым. Однако этот спектакль ему не помог. Я немедленно приказал его привязать так, словно собирались колесовать лазутчика, и только когда мы собрались двигаться дальше, я распорядился отвязать этого бедуина, предварительно прописав ему несколько ударов плетью, дабы отвадить от привычки бродить по ночам вокруг чужих палаток.

На следующий день мы проехали мимо дорожных рабочих, которые ремонтировали дорогу с помощью вещества, ошибочно называемого здесь гудроном. Мы видели его на поверхности Тигра, еще не доходя до Мосула. Иногда этот «гудрон» загорался, местами превращая реку в огненный поток.

Уже стемнело, когда мы (а точнее — я, поскольку доктор Стоффельс решил не делать крюк) прибыли на руины Ширгат-Калеха, или древнего Ашшура — первой известной нам столице Ассирии. Я провел ночь под луной и с высоты разрушенной крепости созерцал серебристые воды Тигра.

После Ширгат-Калеха можно было уже не опасаться бедуинов, поскольку местность становилась все более и более пересеченной.

Последнюю ночь путешествия мы провели в селении Мишорах, ·торая относится уже к области Синджар. На рассвете следующего ·я мы въехали в Мосул, где господин Гольштейн радушно принял -с в своем консульстве.

Консул Гольштейн был офицером запаса германской армии, : в провинции Мосул — самым влиятельным человеком после гене-·л-губернатора. От него мы узнали (то ли в этот, то ли на следую-ли вечер), что в начале войны, а точнее говоря в начале расправы -д армянами, губернатор Мосула также получил приказ уничто-ить всех христиан в своем вилайете. Однако он так и не исполнил -о, поскольку Гольштейн, узнав о нем, официально довел до сведе-ия губернатора, что в случае массовых убийств в области первым ·ить должны будут его.

У меня есть веские основания полагать, что все действительно так было: Гольштейн, несмотря на свое хрупкое телосложение, был -ловеком прямым и обладал твердым характером, и он вертел -рками как хотел.

В те дни мы отправились посмотреть развалины Ниневии. Они -нулись по восточному берегу Тигра. Там по очертаниям холмов на авнине можно было определить направление крепостных стен · местоположение некогда знаменитых дворцов и храмов. Возвраща-ь в Мосул, мы встретили на широком мосту Тигра группу пленных -глийских офицеров под усиленным конвоем.

Жалко было смотреть на этих господ, трое или четверо из кото-ых были высокопоставленными офицерами. Судя по всему, их аместили в какой-то грязной казарме и, возможно, даже морили одом. Мы же, поселившись в консульстве, так сказать, купались роскоши. Наше здание было дворцом в миниатюре, где помимо алона с элегантной мебелью имелась шикарная столовая. Стол -гда был прекрасно сервирован, шампанское лилось в избытке, ногда даже подавали икру — в последние месяцы войны цена ее Константинополе дошла до тысячи — тысячи двухсот франков за лограмм.

Вглядываясь в лица английских офицеров, которые с таким до-инством терпели лишения, а также движимые чувством всеобъем-щего братства, охватывающего каждого военного при виде своего рата, будь тот даже из вражеского войска, я захотел подойти риветствовать их и предложить сигарет. Однако консул придер-л меня за рукав и посоветовал не делать этого. И он был прав, так к турки очень подозрительны и если бы они увидели меня дружес-беседующим с англичанами, то могли бы счесть их шпионом. Тем е что я не был ни немцем, ни австрийцем, но гражданином тральной страны.

Вероятно, недостаток широкого кругозора в Старом Свете, патриотический угар и замшелый консерватизм в конце концов до того сузили значение слова «патриотизм», что многие из его жителей и даже многие самые блистательные военные, кажется, незнакомы с нашей известной поговоркой «Учтивость храбрости не помеха».

На следующий день после нашей экскурсии в Ниневию нас посетил некий незнакомец — молодой человек с изысканными манерами. Он был родом из Багдада и направлялся в Алеппо по делам, о которых не хотел много распространяться.

Австрийский преподаватель — лейтенант запаса Яролимек — также был гостем консульства. Он пользовался репутацией многоопытного физиомиста и с самого начала охарактеризовал молодого человека как правительственного шпиона или тайного агента Халил-паши. Особенно он укрепился в этом мнении, когда упомянутый юноша попросил разрешить ему сопровождать меня во время путешествия по пустыне, куда я должен был направиться на следующий день.

Так как у него были манеры человека воспитанного и в общении он был tout comme il faut[1], я немедленно ответил ему согласием. На следующее утро в час отъезда мой новый попутчик явился к консульству верхом на великолепном коне пепельной масти, щеголяя формой офицера-добровольца. Весь его багаж состоял из новейшей винтовки «маузер» и пончо, или черкесской накидки из черного войлока с шитым золотом воротником.

Когда я прощался с консулом, тот потребовал, чтобы я телеграфировал о своем прибытии из Рас-эль-Айна, поскольку боялся, как бы со мной не случилось какого-нибудь несчастья в дороге. Прошлой ночью мы узнали от лейтенанта Леверкюна, что после осады Вана по Кавказу прошел слух о том, что Халил и Джевдед приказали убить меня, дабы я не мог позднее рассказать об их преступлениях.

Среди нескольких офицеров, которые любезно вызвались проводить меня до предместья Мосула, был адъютант начальника гарнизона. На прощание он шепнул мне, что «некая группа пленных английских офицеров» (тех, что были из Мосула!), сегодня утром вышла по направлению к Алеппо. Но, возможно, они не дойдут до места назначения». На мой вопрос почему, он ответил, мигнув: «Потому что одна бригада черкесских волонтеров, затаившаяся вблизи дороги, об этом позаботится».

Исполненный решимости во что бы то ни стало воспрепятствовать этому преступлению, я поехал быстрее. Через час мы догнали арьергард отряда из двухсот-трехсот солдат-индусов и британских

[1] Здесь безупречен (фр.)

младших офицеров. Они брели, подгоняемые ударами жандармов, ехавших на ослах.

Многие из пленных страдали от анемии, тифа и различного рода лихорадок. Они еле переставляли ноги, опираясь на костыли и палки. Год спустя в Алеппо я узнал, что восемьдесят процентов из них погибло от голода и инфекций во время этого восемнадцатидневного перехода через пустыню, остальные скончались несколькими неделями позже в горах Тавра и Амануса от горячки и истощения.

Уже стемнело, когда мы наконец встретились с английскими офицерами и их конвоем в какой-то жалкой деревушке. Двое из них собирали хворост для костра, в то время как стражники смотрели на них зло и насмешливо. Я тут же понял, в какой опасности находятся эти англичане. Едва я спешился, как ко мне подошел один из них, бывший командиром, и напрямую спросил: «Excuse me, but you are not a turk, are you not?»[1]. — «Разумеется, нет!» — ответил я ему, довольный, что он сам начал разговор. С тех пор мы с ним стали хорошими друзьями.

От англичан я узнал, что охрана систематически обкрадывала их, как это принято на Востоке. С них взимали по фунту золотом за каждую курицу, в то время как в здешних краях ее стоимость не превышала четырех, максимум пяти пиастр, то есть двадцатой части фунта.

Понятно, что начальник конвоя — капитан жандармерии — был недоволен тем большим интересом, который я все больше и больше проявлял к судьбе пленных. Особенно когда я предупредил его, что беру на себя ответственность за конвой.

В ту ночь я заметил, что рядом с ним у костра сидит некий офицер из черкесских волонтеров. Взгляд у него был довольно мрачный. Я сразу же признал в нем того типа, который присоединился к нам утром, взявшись неизвестно откуда.

Подозреваю, что он может быть главой черкесских партизан, которых мне говорил адъютант начальника мосульского гарнизона. После ужина я отозвал его в сторону и весьма выразительно сказал ему, что в немецком консульстве все знают, и консул уже взял на заметку как его имя, так и его товарищей, дабы вызвать их в суд и применить высшую меру наказания, если английские офицеры будут убиты по дороге. Поскольку за это преступление британское правительство возложит ответственность и на немцев. Не говоря больше не слова, я развернулся и отправился спать.

За завтраком денщик сообщил мне, что черкес исчез, а когда я спросил о нем начальника конвоя, тот отвечал с удивлением на

[1] «Извините, но вы ведь не турок, неправда ли?» (англ.)

лице: «Какой черкес? Не было тут никакого черкеса!». Этот сверхнаглый ответ окончательно убедил меня, что планируемое покушение на английских офицеров вовсе не было выдумкой. После этого случая я при любой возможности давал понять капитану жандармерии, что, пока я здесь, я не допущу, чтобы этих офицеров кто-либо обижал даже на словах.

Хотя у меня была отличная лошадь и иногда мне хотелось поохотиться на газелей, я не отважился отъезжать далеко, боясь, как бы конвой не воспользовался моим отсутствием и не совершил какой-нибудь выходки.

Только когда мы подъезжали к какому-нибудь селению, где собирались заночевать, я уезжал вперед, чтобы от имени правительства раздобыть — добром или силой — продовольствие, необходимое для пропитания наших пленников. Один из них — капитан Д. Фултон (Duke of Yorks Own Horse) — страдал от приступов лихорадки. Можно было только восхищаться, как внимательно ухаживали за ним товарищи, так что даже отдавали ему свои шинели и кители, чтобы защитить от ночного холода и сырости, крайне опасных для здоровья.

Вместе с Фултоном находились майор Рейли, майор Аткинс, R.F.C., капитан корабля Индийского флота Гуд, лейтенант Трилбор, R.F.C, капитан Броди из Индийской армии, лейтенант Хинн и другие, чьи имена я сейчас не припомню.

В те шесть или семь дней, что длилось наше путешествие через так называемую опасную зону (из-за мятежных племен, которых развелось там как никогда много), мне очень помог тот неизвестный юноша, который присоединился ко мне в Мосуле. Хотя он и был правительственным шпионом, при этом проявил себя как настоящий кабальеро. Позже я узнал, что он принадлежал к афганскому королевскому роду. Этот юноша провел несколько лет в Индии, но (не знаю почему) говорил со мной по-английски, только когда мы были одни. Увидев, что я был с ним откровенен и даже доверял ему, он вскоре сделался моим другом — видимо, благодаря той загадочной силе, что сближает в час опасности образованных людей, а в особенности военных, кем бы они ни были по национальности.

Когда мы прибыли в Нусайбин, я узнал от одного армянского телеграфиста, которому в свое время смог помочь, что двое владеющих в совершенстве английским военных врачей, из коих один был арабом, а другой — евреем, получили секретный приказ следить за моими разговорами с пленными. Причиной тому была телеграмма, которую начальник конвоя отправил из Демир-Капы в военное министерство. В ней он жаловался на жестокость (по его выражению), с которой я вынуждал старейшин селений, через которые мы проезжали, снабжать пленных продовольствием...

Все от того же признательного мне телеграфиста я узнал, что из Алеппо в Багдад и обратно было послано немало телеграмм, касавшихся меня. А в одной из них (секретной), посланной из штаба военного округа Багдада, было приказано любыми способами воспрепятствовать моему путешествию в Константинополь, а если я буду настаивать на своем, то под любым предлогом — арестовать.

Видя, что дело принимает опасный поворот, я решил продолжать далее путь только в сопровождении моей охраны и денщиков Когда я вошел в здание, где находились пленники, чтобы проститься с ними, я встретил пресловутых военных врачей, очевидно ожидавших моего прихода. Их уклончивые взгляды сразу же дали мне понять, что они начеку. Один следил за малейшими моими движениями, а другой только и делал, что слушал, о чем я говорю. Турки во истину настоящие мастера в непростом искусстве шпионажа!

В ту ночь я остановился в доме (а точнее говоря, в одном из салонов) военного коменданта Нусайбина. Хотя его дом выглядел достаточно заурядно, внутри он был обставлен с подлинно азиатской роскошью.

Когда я пришел туда, ужин был уже подан. На зеленом шелковом ковре уже стояли серебренные приборы. Я сел по-турецки, желая оказать уважение званому ужину, устроенному по всем правилам и состоящему из десяти или двенадцати избранных турецких блюд. При виде их я забыл про собственный голод, ибо невольно вспомнил про несчастных пленных офицеров. Я бы с удовольствием пригласил их, если бы не то ужасное положение, в котором находился сам, пытаясь спасти их и помочь. Ведь иногда мне даже приходилось проявлять решимость и с револьвером в руках заставлять упрямых старейшин выдать продовольствие. Я расплачивался с ними расписками, подписанными мною от имени правительства, хотя, будучи в отставке, уже не имел на это права.

В Нусайбине, как и в прочих селениях, по которым мы проезжали, тиф бушевал с такой силой, что тридцать или сорок процентов населения уже умерли от инфекции, а из оставшихся шестидесяти больны были половина или даже больше.

В Алеппо тиф в те дни достиг своего апогея, про Иерусалим же говорить нечего.

Везде, где только проходили вереницы депортированных, они приносили ужасную заразу, словно Божью кару. Менее чем за полгода она унесла жизни более двух миллионов мусульман.

На следующий день после моего отъезда из Нусайбина на западе в густом тумане мы смогли разглядеть очертания вокзала Рас-эль-

Айна, конечной станции железной дороги. Час спустя я увидел, как справа от меня идут, растянувшись по Мардинской военной дороге, пять или шесть отборных полков Лимана фон Сандерса. Они только что отличились во время боевых действий у Дарданелл. Полки размеренным шагом двигались в сторону холодных Кавказских гор, чтобы остановить продвижение русских, которым удалось после поражения и отступления нашей 3-й армии захватить провинции Битлис и Ван, а также почти весь Эрзурумский вилайет.

К этим частям стали быстро примыкать новые солдаты и офицеры, и впоследствии на их основе была образована 2-я Кавказская армия со штаб-квартирой в Диярбакыре. Позднее я имел честь служить в ней пару месяцев в качестве инспектора кавалерийских частей.

Разве мог я себе представить, глядя на идущих как на плацу бравых и храбрых военных, что через полтора года увижу их ввергнутыми в нищету и буквально умирающими от голода в снегах Кавказа? Виной тому станут воровские наклонности Исмаила Хаккы-паши и его помощников из военной администрации: судя по всему, они заботились лишь о собственных кошельках и о том, как получить побольше военных орденов и крестов, наведываясь время от времени то в Австрию, то в Германию.

Прибыв в Рас-эль-Айн, я сел на первый попавшийся поезд и два дня спустя сошел в Алеппо. Там я немедленно отдал распоряжение прицепить мой вагон к экспрессу, готовому выехать в Адану. Однако в последнюю минуту вдруг появился адъютант начальника гарнизона и показал мне телеграмму из Военного министерства, в которой содержался приказ всем военным властям воспрепятствовать моей поездке в Константинополь в любой точке маршрута. В телеграмме сообщалось также, что я, по распоряжению Энвер-паши, должен был находиться в составе 6-й Сирийской армии и, следовательно, подчиняться Джемаль-паше.

Ввиду подобной депеши мне ничего не оставалось, как приказать отцепить мой вагон. Не теряя времени, я отправился обсудить дело с начальником гарнизона. Это был подполковник, с которым мы являлись большими друзьями и вместе с которым я позднее закончил Высшие курсы Военной академии в Константинополе.

Он полагал, что мое положение, уже достаточно непростое из-за того, что год назад я помог в Араб-Бунаре двумстам пятидесяти депортированным гражданам стран Антанты, стало еще сложнее теперь, после того как я оказал покровительство английским офицерам... На правах друга он советовал мне оставить идею отстраниться от службы, поскольку, по его словам, Военное министерство активно противится этому в силу причин, ему неизвестных, но, безусловно, имеющих *государственный характер*.

Чеуки-паша, к которому я также обратился за советом, тоже придерживался мнения, что лучше не торопить события, а дождаться прибытия Энвер-паши, который вот-вот должен был появиться в Алеппо в сопровождении генерала фон Бронзарта.

Я прислушался к его совету и решил подождать. Когда на следующее утро поезд помощника генералиссимуса въехал на центральный вокзал, украшенный многочисленными пурпурными флагами и вымпелами, первым на платформу спрыгнул Энвер. Как обычно, элегантный и сопровождаемый большой свитой, он начал смотр почетного караула, возглавляемого Чеуки-пашой, рядом с которым стоял я.

После завтрака генерал фон Бронзарт подошел к помощнику генералиссимуса и попросил его принять меня. Тогда Энвер отошел от окружавших его офицеров и направился в мою сторону, чтобы горячо поприветствовать меня и поздравить с успешным исполнением службы в Армении, Месопотамии и т. д.

Так мы довольно долго беседовали, обсуждая все что угодно, кроме того единственного вопроса, который интересовал меня больше всего. Наконец, уловив подходящий момент, я достаточно завуалировано намекнул на цель моей аудиенции.

Энвер будто только этого и ждал. Он ответил мне примерно следующее: «Вы — единственный придерживающийся нейтралитета офицер, который допущен в нашу армию. Следовательно, вы — наш misafir, то есть гость всего народа. И вы знаете, что у нас вас любят и уважают. Почему же вы так стремитесь покинуть нас? Я прошу вас: оставайтесь, пока не кончится война».

Умение изящно выражаться всегда было сильной стороной Энвер-паши. Понимая, что упорством ничего не добьюсь, я немедленно изъявил согласие... Сияющий лик свободы вновь скрылся под изумрудно-пурпурными стягами Пророка.

Накануне отъезда я пожал руку, среди прочих, военному атташе Германии в Турции генералу фон Лоссову, морскому атташе капитану корабля Гухманну, а также бывшему помощнику командира крейсера «Эдмен» капитану фон Мюке. Касательно последнего в кругу офицеров придерживались того мнения, будто немецкое правительство выслало его в Джараблус именно потому, что он отказывался вести военную службу в Турции.

Вечером я имел удовольствие отправиться в дом к старшему инженеру Багдадской железной дороги Фольнеру. Там я встретился и имел интересную длительную беседу с Его Высочеством принцем Адольфом Мекленбургским, который ехал в Багдад без определенных целей.

Когда я поинтересовался, не привез ли он с собой те сорок пулеметов, которые уже давно были запрошены начальством 6-й армии и которые оно надеялось получить с его приездом, он с удивлением переспросил меня: «Сорок пулеметов? А разве их нет в 6-й армии?»

Этот господин, прибывший, вероятно, чтобы заменить фельдмаршала, здоровье которого пошатнулось в последнее время, еще не знал, что вот уже восемь месяцев чуть ли не ежедневно посылались телеграммы в Военное министерство в Берлине, а в ответ оттуда направлялись все новые и новые офицеры. Их заслуги были, безусловно, огромны, однако в них нуждались все же меньше, чем в пулеметах и гранатах.

Перед тем как распроститься, принц попросил меня указать на карте, где, по моему мнению, находится самое уязвимое место иранского фронта. Когда я указал на ущелье Ревандуз, по которому пролегает королевская дорога из Мосула в Тегеран, Его Высочество взглянул на меня с удивлением.

И все же тот факт, что несколько месяцев спустя принц выбрал именно эту зону в качестве плацдарма для ведения дальнейших военных операций, говорит о том, что в конце концов события убедили его в моей правоте.

Несмотря на его воинственный вид и напористость, Его Высочество показался мне человеком образованным и благородным, возможно даже и чересчур, чтобы противостоять такому sale type[1], как Халил-паша. Тот, увидев в принце опасного противника, сразу встретил его в штыки и принялся строить против него козни. В этом искусстве особенно поднаторели его придворные и приближенные, такие, например, как начальник штаба 6-й армии Кязым Карабекир-бей и даже, как говорят, сам Али-Ихсан-паша. Позднее Халил, максимально использовав в своих целях их преступные наклонности, гнусным образом отделался от них.

Кстати сказать, именно Али-Ихсан впоследствии так часто и совершенно незаслуженно обвинял капитана фон Машмайера, одного из наиболее отличившихся на войне в Турции немецких офицеров.

Глава XIX

После непродолжительного отдыха я выехал из Алеппо в Иерусалим на личном поезде Мейсснер-паши.

[1] Гнусному типу (фр.)

Среди прочих пассажиров была молодая, образованная и умная принцесса Бригитта Реусская. День, поначалу казавшийся невыносимо скучным, постепенно обернулся настоящей развлекательной поездкой не только по причине удовольствия, которое, как правило, приносит вкусная еда, но также и благодаря занимательным и пикантным историям Мейсснер-паши — он обыкновенно брал с собой блокнот, где эти истории были аккуратно записаны в алфавитном порядке.

Весна была в разгаре. Поля и горы Галилеи простирались на восток до самого горизонта. Они были покрыты пышным ковром зелени, на котором выделялись алые пятна кроваво-красных маков и на которых дрожали, как брильянты, миллионы капелек росы. Наверху, посреди небосклона, покачивали крыльями, словно железные орлы, два аэроплана, сверкая железными крестами на крыльях.

Кто бы мог подумать, глядя на этот чарующий пейзаж, что в это время смерть бесшумно скользила среди цветущих жасминов и розовых кустов, протягивала свои костлявые руки сквозь двери и окна и уносила навсегда жизнь сотен и тысяч людей. Те же, кто оставался в живых, наполняли окрестности жалобным плачем и стенаниями, которые слышались порой на много километров вокруг.

В Иерусалиме из-за нехватки воды эпидемия тифа достигла такого размаха, что по дороге, ведущей на еврейские кладбища, непрерывно двигались похоронные процессии, даже глубокой ночью. Это объяснялось тем, что ортодоксальные иудеи имеют обыкновение хоронить умерших только после захода солнца.

Подобно тому как сыны Поднебесной Империи стремятся непременно вернуть прах близких на родину, зачастую лишая себя самого необходимого, пожилые евреи, а особенно польские, почувствовав близость смерти, возвращаются на землю предков, чтобы умереть там и быть похороненным в священной долине Иосафата. В бедных кварталах Иерусалима я мог иногда наблюдать за этими фанатиками, которые с нетерпением ожидали главнейшего момента, когда могила наконец должна была навсегда поглотить их.

Половина, а возможно, и большая часть еврейского населения Иерусалима, а быть может, и Палестины, состояла в начале войны из евреев-иммигрантов, так называемых alt fishub. Их существование почти полностью зависело от chaluka, т. е. помощи и пожертвований, отправляемых из Европы и Америки либо родственниками, либо благотворительными организациями.

Когда в октябре 1914 года прервалось прямое сообщение с заграницей, поступление пожертвований практически прекратилось. Бедные люди оказались в самой страшной нищете, какую только можно себе представить. У них не было никаких средств к существованию,

кроме vesika, который правительство выдавало им крайне нерегулярно. По правде говоря, они едва ли могли спасти от голода.

Нетрудно представить себе масштаб распространения эпидемий среди этих людей. Им не хватало не только лекарств, но и мыла, а иногда даже воды для умывания.

Ужасающие потери нашей 4-й армии, расквартированной в Сирии и Палестине, особенно среди вспомогательных подразделений, работавших на военных заводах и строительстве дорог, почти полностью объяснялись эпидемией тифа. Она была усугублена недостатком питания. Немецкие врачи определяли его как Hungertyphus, то есть чем-то вроде крайнего истощения.

Если бы не казнокрадство, присущее Джемаль-паше и его собратьям из турецкой военной администрации, сотни тысяч людей, расставшихся с жизнью в этих провинциях за время войны, могли бы спастись, а наш экспедиционный корпус на границе с Египтом не таял бы прямо на глазах из-за голода и дезертирства. Как в Сирии, так и в Палестине пшеницы имелось в изобилии, а может — и в излишке. Если бы только ее распределением с самого начала занимался полковник фон Кресс или кто-нибудь еще из европейских военных, а не Джемаль-паша со своими приближенными!

Через несколько дней после моего приезда я приказом Энвер-паши был назначен военным комендантом и начальником интендантской службы округа Рамаллах, к которому относились помимо селений Рамаллах, Лидда и Латрун немецкие и еврейские поселения в Хамеди-бейт-хелма, Рихон ле Сион и т. д., то есть большая часть плодородной приморской равнины в Палестине, между Наблусом и Телль-эс-Шериа.

В Рамаллахе, с разрешения консула Испании, я поселился в т. н. испанском монастыре, который гордо возвышался над руинами дома Иосифа Аримафейского. Более чем заслуженный отдых, которым я думал здесь насладиться, оказался, к сожалению, совсем кратким из-за эпидемии тифа. Последствия ее я ощутил на себе в большей степени, чем кто-либо в этих краях.

Провинцию наводняли люди Джемаль-паши. Они проникали в христианские монастыри — якобы чтобы превратить их в больницы, которых не хватало по всей провинции. Однако на самом деле они грабили их, отнимали скот, продовольствие и т. д.

Для подобных дел Джемаль обычно использовал евреев: в качестве управляющих они уничтожали или продавали все, что попадало им в руки, оставляя себе небольшую часть прибыли, тогда как их хозяин получал всю остальную добычу.

Вот так-то Джемаль-паша и сколачивал миллионы, в большинстве случаев даже не зная, откуда у него эти деньги. И все это было

страсно, ибо вскоре он сам был лишен всего имущества, приговорен к смерти и до сих пор скрывается не известно где, хотя за его голову назначена большая награда.

Через несколько дней после того, как на меня была возложена ответственность за военный округ Рамаллаха, через него пошли новые поезда по направлению к нашей штаб-квартире в Телль-Шериа. Они везли передовые отряды из «корпуса паши», который полковнику фон Крессу удалось сформировать в Германии с помощью своего брата, военного министра Баварии. Это подкрепление состояло почти целиком из мощных пулеметных подразделений, тяжелой артиллерии, передвижных госпиталей и нескольких десятков колонн грузовиков. Хотя их и было слишком мало, чтобы полностью удовлетворить потребности нашего экспедиционного корпуса, все же они были для нас весьма ценным приобретением, казалось свалившимся на нас как манна небесная. Особенно грузовики, поскольку около девяноста процентов нашего вьючного скота (включая шесть или семь тысяч дромадеров, до сего времени заменявших нам железнодорожное сообщение вдоль берега Синая) пало от голода и чесотки. Это опять-таки произошло по вине офицеров-отставников, которые в Сирии и Палестине (так же, как в свое время в Маммурете) безнаказанно расхищали золото и пили кровь своей несчастной родины.

В Рамаллахе я также стал свидетелем неслыханного воровства и возмутительного мошенничества колоссальных масштабов. Они происходили, когда оттоманские эмиссары предоставляли предпринимателям, торговцам и богатым землевладельцам грузовые вагоны иначе за взятку от ста до двухсот фунтов (позднее я мог в этом сам удостовериться благодаря компрометирующим их документам, которые попали мне в руки). Обнаружив это, я немедленно послал служебный рапорт в Дамаск, который не обрадовал центральные власти. Следуя моим пожеланиям они немедленно отстранили виновных от занимаемых должностей. Однако в то время меня больше всего беспокоила эпидемия тифа, как я уже сказал, продолжавшая свирепствовать повсюду.

Среди различных бедных семей, с которыми мне довелось столкнуться в Рамаллахе, была одна, состоявшая из пятнадцати человек. Из них всех выжили четверо детей двух, трех и четырех лет.

Бедняжек обнаружили в грязной лачуге, умиравшими от голода рядом с полуразложившимися трупами родителей. Не имея ни малейшего представления, что с ними делать, я усадил их на ослов и отправил к добрейшему падре Мюллеру в Эль-Кубебе. Тот принял их у себя, одел, а позднее отослал в главный монастырь своего ордена в Иерусалим, т. е. в приют Святого Павла. Там падре Зоннен

их крестил и воспитал как истинных христиан, вопреки всем усилиям мусульманских имамов воспрепятствовать этому.

Можно только восхищаться той самоотверженности, с которой некоторые христианские приюты в святой земле продолжали — несмотря на недостаток буквально всего — заниматься благотворительностью в те злополучные дни. Так поступали, например, отцы-францисканцы из монастыря Христа-Спасителя; они лишали себя иногда самого необходимого и без колебаний обивали пороги, выпрашивая ломоть хлеба, чтобы только утолить голод, или какую-нибудь поношенную одежду, чтобы прикрыть наготу толп действительно нуждавшихся бедняков, не отходивших от ворот монастыря ни днем ни ночью.

В знаменитом австрийском монастыре в Тантоуре — неподалеку от Вифлеема, — где также беззаветно оказывали благотворительную помощь, я в те дни имел счастье познакомиться с главным врачом, доктором фон Гомейером, а также с капитаном фон Шамьером и лейтенантом Анде. Оба военных были из пулеметных частей и позже отличились на фронте Газы, а особенно во время блестящей обороны Таварии, которой руководил майор Ранге.

Среди благотворительных дел, которые мне удалось осуществить в Рамаллахе, было создание больницы в Лидде. Не сумев раздобыть необходимых восемьдесят или сто коек, я был вынужден попросить содействия у жителей этого города. Они, как мне показалось, великодушно откликнулись на мой призыв, поскольку всего через несколько часов мне были предоставлены требуемые вещи.

Однако, уже собираясь возвращаться в Рамаллах, я по чистой случайности узнал, что их поступок был не таким уж добровольным, как меня пытался в том уверить городской голова. Жандармы, как водится среди власть предержащих мусульман, насильно изъяли у самых бедных жителей города не только эти самые койки, но и все, что могли. Люди же богатые и умеющие хорошо устроиться были освобождены от данной повинности благодаря уплате bahşiş, или взятки.

Ясно, что, узнав об этом, я тут же приказал вернуть изъятое имущество владельцам и одновременно — обязал имущих оплатить устройство больницы за их счет.

Пока я делал все, что мог, как военный комендант округа Рамаллах, над моей головой сходились черные тучи. Речь шла ни больше ни меньше как об экспроприации того испанского монастыря, в котором я жил.

Монастырь этот принадлежал испанской короне, однако он так приглянулся Джемаль-паше, что тот (так же под предлогом переоборудования его в больницу) решил любой ценой им завладеть. И испанский консул, и вице-консул господин Хуно Кюплер предприняли

множество шагов, чтобы избежать подобного безобразия. Даже я — невзирая на мою должность — сделал все, что мог, чтобы помочь этим господам в их благородном деле. Однако все наши усилия казались тщетны перед лицом алчного Джемаль-паши.

В конце концов, я получил срочное распоряжение, в котором мне категорически предписывалось забрать ключи от монастыря и вступить во владение им.

Тогда, не желая обесчестить себя экспроприацией испанского монастыря в пользу такого бессовестного сатрапа, как Джемаль-паша, я поступил так, как подобает христианину и благородному человеку: оставил свою должность и в тот же вечер выехал в Иерусалим. Не прошло и часа после моего отъезда, как турки пустили испанский флаг над монастырем Иосифа Аримафейского, над его стенами взвилось знамя с полумесяцем.

Прибыв в святой город, я объяснил начальнику Главного управления интендантской службы Палестины полковнику Рушен-бею причины, по которым вынужден был подать в отставку. Храбрый военный отнесся к моему поступку не только с уважением, но одобрил его во всех отношениях. Рушен-бей — албанский турок — был человеком очень одаренным и после Джемаль-паши самым влиятельным в Палестине. Однако его неустанная деятельность почти или даже совсем не приносила плодов, так как постоянно наталкивалась на инертность и рутинное мышление подчиненных ему офицеров, на изощренные козни высших слоев общества, а также на врожденную апатию восточных людей, которая обыкновенно зовется фатализмом или пассивным сопротивлением. Против последней ни образование, ни дисциплина не помогут, поскольку она проистекает из неуловимой общности между верблюдом и его погонщиком, бредущими к унылым далеким горизонтам по пустыням Ближнего Востока, которые из-за бесконечного одиночества и однообразия пейзажей отмечают печатью неизбывной грусти не только характер этих людей, но также и ментальность обитающих там людей.

Понятно, что мое появление, несомненно, очень обрадовало Рушен-бея. Он не только оказывал мне всевозможные почести, но поручил мне множество ответственнейших должностей, таких, как, например, управляющий военными заводами, главный инспектор гражданских и военных строительных работ, и т. д., и т. п. В результате через две недели после приезда у меня уже почти ни на что не оставалось свободного времени.

Редкие минуты покоя, которые мне выпадали, я обычно тратил на изучение исторических памятников Иерусалима. Описывать здесь их не буду, ведь они и так хорошо известны, особенно тем, кто интересуется Востоком.

Глава XX

Скоро будет уже две тысячи лет с тех пор, как умер Иисус Христос, а святая земля Палестины по-прежнему окутана ореолом Его славы. Она вызывает необыкновенно благочестивые воспоминания в душах не только всех христиан, но также и мусульман: ведь именно в Эль-Кудс родился Мессия, Богочеловек. Хотя он и не был Богом по рождению, но заслужил право быть Им, потому что первым принес дикому языческому миру Свободу, Равенство и Братство.

От прозрачных вод Галилейского моря до свинцовых волн Мертвого моря все еще видны остатки изгородей, с помощью которых жители Самарии и Иудеи укрепляли плодородную землю на склонах холмов, покрытых полями пшеницы и тенистыми оливковыми рощами. Сохранились там и остатки хранилищ воды, из которых Господь наш и его апостолы черпали прохладную воду и утоляли жажду в новозаветные времена.

По священной долине Иосафата до сих пор текут в период дождей бурлящие воды Кедрона, на красном склоне Масличной горы еще цветут и покачиваются кипарисы Гефсиманского сада, а мрачные и высокие башни и башенки дворца Пилата все еще украшают собой Ерушалаим. На фоне этих свидетельств былого величия тем более бросается в глаза упадок и запустение нынешнего города.

В окрестностях имеется множество древнейших гробниц, иногда выдолбленных прямо в скале. Когда-то они служили склепами монахам и богатым горожанам. Такова, например, расположенная неподалеку от англиканской базилики Гробница Царей. Она представляет собой лабиринт низеньких и узеньких камер, вырубленных у подножья одной из четырех стен большого древнего водосборника. Среди куполов, башен и минаретов города, обнесенного крепостной стеной, выделяются своей оригинальностью Башня Давида, купол храма Гроба Господня, а также золоченый полумесяц на мечети Омара, или harem-es-şerif[1]. После Мекки и Медины последняя представляет собой, пожалуй, самое священное место на земле для всего исламского мира.

Поскольку я пишу сей скромный труд не для знатоков и не для филологов, а, скорее, для тех, кто мало или совсем ничего не знает о Ближнем Востоке, я позволю себе сейчас в нескольких словах рассказать об истории Иерусалима. Возможно, мой краткий рассказ поможет тем, кто не знаком с происхождением Святого Города.

---

[1] Harem — священное место, şerif — священный, благословенный (тур.)

Будучи городом евусян, сегодняшний Иерусалим когда-то назывался Иевус, Ерушалаим, или, по-ассирийски, Урушалим. Позднее город был завоеван Давидом, который приказал установить там Ковчег Завета, воздвиг первый храм Всевышнему и построил неприступную крепость на горе, именуемой Сион. Эта гора соприкасается юго-западной оконечностью города, так что часть ее находится внутри городских стен.

При правлении сына Давида — Соломона — город процветал, однако тогда же начались, а затем и усилились соперничество и вражда между Самарией и коленами Иудовым и Вениаминовым. Наконец, Навуходоносор объявился у стен Иерусалима и приказал своему военачальнику Навузардану сравнять с землей гигантские крепостные стены.

Иудеи, насильственно переселенные в Вавилон Тиглатполасаром, Салманасаром и Навуходоносором, остались верны Яхве. Они смогли вернуться в родные земли лишь после смерти пророков Иезекиля и Иеремии, когда великодушный Кир позволил им возвратиться в Ерушалаим, где 516 году до н. э. они выстроили Второй Храм, в 445 году вновь возвели крепостные стены.

По настоянию Неемии, получившего откровение Божие, Книга Ездры была превращена в Закон, а потом — в национальную конституцию разных иудейских колен. Позднее они стали называться евреями и объявили Иерусалим центром своего монотеистического вероучения.

После смерти Александра Македонского город перешел в руки египтян (Птолемеев). Те, после векового правления Иерусалимом, вынуждены были в свою очередь уступить его победоносным Селевкидам, царям Антиохии.

Если господство Александра или Птолемеев отличалось терпимостью, то владычество греков-антиохийцев обернулось невыносимой тиранией. В это время не щадились ни храмы, ни жизнь людей... До тех пор, пока в 142 году до н. э., если не ошибаюсь, сирийцам не пришлось оставить Сионскую крепость, спасаясь бегством от освободительной армии Маккавеев. Затем, в правление династии Хасмонеев, Иерусалим преобразился и расцвел.

В 63 году до н. э. его захватил Помпей, а в 37-м, т. е. во времена правления царя Ирода, Ерушалаим достиг наивысшего расцвета, как в духовной, так и в материальной сферах. Тогда-то и были возведены ипподром и третье кольцо городских стен, которое сильно затруднило завоевание и разрушение города императором Титом в 70 году н. э.

Все, что осталось от древнего Иерусалима, после этой знаменитой осады — это стены разрушенных зданий в западных кварталах. Тогда

как от некогда знаменитого Храма сохранилась лишь часть стены, у которой и теперь молятся каждую пятницу ортодоксальные евреи, живущие в столице. Они прижимаются лбом к каменным плитам и оплакивают печальный жребий израильского народа...

В течение тех немногих недель, что я провел на этот раз в Иерусалиме, с каждым днем учащались случаи дезертирства в армии, особенно в частях, где служили арабские солдаты, которые, казалось, были не способны осознать, насколько серьезен подобный поступок.

Не отличающиеся исполнительностью, подстрекаемые голодом или тоской по родным горам, они исчезали с такой скоростью, что встревоженный Джемаль-паша приказал осуществлять в отношении преступников самые что ни на есть строгие меры. Поэтому почти каждое утро два—три трупа арабских дезертиров (а иногда и больше) раскачивались на какой-нибудь перекладине или телеграфном столбе для устрашения остальных.

И при всем том дезертирство принимало с каждым днем все более угрожающие размеры. Джемаль-паша отдал еще один приказ — о проведении публичного расстрела, надеясь, что таким образом сможет положить конец беспорядкам (которые отчасти возникли именно вследствие его склонности к воровству и деспотизму).

Первой жертвой должен был стать ни больше ни меньше как арабский имам, который сбежал из армии два года тому назад.

В назначенный час, под грохот барабанов, показался роковой кортеж. Он следовал за похоронным оркестром, игравшим похоронный марш Шопена. Во главе кортежа выступала группа высокопоставленных гражданских и военных лиц. За ними шел преступник в сопровождении molla, иначе говоря исповедника, потом — караул, который должен привести в исполнение приговор, и, наконец, я вместе с иерусалимским гарнизоном почти в полном составе.

Прибыв на место казни, мы построились в каре вокруг небольшого холма со столбом, вбитым на вершине. Когда прозвучала команда «Смирно!», приговор был зачитан одетому в красивый багряного цвета кафтан и белый тюрбан преступнику. Того, казалось, неотвратимый жребий совсем не трогал: он спокойно покуривал себе сигарету с тем презрением к смерти, которое присуще всем мусульманам.

Когда приговор был зачитан, наш герой уселся по-турецки на ковер напротив Хаджи-эфенди — имама, который должен был утешать его в последние минуты жизни. Однако вместо того, чтобы молиться, упомянутые господа повели теологический диспут, начавшийся со взаимных обвинений и едва не закончившийся рукоприкладством.

Когда порядок был восстановлен преступника привязали к столбу с повязкой на глазах Он при этом продолжал спокойно курить сигарету так что когда прозвучала команда «Целься!» обычно предшествующая выкрику «Пли!» он снова торопливо поднес ее к губам затянулся и обмяк Рука его осталась пригвожденной пулей ко рту

Я описываю этот случай единственно для того чтобы показать насколько мало мусульмане боятся смерти Прежде всего потому что их вера не допускает существования дьявола или ада в том смысле, в каком понимаем их мы Кроме того согласно исламскому учению Аллах создал как добро так и зло Вот почему человек едва ли должен отвечать как за плохие так и за хорошие свои поступки

На днях во время одного из чаепитий которые обычно устраивали члены братства Иеремии на своей великолепной императорской вилле мне представился случай познакомиться с известным скандинавским исследователем Свеном Хедином Поздним вечером когда мы сидели в тени трепещущих кипарисов, казавшихся еще более темными в ярком света фонарей, доктор прочитал нам наизусть несколько строф из Томми Аткинса Они пробудили во мне грусть и невольно вызвали в памяти то время, которое я провел на залитых солнечным светом золотистых пляжах Пандишера, Гоа и Хайдарабада

Вечером за ужином в гостинице я имел удовольствие засвидетельствовать почтение в числе прочих старых знакомых майору Ранге, бывшему не только ветераном колониальных войн в Западной Африке но и известным геологом Теперь он руководил работами по бурению артезианских колодцев в пустыне

Поскольку господин Ранге выразил желание принять участие в уже давно мной запланированной поездке к Мертвому морю мы решили отправиться на следующий же день К нам подошел ветеринарный врач майор Кристиан Хотя была середина августа и стояла невероятная жара он захотел составить нам компанию

Мы выехали за час до рассвета Ранге и Кристиан на запряженной отличным мулом dog-cart[1] а я — верхом на лошади Через Иудейскую пустыню мы ехали по древнему руслу высохшей реки — до тех пор пока розовеющие на утренней заре облака не застали нас у убогого караван сарая «доброго самаритянина» (того, о котором говорится в Священном Писании) Через час мы добрались до знаменитой Иерихонской долины где белые и розовые домики сияли словно жемчужины в окружении изумрудных полей на горизонте сливающихся с густой зеленью у берегов Иордана

[1] Двухколесный экипаж с отсеком для собак под сиденьями (англ)

С востока долину замыкала, словно гигантская цепочка гранатов, горная цепь Бекаа, увенчанная вершиной Нево, с которой, как сказано в Пятикнижии, Моисей смотрел на землю обетованную (сегодня она называется Джебель-Ходжа). На юге же, у подножья рыжей горы Моав, трепетала и волновалась бурая поверхность Мертвого моря, подобно большому масляному пятну. И над всем простирались бескрайние голубые дали, где солнце палило так же, как и тысячи лет тому назад, когда его жгучие лучи в этих же пустынях исторгали жалобы и стоны у избранного Богом народа.

Вдоволь налюбовавшись этим прекрасным началом дня, мы стали подгонять наших животных, что бы как можно скорее добраться до древнего города Ирода. Он расположен на обоих берегах Вади-эль-Кельта и окружен лугами и пашнями вперемешку с пышными рощами апельсиновых и лимонных деревьев, плакучих ив, тамарисков, смоковниц и гигантских алое. Кое-где встречаются островки кустарника и карликовых бананов, которые великолепно растут тут

Поскольку стало так жарко, что температура даже в тени была за сорок градусов, мы укрылись в так называемом отеле «Европа», с намерением продолжить к вечеру наше путешествие к Мертвому морю, которое от Иерихона отделяет всего лишь километров пятнадцать.

Ровно в три часа дня, несмотря на поистине африканский зной за окном, мы снова тронулись в путь. Но не проехали мы и половины дороги, как смазка на колесах dog-cart высохла и они перестали крутиться. Пытаться починить повозку на месте происшествия было невозможно, поскольку обода колес и ее другие металлические части нагрелись до того, что до них нельзя было дотронуться. Мы взвалили на спину корзину с ланчем и, отправив животных вперед, пошли искать убежище в греческом монастыре. Он назывался Каср-хаддшла и находился в стороне от дороги. Там нас встретила целая толпа бородатых papaz[1] в засаленных рясах. Сперва они отнеслись к нам сдержанно, но, увидев блестящие монеты, стали необычайно любезны и не скупились на приторные selâmaleyküm[2].

Немного отдохнув, мы тронулись дальше пешком. Единственным нашим багажом были револьверы и полотенца, повязанные у каждого на шее: мы собирались искупаться в Мертвом море, или, как его еще называют, Бар-эль-Лоте, которое находилось в семи километрах отсюда.

Когда мы уже подходили к цели, то заметили, что доктор Кристиан все чаще раздражался, и даже мы с Ранге, будучи настоящими

[1] Papaz — священник (тур.)
[2] Selâmaleyküm — мир вам (тур.)

рикандерами, должны были признать, что жара была исключительной.

К сожалению, искупаться в озере нам так и не удалось, поскольку вокруг нигде не было пресной воды, которой мы могли бы смыть соль с тела. Дело в том, что воды Бар-эль-Лота настолько соленые, что тело не может в них погрузиться, а если не ополоснуться после купания, то на коже могут появиться волдыри, опасные для здоровья

После заслуженного отдыха мы ближе к ночи вернулись верхом на ослах в монастырь. Там мы обнаружили, что наша повозка уже отремонтирована, так что через час мы уже высаживались перед отелем «Европа» в Иерихоне. Поданный нам ужин помог забыть заботы этого дня.

Даже в полночь термометр показывал 35 градусов, что вкупе с тучами кровожадных москитов заставило нас встать задолго до рассвета. В результате еще до восхода солнца мы находились уже за пятьдесят километров от Иерихона и купались в Иордане.

На обратном пути мы пару часов отдыхали в конюшне «доброго самаритянина», которая, несмотря на кучи наваленного верблюжьего и ослиного навоза, все же казалась нам предпочтительней общей ночлежки, где блохи скакали не то что сотнями, а, казалось, миллионами.

На закате мы уже вернулись в Святой Город, проделав менее чем за полтора дня около 120 километров (хотя средняя температура превышала 50 градусов в тени).

Эта поездка не только отвлекла меня от ежедневных хлопот, но показалась очень полезной, так как позволила мне изучить на месте топографические, а в какой-то степени и этнические, особенности этого интереснейшей области Сирии — Амурру, или, как называли ее египтяне, Мусри. Этот район играл и продолжает играть важнейшую роль в мировой истории.

Территория Сирии в максимальном своем объеме охватывает часть земли вдоль восточного побережья Средиземного моря длиной примерно 80 и шириной в 150 километров. Ее географическое строение очень простое — оно сводится к двум параллельно расположенным возвышенностям, идущим с севера на юг, и разделенным продольной равниной. Центр равнины представляет собой впадину глубиной в 400 метров — самую глубокую из тех, что обнаружены смещением пластов земной коры.

Эта впадина именуется Эль-Гор, а две возвышенности, окружающие ее с востока и запада, — это горные цепи Ливана и Антиливана. Центр упомянутой огромной равнины расположен примерно вокруг Дамаска, а с севера и юга он ограничен наслоениями базальтовой лавы вроде тех, что окружают со все сторон высокую гору Хауран.

В этих районах часто случаются землетрясения, а в горах Пальмиры, являющихся восточным продолжением Антиливана, до сих пор встречаются фумаролы[1]. Все это указывает на то, что образование ландшафтов Сирии произошло относительно недавно.

В горах как центральной, так и южной Сирии, можно часто встретить развалины, башни и крепости. Окрестности Дамаска, да и вся Палестина изобилует огромными пещерами.

С запада Сирия омывается Средиземным морем, а на востоке ограничена пустыней Бадийет-эс-Шам, унылой и однообразной. Ее монотонность нарушают временами белые соляные равнины, по которым безмолвно проносятся песчаные бури.

«...Стада газелей, — сообщает наш анонимный автор, — бегают по этим пустынным краям, где когда-то бродили дикие ослы; спрятавшись в тростнике мрачного Гора, лев подстерегает свою жертву и его жуткий рык сливается в бескрайних просторах пустыни с далекими раскатами грома».

Бадийет-эс-Шам представляет собой продолжение (или лучше сказать, образец) аравийской пустыни, где обычно сухой и чистый воздух становится удушливым и обжигающим.

Когда начинается ужасный самум, воздух переполняется песком, а солнце покрывается кровавой завесой. В это время страус прячет голову под крыло, верблюд в страхе прижимается к земле, а бедуин, завернувшись в бурнус, укрывается за его горбами от потока песка, душащего все живое.

Однако кое-где на окраинах пустыни земля бывает плодородной Такие местности очень приятны. Тут произрастают тамариски, дикая черешня, кипарисы и плакучие ивы — их длинные, свисающие вниз ветви несут тень на берега Евфрата. Воды этой великой реки орошают с помощью системы водяных колес и каналов гранатовые и лимонные рощи и густые заросли сикоморы.

Наиболее полезными животными, обитающими в Сирии, являются широкохвостые бараны, боевые кони и одногорбые верблюды. Из насекомых самым смертоносным является саранча: в благоприятные для ее размножения зимы она, расплодившись в Аравийской пустыне, через пару месяцев огромными тучами распространяется по полям всей Сирии. Тогда в стране начинается голод.

Между восточным склоном гор (которой обычно именуют Иудейской пустыней из-за того, что на почве, покрытой песчаником и базальтовым пеплом, не растет ничего, кроме редкой травы и колючек) и Моавскими горами простирается огромная впадина. Ее глинистая

[1] Фумаролы — от итальянского fumarola — дымящая трещинка вулкана — небольшие отверстия и трещины, по которым поднимаются струи горячих газов, выделяющихся из магмы

-чва, смешанная со слоями асфальта и соли, частично покрыта -инцовыми водами Мертвого моря.

Сверху кажется, что эти воды оливкового цвета, однако по мере - -о, как вы удаляетесь от берега, они становятся синеватыми На -бережье, покрытом пятнами асфальта, почти никогда не слышится -ние птиц.

Часть этой впадины (которую нынче покрывают воды -ар-эль-Лота глубиной в 800 метров) когда-то представляла собой -одородную равнину. Почва ее состояла из густых слоев битума подпитывалась подземными водами. Небесный огонь поджег эту -авнину (как поджег несколько лет назад залежи нефти неподалеку - Тампико в Мексике), и плодородные земли исчезли навсегда. -орода Содом, Себоин, Адама и Гоморра, построенные из битума, -зались стерты с лица земли.

Единственным крупным городом, спасшимся от огня, был Паан, -и Сефора, входившая в состав знаменитого Пятиградия

Среди наиболее древних городов выделяется Айнтаб, хет-о-халдейского происхождения. Одно время он даже являлся од-м из самых значительных поселений Римской империи, приняв -я Антиохия-ад-Таурум. Следом за ним идет Тадмор, основан-ый еще Соломоном на развалинах какого-то неизвестного города -тично он был восстановлен из обломков зданий древней Паль-ры

За Тадмором, который сегодня представляет собой маленькую -евушку, следуют Эс-Салт (в древности Перрея), столица области -кка; Керек, столица земли моавитов, где разбивали свои палатки -на Манассиино, Гадово и Рувимово; Наблус, или Сихем, глав-ый город самаритян; наконец, Яффа, или ветхозаветная Иоппия, -рая наряду с Халил-Рагманом, или Хевроном (где покоятся -анки Авраама), и Газой, древней столицей филистимлян, является -ыбелью архаических традиций и мифов доеврейской Сирии.

Однако самый древний город этой области — это, конечно, роди-историка Абу-ль-Фида[1] — Дамаск, или Шам-эд-Димешк «Тысячи -ной ночи». Здесь пышная и утонченная роскошь, мраморные -бастровые фонтаны, золоченые купола соседствуют с базарами, -дарит полумрак, а персидские шелка и ковры соперничают -равийскими благовониями, где индийские брильянты, топазы -бины своим блеском кружат голову самому Гарун-аль-Рашиду.

Кроме того, древний Дамаск выделяется среди остальных городов -ии — словно Король-Солнце среди прочих монархов — своими -рическими памятниками. Всех их затмевает, словно утренняя

---

[1] -ль Фида (1273—1331) — арабский историк и географ

звезда на небосклоне, мечеть Омара, прекрасная не огромными размерами, а великолепием и соразмерностью своих пропорций.

Расположенная на восток от Стены Плача, мечеть стоит посреди площади (точнее, эспланады), где когда-то возвышался Храм Соломона. Ее центральный свод величественно возвышается над скалой Мория, где Авраам должен был принести в жертву Исаака. Коричневатые поверхности стен, облицованных мрамором, пластинами из чеканной бронзы и разноцветной эмалевой плиткой, образуют рисунок без конца и начала, а бордюры из золотых букв блестят, как драгоценные камни на солнце. Все это придает внутреннему убранству мечети вид поистине волшебный. Особенно, когда утренние лучи проникают в разноцветные стекла и заполняют полумрак центрального нефа, словно порхающие фиолетовые бабочки.

Глава XXI

Вскоре после нашей поездки на Мертвое море в Иерусалим приехал инспектор артиллерии 4-й армии Николаи-паша. Увидев, что я превратился в настоящего военного бюрократа (иначе говоря, Etapenshwein[1]), он немедленно забрал меня из интендантской службы Палестины и перевел в 12-й пехотный полк, расквартированный в Вифлееме. Я должен был помогать майору Киелю реорганизовать его часть до тех пор, пока не прибудет 3-я дивизия императорской кавалерии, к которой я, собственно, и был приписан. Пехотный полк состоял из трех батальонов по тысяче с лишним человек в каждом. Офицерский корпус был неплох, однако он был практически полностью деморализован поведением предыдущего командира, а именно Решид-бея. Тот, вместо того, чтобы заниматься текущими делами, в основном развлекался, в то время, как командиры батальонов командовали как Бог на душу положит. Войска были не только плохо одеты, но и плохо накормлены, а также совершенно не обучены.

Чтобы положить конец этому безобразию, Джемаль-паша назначил командиром данного полка майора Киеля, который до того момента занимал пост инструктора в образцовом пехотном полку Вюртфонвиртенау в Баальбеке.

Когда я в тот вечер в Вифлееме отправился поприветствовать майора Киеля, то, пожимая ему руку, я почувствовал, что познакомился с самым лучшим и верным другом из всех, кого знал в Турции.

[1] «Интендантская свинья», дословно (нем.)

Киель был true blue[1], т. е. настоящим рыцарем, блестящим кадровым офицером и я до сих пор уверен, что в тех краях у меня не было более преданного и надежного товарища.

Киелю было лет сорок, он происходил из баварцев. После окончания службы, т. е. после шести вечера, мы частенько собирались, чтобы побеседовать и насладиться прекрасными палестинскими винами, которые ни чем не уступают лучшим европейским сортам. Ни один раз мы засиживались до утра и встречали рассвет, сидя за обеденным столом.

Однако ровно в восемь мы как ни в чем не бывало уже снова были в седле.

Наше почти что одновременное появление в полку, судя по всему, не сильно понравилось местным офицерам, так как теперь они были вынуждены работать не только днем, но и ночью. Дабы доказать этим сеньорам, что причиной столь вопиющего беспорядка являлся не преклонный возраст солдат, как утверждали они, а лишь их собственная лень, я за три недели создал образцовую роту, которая в последствии послужила примером для дальнейшей реорганизации всего полка.

Уже в день нашего с Киелем прибытия мы лишили командиров батальонов нескольких привилегий, которые те успели нагло присвоить себе, и жили в свое удовольствие. Вскоре мы взялись и за улучшение условий в наших госпиталях, которые на тот момент находились в неописуемом небрежении и грязи. Для того чтобы обеспечить безопасность жителей Вифлеема, в трех обителях которых были размещены наши войска, мы создали военный полицейский корпус из сержантов и рядовых полка.

Через несколько дней после прибытия я отправился осматривать среди прочих Церковь Рождества, которую уже посещал годом ранее в компании известного немецкого художника герра Гротемейера. Немного спустившись и пройдя сквозь темные и извилистые галереи с аллегорическими картинами сомнительной художественной ценности, мы добрались наконец до так называемого грота. Дело в том, что настоящая пещера в настоящее время скрыта за различными строениями, которые повсюду покрывают внешнюю часть скалы. В этом грота я нашел спящего рядом с алтарем турецкого стражника. Алтарь этот, как рассказывают местные жители, стоит над тем, где когда-то покоились ясли, или колыбель Господа Нашего Иисуса Христа.

Стражник был безоружными когда я его спросил, в чем состоит поручение, он ответил мне с видом важным и строгим: «Запре-

---

[1] true blood — «голубая кровь» (англ.), true blue — настоящий аристократ

тить этим христианским попам давать друг другу пощечины и воровать друг у друга свечи, господин начальник!».

Вскоре к нам прибыл с инспекцией командующий 7-м корпусом нашей армии Кючюк-Джемаль-паша. Судя по хвалебным фразам, которые паша обронил в наш адрес, он остался доволен нашими усилиями по реорганизации части.

Вскоре после его приезда в город начали прибывать первые раненые из Челалеха. Они были из Австрийской артиллерийской бригады. Госпиталь в Ратисбоне был слишком мал, чтобы принять их всех, вот почему полковник фон Кресс отдал нам приказ передислоцироваться сначала в небольшое селение Бетанию, где я уже бывал прежде вместе с майором фон Врохеном, а затем — в исторический город Эс-Салт, столицу Остйорденланд, которая ныне называется Трансиорданией.

В Бетании мы задержались совсем недолго, поскольку там не было подходящих помещений для раненых. Но чтобы дать представление о том, насколько мы были стеснен, достаточно сказать, что кавалеристы нашего полка размещались в развалинах церкви, где хранятся остатки границы Святого Лазаря.

Эта усыпальница, представлявшая собой погреб или тупик, была темной, как волчья пасть, узкой и наклонной. Она уходила, казалось, в самые недра земли.

Однажды я попытался ее исследовать, поскользнулся на одной из верхних ступеней полуразрушенной лестницы и, скатившись вниз, упал в эту кишащую летучими мышами нору. Я бы и теперь лежал там, если бы не мой адъютант Тасим: в поисках меня он проходил мимо, услышал мои крики, бросил мне веревку и помог выбраться — падая, я повредил себе колено.

Жаль, что, несмотря на миллионы франков, которые монастыри Святой Земли ежегодно получают в качестве пожертвований, ни один из церковных иерархов не обратил ни малейшего внимания на это тысячекратно священное место. Ведь именно в этой пещере Господь Наш Иисус совершил одно из самых своих замечательных чудес.

В начале декабря (1916 года) пришел наконец приказ о передислокации нашей части в Эс-Салт. Этот город находится у подножия Джебель-эль-Хаджи (возможно, это и есть гора Нево из Пятикнижия, с которой Моисей тридцать шесть веков назад смотрел на Землю Обетованную).

Чтобы все подготовить к прибытию нашего полка, я отправился в Эс-Салт на следующее утро в сопровождении моего денщика, арабского конюха Саида. Я был исполнен решимости проехать за один день все семьдесят километров, которые отделяли нас от этого

орода. У Иерихона мы обнаружили огромное количество прекрас-ых цветов, хотя на дворе была зима. Удивительно также было -идеть плодородные земли Вади-эль-Кельт, покрытые травой и пше-ицей по пояс высотой.

После обеда мы продолжили путь. Перейдя Иордан по старин-ому деревянному мосту, мы около трех прибыли в местечко, где Вади-Нимруд широко разливается по равнине и откуда начинается -ленная дорога на Эс-Салт. Она, словно змея, вьется по левому краю -той долины.

К вечеру нам оставалось проехать около двадцати пяти километ-ов Этот отрезок дороги был самым опасным: не проходило и дня, -тобы какой-нибудь путник или караван не подвергся нападению -азбойников или бедуинов из ужасного племени бени-шехир. Пос-едние всего неделю назад напали на Иерихон, угнали весь попав-ийся им под руку скот, в то время как местные власти даже не ытались их остановить. Единственным среди предводителей пле-мен, проживающих в Иорданской низине, который продолжал ос-аваться на стороне турок, был некий Шейх-Султан. Ему это было росто-напросто выгодно, особенно с тех пор, как он приобрел славу ного из самых отчаянных контрабандистов в округе. Правда за-лючается в том, что помимо Дамаска, Алеппо и Иерусалима, где равительство насильно вводило в оборот бумажные купюры, ни ин араб (как в Палестине, так в Сирии и Месопотамии) их не инимал, даже в виде подарка.

В результате, если у человека не звенели в кармане монеты, он ковал умереть от голода не только в пустыне, но и в ближайших -рестностях упомянутых городов.

Подобное положение, естественно, способствовало притоку золота провинции, откуда арабские торговцы, в свою очередь, тайно -реправляли его через бедуинов англичанам. На эти деньги покупали -фе, сахар, керосин и множество других предметов первой необходи-сти, почти что напрочь отсутствующих в Турции. Того относитель-небольшого количества этих вещей, что нам доставляли из Австрии Германии, едва хватало, чтобы удовлетворить потребности армии.

Со временем эта со всех точек зрения нелегальная торговля обрела такой размах, что Халил-паша отдал решительный приказ -роить некое подобие таможни в окрестностях Фелуджи. Государ-венные служащие облагали здесь налогом ввозимые бедуинами -ары. Те даже и не скрывали, что купили их у англичан.

Я помню случай, когда в Дамаск пришел контрабандой караван -харом, и после уплаты его хозяином таможенных пошлин цена на - товар на черном рынке упала на двадцать процентов буквально - дну ночь.

Так большая часть золота, которое немцы одолжили Турции. оказывалась в конце концов в руках английских коммерсантов благодаря контрабандистам-бедуинам, ибо те чувствовали себя по обе стороны фронта как у себя дома.

В начале десятого мы наконец-то различили вдали мерцающие огоньки Эс-Салта, укрывшегося в глубине небольшой каменистой долины. И всего через полчаса я уже расположился в роскошном особняке некоего знатного христианина по имени Юсуф-эфенди. Именно в его доме алькальд обычно селил высокопоставленных гостей, поскольку гостиницы в городе не было.

Когда на следующее утро я сел на лошадь, чтобы подобрать помещения, в которых могла бы разместиться наша часть, ко мне подошел каймакам и сообщил, что, поскольку его предупредили о моем приезде телеграммой, посланной от имени генерал-губернатора провинции Ташим-бея, то он уже сделал необходимые распоряжения.

Я был несказанно рад этой новости, ибо это освобождало меня от очень тяжелой морально работы. Однако с другой стороны, меня это очень обеспокоило, особенно, когда я узнал, что сей господин распорядился освободить не только три самых крупных христианских монастыря города, где проживало около двадцати тысяч жителей, но также и большинство домов, принадлежащих исключительно христианам, в то время как справедливость требовала, чтобы мусульмане, коих там было большинство, предоставили хотя бы пятьдесят процентов помещений, необходимых для нашей части.

Чтобы исправить подобную несправедливость, я приказал немедленно освободить главную мечеть, не обращая внимание на протесты ни имамов, ни местных властей, которые нередко использовали подобные ситуации с целью ущемить в правах и без того измученное христианское население. Здание мечети я предназначил под казарму первого батальона.

Для военной комендатуры я выделил одно из лучших зданий в городе, расположенное напротив таможни, которую я также конфисковал и превратил в склад боеприпасов. В качестве же резиденции Киеля (а заодно — и моей) я выбрал верхний этаж настоящего дворца: с мраморными полами, устланными коврами, расписными стенами и потолками и огромными — в человеческий рост — зеркалами. Эта обстановка отчасти помогла нам забыть о том, в какой негостеприимной стране мы находились. Не стоит забывать, что Эс-Салт — столица Восточной Иордании, где и по сю пору сам султан не решается ввести обязательную воинскую повинность, действующую в остальной части страны, включая Ирак. Чтобы дополнить ту роскошную мебель, которая уже была во дворце, я взял под

расписку несколько диванов и кресел качалок которые обнаружил в знаменитом «Доме англичан», где они пылились без дела Там же кстати, находились и ценные книги хирургические инструменты и прочие предметы необходимые для цивилизованной жизни

Как я узнал в начале войны власти прибрали к рукам эту резиденцию равно как и прочую собственность англичан в Палестине Забрав все что сочли нужным они сложили оставшееся в два больших склада и опечатали Однако окна они «на всякий случай» оставили открытыми, вот почему к нашему приезду там оставалась лишь треть от того что там должно было быть Я однако не позволил взломать двери этих помещений пока не приехал kadI, т е судья со своими бесчисленными секретарями, не сломал сам печати и не выдал нам желаемые вещи в обмен на расписку Затем он вновь опечатал двери, однако закрыть окна так и не приказал

Подобным же безалаберным методом действовала и политическая верхушка Оттоманской империи и неудивительно, что ее внутренняя и внешняя политика всегда терпела крах Иначе быть не могло и не может, пока коррумпированная каста местных эфенди остается у власти

На следующий день после моего приезда в Эс Салт прибыл наш полк, а уже через неделю мы чувствовали себя здесь как дома У каждого батальона был свой плац Для того чтобы не позволить начальнику местной жандармерии и дальше взимать с мусульманского и христианского населения незаконные штрафы (на которых он, кстати сказать, заработал более десяти тысяч фунтов золотом меньше, чем за два года), в городе для обеспечения чистоты и безопасности был создан корпус военной полиции из сержантского состава и рядовых нашего полка — подобный тому, что действовал в Вифлееме

Сорванные с церквей кресты, а также иные повреждения, нанесенные мусульманами христианским святыням, объяснили нам, почему христианское население Эс Салта так обрадовалось, узнав о нашем прибытии

К счастью, мы смогли оправдать их надежды за те шесть или семь недель что мы находились в городе, никто не осмелился унизить христиан ни действиями, ни даже словом

Отправившись в Дамаск, чтобы закупить обмундирование обувь и прочие вещи необходимые нашей части, я воспользовался случаем и на обратном пути заехал посмотреть знаменитые развалины Филадельфии (той что была построена Птолемеем II) Этот город когда-то назывался Рабат-Амон и был столицей аммонитян, которые напрасно пытались удержать власть после того, как город завоевали Давид и его полководец Иоав

Город располагался на берегах Вади-Зерка или древнего Ябока, посреди небольшого селения Амаан, рядом с которым проходит

железнодорожная ветка Эль-Хиджаз. Я нашел эти развалины в весьма плачевном состоянии из-за вандализма черкесских поселенцев — правительство переселило их в Рабат-Амон и в Аин-Зуелу, чтобы они сдерживали продвижение и постоянные нападения племен пустыни. Те, еще до войны, стали разорять богатый город Эс-Салт.

Чтобы построить свои хижины, черкесы вытащили тысячи тесанных камней из развалин как Амфитеатра, так и Акрополя. Правда, несмотря на столь варварское обращение, эти здания продолжают оставаться одними из самых значительных архитектурных памятников, дошедших до нас от Селевкидов. Однако больше всего меня поразили не развалины древнего Аммана, а грязь и врожденная апатия, свойственная населявшим этим земли арабам. Они, чтобы не утруждать себя и не рыть лишних могил, оттаскивали умерших к Акрополю и сваливали там в одну из многочисленных пещер или гротов.

Однажды, обследуя подземные помещения Старого города, я наткнулся в одном из полуразрушенных подвалов на трупы двух арабских солдат. Собаки пожирали их совершенно спокойно, как будто это была их повседневная обязанность.

Жизнь, которую мы вели в Эс-Салте, была довольно монотонна, но одновременно и спокойна, поскольку мало было охотников ехать так далеко с проверками и официальными визитами. Жизнь полка с каждым днем налаживалась и состояние здоровья солдат и офицеров было вполне удовлетворительным. Местные жители — как христиане, так и мусульмане — казалось, также были довольны нашим присутствием, поскольку теперь у них появились определенные гарантии, которых не было без нас.

В те дни мы имели удовольствие принять у себя лейтенанта Штиллера, который ехал в Бирэссэбу, чтобы возглавить там службу беспроволочного телеграфа нашего экспедиционного корпуса. А неделю спустя нас почтили своим присутствием главный врач доктор Гегелер с супругой.

Поскольку эта дама высказала желание прогуляться по окрестностям Эс-Салта, мы организовали поездку на лошадях в древний Джебель-эль-Ходжа, находившийся в двух километрах от города. Мы прибыли туда ровно в тот момент, когда кроваво-красный солнечный диск садился, пылая огнем, в мрачные пески Иудейской пустыни. На востоке же дрожали, словно слезы, ясные воды Галилейского моря, а у наших ног засыпала безмолвная фиолетовая Иорданская долина.

Возможно, именно такой, стоя на этой вершине, увидел когда-то Моисей Землю Обетованную в ночи времен, когда на его возвышенное чело уже отбрасывала пророческие тени смерть.

Несмотря на занятость я всегда находил время чтобы поохотиться на кабанов в устье реки Иордан у берегов Мертвого моря

Для оперативного штаба я выбрал монастырь Иоанна Крестителя рядом с которым как уверяли меня его обитатели был крещен Господь Наш Иисус Христос Уже через сутки после приезда я осматривал болотистые заросли кустарника в сопровождении профессионального охотника, который приобщил меня к сложному искусству ночной охоты На нее ходили в одних носках чтобы не производить ни малейшего шума Подобная система казавшаяся слишком мучительной и дикой для тех, кто не ходил босиком была также и довольно опасной — особенно, когда неподалеку слышался пронзительный вой рыси или приглушенное хрюканье кабана с клыками в восемь десять сантиметров длиной Мне не раз приходилось стрелять в зверя в полной темноте, в местах, где на несколько километров вокруг не было ни единого дерева, на котором я мог бы укрыться в случае промаха

К концу года я вновь посетил Иорданскую долину однако уже не для того, чтобы охотиться на кабанов Вместе с майором Киелем и командирами батальонов мы должны были присутствовать на арабском банкете Его организовал в нашу честь Шейх-Султан Мой друг не переставал восхищаться приемом Причиной его восхищения послужил тот факт что не было подано никаких алкогольных напитков, а лишь кофе и коровье (а точнее сказать овечье) молоко Дело в том что бедуины почти не разводят крупный рогатый скот В частности видимо потому, что овцы, помимо мяса, дают и шерсть А кроме того могут долгое время находиться в пустыне, потребляя совсем мало воды

Чтобы как-то отметить окончание приема Шейх организовал в нашу честь им самим придуманное представление. Оно заключалось в том, что скрытый от наших глаз условный неприятель в упор выстрелил в нас холостыми зарядами В начале мы восприняли это всерьез поскольку недалеко от города расположились шайки беглых шехиров, которые были заклятыми врагами султана и не упускали случая продемонстрировать это

Последними важными гостями, которых мы принимали в Эс Салте были члены археологической экспедиции возглавляемой профессором Теодором Вигандом, а также известным востоковедом капитаном Бахманом От последнего я узнал что мой старый друг подполковник фон Маннсфельд находится в Маане недалеко от развалин Петры. Положение Маннсфельда было крайне тяжелым его люди страдали от голода и чумы погубивших почти весь скот Это были последние три тысячи верблюдов которыми мы располагали на Палестинском фронте

Мы так хорошо отпраздновали сочельник, что на рассвете все еще продолжали сидеть за столом, украшенным рождественским деревом. Я собственноручно срубил его в горах Аин-Зуела. В тот же день вечером нам пришла директива из штаба в Бирэссебе. Нашему полку приказывалось срочно передислоцироваться в Акабу, где ожидалась скорая высадка сил противника.

Для нашего полка перемещение в Акабу, или древнюю Аэлану, было равносильно изгнанию, поскольку умереть в этих местах можно было только бесславно. Для меня же наша экспедиция представлялась, с точки зрения исторической, non plus ultra[1] желаемого. Акаба располагалась на берегу залива Акаба в Красном море рядом с горой Синай, или Хорив, которую арабы называют Джебель-Муса, или Рас-эс-Сафаф. Именно там Господь говорил с Моисеем и явил ему Десять заповедей.

На одном из отполированных веками склонов этой исторической горы, возвышающейся на три тысячи метров, располагается монастырь Святой Екатерины, построенный по приказу императора Юстиниана. Монастырь находится на высоте пять тысяч футов над уровнем моря.

На восток от монастыря расположена еще одна гора — Джебель-Сербаль. Все они — Джебель-эд-Тих, Раха, Шафаан, Рас-Мохаммед, Такхар, Йелек, Хелал, Макра и, наконец, Джебель-Накус, или, по-другому, Колокольная гора (названная так из-за того, что песок, нагреваясь на солнце, начинает гудеть) — представляют собой скалистую горную цепь, поражающую яркими красками и дикой красотой. Эти горы отделены от Суэцкого канала абсолютно безжизненной пустыней, обычно называемой Эль-Гаа, или Бадиет-эт-Тих.

Среди крайне редкой растительности, встречающейся в суходолах или в расщелинах холмов, что уходят темным хребтом в неоглядную даль, можно приметить кусты ежевики или акации смолистой, которую называют еще шипом Мизира, а также тамариска. Его сладкий ароматный сок и представляет собой ман, или манну, каковой Моисей кормил еврейский народ во время его сорокалетних скитаний по этим ужасным безлюдным местам.

Среди песчаных равнин, покрытых местами кремниевой галькой и валунами, кое-где возвышаются мрачные гранитные, яшмовые и сиенитовые скалы с обрывистыми склонами, такие, например, как Магара и Джебель-Эль-Мехтеб. Последний знаменит своими иероглифическими надписями, высеченными на отполированных поверхностях порфирных глыб. У подножья этих скал иногда встречаются заросли каперсов, олеандры, подсолнечники и хлопчатник, образую-

[1] Верх, предел (лат.)

щие островки зелени На них селятся арабские туары потомки набатеев амалекитов, а также иные племена которые в довольно большом количестве встречаются в этих пустынях Все они живут здесь почти впроголодь поскольку питаются исключительно кислым молоком сухими финиками и пресным хлебом испеченным на углях

Вот в такую пустыню у берегов Красного моря являвшую собой великолепную западню где мы в случае неожиданного отступления нашего полка остались бы навечно в песках из за голода и жажды и намеревалось отправить нас наше высшее начальство дабы мы помешали высадке англичан которые уже довольно давно собирались занять эту область

Чтобы хоть как то сгладить то возмущение которое могла вызвать новость о нашей отправке среди офицеров уже успевших превратиться в спорсменов и устраивавших скачки, турниры по стрельбе и прочие соревнования мы решили провести soirée dansante[1] На нее были приглашены турецкие и египетские танцовщицы, находившиеся в тот момент в Эс-Салте Разумеется, там должны были присутствовать и все наши офицеры

По этом случаю мы зажгли люстры в просторной зале для приемов, устланной дорогими коврами и увешанной зеркалами в золоченых рамах

Среди поданного в отдельной гостиной buffet[2] были не только обязательный в подобных случаях ланч по турецки но и разнообразные напитки, начиная с шампанского и заканчивая весьма крепкими В красиво убранной нише разместился оркестр

Хотя мне и не хочется об этом говорить, но все же я должен признаться что тот вечер стал для нас с Киелем неприятным откровением До сих пор ни он, ни я не догадывались, что были просто неискушенными новичками в деле потребления горячительных напитков по сравнению с нашими мусульманскими коллегами Не гнушаясь ни вином ни коньяком, ни пивом те хлестали местную анисовую водку называемую здесь düziko, или rakl здоровенными стаканами а не рюмками или бокалами, — так, словно это была не водка а обыкновенная вода

Однако самым замечательным было то, с каким скромным и смиренным видом наши эфенди осушали залпом эти стаканы Всего одной такой порции вполне хватило бы чтобы свалить с ног любого христианина

Ровно в девять начались танцы Под жалобные звуки арф и кифар откуда то появилась в зале примадонна облаченная в полупрозрач

---

[1] Танцевальная вечеринка (фр)
[2] Угощенье (фр)

ные газовые одежды, украшенные золотом и серебром, но с обнаженным животом и бедрами... Она вышла, чтобы начать, быть может, в сотый раз вечный танец живота, который благословил пророк Магомет и которым еще супруга фараона Потифара искушала целомудренного Иосифа.

Излишне описывать восторг и шквал аплодисментов, какими встречали присутствовавшие любое движение ее гибкого тела. Так неистовствует публика во время корриды. Наконец музыка стала постепенно стихать, а прекраснейшая из прекраснейших с томными арабскими очами начала медленно, шаг за шагом, приближаться к нам. Ее белоснежные обнаженные руки трепетали, словно ветви кипариса. Вдруг она упала на колени перед счастливчиком Киелем, протянув к нему свои горящие уста... но вовсе не для того, чтобы он запечатлел на них поцелуй, в чтобы получить от него золотой. Ведь на Востоке любовь и деньги идут рука об руку, подобно тому как на закате багровые облака смешиваются с золотистой линией горизонта.

После Киеля девушка подошла ко мне, потом опять вернулась к нему.

Я обратил, однако, внимание на то, что, несмотря на элегантные мундиры и усы а ля Кайзер нашим эфенди так и не удалось раздуть огонь страсти в сердцах белокурых и русых нимф, которые, казалось, приберегали весь свой любовный пыл лишь для нас...

Все это продолжалось до тех пор, пока утром мы не вернулись к грустной действительности. Она напомнила нам, что повсюду уже варят кофе и что наши запасы золота испарились во имя платонической любви, о которой и Киель, и я будем всю жизнь вспоминать и с досадой, и с удовольствием.

Глава XXII

Утром 1 января (1917 года) на Эс-Салт и всю Восточную Иорданию пришел циклон, принесший с собой проливные дожди, которые смыл половину военных дорог, включая мосты и прочие объекты Одновременно мы получили известие о том, что англичане перешли Эль-Ариш и находятся у ворот Газы, а находившиеся в городе войска едва могли сдерживать их продвижение. Уже через час до нас дошла радиограмма полковника фон Кресса, с приказом нашему полку незамедлительно передвинуться на этот участок фронта и оказать поддержку расположенным там частям. Вследствие этого, была объявлена общая готовность, и уже через полчаса наш полк с барабанным боем двинулся в сторону Иерусалима. Я же вместе с парой сотен

солдат остался охранять наши склады боеприпасов ведь попади они к арабам оружия хватило бы, чтобы они завоевали половину Палестины

Будто нарочно желая усложнить и без того трудную для меня ситуацию, наступление англичан как будто наэлектризовало двадцать тысяч жителей Эс Салта, сытых по горло турецким владычеством Все это могло бы закончиться для нас трагически, если бы я не предупредил дальнейшее развитие событий приказав арестовать и посадить в наш пороховой погреб нескольких возмутителей спокойствия При этом я пригрозил взорвать и их, и весь город при первом же выстреле против нас

Это превентивная мера вместе с приказом не щадить никого в случае любой стычки помогли успокоить город на несколько дней, до тех пор, пока наконец, полковник фон Кресс не прислал телеграмму где сообщалось об окончательно отступлении войск противника Узнав об этом и каймакам, и начальник местной жандармерии уже упаковавшие тюки и отправившие свои гаремы на железнодорожную станцию в Амаане, приказали распрячь экипажи После чего они вновь вернулись к поборам и штрафам, которые я со своей сотней-другой солдат не мог пресечь при всем моем желании

В этот момент я получил вторую телеграмму, на сей раз от Киеля Тот просил меня прислать ему как можно больше провизии и боеприпасов а также сообщал, что нашему полку было приказано сменить прежний иерусалимский гарнизон

Учитывая катастрофическое состояние дорог по которым невозможно было проехать не только грузовикам, но и повозкам, а также полное отсутствие вьючных животных (тогда как для перевоза наших грузов требовалось от трехсот до четырехсот дромадеров) я был вынужден просить у властей разрешения реквизировать необходимое количество верблюдов, мулов и прочих животных

Я смог таки получить это разрешеиие от каймакама, проведя с ним долгие и трудные переговоры На всякий случай я даже привез с собой вооруженного охранника, который стоял во время переговоров с примкнутым штыком — специально, чтобы напомнить вышеназванному господину что в Эс Салте командую только я

Обзаведясь этим распоряжением талисманом, я уже по дороге привлек к осуществлению своих намерений нескольких патрульных и приказал им конфисковывать всех вьючных животных которые встретятся им в черте города а также во всем округе Эс Салта В результате, уже через три недели а может быть и меньше я отправил в Иерусалим всю материальную часть оставив лишь несколько ящиков с испорченными ружьями Охрану их я поручил одному караулу находившемуся в подчинении имама нашего 1 го батальона

несмотря на его сан, он проявил себя как храбрый и осторожный военный.

Удовлетворенный тем, что выполнил — насколько это было возможно — мое задание, я выехал из Эс-Салта. Поскольку я добрался довольно рано до Иерихона, то решил прогуляться к развалинам Дворца Ирода, расположенном на берегу Вади-эль-Кельта, а также посетить так называемую обитель Великого Поста. Она расположена на довольно высокой возвышенности, да к тому же еще и на практически отвесном склоне, прозванном Скалой Искушения. Именно с ее вершины Люцифер предложил Иисусу владеть всем земным миром.

В монастыре монахи поначалу встретили меня с недоверием. Однако узнав, что я — иностранный офицер, да еще и католик, они предоставили мне лучшую келью и всячески старались услужить мне.

Один из них отвел меня на вершину горы, откуда открывается восхитительный вид на Иорданскую долину и окрестности Мертвого моря. Воспользовавшись вечерним бризом, мы отправились на охоту и пару часов бродили по отвесным склонам, где селились лишь анахореты, или пустынники. Охота прошла настолько успешно, что мы до наступления темноты вернулись в монастырь, неся с собой пару горных коз среднего размера. Из них мы приготовили ужин, которому очень обрадовались добрые монахи.

Не желая упускать такой прекрасной возможности, я решил заодно и посетить монастырь Ильи Пророка, находившийся у подножия красноватой, обрывистой скалы, которую омывает Вади-эль-Кельт, или библейский Керети. Скала эта тянется вдоль Керети до самого устья в Иорданской долине.

Чтобы добраться до монастыря, мне пришлось идти по дороге, которая поначалу была широкой, но по мере того как поднималась вверх, становилась все уже и уже. После того как я прошагал полчаса, она превратилась в головокружительную козью тропу. Я вынужден был спешиться и вести за собой лошадь под уздцы.

Повсюду виднелись, словно высеченные из скалы, мрачные пещеры, а также красные и белые кресты, которые нарисовали или вырезали на камне отшельники в знак своей веры и преданности Иисусу. Если судить по признакам эрозии, которые я заметил на скалистых берегах узкого и бурного Вади-эль-Кельта, можно сказать, что этот поток сотню или более веков пробивал глубокое русло, чтобы устремить по нему свои зеленоватые, словно шкура змеи, воды. Они бормочут гимны во славу того выдающегося Мужа, который более тысячи лет назад прославил и освятил сии места своим присутствием и своими чудесами.

Покуда я вслушивался с высоты в шум вод Вади-эль Кельта пришел час заката, когда птицы, утомленные полетом по бескрайним просторам, возвращаются в свои гнезда горизонт сливается с ха отической линией скал, а на востоке в лиловом небе Иудеи зажигается одинокая вечерняя звезда

Незадолго до наступления темноты вдалеке стали вырисовываться контуры «доброго самаритянина» — места, где разбойники из пустыни поджидали неосмотрительных людей решивших путешествовать по этим местам ночью Поскольку мы с моим адъютантом не имели ни малейшего желания встречаться с упомянутыми бандитами, то проне слись на полном скаку мимо «доброго самаритянина» В результате уже около одиннадцати часов я расположился на ночлег в военной комендатуре нашего полка которую обнаружил в Россенбау

На следующее утро меня пришел поприветствовать майор Киель Судя по всему он был доволен теми действиями, которые я пред принял в Эс Салте Вечером того же дня я узнал от начальника штаба нашего экспедиционного корпуса майора Мюльманна, что особым приказом Верховного командования был наконец то «окончательно» приписан к знаменитой 3 й дивизии императорской кава лерии, расположенной на не менее знаменитом укрепленном участке Бирэссеба Тогда это был левый флаг нашего фронта в районе Газы

Через два года службы в регулярных частях оттоманской армии в течение которых я поочередно воевал то в кавалерии то в пехоте, то в артиллерии и пр занимал важные посты в органах военной администрации, командовал даже смешанными дивизиями, как на пример при осаде Вана, я вновь оказался связан с моим любимым родом войск — кавалерией Я снова должен был пойти по этому порочному кругу называемому Генштабом, у которого нет ни начала ни конца и в котором ты никогда не перестаешь совершенствоваться

Лучший пример этого нам дает бывший главный немецкий Генштаб Несмотря на то, что он являлся наиболее совершенной и от лаженной военной машиной из всех известных до сих пор его генералы все же совершили непростительную ошибку не сумев провести четкого различия между теорией и практикой Ведь если бы вместо того, чтобы слепо уверовать в ошибочный и чисто теоретичес кий посыл будто бы «современная война не может продлиться больше шести-девяти месяцев», они запаслись бы «на всякий слу чай» провизией на три—четыре года, мировая война закончилась бы иначе или во всяком случае, не столь триумфальной победой союзников Хотя оптимистические прогнозы апостолов от прусского милитаризма и убеждали нас в том, что она невозможна

На следующий день после моего прибытия один из наших баталь онов должен был отправиться в Газу древнюю столицу филистим

лян и родину Далилы. В настоящее время там командовал майор Тиллер, с которым я давно хотел познакомиться.

Поэтому я вызвался лично возглавить передислокацию части. Когда на следующее утро мы под звуки барабанной дроби и горнов прошли маршем по главной улице Иерусалима, я испытывал удовлетворение, видя, как эта горстка новобранцев (которые всего три месяца назад вступили в ряды армии), ровно шла плечом к плечу с легкостью, свойственной искушенным воякам.

Все же меня беспокоила мысль о том, что в последних рядах по меньшей мере трое или четверо шагали не в ногу, отмечая шаг не левой, а правой или наоборот. Ведь как арабский солдат способен обучиться всему, кроме честности, так турок может научиться любым премудростям военного дела, за исключением правильной маршировки.

И уж коли я заговорил о турецком солдате, добавлю, что, по-моему, ни в Европе, ни в Америке не найдешь никого, кто бы так легко осваивал искусство обращения с оружием и все достижения военной мысли, как турок, особенно если его обучают иностранные офицеры.

Город Газа отделен от моря полосой дюн. Он расположен в центре довольно большого оазиса, в котором луга перемежаются с пахотными полями и рощами фруктовых деревьев. Повсюду виднеются пышные кроны сикоморов и стройные стволы многочисленных пальм. Купола, минареты и расположенные друг над другом крыши домов образуют прекрасный вид, если смотреть на этот город издалека.

Однако по мере того, как приближаешься к Газе, она, как и все восточные города, теряет свою живописность. Ее главная мечеть, превращенная в склад боеприпасов, так и осталась, не смотря на свои огромные размеры, обычной мечетью. Базары и запутанные узкие улочки поражали грязью, большинство домов были деревянными.

Газа приобрела свое значение благодаря тому, что еще с незапамятных времен через нее пролегал торговый путь, соединяющий Сирию с Египтом, иными словами — Азию с Африкой.

Видимо поэтому, бесконечные войны евреев с филистимлянами происходили, в первую очередь, из-за налогов, которые первые облагали ввозимые из Египта товары (в основном, это была пшеница), а также те, что переправлялись через Газу в Палестину.

Укрепления (точнее говоря, траншеи), выкопанные вокруг Газы по приказу майора Тиллера, были сделаны на совесть. Будучи опытным военным, он распорядился также срубить все заросли фиговых

деревьев поскольку они образовывали плотное заграждение и ус ложняли оборону города

Находившиеся под его началом части хотя и были очень опытны ми страдали от эпидемий и отсутствия самого необходимого Вот уже несколько месяцев они храбро сражались, но участь их отнюдь не облегчалась Это происходило не только из за необычной актив ности неприятеля не дававшего им ни минуты передышки но также из за вопиющего казнокрадства Центрального управления интен дантской службы Дамаска Оно не посылала им ни обмундирования ни продовольствия, ни медикаментов

Я не один раз раздумывал над тем что в европейской армии даже при таком положении дел убийства офицеров не происходили бы

Артиллерийские части Тиллера были сильно недоукомплектова- ны Однако вскоре они были усилены австрийской артиллерийской бригадой графа Сторжевского Кроме того, несмотря на сопротивле ние Джемаль паши который противился просто из упрямства пол ковнику фон Крессу удалось таки в конце концов усилить и пехо ту — за счет приведенного мною контингента а также одного или двух батальонов 125 го полка Три месяца спустя, то есть во время первого сражения при Газе они отличились, защищая в рукопашном бою центр города от трижды превосходящего их по количеству противника, имевшего на вооружении горную артиллерию пулеметы и бронированные автомобили

Однако несмотря на эти меры по усилению наших войск сил майора Тиллера было недостаточно для того чтобы успешно проти востоять натиску британских бригад которые состояли, главным образом, из отборных европейских полков Помимо этого англичане наступали при поддержке танков или боевых машин и мощного артиллерийского огня Мы же не могли ничего им противопоставить потому что имели в своем распоряжении лишь 15 дюймовые орудия

Преимущество англичан над нами на этом фронте было неос поримым По крайней мере, с точки зрения технической оснащенос ти. Достаточно сказать что они построили вдоль всего Синайского побережья то есть от Порт-Саида до Хан Юниса двухколейную железную дорогу и тянули ее дальше по мере продвижения своих войск Одновременно, с целью снабжения линии фронта водой они провели акведук иначе говоря чугунный водопровод с помощью насосов они выкачивали воду из Измаильского канала и доставляли к Газе

Среди многочисленных «сувениров» имевшихся у майора Тил лера фигурировали около трехсот арабских дезертиров Несмотря на то что их необходимо было срочно отправить в Челалех, он все никак не мог этого сделать из за нехватки нужного количества конвойных

Поскольку я должен был вернуться в Иерусалим вместе с сержантским составом батальона, оставленного мною в Газе, и путь мой лежал как раз через Челалех, я с удовольствием вызвался доставить этих людей до места назначения. Однако я решил вести их не всех вместе, а группами по пятьдесят человек, приказав накинуть каждому веревку на шею и обязав конвойных открывать на поражение по любому, кто попытается сойти с дороги.

Меры эти подействовали великолепно. Когда мы прибыли в Челалех, все конвоируемые были на месте.

С арабским новобранцем не стоит церемониться, поскольку он — предатель, подлец и дезертир по своей природе.

Единственный способ заставить его повиноваться — это заковать его в кандалы или пороть.

С бедуином, живущим в пустыне, мавром с каменистой равнины и с арабом, живущим на холмах, все происходит наоборот, потому что они олицетворяют собой храбрость, благородство и воинскую доблесть.

Крепость Челалеха являлась центром нашего фронта в Газе или в Синае. Она находилась всего в двадцати километрах от Газы, бывшей основной опорной точкой нашего правого фланга. От Бирэссебы, бывшеей опорным пунктом левого фланга, Челалехскую крепость также отделяли двадцать—двадцать пять километров. Однако сама она стояла в стороне посреди пустынной равнины и была лишена фланговой поддержки. Это означало, что ее в любой момент могла застигнуть врасплох вражеская кавалерия. Захоти генерал Мюррей напасть на нее в эти дни, он в одно мгновение ока сумел бы это сделать, поскольку ни в Газе, ни в Телль эль-Шериа, ни в Бирэссебе у нас в тот момент не было достаточного количества резервов, чтобы противостоять такого рода атаке.

Непонятная сдержанность, продемонстрированная командующим британскими силами в Египте, сравнима разве что с нерешительностью генерала Таунсхенда в Кут-эль-Амаре, когда тот предпринял необдуманное наступление и поставил под угрозу вывод своих войск из опасной зоны. Правда, в случае успеха этой операции, Таунсхенд ускорил бы победу британцев в Месопотамии на год или даже больше.

Стратегическая ошибка, которую совершил кто-то, выбрав Челалех центром нашей линии фронта в Синае, была исправлена несколькими неделями позже Энвер-пашой: он приказал незамедлительно оставить этот укрепленный район и перебросить челалехский гарнизон в Телль-эль-Шериа, благо этот город связаи прямым железно-

дорожным сообщением с Бирэссебой и что еще более важно с Иерусалимом

Сразу после этого Энвер, дабы защитить правый фланг примыкавший к морскому берегу приказал проложить железную дорогу (ветку от той, что шла на Палестину) которая бы шла от Тинеха до Бейт-Хануна Таким образом она проходила бы через весь наш северный тыл между Газой и Телль-эль Шериа

Все эти непредвиденные, но необходимые меры Верховного командования турок не могли остаться незамеченными в штабе англичан Они вызвали неожиданное и одновременное наступление на наш правый фланг почти всех неприятельских сил на Синайском полуострове Это сражение вошло в историю как «первая битва при Газе» и привело к полной победе оттоманских сил

Вторая битва при Газе состоявшаяся несколько недель спустя обернулась для нашего экспедиционного корпуса и его командующего полковника фон Кресса еще большим триумфом И это несмотря на то что сражение развернулось на этот раз по всему фронту, и части неприятеля состоявшие преимущественно из английских и австралийских дивизий имели численное превосходство над нашими и были лучше экипированы

Ночь после того, как мы доставили этап с дезертирами, я провел в Челалехе в качестве гостя майора Хей бея который командовал артиллерией крепости Он, уж не помню по какому поводу, организовал небольшую вечеринку, на которой среди прочих должен был присутствовать командующий 3-м армейским корпусом подполковник Эдиб бей а также начальник челалехского гарнизона После произнесенных, согласно регламенту, тостов за здоровье Их Величеств и т д , т е когда благородный виноградный сок уже заставил забыть о правилах этикета и воинской иерархии подполковник начал на итальянском и французском языках исполнять арии из «Травиаты» «Аиды» «Тоски» и уж не помню каких еще опер Однако пел он мастерски чем очень нас всех удивил Если бы у Эдиб бея так же получалось сражаться как петь оперы, мы без сомнения, избежали б огромных потерь, особенно — во время первой битвы при Газе которую мы чуть было из за него не проиграли Дело в том что, когда войска под его командованием шли нам на подмогу он, вместо того чтобы ускорить их продвижение, приказал им снизить скорость до трех километров в час Это было равносильно тому чтобы приказать им не торопиться

Эта возмутительная трусость стоила Эдибу не только его поста но и дружбы и уважения его товарищей

По возвращении в Иерусалим я уладил все дела касающиеся моей предстоящей поездки и простившись с Мюльманном Граббе,

Киелем и остальными близкими друзьями, отправился на следующее утро в Бирэссебу по одному из самых интересных и живописных маршрутов и самой по себе живописной Палестины.

Я позавтракал в Вифлееме, а вечером того же дня уже находился в Хевроне — священном городе, посвященном Ибрахим-Халил-Аллаху, иначе говоря — Аврааму, другу Божиему.

Благодаря пронырливости одного моего друга, турецкого офицера, я тем же вечером смог посетить знаменитую мечеть Харам эль-Халиль. Она построена из громадных гранитных плит. Ее венчают два ветхих массивных минарета, один посвящен Аврааму, а другой — Исааку. Имя последнего в фигурально переводится как «крик Израиля» или «хохот, издаваемый Израилем на поле боя, которое усеяно окровавленными трупами врагов».

В этой святыне, куда христианам возбраняется входить под страхом смерти, находится квадратный побеленный саркофаг с останками Святого Иосифа, могилы других патриархов, а также могила Авенира, которого поверг на землю кинжал Иоава[1].

Внутреннее убранство мечети, которую я не осмелился изучать обстоятельно, опасаясь, что меня обнаружат, показалось мне излишне мрачным и мало привлекательным. Однако мое внимание привлекло некое место, которое, по мнению простонародья, скрывало большую пещеру или нечто вроде подземелья, называемого Махпела. Должно быть, именно там покоятся останки Авраама, Исаака, Иакова, Сары, Ревекки и других членов рода Авраамова. Там я видел нескольких верующих, которые через небольшое отверстие клали в нишу на стене какие-то бумажки, видимо, с просьбами, обращенными к Богу.

Помимо мечети я отправился посмотреть на знаменитый мамрехский каменный дуб. Он расположен рядом с местом, называемым moscovia. Согласно легенде, именно под кроной этого дерева Ангел явился Аврааму сообщить о рождении Исаака.

Если судить по живущим в пустыне бедуинам и по библейским обычаям, которых продолжают придерживаться и сейчас фанатичные жители этого отдаленного района Палестины, патриарх Авраам, видимо, должен был походить на одного из тех почтенных шейхов или старейшин, что выделялись среди прочих своих современников монотеистическими верованиями, точнее говоря неискоренимым представлением о единственном Боге. Что бы там ни говорили, это представление всегда было и будет основой всех религий Ближнего Востока. Это продолжается со времен древнейшего культа солнца, затмевающего все остальные светила, солнца, которое человек в сво-

[1] II Цар 2, 6 34

ем извечном эгоизме постепенно обожествил и превратил его сначала в Бела или Баала, затем — в Иегову Ра, Яхве Юпитера В конце концов возник и этот знаменитый символ — одинокий глаз вписанный в треугольник тот самый, что часто изображают на открытках с изображением святых продающихся вместе со свечами молитвенниками и четками у порталов христианских святынь Святой Земли

Однако больше всего в Хевроне бросается в глаза то что почти все его дома и наиболее доходные хозяйства принадлежат т н наследникам Авраама, иначе говоря магометанскому духовенству поскольку, как уверяют последователи Магомета, Авраам вовсе не еврей, а мусульманин т е «верил в Бога Единственного и Истинного» Библия была создана гораздо позднее много времени спустя после смерти этого патриарха »магометанина», и мусульманство якобы выродилось в иудаизм, а затем обернулось учением о Святой Троице Так продолжалось до тех пор, пока Магомет, Пророк Божий не возродил его спустя тысячелетия дабы вернуть заблудших овец в священное лоно Авраамово Чтобы показать, до чего дошло (по крайней мере в ту эпоху) мусульманское духовенство Халил Рагмана в своем эгоизме и фанатизме скажу лишь, что единственным благотворительным учреждением, которое я там видел была общественная столовая для наследников Авраама Однако вход в нее разрешался только нищим магометанам

На следующее утро я покинул находящийся в плодородной долине Хеврон и по военной дороге на Бирэссебу направился в небольшое ущелье Дахарие Год спустя там был разбит англичанами героически сражавшийся с ними 12 й пехотный полк (тот которым командовал Киель) Во время этого краткого, но памятного боя которым руководил Бене-паша 3 й эскадрон нашего 6 го имперского полка легкой кавалерии наголову разбил эскадрон австралийской кавалерии бросившей нам вызов

Уже в сумерках русло высохшей реки по которому мы ехали, вывело нас в серую пустыню, тянувшеюся к западу На горизонте можно было различить темные пятна Это были руины древнейшего семитского города, в котором Авраам заключил союз с Авимилехом царем Геррарским, и в знак этого принес в жертву семь овец и вырыл семь колодцев, называемых Бирэссеба или Вирсавия

Именно там Исав продал своему брату Иакову право первородства за чечевичную похлебку и там же Иаков принес в жертву Господу первый приплод стад своих прежде чем отправиться в землю фараонов дабы соединиться с сыном своим Иосифом

В Бирэссебе Авраам и его потомки воздвигли первый алтарь Господу

Между тем на равнины Бадиет-эт-Тиха спустились закатные тени. А вскоре вдали засветились в окопах Бирэссебы электрические фонари. Там наша 3-я дивизия имперской кавалерии продолжала сдерживать британские легионы. В светлое время суток видно было, как верховые патрули англичан объезжали по всем направлениям шафрановую пустыню.

Здесь я переночевал, а утром майор Тодд представил меня командиру нашей дивизии и начальнику гарнизона Бирэссебы, подполковнику Эсад-бею. Он был албанцем по происхождению, княжеской крови, и уже тогда считался самым выдающимся в Оттоманской империи кавалерийским командиром.

Эсад-бею было лет сорок восемь. Кожа на лице его была красной и обветренной, а усы, наоборот, светлыми. Он был рослым и являлся самим воплощением благородства и обходительности.

Находившиеся в его подчинении офицеры (в особенности штабные) были тщательно подобраны. Все они принадлежали к самым благородным фамилиям Константинополя.

Достаточно сказать, что принц Осман Фуад-эфенди, внук султана, был в то время командиром эскадрона в нашем 7-м полку. Майор Ферид-бей, бывший командир имперской гвардии во дворце Долмабахче, командовал 6-м полком; подполковник Мехмед-бей — 7-м, в то время как майор Ахмед Риза — нашим 8-м полком легкой кавалерии, которая по-турецки называлась misrakli süvari alaylar. Кроме этих трех подразделений, а также конной пехоты[1], которая присоединилась к нам чуть позже, в нашу дивизию входили две пулеметные роты, две батареи полевой артиллерии и одна батарея тяжелой артиллерии, батарея саперов и несколько технических подразделений.

В день моего приезда полковник Эсад-бей принял командование гарнизоном Бирэссебы. В него входила наша дивизия, два батальона 125-го и два 138-го линейных полков, артиллерийский полк, вооруженный орудиями разных калибров, две пулеметные части под командованием лейтенантов Андэ и Шталя и военная администрация из восьми тысяч тунеядцев, подчинявшаяся полковнику-отставнику Бегшед-бею. Последних Эсад сразу же распустил, оставив только персонал, необходимый для интендантской службы.

Оставшиеся пять или шесть тысяч солдат «без оружия», обязаны были вступить или в ряды регулярной армии или в строительные батальоны. Офицеры-отставники, которые уже два года паразитировали на них, были отправлены в Иерусалим.

Когда мы избавились от этой язвы, в Бирэссебе остались одни линейные войска и боевые части, подкрепленные мощной артиллери-

[1] Конная пехота использует лошадей на марше, а перед боем спешивается

и Не смотря на то, что был немного, она держала англичан в напряжении до тех пор, пока не приехал генерал Фалькенхайн. Он совершил непростительную ошибку, уволив всех опытных офицеров, служивших у полковника фон Кресса. Это плохо кончилось для нашего экспедиционного корпуса: разразилось третье сражение при Газе, результате которого Турция потеряла Иерусалим, а фон Фалькенхайн — репутацию опытного военного.

В гарнизон Бирэссебы входила также часть, подчинявшаяся паше. Она состояла из роты беспроволочного телеграфа под командованием лейтенанта Штиллера, полевой госпиталь 213, возглавляемый главным врачом доктором Гомейером, 2 батареи ПВО под командованием лейтенантов Крауса и Бирке, парк грузовых автомобилей, инженерная рота под командованием капитана Шумахера и лейтенанта Байера, военная администрация капитана Штерке, который непосредственно подчинялся майору фон Майеру, личному представителю полковника фон Кресса при начальнике гарнизона Бирэссебы подполковнике Эсад-бее.

Кроме немецкого полевого госпиталя в Бирэссебе также имелся турецкий, которым руководила сестра Паула Кох. С самого начала войны она работала не покладая рук и всегда оказывала помощь нашим раненым и больным.

Бирэссеба, собственно говоря, был жалким захолустным городом. Однако он имел то преимущество, что в нем в изобилии имелась питьевая вода, кроме того, город был связан с Хевроном и Иерусалимом превосходной военной дорогой. Хотя селение и было небольшим, как стратегический пункт он не имел себе равных на этом участке фронта. На юге его защищала пустыня, на западе — полукругом обрамляли высокие скалистые горы, на которых мы прочно закрепились, на восток шла железная дорога, соединявшая Бирэссебу с нашим штабом в Тэлль эль-Шериа и с Иерусалимом.

Воды, которую мы пили в Бирэссебе и которую, кстати сказать, качали мощными насосами из самого большого из семи колодцев, вырытых еще Авраамом четыре тысячи лет тому назад, хватало не только на весь наш гарнизон, но и для орошения многочисленных садов и огородов города, как общественных, так и частных.

Огромное преимущество британской армии в Египте над британскими же экспедиционными силами в Месопотамии заключалось в том, что она состояла в основном из европейцев и австралийцев, в то время как в армию, базировавшуюся в Месопотамии, входили главным образом индийские войска, по преимуществу магометане. Они в душе симпатизировали туркам и страдали, как и большая

часть мусульман, от хронической апатии и флегматичности. Офицерский же состав этих частей был пронизан духом рутины.

Единственные, кто среди индийских войск не был поражен этим роковым недугом, были гималайские гурки[1]. Возможно, это было связано с тем, что они являлись храбрыми горцами и были монгольского и туранского происхождения.

Индийские патрули день за днем следовали по одному и тому же маршруту, пока наши люди, наконец, не устроили им засаду и не поймали. Такие случаи часто повторялись на иракском фронте. Со временем мы достаточно точно могли просчитать все передвижения противника либо по достаточно заметным дымкам костров в их лагерях, либо — по их аэропланам: когда те летели низко, это почти стопроцентно указывало на наступление неприятельской кавалерии. Однако перед тем, как продолжить дальше свой рассказ, я хочу в общих словах описать, как развивались события на фронте Синайского полуострова, Газы или Палестины — называйте как хотите, — в начале 1915 года.

После т. н. взятия Суэцкого канала армией Джемаль-паши, о чем я рассказывал в третьей главе, англичане начали понимать, что той бесплодной и узкой полоски земли, что простирается между Газой и Порт-Саидом, не достаточно, чтобы сдержать продвижение оттоманских войск. Дабы обезопасить себя от новых атак неприятеля, англичане вырыли окопы недалеко от Суэцкого канала в Эль-Кантаре. Эта местность должна была стать местом дислокации их экспедиционного корпуса, а также отправной точкой для двухколейной железной дороги, которую они немедленно начали прокладывать вдоль всего берега.

Такой простой, но стратегически верный ход со стороны англичан, не только сделал бесполезной дальнейшее строительство нашей железной дороги через пустыню из Бирэссебы в Кузейму и далее, но и заставил нас в одну ночь изменить план наших операций и сосредоточить основные наши силы на побережье в секторе Эль-Ариш-Катии. С этого момента он стал главной ареной, на которой разворачивались все военные действия на данном фронте.

Регулярные силы, которыми в то время располагал Джемаль-паша (а точнее сказать — полковник фон Кресс), были ничтожны применительно к той зоне, которую они должны были защищать. Если бы не спасительная нерешительность британского командующего сэра Арчибальда Мюррея и не присутствие нескольких нерегу-

[1] Условное название народностей, населяющих центральные и юго-западные районы Непала. К гуркам относят потомков выходцев (с XIII в.) из Раджастхана (Индия) — кхасов и др., а также коренных жителей Непала — магаров, гурунгов, тамангов, сунваров, кратов.

лярных арабских частей, помогших нам блефовать, египетская кампания не продлилась бы и первые полгода войны. Из-за недостатка подвижного состава и снаряжения, необходимого для тяжелой артиллерии, мы были вынуждены, в основном, обороняться. Однако мы чудом все же добились некоторых успехов.

Желая воодушевить наших солдат, которые пали духом, полковник фон Кресс вознамерился неожиданно осадить Катию, находившуюся всего в нескольких километрах от Эль-Кантары и попавшую в руки противника.

Воспользовавшись густым туманом, фон Кресс окружил и наполовину уничтожил (точно уж не помню, какого числа) вражеский кавалерийский полк. Трофейные лошади, которых мы нашли привязанными в церкви, позднее были проданы нашим солдатам за один-два фунта золотом каждая. Дело в том, что они были непригодны к условиям пустыни из-за большого веса, а также потому, что нуждались в тщательном уходе и большом количестве воды.

Воспользовавшись успехом, полковник немедленно напал на Катию и разгромил ее гарнизон еще до прихода подкрепления из Эль-Кантары. Эта неожиданная победа в последствие толкнула полковника фон Кресса на повторный штурм Катии. Однако на сей раз он потерпел поражение, поскольку англичане были настороже и сосредоточили главные силы вокруг этого места.

Воодушевленные этой неудачей, за которой, как и следовало ожидать, последовало отступление нашей армии к Эль-Аришу (также были потеряны все наши боеприпасы и запасы провизии, собранные в секторе Катии), англичане перешли от обороны к наступлению. Они продолжали прокладывать железную дорогу по побережью и вынудили нас сдать один за другим города Эль-Ариш, Эль-Кафир и наконец, Магдобах на берегах Вади-эль-Абияд (или «Египетской реки», как она названа в Ветхом Завете). Именно здесь наш восьмидесятый пехотный полк под командованием Исмаил-Хаккы-бея вынужден был сдаться из-за нехватки воды и боеприпасов.

В эти ужасные для нас дни случалось, что нам приходилось открывать пулеметный огонь против наших же собственных арабских пулеметных частей, чтобы они не разбежались в беспорядке.

Единственным, что тогда спасло Палестину, было своевременное прибытие частей, подчинявшихся паше, и других достаточно мощных подкреплений: таких, например, как наша 3-я дивизия имперской кавалерии. Им наконец удалось сдержать стремительное продвижение англичан.

Таково было положение, когда я приехал на Палестинский фронт. Наши основные силы состояли из 3-й, 5-й, 7-й, 16-й, 53-й, 54-й и 27-й линейных пехотных дивизий, объединенных в несколько армейских

корпусов и усиленных нашей 3-й кавалерийской дивизией, тридцатью батареями полевой артиллерии и пятью-шестью орудиями калибра 15 дюймов. В целом у нас было примерно тридцать тысяч винтовок и штыков, пригодных для ведения боя. Численный состав наших войск сокращался из-за эпидемий и боевых потерь и к тому времени упал до одной трети от обычного.

Самое ужасное было то, что пополнение наших рядов происходило очень и очень медленно: как из-за недостатка транспортных средств, так и по многим другим причинам, которые в двух словах не объяснишь.

Англичане же, напротив, насчитывали шестьдесят тысяч человек, распределявшихся следующим образом: одна дивизия легкой кавалерии, одна дивизия конной пехоты (в каждой по девять полков), три линейные пехотные дивизии, одна резервная дивизия (в каждой — по десять тысяч человек), несколько вспомогательных кавалерийских корпусов и артиллерийские части, вооруженные орудиями разных калибров. Армия противника была не только многочисленной, но и состояла из отборных частей.

Помимо этого, у англичан двухколейная береговая железная дорога, мощная морская артиллерия, а также акведук, который я несколько недель спустя тщетно пытался взорвать.

Мои подсчеты, наверное, не самые точные, но думаю, если я и ошибся, то не сильно.

Наша 3-я кавалерийская дивизия была, вообще говоря, отпочковалась от другой, одноименной, дивизии, погибшей на Кавказе несколькими месяцами ранее из-за глупости и воровских наклонностей ее командира. Его имени я уже не помню, но позднее от его адъютанта Суад-бея я узнал, что именно по вине этого человека за одну ночь от голода и холода погибло около восьмисот лошадей Майору Тодту, который был начальником его штаба, он не дал и пикнуть, относясь к нему, как к полному ничтожеству.

Люди в его пулеметных взводах, например, были настолько истощены, что оказывались вынуждены сначала съедать лошадей, затем — мулов и вьючных ослов, после чего тащили все снаряжение на собственных плечах.

Когда остатки этой дивизии прибыли в Алеппо, командование ими принял на себя полковник Эсад-бей. Он проявил удивительную энергию и инициативу, не свойственную людям Востока, и реорганизовал их, превратив в нашу 3-ю имперскую кавалерийскую дивизию. Однако спешка, с которой он проводил все эти преобразования, естественно, привела к некоторым упущениям и пробелам. Восполнить их в течение двух-трех недель пришлось мне. Я до

конца своих дней буду вспоминать об этом с изумлением, ибо до сих пор не понимаю, каким образом смог навести порядок в этом хаосе.

Из более чем ста пятидесяти штабных лошадей только у двух я нашел на копыте клеймо с цифрами, обозначавшими, к какому полку они были приписаны. Вся наша амуниция и обмундирование, хранившиеся на нескольких складах, представляли собой неописуемую кучу вещей, по преимуществу — реквизированных. И словно для того, чтобы сделать этот кавардак еще более ужасным, почти ежедневно в лагерь приходили какие-то люди и требовали, чтобы мы вернули им лошадей, которых у них одолжили некоторые из наших офицеров по пути из Алеппо в Иерусалим.

Несмотря на все трудности, мне в конце концов удалось развязать этот гордиев узел. По этой причине Эсад-бей наградил меня и стал отныне доверять мне, как я бы осмелился сказать, безгранично.

В те дни в Бирэссебу с инспекцией приехал военный министр Энвер-паша в сопровождении Генштаба и представителей прессы.

Многие из этих господ (если не большинство), казалось, были очень встревожены бомбами, которые часто сбрасывали на наш лагерь аэропланы противника.

Однажды они сбросили более шестидесяти бомб за одну атаку.

Во время таких воздушных бомбардировок Бирэссеба выглядела величественно. Особенно, если это было ночью, когда светила яркая луна. В воздухе слышалось постоянное жужжание пропеллеров, похожее звук стальных крыльев, смертоносные торпеды падали одна за другой, воя, словно дикие животные, повсюду были слышны разрывы гранат и свист шрапнели.

Поприсутствовав на полагающемся в подобном случае торжественном параде, Энвер-паша отбыл всего в сопровождении всего двух человек в Челалех. Там ему хватило одного взгляда, чтобы убедиться, что удержать эту позицию не представляется возможным. По этой причине он приказал немедленно эвакуировать солдат и перевести их в гарнизон Телль эль-Шериа.

Для того чтобы если потребуется, защитить при отступлении австрийскую артиллерийскую бригаду, дислоцированную на этом участке фронта, Эсад-бей, майор Тодт и я отправились вместе с 6-м полком к нашим позициям при Абу-Галиуне — они находились в стороне, посреди равнины, в нескольких километрах к западу от Бирэссебы.

Пулеметные роты и обоз с боеприпасами находились в моем ведении. Их прикрывали наши пехотинцы и кавалерия, ибо, как известно, в пустыне исход любого боя почти всегда зависит прежде всего от обоза с боеприпасами. Особенно это относится к голым местностям. Здесь не только летучие отряды, но даже целые армей-

ские корпуса вынуждены сражаться, рассчитывая только на себя из-за отсутствия должного сообщения между частями.

Когда боеприпасы заканчиваются, у солдата в пустыне остается всего две возможности: или погибнуть, или сдаться, поскольку против пулеметного и артиллеристского огня штыки совершенно бесполезны.

С наступлением темноты, когда земля слилась с небосводом в единую серую массу, пересеченную на западе тонкой золотистой полоской, по небу стремительно пронесся немецкий аэроплан, над которым развивался флаг. Он пролетел мимо нас и растворился в вечерней мгле, подобно огромной ночной птице. Это был самолет лейтенанта Фальке, прославившегося своими подвигами, как на Синае, так и в Галлиполи.

Чтобы не выдать нашего присутствия, я приказал не разводить костры и не зажигать никаких огней. Только в моей палатке светил тусклый переносной фонарь, в котором я нуждался для работы.

Где-то около полуночи, когда я составлял различные документы, раздался топот копыт. Прежде чем я успел кликнуть адъютанта, в мою палатку вошел розовощекий незнакомец с голубыми глазами. На его лицо падала тень от австрийской фуражки. Он весело поздоровался со мной: «K. & K. Artillerie Brigade, auf Ruckmarsch von Tchelaleh nach Bir-Es-Sabah. Gruss Gott, Herr Kamarad»[1].

В обществе этого замечательного человека, которому позже англичане вынуждены были удалить раздробленную пулей челюсть, я направился в палатку Эсад-бея. Тот еще не спал и оживленно беседовал с майором фон Марновом, командиром австрийской артиллерийской бригады. Грудь этого военного была покрыта серебряными, золотыми и бронзовыми медалями, в глазу у его был монокль, и, как и его адъютант, он носил элегантный полупарадный мундир, весьма отличавшийся от наших весьма скромных полевых форм. Эсад, Тодт и я носили такую униформу в первую очередь из соображений удобства а также чтобы не привлекать лишнего внимания «sharpshooters»[2] неприятеля, которые могли на расстоянии нескольких километров отличить офицера от простого солдата по блеску пуговиц или эполет.

Австрийские офицеры, судя по всему, были гораздо меньше озабочены чисто профессиональными проблемами, нежели внешней атрибутикой. Элегантные мундиры, пышные ордена, хоры цыган, а особенно menage[3], т. е. все, что касается питания, казалось, привлекали их гораздо больше, чем многие серьезные вещи.

---

[1] «Энская артиллерийская бригада, совершающая марш-отход из Челалеха в Бирэссеб\ Грюсс Готт, коллега!» (нем)

[2] Снайперы (англ)

[3] Здесь – быт (фр)

Отсюда становится понятно, почему восточные люди больше симпатизировали блестящим австрийским офицерам, нежели строгим немецким кадровым военным. Последние, хотя были пунктуальными и скрупулезными при выполнении своих прямых обязанностей, никогда не переставали от этого быть верными и хорошими друзьями. Кстати сказать, достаточно элегантными, не будучи при этом никогда fesch[1], как австрийцы. Благодаря новым колоннам грузовых автомобилей частей паши, отступление из Челалеха прошло совершенно незаметно и быстро, что удивило самих англичан, которые, казалось, только и ждали прибытия новых танков для того, чтобы внезапно захватить Челалехский плацдарм. Австрийская бригада продолжала отступление в сторону Бирэссебы. Мы провели целую ночь в седле, ожидая появления неприятеля. Наконец, на рассвете, англичане оглушили нас адской беспрерывной канонадой, которая доносилась откуда-то с равнины, покрытой густым туманом. Артиллерийский огонь перемежался мощными взрывами.

Так как бой разгорался, Эсад-бей приказал мне вместе с нашим эскортом немедленно вернуться в Бирэссебу по той же дороге, по которой мы пришли. Сам он намеревался со своим полком последовать на некотором расстоянии за нами, чтобы прикрыть нас в случае необходимости.

Некоторое время спустя после нашего отъезда, мы заметили в облаке пыли несколько групп всадников, переодетых турками. Они держались на расстоянии дальше выстрела и следили за каждым нашим движением.

Чтобы нас не застали врасплох, я приказал нашим сопровождающим расположиться по правому флангу колонны, а сам с несколькими кавалеристами поскакал навстречу неизвестным — сначала рысью, а потом — галопом. Когда нас отделяли от незнакомцев каких-нибудь двести метров, я приказал своим людям спешиться и несколько раз выстрелить в них, отчего те бросились врассыпную.

Среди упомянутых всадников мое внимание привлек некий человек на красивом вороном коне, который, казалось, не скакал, а летел по пустыне. Я бы с удовольствием вызвал его на поединок, однако боялся отстать от своих. Когда, собираясь повернуть назад, я осадил своего жеребца, тот тоже остановился, направив на меня винтовку фирмы «Маузер», инкрустированную серебром. Он выстрелил в меня пару раз на прощание. Пули просвистели у самого моего лица.

Через несколько минут после нас в Бирэссебу прибыл и наш полк. Один отряд тут же отправился на поиски двух английских

---

[1] Молодцеватый (нем.)

летчиков, которые, приземлившись, попали в руки к бедуинам. Те выдали их нам в обмен на пятьдесят фунтов золотом.

От одного из летчиков я узнал на следующий день, что они предлагали бедуинам по сто фунтов стерлингов в обман на свободу и обещали отдать деньги в Порт-Саиде. Но те отвечали, что «лучше синица в руках, чем журавль в небе». Таким образом, они недвусмысленно хотели продемонстрировать, что потомки Исмаила, жители этих пустынь, по-прежнему жили согласно законам Ветхого Завета.

Глава XXIII

В те дни заболел майор Тодт. Через неделю он уехал в Германию и больше уже не возвращался.

С его отъездом должность начальника штаба прекратила свое существование. Всеми канцелярскими делами продолжал заниматься капитан Небил-бей, в то время как я по-прежнему осуществлял командование гарнизоном Бирэссебы. Благодаря должности командующего гарнизоном и доверительными отношениями с полковником Эсад-беем, я пользовался практически неограниченной властью.

Первого марта (1917 года) я должен был отправиться — уж не помню, с какой целью — в наш штаб в Телль-эль-Шериа. Там я провел несколько дней в качестве гостя полковника фон Кресса.

Тогда мне представилась возможность воочию наблюдать за манипуляциями человека, который впоследствии разрушил карьеру полковника фон Кресса и большинства офицеров из его ближайшего окружения.

Этим человеком был сириец, майор пехоты по имени Теуфик-эфенди. Помимо главы отдела «арабских дел» в нашем штабе, он одновременно являлся тайным агентом Джемаль-паши и начальника его штаба — Али Фуад-бея. Сириец вел пристальное наблюдение за всеми действиями и разговорами полковника фон Кресса и немецких офицеров.

Скандал с майором Фишером, например, был, в основном, делом его рук. Услугами Теуфика пользовались также полковник Рифет-бей и остальные турецкие офицеры, ненавидевшие немцев. Они доводили до сведения Верховного командования в Дамаске все собранные им компрометирующие слухи, которые впоследствии — в виде официальных отчетов для «секретного департамента» — попадали в Военное министерство в Константинополе.

Поскольку в 4-й армии все это не было секретом (по крайней мере, среди высшего турецкого офицерства), меня очень удивляет, что полковник фон Кресс не обращал на это внимания.

24 марта, если мне не изменяет память, в Бирэссебу прибыл инспектор артиллерийских частей 4-й армии Николаи-паша. На следующее утро в его честь были проведены чрезвычайно интересные маневры, в которых приняли участие пехота, кавалерия, артиллерия и несколько пулеметных частей.

После окончания маневров все штабные офицеры собрались, чтобы выслушать различные мнения о том, как развивались разные стадии боя. Полковник фон Кресс отозвал меня в сторону и спросил, могу ли я заложить динамит, чтобы взорвать английский акведук, который должен был находиться в непосредственной близости от укреплений и штаба англичан в Шейх-Суэйде.

Хотя я понятия не имел, где находится Шейх-Суэйд, я с удовольствием согласился выполнить его просьбу. Единственное, в чем я был с ним не согласен, это сроки операции. И вместо того, чтобы отправиться через пять-шесть дней в сопровождении эскадрона, как хотел полковник, я выехал на следующее же утро с шестью отборными кавалеристами и моими адъютантами — Мустафой и Тасимом Чавушем.

Первый этап нашей поездки должен был закончиться у последнего колодца в пустыне. Он назывался Бри-эс-Шенек и находился в тридцати километрах от Бирэссебы. Остальные сорок пять километров по совершенно незнакомой мне и безводной пустыне мы должны были проехать за ночь. Нашим единственным проводником была Полярная звезда.

Ровно в шесть утра мы выехали по дороге на Абу-Галиун. Нас едва не расстрелял наш собственный патруль, приняв за врагов. К часу дня мы уже находились у колодца Бри-Эс-Шенек, к которому обычно пригоняли стада пастухи из кочевых племен.

Чтобы избежать неприятных сюрпризов, я отдал моим людям приказ разбить лагерь посередине суходола и стал дожидаться ночи, чтобы продолжить путь в темноте. Ведь если бы бедуины поняли, куда мы направляемся, они непременно выдали бы нас англичанам, желая получить бакшиш, которым те награждали всех, кто шпионил в их пользу.

Отдав своему отряду приказ охранять нашу позицию, я поднялся на склон одной из дюн, чтобы осмотреть в бинокль окружавшие нас песчаные горизонты. Особенно — в северном направлении, где медно-красным пятном выделялся холм Тель-Эль-Фари, располагавшийся у берегов Вади-Эс-Шериа, недалеко от Челалеха. На юге и востоке простирались бесконечные песчаные волны пустыни, которые должны были пересечь туда и обратно за одну ночь — ведь если

бы рассвет застал нас поблизости от генштаба неприятеля, наша участь была бы предрешена.

Внимательно изучая эти песчаные дали, отражавшие безжалостные лучи неумолимого солнца, я заметил в шестистах шагах от моего наблюдательного пункта всадника на вороном коне, с карабином, инкрустированным серебром, — того самого, что три или четыре недели назад причинил мне некоторое беспокойство во время нашего отступления из Абу-Галиуна в Бирэссебу. Он притаился за холмом, на котором теснились черные шатры какого-то племени, и, казалось, живо интересовался тем, что делают мои люди.

Так как до заката еще оставалась пара часов, я осторожно спустился на дно котловины, сел на коня и, описав круг в пол-лиги, подъехал ко всаднику со спины. Тот, заметив меня, выстрелил в упор, а затем во всю прыть поскакал на восток, в сторону узкого и темного ущелья, где его наверняка ждали товарищи.

Конь под всадником был прекрасным, но мой Дервиш чистокровной арабской породы быстро нагонял его. Я смог приблизиться к незнакомцу на расстояние выстрела, когда заметил нескольких вооруженных до зубов людей, мчавшихся нам навстречу.

Осознав всю серьезность моего положения, я крикнул всаднику один или два раза «Стой!». Так как он не обратил на мой окрик внимания, я выстрелил, и он упал на землю.

Его товарищи, поняв, что он мертв, развернулись и поскакали, чтобы спрятаться. Они думали, что я стану преследовать их и попаду в ловушку.

По возвращении в лагерь я заметил сотни две конных и пеших бедуинов. Несмотря на предупредительный сигнал наших часовых, они продолжали приближаться, якобы желая с нами поговорить.

Отлично зная вероломный характер местного населения, я приказал сделать в их сторону несколько выстрелов в воздух. Это заставило их разбежаться. Дело в том, что нерегулярные арабские части, хотя и славятся своей храбростью, на деле обычно не очень-то смелы и нападают лишь в том случае, когда предстоит сразиться с новобранцами или с численно уступающим противником.

Когда мы наконец поспешили продолжить наш путь, я с огорчением заметил, что потерял компас и электрический фонарик, которые выпали у меня из кармана, пока я гнался за всадником на вороном коне.

Тем временем на западе догорали багровые отблески заката. На равнине же, где царила тьма, то и дело вспыхивали дымившиеся костры бедуинов.

Чтобы никакой шум и свет не выдал нашего присутствия бедуинам, чьи поселения тянулись по всей пустыни до самого ее края, я приказал моим подчиненным снять цепи с лошадиных поводьев и безжалостно убивать каждого, кто осмелится закурить сигарету или громко заговорить.

Я, не теряя времени, без компаса, в обществе всего-навсего восьмерых моих храбрецов, следовавших за мной на расстоянии пяти метров каждый, направился в темную неприветливую пустыню. Малейшее отклонение от курса вправо привело бы нас к проволочным заграждениям в лагере противника у Хан-Хуниса, а влево — в самую середину Бадиет-Эт-Тиха, где мы бы умерли от жары и жажды меньше чем за сутки.

В общей сложности у нас с собой было тридцать килограммов динамита. С их помощью мы намеревались взорвать акведук и участок английской железной дороги, проходившей от Шейх-Суэйда до Тель-Рафата. Я рассчитывал добраться туда, идя то шагом, то рысью, к половине второго ночи.

То и дело вытягивая правую руку в направлении полярной звезды, чтобы не сбиться с курса на запад, и минуя стороной арабские поселения, которые выдавали себя блеском костров и бешеным лаем собак, мы осторожно двигались вперед. Наш отряд походил на какую-то призрачную процессию, возглавляемую моим скакуном Дервишем. Он, судя по всему, ночью видел так же хорошо, как и днем.

Наконец, около полночи, мы завидели вдали мерцающий свет. Я решил, что это станция Тель-Рафата. Ориентируясь на свет фонарей, появление которых весьма обрадовало моих молодцов, мы продолжали двигаться на юг до тех пор, пока не заметили, что число фонарей удивительным образом увеличивалось, тогда как Тель-Рафат был всего лишь мелким поселением.

Тем не менее мы ехали не останавливаясь, и полагали что с минуты на минуту наткнемся на железнодорожное полотно и проходивший вдоль него акведук.

Однако вместо ожидаемых рельсов мы наткнулись на какое-то нитровое болото. Судя по сделанным с наших самолетов фотографиям, которые я изучил накануне, это была солончаковая лагуна, простиравшаяся на несколько километров от Шейх-Суэйда на юг до английской железной дороги, проложенной по побережью, на восток.

Я мгновенно понял, что множество огней справа от нас — не что иное, как штаб англичан в Шейх-Суэйде, и сказал об этом моим людям. Они тем не менее настояли на том, чтобы мы довели операцию до конца, по крайней мере — чтобы мы взорвали акведук,

согласно нашему изначальному плану. Не желая терять полтора часа, которые нам потребовалось бы пройти по пустыне, чтобы добраться до нужного места, мы решили напрямик пересечь территорию штаба.

С саблями и карабинами наготове мы проникли в стан врага и стали пробираться вдоль траншей, рельсов и нагромождения железнодорожного оборудования, которые местами преграждали дорогу, глубоко изрытую колесами орудийных лафетов. Рядом стояли палатки, откуда проникал приглушенный свет. Слева ярко светили электрические фонари, слышался стук молотков и пыхтенье локомотива. Все это не оставляло сомнений в том, что мы проезжали то мимо мастерских, то мимо железнодорожной станции. Когда одна из наших лошадей споткнулась о рельсы, которые мы в темноте не заметили, справа раздался оглушительный лай, разбудивший всех местных собак.

Несмотря на это мы двигались дальше – мимо множества палаток и бараков, пока не заржали лошади неприятеля. Мы замерли. Однако, к счастью, наши лошади не смогли им ответить благодаря наспех сделанным намордникам, которые я заранее приказал одеть на них.

Слева, недалеко от того места, где мы шли, наше внимание на мгновение привлекло средних размеров здание, освещенное изнутри. Из него доносились звуки пианино.

Если бы хозяева этого дома или клуба, а также их гости знали, что за ночные птицы пролетали мимо их дома, они наверняка предложили бы нам провести некоторое время если не в Каире, то в Индии или на Мальте, а может быть и в лучшем мире.

Когда мы почти уже почувствовали себя в безопасности или, по крайней мере, вдали от людей, то услышали голоса каких-то типов, которые спокойно приближались к нам.

Не желая разоблачить себя стрельбой, мы сжали в руках сабли и затаились. Однако они нас не заметили, поскольку мы вжались в склон холма. Перерезая колючую проволоку, мы пробрались по пустым окопам, пересекли пшеничное поле и шоссейную дорогу. Минуту спустя на бешеной скорости мимо нас промчался бронированный автомобиль. К счастью, те, кто находился внутри, тоже нас не заметили. Удача, видимо, благоволила нам.

В три часа ночи мы взяли курс на северо-запад и, пришпорив лошадей, начали быстро продвигаться к тому месту, где, по нашему предположению, находилась английская железная дорога.

Но не проехали мы и тысячи шагов, как нас неожиданно заставил остановиться странный человек, во всю прыть скакавший в сторону Шейх-Суэйда. Это был бедуин, которого мы, не желая никого уби-

зать, привязали к дубу. После чего наш отряд вновь двинулся вперед, до тех пор, пока пронзительный свист и шум военного поезда не указал нам то место, где проходила железная дорога.

Воодушевленные этим, словно посланным свыше, знаком, мы галопом помчались на звук, как вдруг нас вынудил резко остановиться какой-то темный силуэт, который я поначалу принял за песчаную насыпь. Осторожно приблизившись к нему, чтобы понять, что же это такое, мы с удивлением обнаружили, что это была никакая не насыпь, а здание или огромная брезентовая палатка. Как я узнал на обратном пути, здесь располагалось что-то вроде узловой станции между главной железной дорогой и ее боковой веткой. Последняя пролегала через дюны и была связана с пристанью, у которой стояла английская эскадра.

Пока мы неподвижно стояли, осматриваясь и пытаясь понять, не заметил ли нас кто-нибудь, справа и слева раздались сигналы тревоги. Несколько человек с фонарями окружали нас и требовали назвать себя.

Важнее всего для нас было не дать противнику понять, кто мы на самом деле. Я шепотом приказал: Gerie dön[1], marş marş», и мы, прорываясь сквозь окружение, отступили на полном скаку метров на семьсот. Затем остановились и стали смотреть, что будут делать англичане. Они, казалось, не поняли, в чем дело. Да и кто бы мог представить себе, чтобы девять турок ночью пересекли пустыню, чтобы заминировать акведук и вернуться до рассвета обратно?

Тем временем прибыл военный поезд. Из его ярко освещенных вагонов начали выходить люди, а со стороны Шейх-Суэйда доносился хриплый вой сирены. Скорее всего, это был сигнал тревоги, потому что для гудка утренней смены было слишком рано. Часы показывали лишь половину четвертого.

Сбитые с толку столь необычной ситуацией, но не желая уходить, выполнив задание до конца, я посоветовал моим людям отойти на безопасное расстояние. Мы же с Тасимом, пользуясь тем, что до рассвета остается еще полчаса, намеревались заминировать если не акведук, то хотя бы железную дорогу. Однако настойчивые просьбы членов моего отряда не бросать их на произвол судьбы среди этих турков, а также тревога, которая к этому времени уже должна была начаться во всем Шейх-Суэйде, заставили меня все же отказаться от первоначального плана. И я, поборов желание уничтожить одним залпом вражеский патруль, наступавший с ружьями наперевес нам на пятки, развернулся и вместе с моими людьми растворился во мраке пустыни.

---

[1] dönmek — возвращаться, оборачиваться (тур.)

Когда рассвело, мы уже укрылись на дне глубокого суходола. Лошади жадно щипали первую весеннюю траву, мои товарищи спали, растянувшись на земле, в то время как мы с Тасимом внимательно наблюдали за границей пустыни. На западе с ней соприкасались фиолетовые дюны, на юге — простирались складки желтого песка, а на востоке — еле виднелись голубые горы Иудеи.

Наши веки уже начали сами собой смыкаться, когда нас разбудил гул трех неприятельских аэропланов. Они летели над самой землей курсом на восток — возможно, искали нас. Несколько минут спустя в том же направлении, окутанный облаком пыли, промчался взвод hecin süvari, т. е. всадников на верблюдах. Однако из-за разделявшего нас расстояния я не смог разобрать, состояла она из англичан или из арабов. Но по тому, что они скакали рысью, и по направлению, в котором они двигались, я сразу понял, что им было нужно.

Когда они исчезли за горизонтом, мы оседлали лошадей и взяли курс на северо-запад, т. е. в сторону Тель-эль-Фари. Через несколько часов, показавшихся мне веками, мы выехали на широкую дорогу, которая в некоторых местах была перерезана линиями будущих неприятельских укреплений, обозначенных белыми флажками. А когда мы спросили одного из местных феллахов, кто эти линии прочертил, он ответил, что за несколько дней до того приезжали английские инженеры (ingiliz mühendis)[1], и добавил, что дорога, по которой мы ехали, была не более не менее как главным путем между английскими позициями в Хан-Хунисе и бывшей нашей крепостью в Челалехе, которую недавно занял неприятель.

Судя по всему, мы находились в самом центре военной зоны англичан. Неподалеку от Тель-эль-Фари мы столкнулись с конным вражеским патрулем. Распознав, кто мы, он стремительно ретировался.

В Абу-Галеуне, куда мы приехали в четыре часа дня, нас уже ждал эскадрон нашего 6-го полка, вместе с которым мы вернулись в Бирэссебу.

Хотя из-за вышеописанных необычных обстоятельств нам так и не удалось заминировать английский акведук, мы все же испытывали удовлетворение от того, что установили своеобразный рекорд: за тридцать пять часов нам удалось преодолеть сто пятьдесят—сто шестьдесят километров, причем большая часть этого пути пролегала по военной зоне противника. Плюс к тому мы ни разу за это время не поили наших лошадей.

За несколько минут до прибытия в Бирэссебу мы встретили немецкого сержанта. Когда я спросил его, куда он направляется, сержант ответил, что ищет лейтенанта Андэ, за полчаса до того отправившегося со своей пулеметной ротой в сторону Челалеха.

---

[1] Ingiliz muhendis — английские инженеры (тур.)

Подозревая, что произошло нечто серьезное, мы ускорили шаг и прибыли в селение (а точнее говоря, в наш лагерь) в тот самый момент, когда Эсад-бей вместе со всем гарнизоном Бирэссебы покидал его, чтобы принять участие в первом сражении при Газе.

Забыв об ужасной усталости, я поменял коня и взял на себя командование конвоем и боевым обозом, в который входили несколько тысяч верблюдов, повозки, мулы, сопровождаемые ротой пехоты, эскадроном кавалерии и пятьюстами строительными рабочими, вооруженными маузерами.

Наши силы состояли из 6-го, 7-го и 8-го полков имперской кавалерии с соответствующим артиллерийским оснащением и пулеметами; одного батальона 125-го и двух батальонов 138-го линейных полков; роты тяжелой артиллерии; пулеметной роты лейтенантов Андэ и Шталя, а также нескольких технических подразделений (саперов, телеграфистов, телефонистов и т. д.).

Боевой строй этих подразделений был восхитителен и наводил на мысль о том, что турецкая армия способна на многое, когда ею командуют или хотя бы контролируют ее иностранные офицеры.

Уже ночью мы прошли мимо Абу-Галеуна. И около двух часов ночи 27 марта (1917 года), если мне не изменяет память, заняли очень выгодную позицию там, где дорога на Хан-Хунис пересекается с Вади эль-Шериа или Вади-эль-Фари. Ее верхнее течение англичане называют Dry Channel, или Сухой канал, хотя она была широкой и глубокой.

Занятая нами позиция была после Газы наиболее значимым стратегическим пунктом на нашей огневой линии. С нее мы могли прикрывать наш штаб в Телль-эль-Шериа, а также железную дорогу, которая связывала его с Бирэссебой.

Мне кажется своевременным упомянуть здесь, что, поскольку большая часть наших сил сконцентрировалась вокруг Газы, Телль-эль-Шериа остался почти полностью оголенным. Двух или трех линейных батальонов и нескольких батарей, до которых был сокращен ее гарнизон, оказалось недостаточным даже для того, чтобы занять всю линию обороны города. В Бирэссебе в то время оставались пустые белые палатки нашего гарнизона, чтобы сбить противника с толку, и легко вооруженный небольшой батальон (или так н. amele tabur[1], чья задача — защитить наши запасы провизии и амуниции от бедуинов.

Наши силы (а именно части Эсада-бея) должны были занять выжидательную позицию, а затем, в зависимости от развития событий, перейти в наступление или отступить.

---

[1] amele tabur — рабочий батальон (тур.)

На рассвете прибыл майор фон Майер и сообщил, что англичанам удалось фланкировать Газу благодаря нескольким плавучим мостам, перекинутым через Dry Channel. Они напали на город как со стороны фронта, так и с тыла, а их бронеавтомобили уже прорвались к центру города. Таким образом, если к этому часу (т. е к четырем утра) Газа еще не пала, она с минуты на минуту могла оказаться в руках у неприятеля. Двумя часами ранее майор Тиллер уже докладывал в главный штаб по беспроволочному телеграфу, что Газа неминуемо сдастся англичанам, если немедленно не придет подкрепление. Он добавлял также, что в тот момент, когда он диктовал это сообщение, лейтенант Бенеке наблюдал, как одна австрийская артиллерийская бригада, окруженная англичанами, защищала свои позиции лишь с помощью пистолетов и ручных гранат.

Гарнизон Газы, подвергшийся жестокому обстрелу и частично уничтоженный точечным огнем противника, героически защищался среди обгоревших стен, которые рушились под ударами снарядов. Гранаты, оставляя красные вспышки среди столбов дыма, взрывались рядом с изуродованными деревьями. Склады боеприпасов, подрывавшиеся от случайных попаданий, превращались в огромные костры, пылавшие среди густого черного дыма.

На узких улочках бывшей столицы филистимлян, которые заволакивали серые клубы дыма, смельчаки из 79-го и 125-го полков собственной грудью и окровавленными штыками оттесняли французских гренадеров и пытались противостоять мощному натиску их боевых машин. Нашим не удавалось даже расстроить ряды противника, в то время, как сами они оказывались расстрелянными из пулеметов. Тем временем австро-венгерская артиллерия и ее командиры, начиная с героического графа Сторжевского, погибали от английских пуль. Британцы и предположить не могли в тот момент, что не далее, как сегодня ночью, падальщики пустыни будут с сатанинским хохотом и душераздирающими завываниями справлять свою кровавую тризну над их истерзанными телами.

Преследуемые в десять-пятнадцать раз численно превосходящим неприятелем, сражаясь врукопашную под стягом Пророка, Тиллер и его героические бойцы спасли честь оттоманской армии в тот достопамятный день, вошедший в анналы как турецкой, так и австро-немецкой истории.

Тем утром мы базировались на правом берегу Вади-эль-Фари, чтобы не допустить продвижение вражеской кавалерии к Телль-эль-Шериа. Фон Кресс без конца телеграфировал полковнику Эдиб-бею, командиру 3-й и 16-й пехотной дивизий, размещенных в Джемамехе Фон Кресс настоятельно просил прийти на помощь Газе, однако Эдиб — несомненно больше походивший на оперного певца, чем на

кадрового офицера Генштаба — был очень напуган событиями в Газе и вместо того, чтобы поторопить свои дивизии, приказал им замедлить ход до трех километров в час. Он боялся, что поражение в Газе окончательно развеет и так сомнительную военную славу.

Эдиб-бей представлял собой образец старшего офицера-младотурка. Именно подобные ему из-за своего кретинизма, апатии, безхарности, зависти, эгоизма и ненасытной алчности, в конце концов, деморализовали за время мировой войны блестящую оттоманскую армию и привели свою родину на край пропасти, в то время как младшие офицеры проливали кровь, чтобы спасти честь национального флага.

Поскольку вражеская кавалерия не подходила и нигде даже не была видна, мы получили приказ об общем наступлении по всему правому берегу Вади-эс-Шериа на тылы и правый фланг неприятеля: высот Абу-Хурера англичане угрожали нескольким нашим батальонам.

Наше наступление было очень рискованным маневром, так как мы, оставив выгодную позицию, которую до тех пор занимали, открывали путь любым вражеским силам, которые захотели бы подойти к Телль эль-Шериа или Бирэссебе.

Этот стратегический ход, который многие сочли ошибочным, на самом деле демонстрировал военный гений и безграничную храбрость полковника фон Кресса. Воспользовавшись непростительной ошибкой англичан, которые не направили ни одного полка конной охоты на этот уязвимый участок нашего фронта, он с удивительной быстротой сосредоточил в нужный момент все наши силы и орудия на правом фланге врага. Мы окружили англичан, и те вынуждены были стремительно покинуть Газу и отступить в сторону своих укреплений в Хан-Хунисе, на другой стороне Dry Channel. Той ночью они усеяли пустыню телами тысяч убитых и раненных, которых наши «арабские помощники» добивали и калечили, снимая с них всю одежду, включая нижнее белье.

Но продолжу свой рассказ.

Как я уже сказал, мы стояли лагерем у Вади-эс-Шериа, поджидая появления врага, когда внезапно получили приказ о наступлении. Не желая подвергать опасности наш обоз, Эсад-бей приказал мне незамедлительно отправить его в Телль-эль-Шериа и вернуть оттуда как можно быстрее вместе с конвойными частями пехоты и кавалерии окрестности Газы. Там Эсад-бей должен был меня ждать.

Когда я прощался с полковником, он заметно нервничал. Когда я спросил о причине его беспокойства, то он признался, что уже отправил нескольких адъютантов на поиски 7-го полка, но никому пока не удалось отыскать его.

Я сел на коня и, несмотря на протесты Эсад-бея, в сопровождении нескольких конвойных отправился разыскивать пропажу.

К счастью, мы быстро напали на его след, а через четыре километра обнаружили и сам полк в окрестностях Тель-эль-Фари, где он занимал довольно выгодную позицию.

Я никогда не забуду того удовлетворения, которое испытал, услышав от нашего часового энергичное «Kim var?» и встретившись с бесстрашными лицами и суровыми, почти дикими, взглядами людей, наставивших на нас карабины из засады.

Тогда я понял, почему англичане с большим уважением относились к этим мужественным asker, вооруженным саблями и ржавыми штыками, которых никакой приказ не был в состоянии остановить, коль скоро они бросались в атаку. Через полчаса мы с подполковником Мехмед-беем прибыли вместе с 7-м полком к месту встречи. Там нас ждали Эсад-бей и со своими частями, готовыми тронуться в путь. Не теряя ни минуты, мы начали продвигаться к изогнутой линии огня неприятеля. Шрапнель и снаряды градом сыпались на нас, в то время как вражеские аэропланы, словно стальные стрекозы, резали воздух и сбрасывали бомбы, которые громко разрывались, вздымали в воздух фонтаны земли и десятками убивали наших лошадей, мулов и верблюдов.

Так начался этот кровавый, решающий бой, который привел нас к концу дня в окрестности Газы и подарил нам победу. Мы завоевали ее благодаря тому, что вовремя подоспел гарнизон Бирэссебы, а главным делом — 3-я дивизия имперской кавалерии. Именно их помощь решила исход как первого, так и второго сражения при Газе.

Хотя я невероятно устал, однако не стал принимать участие в нашем контрнаступлении не по этой причине. Мы все были полны энтузиазма, вызванного нервным напряжением, которое возникло при первых же разрывах гранат и глухих хлопках шрапнели над нашими головами.

Чтобы не вдаваться в скучные подробности и перечисление различных подразделений, а также описание их маневров, как наступательных, так и отступательных, которые в течение дня не раз сменяли друг друга, я ограничусь наброском грандиозной картины фронта, тянувшегося на тридцать километров. Линия боевых действий была затянута густым дымом, сквозь который то и дело пробивались языки пламени и виднелись разрывы гранат.

Тем временем на равнине и на вершинах красноватых холмов, которые кое-где возвышались над глубокими впадинами, некоторые части, не выдержав напора неприятеля, отступали одна за другой, чтобы затем набраться сил и снова вступить в бой, укрепив нашу линию огня. Несмотря на смертоносный обстрел английской артил-

лерии, пулеметов и бронеавтомобилей, наши части продолжали бесстрашно продвигаться вперед на помощь Газе — туда, где рыцари святого Георгия и паладины Магомета продолжали сражаться врукопашную, вступив в смертельную схватку ради превосходства либо креста, либо полумесяца в священных землях Палестины.

Казалось, будто сами Ричард Львиное Сердце и султан Саладин восстали из пепла.

Приняв пару часов участие в основном сражении, я направился к дороге, ведущей из Хан-Хуниса в Телль-эль-Шериа. Чтобы нагнать наш обоз, едва видневшийся на горизонте и преследуемый аэропланами неприятеля, мне пришлось как следует пришпорить коня.

После того как смута, крики и убийства, присущие любому сражению, остались позади, мы с моим адъютантом на взмыленных лошадях нагнали арьергард немецких частей. Вдруг наша собственная артиллерия, приняв нас за неприятеля, начала стрелять с такой быстротой и точностью, что это стоило жизни многим моим солдатам. Кроме того мы потеряли большую часть животных прежде, чем нам удалось разделить конвойных на отряды, чтобы спасти их от немецких снарядов и от бомб, сбрасываемых с аэропланов противника.

Только благодаря присутствию духа лейтенанта Фальке, который, заметив ошибку немецкой батареи, помчался на своей машине и дал приказ прекратить огонь, мы смогли, в конце концов, восстановить порядок, прекратив хаотическое бегство верблюдов, мулов и прочих животных — от ужаса они неслись во все стороны и разбивали повозки и фургоны о скалы и утесы.

Когда я прибыл в Телль-эль-Шериа, то сразу заметил, насколько сократилось количество тех, кто его оборонял, а также обратил внимание на почти полное отсутствие артиллерийских орудий.

Если бы англичане воспользовались этим обстоятельством, они с легкостью захватили наш штаб. Именно там я застал полковника фон Кресса, отправлявшего какие-то телеграммы. Он нервничал и не без причины, так как исход боя был до сих пор неясен.

Я рассказал ему в подробностях о моей экспедиции в Шейх-Ауид, о продвижении наших сил и о том злоключении, которое только что постигло наш обоз, а затем попросил разрешения отбыть дальше. Когда мы с конвойными уже готовы были отъехать в Газу, стали появляться пленные англичане и австралийцы. Это был полный состав трех бронемашин, которые мы захватили утром. Но я уже занес ногу в стремя, мне неожиданно сообщили, что сражение закончилось в нашу пользу и неприятель стремительно отступил к Хан-Хунису. Британцы потеряли в долине Газа три или четыре тысячи человек убитыми, не считая тех, кто погиб или был ранен на других частях этого же фронта.

Однако и мы дорого заплатили за победу.

Из 79-го и 125-го линейных полков, составлявших ядро гарнизона Газы, в живых остались единицы. Наши освободительные части также не избежали сильных потерь.

Правда, австрийская артиллерийская бригада в последний момент сумела спасти свои орудия. Но за счет чего! Большая часть ее личного состава пала на поле боя или пропала без вести.

Единственными, кто в тот день не понес никаких потерь, были наши арабские волонтеры. Хотя они и были вооружены до зубов, их внушительно выглядевшие пешие и конные части так и не рискнули оказаться в радиусе действия вражеской артиллерии. «Храбрецы» спокойно дождались наступления темноты, чтобы затем пойти добить ingiliz[1], снять с них всю одежду и затем не скрываясь продать ее в соседних селениях и усадьбах.

Когда серебристый лунный свет осветил Газу, перед вновь прибывшим гарнизоном открылось не виданное прежде ужасающее зрелище...

Повсюду царила мертвая тишина. На улицах посреди обгоревших балок и обломков повозок лежали сотни обугленных трупов людей и животных, на почерневших стенах еще дымившихся зданий, которые вот-вот готовы были обрушиться, виднелись алые, словно гвоздики, пятна крови — там раненые и умирающие люди опирались на стены перед тем, как упасть на землю.

Когда последние кровавые всполохи заката погасли на голубом небосводе, с минаретов донеслось протяжное пение müezzin[2]. Они возвещали верующим в Пророка, что молчаливый ангел смерти простер свои крылья над пустыней, в которой тысячи христианских солдат спят вечным сном во славе под усеянным звездами небом Палестины.

Так завершились события этого дня, который принято называть «первым сражением при Газе». Битва решилась в нашу пользу только благодаря неоспоримому военному гению полковника фон Кресса. Он сумел воспользоваться тактической ошибкой противника, что позволило нам стянуть резервные силы к Газе. Предприняв обманную атаку в Телль-эль-Шериа, мы смогли отвлечь и нейтрализовать неприятеля.

Взглянув в последний раз на наш лагерь, освещенный множеством костров, я завернулся в плащ и, прислонив голову к боку своей лошади, уснул глубоким сном... Я не смыкал глаз уже две или три ночи — с того самого утра, как выехал из Бирэссебы на поиски акведука и штаба англичан в Шейх-Суэйде.

---

[1] Ingiliz — англичанин (тур.)
[2] Müezzin — муэдзин

Глава XXIV

На следующий день после сражения я отправился с одной только 3 и кавалерийской дивизией в Джемамех. Мы должны были занять позицию, которую до нашего прихода занимал, среди прочих, 163-й линейный полк.

Судя по том бедственному состоянию, в котором мы нашли колодцы и помпы, принадлежавшие местной еврейской земледельческой колонии, и которыми мы с этого дня начали пользоваться, чтобы снабдить водой нашу дивизию, командир вышеупомянутого полка был, видимо, абсолютно безответственным человеком.

Из-за его халатности мы провели три очень неприятных дня за починкой помп, после чего, наконец, напоили наших животных.

Случай с этим полковником был далеко не единичным: такое можно было часто встретить среди высшего командного состава войск. Видя, что за ними никто не следит, они, как дети, напрочь забывали о дисциплине и курили трубку или ходили в тапочках, лучи на посту. Все это говорило о полной деградации оттоманского величества во времена досточтимого султана Абдул-Гамида.

Джемамех являлся укрепленной и выгодной позицией, поскольку находился рядом с дорогой, соединявшей Газу с Телль-эль-Шериа, что позволяло нам при необходимости быстро прийти на помощь гарнизонам обоих городов.

Помимо вышеупомянутой еврейской колонии, которая являлась примером превосходства практицизма над чувством прекрасного в еврейском характере, в окрестностях Джемамеха находилось около одиннадцати—двенадцати арабских деревень. Они находились в полном упадке и от них исходило страшное зловоние: ужасающая нечистоплотность их обитателей наводила на мысль о том, что они, должно быть, отвергали саму идею воды.

Белые палатки нашего лагеря, который имел несколько километров в окружности, представляли собой отличную мишень для английских авиаторов. Мы нередко несли потери от их бомб, но иногда поражал огонь наших батарей ПВО под командованием лейтенантов Бадера, Крауса, Леника и отважного Пржыжковского, и им приходилось раненым пресмыкаться на земле. Пржыжковскому суждено было погибнуть во время третьего сражения при Газе вместе с многими оставшимися в живых солдатами его батареи. Их разорвало на куски снарядом, попавшим прямо в воронку, где они укрылись от огня. В течение нескольких относительно спокойных дней, проведенных в Джемамехе, я смог заняться нашими животными, которые сильно пострадали во время последних событий.

Небольшие весенние пастбища по краям пустыни начали увядать с приближением жары и засухи, которые уже начинали ощущаться. Поскольку запасы фуражного зерна постоянно сокращались из-за алчности Джемаль-паши, животные в нашей дивизии настолько ослабли, что мне пришлось всерьез задуматься о судьбе наших бедных Россинантов. Я вынужден был отказаться от второй вылазки в Шейх-Суэйд во главе одного из полков — наша часть намеревалась напасть на английские укрепления ночью и, по возможности, сжечь весь лагерь.

Кстати сказать, оттоманская кавалерия, которая в начале войны состояла из армейских корпусов, из-за голода и казнокрадства с каждым днем сокращалась.

К марту 1917 года в нее входили лишь наша 3-я кавалерийская дивизия, еще одна, некогда входившая в бригаду подполковника Акиф-бея в Кут-эль-Амаре, несколько дивизионных эскадронов, включенных во 2-ю и 3-ю армию, и, наконец, расквартированный в Константинополе 1-й полк имперской кавалерии, чей 4-й эскадрон нес службу в императорском дворце.

Год спустя я был назначен инструктором и заместителем командира этого эскадрона. Должность командиров частей, особенно — значительных и престижных, в то время была чисто номинальной: на нее назначались лишь турецкие офицеры, на которых не возлагалось никакой ответственности.

Лучшим доказательством этого служит сам Энвер-паша. Хотя он и был военным министром и вице-генералиссимусом, в действительности он лишь подписывал декреты и утверждал планы военных компаний, разработанные начальником Генштаба фон Бронзарт-пашой, а потом его преемником генералом фон Сектом.

Искать причину практически полного исчезновения оттоманской кавалерии в первые годы войны стоит не только в том, что корм для животных крали нечистые на руку офицеры и делились с сержантским составом, шпионившим в их пользу. Виной тому и турецкие командиры, зачастую пренебрегавшие своими обязанностями по уходу за животными (возможно, это было связано с их татарским происхождением).

Не стоит забывать, что древние монголы, как и их наследники — казаки, использовали лошадей не только в сражениях, но и как тягловую силу. Они перевозили свою армию через степи и пустыни, отделяющие далекий Туркестан от Индии, Китая, Египта, Венгрии, Польши и многих других краев, до которых дошли предки Чингисхана и Тамерлана.

Их лошади походили на тех, что еще и сейчас встречаются в степях Азии, а также на востоке и юге России. Они покрыты густой шерстью и сравнительно небольшого роста.

Привыкшие жить в любую погоду под открытым небом, они питались как зимой, так и летом только подножным кормом: травой или мхом. Их хозяева не находили нужным заботиться о них.

Каждый воин из этих калмыцких или туркменских орд брал с собой в поход от десяти до двенадцати этих выносливых и неприхотливых животных — с тем чтобы менять их почти каждый день.

Только так можно объяснить, каким образом эти древние племена могли преодолевать за день от шестидесяти до восьмидесяти километров несколько месяцев подряд и не приносить вреда своим лошадям.

С веками эти подробности почти стерлись из памяти турецкого народа. Вот почему все турецкое офицерство и сержантский состав оттоманской армии за редким исключением так плохо ухаживают за своими лошадьми и вместо того, чтобы беречь силы животных, загоняют их до полусмерти. Для туркменов татарский скакун был тем же, чем сегодня является северный олень для эскимосов, а дромадер — для бедуинов. Из кобыльего молока испокон веков изготовляли знаменитый yogurt — створоженную простоквашу. В то же время мясо жеребят было единственным пропитанием в трудные времена, то есть тогда, когда не оставалось поселений, где можно было что-нибудь украсть.

Вследствие этих и многих других давно забытых причин среди почти всех восточных народов возник и укоренился воровской дух. Сам Магомет, в некотором смысле, потворствовал его распространению, когда говорил, что язычники и христиане, обратившиеся в мусульманскую веру, не только после смерти попадут на небо, но еще при жизни получат разрешение грабить соседей, не желающих признать его святым Пророком.

Таким образом мусульманство распространилось от Аравии до Сирии, а оттуда попало в Месопотамию, Персию, Туркестан, Афганистан, Индию и даже Китай. На Западе же оно достигло Пиренеев и Центральной Африки.

Ислам сумел широко распространиться и расцветать по мере того, как открывал своим последователям новые земли и народы для разграбления. Когда грабить стало некого, его слава закатилась, а зона его влияния постепенно ограничилась Оттоманской империей.

На всех территориях, когда-либо находившихся под властью полумесяца, воровство было освящено предписаниями Корана. И даже когда пожар исламских завоеваний, полыхавший на протяжении многих веков, потух, средь пепла то и дело вспыхивали искры исламского фанатизма, словно желая вновь разжечь всепожирающее пламя. Если бы правительства союзников продолжали проводить жесткую политику в отношении Оттоманской империи, то турецкий факел мести разгорелся бы, возможно, с новой, невиданной силой.

Возможно, нелишним будет напомнить, что патриотизм — понятие, свойственное исключительно западной цивилизации. Оно основывается на сильно преувеличенных представлениях о похожести всех наций. Европейцы делают упор на то, что границы между странами должны быть проведены по этническому принципу, а не по религиозному.

На востоке же все наоборот.

Мусульманам в Африке, в Европе и в Азии по большому счету все равно, кто у них халиф. Он может быть черным, белым, афганцем, хорватом, китайцем или индусом, главное — чтобы на его флаге изображался полумесяц, а девизом было «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Аллаха».

Было бы утопией думать, будто с упадком или полным разрушением Турции иссякнет та сила, которая движет безграничным фанатизмом мусульман. Ведь пока существует Коран, разрешающий грабить и убивать, среди двухсот миллионов мусульман мира всегда найдется какой-нибудь авантюрист — негр, китаец, русский, афганец, серб или хорват — чтобы вновь поднять флаг с полумесяцем и повести за собой мусульманские народы, как некогда сделали это Магомет и его последователи, халифы династии Омейядов, абиссинцы, сельджуки и турки.

Все попытки подавить или ослабить Османскую империю приведут не только к воцарению хаоса среди исламских народов, но и к появлению, рано или поздно, какой-нибудь новой могущественной магометанской династии, которая поставит под угрозу колониальную власть европейских держав в Африке или в Азии. Это касается, например, Египта, Алжира, а особенно — Индии. Там более чем достаточно богатств, которые вызовут желание халифов поднять на борьбу мощные армии и начать новую эру беспрецедентных в истории человечества грабежей.

Ленин наглядно продемонстрировал нам, что могут сделать несколько решительных людей, когда они чувствуют безоговорочную поддержку пролетарских масс, особенно если эти массы неграмотны и воодушевлены фанатизмом сродни мусульманскому.

В то время как я размышлял, каким образом увеличить рацион наших животных, а попутно занимался реорганизацией обслуживания гелиографов и различных видов оптической телеграфии, сгустились тучи над Египтом. 18 апреля мы получили приказ начать форсированное отступление, чтобы помешать неприятелю осуществить Durchbruchsversuch[1] на нашем правом фланге, базировавшийся в Телль-эль-Шериа.

[1] Попытка прорвать оборону (нем.)

Вследствие этого, а также не желая вновь быть обстрелянным нашей же собственной артиллерией, я передал командование транспортом моему заместителю, а сам отправился производить рекогносцировку местности на пару с господином Стипа, чехом, майором ветеринарной службы нашей дивизии.

Вечер был спокойный и ясный. Мы ехали по выжженной солнцем равнине в сопровождении конных конвойных, поднимая облака пыли. Мог ли я представить, что уже завтра попаду в самую гущу второго сражения при Газе и не один раз окажусь на волосок от смерти!

Эта потрясающая битва после ожесточенных и длительных схваток вновь завершилась полной победой турецкой армии. Это вновь случилось благодаря непревзойденному искусству полковника фон Кресса: он смог необыкновенно быстро сосредоточить силы в нужном месте и неожиданно нанести несокрушимый удар по противнику.

Немало способствовала нашему триумфу и ошибка, допущенная командующим британской армией. Он не сумел остановить наступление нашей 3-й дивизии имперской кавалерии (состоявшей всего из трех полков), когда та сомкнутым строем двинулась в самый центр линии вражеской обороны и, пробив ее, отрезала правый фланг армии неприятеля. На нем находились десять, а может быть, и более английских и австралийских кавалерийских полков и несколько усиленных пулеметных подразделений.

Если бы все силы противника подтянулись к левому флангу или сместились хотя бы на километр в его сторону, невероятному скоплению британской артиллерии было бы достаточно, чтобы обратить нас в бегство или взять в клещи. А завладев Бирэссебой, которая в тот момент была совершенно незащищена, англичане смогли бы затем разгромит малочисленный гарнизон Телль-эль-Шериа, взять в плен весь наш штаб и отрезать отступление нашему флангу. Тот, оказавшись блокированным на берегу морскими и наземными частями противника со временем был бы вынужден сдаться. Таковы в общих чертах причины, которые позволили нам выиграть и второе сражение при Газе.

Как я уже сказал, мы выехали вечером 18 апреля (1917 года), взяв курс на юг. В середине пути между Джемамехом и Телль-эль-Шериа мы остановились и, спрятавшись среди нескольких невысоких холмов, стали наблюдать, действительно ли противник попытается продвигаться в этом направлении. Время шло медленно. Так как мы с майором Стипа все еще не завтракали, то решили зайти наудачу

в какую-то мельницу, находившуюся неподалеку. Ее хозяин — богатый израильтянин из Яффы — прожил несколько лет в Буэнос-Айресе и, узнав, что я венесуэлец, проявил необычайную любезность. Он достал откуда-то из вороха ношеной одежды бутылку рома и пару булочек, которые преподнес нам на завтрак.

Съев это скудное угощение, мы некоторое время беседовали, как вдруг круглое и красное, как помидор, лицо нашего Амфитриона позеленело, а затем стало лиловым, его поросячьи глазки чуть не выскочили из орбит... Наконец он грязной трясущейся рукой указал на равнину и воскликнул: «Вы что, не видите? Сюда идет враг! Gott der Gerechte![1]»

Услышав это, мы с майором Стипа бросились посмотреть, что происходит, а затем вернулись в дом и объяснили хозяину мельницы, что это всего-навсего маневр или Stellungnahme[2], предпринятый нашими батареями, чтобы прогнать несколько вражеских аэропланов. Его лиловое лицо вновь стало зеленым, а потом красным, выпученные глаза вернулись на свое место и толстые губы пробормотали: «Я перепугался? Да что вы! Я боялся только, что какой-нибудь снаряд попадет сюда и при взрыве разнесет фундамент, под которым я спрятал деньги».

Видя, что противник не наступает, мы решили двигаться дальше. В Телль-эль-Шериа мы поприветствовали полковника фон Кресса в его штабе, а затем Эсад-бей, представитель Генштаба и остальные командиры полков отправились наблюдать за главными силами кавалерии противника, которые расположились на голых холмах в восьми километрах к югу от нас. Эти холмы почти прямой линией тянулись от слияния Вади-Шериа и Абу-Хуреры на протяжении пяти миль вдоль железной дороги, соединявшей Бирэссебу с Телль-эль-Шериа. В тот момент правый фланг вражеской кавалерии отделяли от железной дороги всего лишь каких-нибудь два километра.

Если бы в тот день англичане решились наступать (хотя бы и силами одного эскадрона), то они, безусловно, смогли бы без труда разогнать один-два десятка жандармов-арабов, охранявших этот участок железнодорожного полотна. Им удалось бы также уничтожить четырех- или пятипролетный каменный мост и таким образом отрезать Бирэссебу от наших частей.

Они этого не сделали. В этом состояла их первая ошибка. О второй я расскажу чуть позже.

Желая узнать примерное количество вражеской кавалерии, расположившейся на холмах, я отправился туда в сопровождении про-

---

[1] Боже Праведный! (нем.)
[2] Высказывание своего мнения (нем.)

водника-араба. Мы проезжали мимо мертвых обнаженных изуродованных тел тех самых английских солдат, которые стали жертвами наших арабов-волонтеров. Затем мы переправились через широкий Вади-эс-Шериа и вступили на территорию неприятеля. Мы довольно быстро углубились метров на шестьсот, несмотря на то, что ближайшие к нам части вели по нам плотный огонь. Уже в темноте мы вернулись в Телль эль-Шериа, и наш патруль и пулеметчики едва не обстреляли нас по ошибке.

Проезжая мимо клуба, расположившегося в немецком госпитале, я заметил свет. Желая знать, в честь кого была устроена вечеринка, я зашел туда и встретился с военным врачом капитаном Любке, а также некоторыми другими господами. Они пели что-то вроде похоронного марша, поскольку в Телль-эль-Шериа все думали, что вражеская кавалерия нападет на нас этой ночью.

Утро 20 апреля мы провели в седле. Отдаленный грохот артиллерийских залпов, который постоянно усиливался, а также бесконечные рейды вражеских аэропланов, сбрасывавших бомбы, ясно давали понять, что вокруг Газы развернулся бой. Наш правый фланг выдержал удар и заставил противника направить свои усилия на левый, то есть передвинуться к высотам Абу-Хурера — там укрепились 3-я и 5-я линейные пехотные дивизии под командованием подполковника Рифет-бея.

Схватка между маврами и христианами была ужасающей. Особенно у подножия окутанного дымом холма Эсаникёй, который непрестанно обстреливался неприятелем.

Подобно ураганному ветру, который несется, выдирая с корнем деревья и поднимая в воздух тучи пыли и земли, рядом с нами начали подниматься густые клубы дыма. Наша артиллерия яростно реагировала на них, в то время как пулеметные части играли гимн смерти, а сквозь постоянный грохот на линии огня можно было временами расслышать страшные вопли умиравших людей и оглушительное «ура» англичан.

Второе сражение при Газе было в полном разгаре. Только правый фланг противника, где находились основные силы британской кавалерии, оставался на своей позиции. Он словно стальная стена завершал цепь невысоких холмов слева от нас — тех самых холмов, которые тянулись на восемь километров от Телль-эль-Шериа в местечке, называемом Эсмели, или Исмаели, образовывали прямой угол по отношению к правому флангу неприятеля.

Исход боя, несомненно, зависел от столкновения между тремя полками нашей дивизии и десятью, а то и больше, кавалерийскими полками, как английскими, так и австралийскими, которые угрожали нашему левому флангу.

В два часа дня из облака пыли возник адъютант на взмыленном коне. Завидев нас, он поскакал в нашу сторону, резко остановился, отдал честь полковнику Эсад-бею и вручил ему приказ наступать. Как я ни старался, мне так и не удалось заметить на загорелых и отважных лицах наших офицеров даже тени того торжественного страха, который иногда овладевает людьми, узнающими, что через полчаса они, вполне возможно, предстанут перед Высшим Судьей.

Первым в атаку пошел 7-й полк под командованием отважного подполковника Черкес-Мехмед-бея. За ним последовали 6-й и 8-й. Последний из них в боевом порядке развернулся к югу и стал наступать на правый фланг вражеской кавалерии. В это время 6-й и 7-й полки, за которыми следовали наши полевые батареи и пулеметные части, ринулись в бой сомкнутым строем, пытаясь форсировать Эсмели. Как я уже сказал, это было место, где соединялись центр и правый фланг противника.

Нам поступил приказ прорвать английский фронт в этом месте и заставить вражескую кавалерию либо отступить, либо сражаться без поддержки других частей.

Это задание было практически безнадежным, потому что маловероятно, чтобы мы преодолели те три-четыре километра, которые отделяли нас от Эсмели, не превратившись в легкую мишень для всей артиллерии неприятеля. Основные силы вражеской кавалерии при этом неминуемо должны были бы атаковать наш левый фланг и заставить отступить его в центр дислокации англичан.

К счастью, наш наступательный маневр оказался не только стремительным, но и неожиданным. Прежде чем противник догадался о наших намерениях, наш передовой отряд вместе с основным составом шестого и седьмого полков переправился неподалеку от Эсмели через Вади-эс-Шериа и на всем скаку бросился вперед, открыл проход через передовые позиции британцев и отрезал правый фланг неприятеля от основных сил — в соответствии с нашим планом.

Одной из причин нерешительных действий командующего вражеской кавалерией было отсутствие у него точных приказов. Дело в том, что еще в начала сражения я со своими людьми пробрался в лагерь англичан и перерезал их линию связи со штабом.

Однако если бы командир британских кавалеристов вместо того, чтобы бежать, принял бой и начал перестрелку с нашей дивизией, развернул орудия влево и атаковал частью своих сил наши тылы, он мог бы легко разгромить наш 8-й полк и с победой войти в Телль-эль-Шериа. Однако он предпочел бежать без сопротивления, преследуемый огнем наших батарей, в то время как три или четыре героических пулеметных расчета упорно и хладнокровно прикрывали его отступление, что не могло не вызвать нашего искреннего восхищения.

Видя, как стойко сопротивляются эти подразделения, которые, кстати сказать, укрепились на возвышенности или небольшом мысу на месте слияния Вади-Шериа и Абу-Хуреры, я решил атаковать их с тыла с помощью наших арабов-волонтеров. Те укрепились на холмах вне зоны досягаемости артиллерийских снарядов противника.

С намерением ввести их в бой я отправился к ним в сопровождении одного эскадрона. Мы, скача во весь опор, преодолели опасный участок, который англичане обстреливали беспрерывно, и через несколько минут добрались до наших арабов. Из них все, кроме восьмидесяти человек, категорически отказались сопровождать нас.

Разбившись на группы и используя неровный рельеф местности, мы приближаясь к левому флангу англичан, периодически обстреливая их. Противник же, подобно быку, одолеваемому слепнями, время от времени поворачивал орудия в нашу сторону, чтобы пугнуть нас.

Мы продолжали двигаться вперед — осторожно и медленно, но упорно, пока не заметили недалеко от британской линии огня телефонные провода, которые, по-видимому, позволяли противнику связываться с тылом. Понимая, насколько полезно было бы перерезать их, я решил сделать это, но не жертвуя своими людьми. А для того чтобы подобраться к проводам, нужно было выбраться из укрытия и во весь опор проскакать около километра. В итоге осуществить эту задумку вызвались помимо меня мой адъютант Тасим и один арабский старейшина, облаченный в великолепный kaftan[1] алого цвета.

Наше предприятие, честно говоря, было весьма рискованным. Но в этот раз Аллах был на нашей стороне. Англичане нисколько не помешали нам. Да и как им могло в голову прийти, что мы — турки? Мы в мгновение ока оказались на месте, спрыгнули на землю и перерубили провода. Тут наконец англичане пришли в себя, направили на нас орудия и открыли огонь на поражение. Вокруг нас поднимались столбы земли и пыли.

Одним из первых выстрелов убило лошадь нашего араба. Его я больше не видел. Мы с Тасимом вскочили в седло и буквально улетели прочь. Увидев, что враг отрезал нам путь к отступлению, мы помчались к нашей линии огня, от которой нас отделяла пара километров.

Я и сейчас слышу свист пуль, пролетавших мимо нас как рой ос. Мне казалось, что мой конь, скакавший во весь опор, ползет, как черепаха.

Секунды казались часами, даже — веками. Однако, к счастью, я заметил, что первые ряды наших пулеметов прекратили огонь, чтобы не ранить нас — по приказу капитана Несис-эфенди и лей-

---

[1] Kaftan — верхняя одежда, халат (тур.)

тенанта Секи. Сами они лежали на земле рядом со своими мертвыми лошадьми и делали знаки, чтобы мы укрылись в высохшем русле речки слева от нас. Когда мы находились всего в паре метров от этого оврага, я почувствовал нечто вроде удара хлыстом. Вслед за тем меня пронзила острая боль в правом бедре, я потерял равновесие и вместе с лошадью скатился вниз. Тасим летел кувырком вслед за мной, однако он отделался пробитым пулей седлом.

Убедившись, что у нас и у наших лошадей все кости целы, мы осмотрели мое ранение. Оно оказалось легким. Чтобы остановить кровь, мой адъютант густо посыпал рану жевательным табаком, от которого немного щипало, но эффект наступил незамедлительно.

Находясь в котловине, мы были защищены от пуль противника, но вот от гранат, часто взрывавшихся недалеко от нас, уберечься было нельзя. Они угрожали и нам, и нашим лошадям.

Чтобы спастись, мы начали медленно продвигаться по дну сильно петлявшего запутанного сухого русла, со всех сторон обстреливаемого англичанами. Наконец мы вышли к своим, которые уже считали нас погибшими.

В этот момент над нашими головами пролетело несколько вражеских аэропланов — их обстреливали наши батареи ПВО. В то же время один наш эскадрон конной пехоты и один линейный батальон готовились занять передовые позиции у Абу-Хуреры.

Наши действия, а также то, что с наступлением темноты огонь противника постепенно затихал, убедили меня, что англичане наконец отказываются от сражения и отступают полным ходом.

Когда кровавый солнечный диск закатился за голые холмы, Эсаникёй из пылающего огромного костра превратился в молчаливую громаду, окутанную закатными тенями. На небесах зажглись звезды и серебристые лучи разливали свой бледный свет по пустыне. Мы медленно ехали верхом по долинам и холмам, оставляя сзади голубые горы Иудеи. Они возвышались на востоке подобно далеким миражам. Царила полнейшая тишина, лишь изредка нарушаемая шелестом листвы на ветру. Зловещий вой шакалов и стоны умирающих среди скал заставляли нас вздрагивать, когда мы проезжали мимо. Казалось, только мы одни и призрак смерти присутствовали среди этих темных камней. На каждом шагу нас поджидала опасность: мы могли сорваться со скалы или стать жертвами наших арабских волонтеров, которые словно дикие звери сновали по пустыне в поисках трупов, чтобы снять с них одежду или чтобы добить раненых ingiliz.

Они молча скользили во мгле как вампиры, старательно избегая нас, потому что боялись военных патрулей из числа христиан. Застигнутые врасплох, арабы поднимали вверх окровавленную кривую

саблю, а поняв, кто мы на самом деле, спокойно продолжали свое занятие. Дело в том, что согласно мусульманской вере убить и обезглавить христианина, даже если он инвалид или раненый, считается делом благочестивым и достойным похвалы. Ведь оно позволяет мусульманину после смерти попасть в рай.

Много раз в темноте я замечал на земле что-то светлое. Приглядевшись, я не без ужаса узнавал раздетые и искалеченные тела английских солдат. Арабы отрубали им ноги чуть выше колен. Казалось, это был их любимый обычай. Позднее, он перешел и в армию шерифа Хуссейна из Мекки, однако на сей раз эту варварскую операцию производили с турецкими и немецкими пленными — с той же жестокостью, как некогда с англичанами.

Пораженные ужасающими выражениями лиц, на которых запечатлелись страдания и страх людей в тот момент, когда над ними склонялись их убийцы, мы продолжали путь в жуткой полутьме. Вдруг нас остановил голос того самого араба, который еще вчера был моим проводником, когда я проводил рекогносцировку неприятельской кавалерии, укрепившейся к югу от Телль-эль-Шериа.

Араб шел пешком и вел под уздцы лошадь, нагруженную трофеями: ружьями, окровавленной военной формой, ремнями, ботинками и другими вещами, которые он снял с убитых им английских солдат. Сверху на этой куче одежды лежало что-то белое. Я сначала не понял, что это такое. Но посветив электрическим фонариком, обнаружил человеческую руку по локоть в крови, покрытую множеством татуировок. Вероятно, это была рука какого-то английского моряка, если судить по вытатуированным на ней штурвалу и якорю, которые красовались на внутренней стороне предплечья.

Я, естественно, спросил его, зачем ему этот сувенир. И он простодушно ответил, что хочет показать его своей жене, которой очень нравятся красивые татуировки. Затем он со всей невинностью добавил, что, если бы у него было чуть больше времени, он снял бы также кожу со спины англичанина, на которой была вытатуирована огромная, голубая с красным, змея.

Чтобы прекратить его дальнейшее надругательство над останками английского моряка, я выкупил у него руку за один mecidiye[1] и приказал одному из моих солдат закопать ее.

Когда я вспоминаю эту гиену в человеческом обличии и его товарищей, наших бывших волонтеров, которые год спустя составили ядро, т. е. отборные части, названные «освободительной армией» эмира Фейсала[2], я искренне не могу понять, как образованные

---

[1] Mecidiye — серебряная монета в Османской империи

[2] Фейсал (Файсал) ибн Али (1883—1933) — эмир из рода хашимитов, с 1920 г король Сирии, с 1921 г Ирака.

англичане и гуманные североамериканцы дошли до того, что подписали с Отцом Востока — шерифом Хуссейном из Мекки — мирный договор и приняли его в Лигу Наций.

Тем временем мы выехали на дорогу в Эсмели, по которой шел конвой с ранеными, окутанный облаком пыли.

Среди несчастных были и умирающие, однако я ни разу не услышал даже стона. Я видел лишь дрожащие руки, которые тянулись, словно прося воды, чтобы утолить мучавшую этих людей жажду. Когда я наблюдал за этим величественным зрелищем, за этой кучкой храбрецов, которые даже умирая не позволили себе застонать, мне в голову пришла знаменитая фраза Наполеона: «С турецкими солдатами под командованием иностранцев можно было бы завоевать весь мир». Я не мог удержаться и построил мой отряд и отдал честь умирающим героям.

Вскоре мы снова тронулись в путь и тут нас неожиданно остановил окрик нашего часового «Кто идет?». Через несколько минут я подошел к краю воронки, в которой отдыхал командир 6-го полка и несколько его офицеров. Они поздравили меня с благополучным прибытием и с тем, что я остался жив.

Мы закутались в плащи и, улегшись на дне воронки, от которой все еще исходил едкий удушающий запах, стали дожидаться прибытия 6-го и 7-го полков — Эсад-бей с ними преследовал неприятельскую кавалерию.

Ситуация в 6-м полку была критическая: почти все боеприпасы и снаряжение кончились, а обоз сбился с пути. Если бы арьергард противника организовал контрнаступление, он смог бы уничтожить весь полк одной только картечью. К счастью, англичане по своему обыкновению начали отступать, когда настала ночь, что нас уже столько раз спасало. Однако в два часа ночи все-таки прозвучал сигнал тревоги, земля затряслась от топота копыт тысяч лошадей, которые, судя по шуму, стремительно продвигались в нашем направлении Нечего и говорить, что наши храбрые солдаты быстро вскочили в седла, заняли боевые позиции и стали ждать врага с ружьями наготове.

К счастью, это оказались не англичане, а наши 6-й и 7-й полки с Эсад-беем во главе. Увидев меня, он ласково упрекнул меня в том, что я вновь заставил его поволноваться в этот день. Рядом с Эсадом ехал, сияя от счастья, мой добрый друг — лейтенант Стипа. На его груди висел железный полумесяц, полученный за смелость в бою.

Поскольку состояние наших животных было весьма жалким, ибо они не пили уже двенадцать часов подряд, мы решили расположиться на левом берегу Вади-эс-Шериа, около источника Бир-Румельях

Луна спряталась за тучи и стало так темно, как бывает только перед самым рассветом.

Наконец, горизонт окрасился в сероватый цвет и бледная заря встряхнула своими алыми кудрями, прогнав прочь ночные тени, которые разбежались, пронзенные лучами восходящего солнца.

В это время ветерок перебирал листья кустарников, стряхивая с них капельки росы, похожие на человеческие слезы.

Я стоял, завернувшись в плащ, и с восхищением смотрел на утреннюю зарю. Вдруг я заметил рядом с собой одного из наших часовых — анатолийца, который стоял вытянувшись, неподвижный, будто сфинкс. У него были широкие скулы, орлиный нос и продолговатый череп. Своим немного меланхоличным и в тоже время свирепым взглядом он озирал пыльный горизонт пустыни.

Его профиль, как у американских индейцев, невысокое, но точеное тело в свинцового цвета мундире, покрытые мозолями руки красивой формы, держащие карабин — все это олицетворяло в нем черты храброго представителя древней хеттско-алародической расы. К ней принадлежат также армяне и подавляющая часть жителей Сирии и Месопотамии (включая большинство азиатских евреев). Когда-то очень давно эти люди были завоеваны халдейскими и индо-германскими народами и восприняли их язык и культуру. Поэтому сегодня их относят к семитским и арийским народностям. Однако, судя по форме черепа, они не семиты и не индо-германцы, но типичнейшие представители хеттско-алародической расы, чье происхождение теряется во тьме веков.

Основываясь на тех наблюдениях, которые я сделал во время моего четырехлетнего пребывания в Турции, позволю себе заметить, что армяне тоже не принадлежат к индо-германским народам, хотя и говорят на языке, имеющем арийские корни. Современные турки тоже не являются потомками монголов, хотя и говорят на языке туранской группы. Все это происходит потому, что и армяне, и турки относятся в большинстве своем к хеттско-алародической расе. Ее восточную (иначе говоря — армянскую) ветвь подчинили себе индо-германские племена скифов и киммерийцев, живших в конце первого тысячелетия до н.э. на юге современной России. В то же время нашествие монгольских племен сельджуков и оттоманов не только наложило явный отпечаток на упомянутую расу (которая жила и продолжает жить в центре и на западе Анатолии), но также и принесло им магометанскую религию. Она и по сей день является так сказать единственной отличительной чертой тех, кого принято называть турками, и среди подавляющего большинства армян.

Не надо забывать, что девяносто и даже более процентов жителей Малой Азии были христианами до их завоевания арабами и что мусульманское население городов Ван, Битлис, Эрзурум и Карпут, которые сегодня являются столицами т. н. армянских вилайетов

Турции, состоит главным образом из потомков армян-отступников Последние на протяжении многих веков принимали мусульманство исключительно из соображений удобства, иначе говоря, ими двигала та же любовь к роскоши, которая побуждала армян и в наши дни переходить в начале войны из православной григорианской веры в протестантско-лютеранскую, англиканскую, пресвитерианскую и римско-католическую.

Чтобы подкрепить изложенные выше рассуждения, позволю себе заметить, что кроме перехода десятков тысяч православных армян и прочих полуязыческих христиан Ближнего Востока в католическую веру и пр., в Турции (с тех пор как она стала Турцией) не было иных сколько-нибудь значительных обращений в христианство.

Напротив, большая часть христианского населения т. н. восточного обряда в этой стране (в том числе, лазы и десятки тысяч православных греков) как раз-таки начинала верить в пророка Мухаммеда, особенно в прошлом веке. Обратившихся иногда насчитывали тысячами, и они образовывали очаги фанатизма — например, в восточных провинциях, где магометанская чернь, потомки древних армян-отступников, восставала и активно участвовала в истреблении христиан. Немногие будут спорить с тем, что и курды в значительной степени ответственны за эти убийства, однако мало кто понимает, что восемьдесят процентов последних — я имею в виду касту завоеванных, называемую гураны, — состоит в основном из древних хеттско-алародических племен. Их подчинила и ассимилировала каста «завоевателей» — асиретов. Во многих случаях, как, например, в случае с лазами из Дерсина, эти племена говорят на языке, похожем на армянский, и исповедуют религию, которая не является собственно магометанской, но представляет собой смесь мусульманско-христианских верований. Они основаны, отчасти, на учении Зороастра, но в тоже время имеют много общего с полуязыческим католицизмом, исповедуемым многими православными армянами в восточных провинциях.

Мне думается, что за исключением десяти процентов арийской крови и десяти процентов монгольской и несмотря на турано-арийско-семитский говор, привнесенный различными волнами завоевателей — индо-германских, татарских и семитских, — которые с незапамятных времен осуществляли набеги на Малую Азию, раса, называющая себя армянской, является на самом деле лишь незначительным ответвлением от древней хеттско-алародической семьи. Среди народов этой семьи, несмотря на все усилия христианских миссионеров, преобладает и будет преобладать все сильнее с каждым днем магометанство. Такая религия, как наша, то есть исповедующая добро и запрещающая грабеж, в перспективе не сможет соревновать-

ся (по крайней мере, на Ближнем Востоке) с исламом, освящающим воровство и проповедующим роскошь.

Если бы Господь Наш Иисус Христос вместо того, чтобы учить любви к ближнему, опирался на принятые на Востоке принципы монотеизма, насилия и полигамии, то с ним наверняка не случилось бы того, о чем рассказано в Евангелии. Ведь проповедь альтруизма на Ближнем Востоке считается едва ли не самым ужасным грехом, какой только можно совершить. В тот момент, когда Иисус провозгласил любовь к Богу вместо принятого страха (или лучше сказать — ужаса) перед Всевышним, Его тут же как еретика распяли соплеменники.

Мусульманские нации больше всего скрывали из фактов, касающихся геноцида армян, не то, что турки вырезали почти всех мужчин, начиная с двенадцатилетнего возраста (на Востоке убийство христианина вовсе не является грехом), а то, что более миллиона женщин и детей были оставлены на глазах у всего человечества умирать от голода во время депортации. Это всколыхнуло бы все христианские нации и после войны оказалось бы фатальным для оттоманских турок и остального мусульманского мира.

Единственной христианской сектой, на которую до сих могут опереться европейские государства на Ближнем Востоке, являются марониты. Она была основана монахом Иоанном из монастыря Св. Марона в пятом веке на территории Ливанского хребта. В этом религиозном сообществе священникам разрешено вступать в брак.

Патриарх маронитов подчиняется Папе Римскому. Он проживает в монастыре Канабин. Конгрегация маронитов насчитывает от трехсот до четырехсот тысяч человек.

Подавляющее большинство, то есть девяносто девять и пять десятых процента проживающих у нас в Америке «турок», таковыми на самом деле не являются (настоящим туркам нет необходимости эмигрировать из Оттоманской империи для того, чтобы войти в правящий клан). На самом деле это на 35 процентов христианизированные арабы, тогда как остальные 65 состоят из сирийцев, до некоторой степени родственных древним финикийцам. Они-то в большинстве своем и принадлежат к секте маронитов, говорят не по-турецки, а только по-арабски (арамейский и набатейские языки, имеющие сирийско-халдейские корни, практически полностью вышли из употребления) и с незапамятных времен находятся в ситуации непрекращающейся войны с арабами-магометанами, в особенности с иудейско-магометанско-зороастрийской сектой друзов. Еще семьдесят лет назад она представляла для них то же, что сейчас представляют курды для армян. Ведь за убийства, совершенные в 1860-м году в Сирии, куда Франция вынуждена была ввести войска, чтобы

спасти остатки христианского населения на Ливанском хребте, были ответственны в первую очередь именно друзы. Изгнанные французами с побережья, а также почти полностью с Ливанского хребта, они обосновались в окрестностях Джебель Хаурана и в предместьях Дамаска. Оттуда они продолжают оказывать сильное сопротивление французскому режиму, каковой, похоже, все еще действует не только в долине реки Оронты, но и в Гаме, Гомсе, Алеппо, Дамаске и Бейруте.

Однако вернемся к нашей теме... Вскоре после рассвета прибыл лейтенант Ландграф, чтобы от имени полковника фон Кресса поздравить Эсад-бея и всю его дивизию с блистательной победой. Уже через четверть часа мы ехали по дороге к болотам Абу-Хурера, где намеревались напоить наших животных и отдохнуть пару часов. Когда мы заметили, что поднимаемая нами пыль привлекает внимание неприятельских аэропланов, я доложил об этом Эсад-бею — в надежде, что он изменит построение. Однако Эсад, уверовав в Бог знает что, едва улыбнулся в ответ на высказанные мною опасения. Он посчитал их чрезмерными и, когда мы прибыли на место, заставил полки выровняться и расположиться сомкнутым строем вдоль болота. Никаких превентивных мер безопасности он не принял.

Последствия подобной беспечности, непростительной для командира дивизии, не заставили себя ждать.

Не успели мы спешиться, как вдруг точно по волшебству появились шесть или семь вражеских аэропланов. Не дав нам времени даже забить тревогу, они обрушили на нас целый шквал бомб, нанеся за полминуты больше вреда, чем вся пехота и артиллерия вместе взятые за прошлый день.

Около двухсот лошадей бились в конвульсиях на земле или разбегались, обезумев от грохота разрывающихся снарядов, истекая кровью, с вываливающимися наружу внутренностями. Они увлекали за собой запутавшихся в стременах всадников и сбивали с ног тех, кто пытался их удержать. Большая часть этих животных остановилась лишь в пустыне, где их поймали бедуины, а затем перепродали англичанам.

Однако столь блистательная атака британских летчиков не осталась безнаказанной. Лейтенант Бадер, командующий одной из наших батарей ПВО, заметил их и с помощью полдюжины гранат сбил два аэроплана. Один из них упал где-то у самого горизонта, в то время как другой вошел в штопор и рухнул на землю, подняв столб пыли. Благодаря этому пыльному облаку мы его и нашли. К сожалению, хотя я вместе с отрядом из пяти всадников проскакал отделяв-

шие нас от самолета пять километров во весь опор, нам так и не удалось спасти жизнь этому авиатору. Мы нашли его придавленным мотором и обломками фюзеляжа. Он был раздет и обезножен. Наши арабские волонтеры, добравшиеся до места падения раньше нас, отрубили ему конечности, чтобы избавить себя от необходимости расшнуровывать его ботинки.

У погибшего офицера были светлые, слегка рыжеватые волосы и коротко подстриженные усы. Он был еще очень молод. У него было лишь одно ранение осколком гранаты, который пробил грудную клетку и задел легкое.

Его светло-голубые глаза выпали из орбит из-за полученного им сильного удара, ведь он упал с высоты тысячу, а может быть — и полторы, метров.

Мы нигде не могли найти ни документов, ни каких-нибудь иных бумаг — их, должно быть, утащили арабы вместе с одеждой и прочими вещами. Пока я занимался осмотром места крушения, в небе появился неприятельский аэроплан. Возможно, летчик искал своего погибшего товарища. Заметив нас, он снизился и открыл огонь из пулемета. Впоследствии, чтобы труп погибшего не был сожран ночью гиенами и шакалами, я обязал одного из наших арабов вывезти тело к Абу-Хурере на горбу его дромадера. Там я приказал похоронить летчика, завернув его в свой плащ и повесив ему на грудь маленький крестик, который носил прежде сам с детства.

Меня неприятно поразило, что Эсад-бей воспротивился тому, чтобы этот отважный и несчастный военный был похоронен так, как соответствует его рангу. Эсад ограничился лишь почти презрительным жестом, который давал мне понять, что я могу делать с телом умершего, что хочу.

На следующий день мы вместе с нашими частями отправились в Телль-эль-Шериа, где полковник фон Кресс встретил нас с радостью, поскольку и на этот раз решительные действия 3-й дивизии обеспечили победу турецкой армии.

Так закончилось второе сражение при Газе. Иначе говоря, это была вторая и последняя значительная победа, которую одержал на египетском фронте наш славный экспедиционный корпус над войсками Великобритании.

Если бы девять месяцев спустя генерал фон Фалькенхайн прислушался к советам полковника фон Кресса, и вместо того, чтобы упорно, а иногда и просто безрассудно противостоять численно превосходящим и гораздо лучше оснащенным технически частям под командованием лорда Алленби, дал приказ освободить прибрежную зону, начиная от Палестинского хребта (с востока) и до линии фронта между Наблусом и Цезареей (с запада), ужасного третьего

сражения при Газе, возможно, и не произошло бы. И Иерусалим не был бы сдан столь позорным образом.

Вина за эту трагедия должна возлагаться не на полковника фон Кресса, а на самого генерала Фалькенхайна. Он, не владея очень сложным, кстати сказать, искусством ведения боя без поддержки флангов, решил прибегнуть к тактике, возможно и пригодной во франко-прусской войне, но совершенно не подходящей для такой боевой зоны, как наша. Ведь нам не доставало не только транспортных средств, но порой даже питьевой воды. В то же время противник располагал практически всеми ресурсами, в том числе поддержкой мощной артиллерии его морской эскадры, эскадрона «танков» или боевых бронемашин, снабженных пулеметами, а иногда и пехотными орудиями. «Танки» двигались не на колесах, а на стальных ободах, позволявших им ползти по земле на манер гусениц и спокойно преодолевать траншеи, поваленные деревья, разрушенные стены и т. п.

Всего сказанного, я думаю, достаточно, чтобы оправдать действия полковника фон Кресса, хорошо знавшего особенности ведения войны в пустыне. Он прекрасно понимал, насколько бессмысленно пытаться выиграть сражение на равнинной местности (такой, как, например, Палестинское побережье) у численно превосходящего противника, имевшего и множество других преимуществ. В распоряжении же фон Кресса был один наш экспедиционный корпус, голодный и измотанный, который после трех лет ожесточенных и затянувшихся боев уже не имел ресурсов, необходимых для того, чтобы поддерживать линию фронта. Она с каждым днем становилась все уязвимее из-за боевых потерь и свирепствовавшего среди нас тифа.

Я не сомневаюсь, что и британский генералиссимус лорд Алленби, и его непосредственные подчиненные генерал-лейтенанты сэр Арчибальд Мюррей и сэр Чарльз Добель, столь славно служившие на благо своей родины в Палестине, согласятся со мной в том, что наше положение на Синайском фронте было безвыходным почти с самого начала. Я имею в виду — уже с самых первых дней войны. Если бы не военный гений командующего экспедиционным корпусом в Египте полковника фон Кресса, мы бы потеряли Палестину гораздо раньше.

22 апреля мы вернулись в Бирэссебу, где собирались провести лето как можно спокойнее. Жаркий сезон уже начался, препятствуя проведению широкомасштабных операций.

Однако, несмотря на это, авиаторы неприятеля продолжали навещать нас почти ежедневно и сбрасывали бомбы при малейшей возможности, часто не принося нам при этом значительного вреда.

Из прежнего офицерского состава и служащих корпуса наши к нашему возвращению не осталось практически никого. Когда же полевой госпиталь номер 213 был перемещен в Бейт-Хану, то есть в тыл Газы, вместе с ним уехали и доктор Зафра, а также заботливая сестра милосердия Паула Кох и остальные сестры.

Лишь капитаны Штерке и Шухмахер, лейтенанты Бирке и Байер, начальники противовоздушных батарей лейтенанты Кремер, Краус, Штраух, Зольх и бесстрашный Лепик остались на своих постах и составили нам компанию, защищая вместе с остальной артиллерией Бирэссебу от постоянных налетов смелых неприятельских авиаторов.

2 мая мы были подняты по тревоге из-за продвижения двух кавалерийских полков неприятеля, которые сначала вытеснили наши передовые части к Абу-Галеуну, а затем временно захватили его. Так как мы были почти полностью лишены пехоты, нашим кавалеристам пришлось спешиться и залечь в окопы. Если бы англичане узнали об этом от своих арабских шпионов и предприняли фронтальную атаку, а потом ударили основными силами своей кавалерии по нашему левому флангу, то смогли бы легко разбить нас и заставить отойти от Бирэссебы на приличное расстояние. Однако они этого не сделали и ограничились лишь тем, что выставили патрули конной пехоты напротив нашего южного сектора. Эти действия англичан окончательно убедили Эсад-бея, что я был прав, когда еще два месяца назад пытался доказать, что Бирэссеба является самой уязвимой точкой на нашем фронте из-за отсутствия защитных сооружений в направлении Эль-Хафира. Его, если верить бедуинам, английская кавалерия неожиданно захватила 5 мая 1917 года.

Эта новость произвела эффект разорвавшейся бомбы в нашем штабе. Она окончательно разрушила иллюзию о том, что враг будто бы не рискнет атаковать на южном направлении. Это окончательно стало ясно, когда на следующий день бронепоезд, отправленный нами в этом направлении, был обстрелян на полпути между Эль-Хафиром и Бирэссебой поджидавшим в засаде противником.

Чтобы помешать англичанам устроить новый опорный центр в тылу правого фланга (т. е. в Эль-Хафире), а также для того, чтобы по возможности завлечь в пустыню Тих костяк вражеской кавалерии (присутствие ее в Газе означало угрозу нового наступления лорда Алленби), мне был дан приказ подготовить и возглавить отдельную экспедицию. Она состояла исключительно из кавалерии, чья миссия заключалась в том, чтобы проделать брешь в правом крыле англичан и захватить египетскую часть Синая. Вслед за тем нам следовало атаковать оттуда и нарушить связь тыла противника с его фронтовыми частями (Ruckwartige Verbindungen[1]).

---

[1] Тыловая связь (нем.)

По этому поводу мне 8 мая был выдан в штабе Телль-эль-Шерна мандат о назначении меня montaca-kumandan, т. е. военным губернатором египетской части Синая. В качестве опорных центров были выбраны Эль-Хафир и Бирбирен. На следующий день в 9 вечера я двинулся в путь в южном направлении к передовым позициям летучего отряда hecln-süvari, т. е. верблюжьей кавалерии. Это элитное подразделение почти полностью состояло из опытных арабских солдат, которыми командовали младшие офицеры, пользовавшиеся моим полным доверием. Среди последних был лишь один турок — лейтенант Ибрагим-эфенди. Он происходил из Смирны и отличался храбростью и необычайным хладнокровием.

Под моим командованием находился также мощный контингент нерегулярных войск — т. н. полк волонтеров Эль-Ариша. Его возглавляли старейшины Хасан-Эркьенхарт и Селим. Почти все волонтеры являлись отцами семейства и истовыми мусульманами. Они предпочли покинуть свои дома и земли под Эль-Аришем и воевать под знаменами Пророка, нежели подчиниться режиму английских гяуров.

К сожалению, офицеры-отставники из центральной администрации Иерусалима имели обыкновение оставлять себе денежное довольствие волонтеров. Именно поэтому последние вынуждены были вести нищий образ жизни и грабить, дабы не умереть с голоду

Чтобы добиться выплаты им хотя бы одного из пятнадцати или шестнадцати месячных жалований, мне пришлось направить с полдюжины срочных телеграмм начальнику иерусалимской администрации, угрожая проинформировать о его самоуправстве самого Энвер-пашу.

Моя напористость возымела действие, кроме того, вызвала не только доверие, но и любовь арабских волонтеров. Впредь они повсюду следовали за мной. Я с радостью могу сказать, что в течение тех трех или четырех недель, что продолжалась наша экспедиция, я ни разу не столкнулся с дезертирством среди них.

Я привожу этот пример, чтобы доказать: если с людьми обращаться как с равными, то даже и бедуинов можно превратить в порядочных людей и в солдат, способных пожертвовать жизнью ради долга.

Истинной причиной того, почему арабы, проживающие как в Сирии, так и в Месопотамии, а позднее и армяне считались в Турции непокорными бунтарями, следует искать в казнокрадстве и коррупции, укоренившихся в военном и гражданском бюрократическом аппаратах Оттоманской империи. В ней своевольное использование политики устрашения и закулисных интриг во все времена характеризовало правление султанов и их предшественников — византийских императоров. Все это в конце концов вынудило (особенно

в прошлом веке) эмансипироваться один за другим народы, находившиеся под властью турецких правителей. Это произошло даже несмотря на то, что древние узы взаимной симпатии, испокон веков связывавшие турок и мусульманские народы благодаря их общей вере, объединяют и будут объединять этих людей еще долгое время.

Вот почему предположение союзников о том, что отделение Сирии и Месопотамии от Турции заставит народы этих областей навсегда порвать связи с Константинополем, кажется мне ошибочным.

В день, когда Оттоманская империя сможет создать хоть сколько-нибудь достойную администрацию, возможно, именно сами арабы первыми возобновят старые отношения с Турцией, чтобы вместе с ней воевать против европейских держав. Ведь кто бы что бы ни говорил, арабы считают и всегда будут считать последних заклятыми врагами своей расы, своей веры и своей свободы.

Если бы египтяне не боялись ужасающей оттоманской администрации, под властью которой они бы оказались в случае присоединения Египта к Турции, они бы наверняка еще в начале войны восстали против англичан и подали пример другим мусульманским государствам и колониям в Северной и в Центральной Африке.

Ошибаются те, кто думают, будто победили мусульманство, т. к. Турция находится в настоящее время в кризисе.

Не стоит обольщаться. Двести миллионов мусульман, которых многие считают заснувшими, вовсе не спят, а ведут бурную деятельность от Сенегамбии до Индии.

Колониальные войска, сражавшиеся во время последней войны во Фландрии и на других фронтах Европы и Азии, а особенно те, кто исповедует ислам, как следует изучили там современное вооружение и его возможности, которое до недавних пор являлось секретом европейцев.

Обладание этим «талисманом» позволило, например, Японии продвинуться далеко вперед, не поступаясь при этом своим национальным своеобразием. Я вполне допускаю, что и среди мусульманских народов найдутся рано или поздно светлые умы, готовые любым способом завоевать свою свободу и независимость.

Даже на маленьком острове Санто-Доминго нашелся некий Тусен Лувертюр, который осмелился противостоять Наполеону и победил его. И кто знает, каких людей способна породить Азия и Африка, где новых вождей, которых народы провозгласят освободителями, не будут сдерживать никакие границы.

Двумястами миллионов фанатиков безнаказанно манипулировать нельзя. И тем более в последней войне, открывшей им глаза и ясно показавшей несостоятельность идеи превосходства европейцев над другими народами.

Не стоит забывать, что Римская империя рухнула именно в тот момент, когда подвластные ей народы проникли в секреты ее военного искусства.

Французская революция спровоцировала войну за независимость в Америке.

Кто даст гарантию, что большевистская революция не завершится также независимостью Азии, а быть может и Африки.

Глава XXV

Как уже было сказано в прошлой главе, мы выехали из Бирэссебы 10 мая в девять часов вечера, скользя, словно призраки, по опасным зонам, располагавшимся на юг и на запад от покинутой нами крепости, и к полуночи добрались до колодца, называемого Бир-эль-Туркьех. Там мы остановились, чтобы дождаться подхода конвоя, который, к счастью, вскоре появился. Затем сомкнутым строем мы направились в Аслудж, где собирались провести день, укрывшись на дне глубокого суходола.

Наши люди ехали верхом на hecln, то есть верховых верблюдах, способных несколько дней подряд развивать скорость от восьмидесяти до ста километров в час, разумеется, на песчаной или глинистой почве. Однако на каменистых участках эти животные рискуют повредить ноги, т. к. подошва у них мягкая, как человеческая ладонь.

Должно быть, при свете дня наше войско выглядело очень живописно.

В полукилометре впереди нас ехал передовой отряд, состоящий из солдат-волонтеров. У них были бородатые загорелые лица, обрамленные белоснежными kefiye. Их стройные тела, закутанные в коричневые бурнусы, покачивались на спинах высоких, желтоватых дромадеров. Животные поражали размерами своего горба и длинными ногами. По бокам их свисали переметные сумы, украшенные красной бахромой, резко выделявшейся на фоне голубого неба и шафранного песка пустыни.

Впереди передового отряда ехал разведывательный отряд, разбитый на небольшие группы, рассредоточенные на большом расстоянии

Я же возглавлял костяк экспедиционного отряда, к которому примкнул конвой с продовольствием и припасами. Вокруг меня ехала группа старейшин в живописнейших одеждах, а позади – арьергард, состоявший из солдат регулярной армии и волонтеров. Последние постоянно докладывали о разведотрядах противника, замеченных по обе стороны нашего каравана.

Оставаясь верным своей привычке, я приказал продвигаться лишь по ночам. С наступлением утра мы укрывались в суходолах и руслах маленьких горных рек, дезориентируя вражеских авиаторов и бесчисленное количество шпионов-бедуинов, подосланных англичанами. Они кишмя кишели на этих пыльных просторах, но их было легко заметить даже издалека. Обычно они скапливались в какой-нибудь ложбине или вокруг кустарников, поблизости от черных палаток бедуинов или желтоватых развалин какого-нибудь тысячу лет назад, возможно, и крупного города.

Эти древнейшие города, возможно, процветали во времена царя Давида и царицы Савской, а быть может, и в эпоху Петрейской Аравии.

Но их слава развеялась как дым. Они жили за счет торгового пути между Индией и Египтом, которого не существует уже семнадцать столетий. Среди развалин ее гробниц, дворцов и каменных ворот, покрытых изысканной резьбой, — таких, как например, Эд-Деир, Эль-Каснех и Эль-Каср-Фараон, — еще возвышавшихся на берегах Вади-Мусы в знаменитой Петре — в наши дни слышится лишь уханье филинов, рев хищных зверей и ночное дыхание летучих мышей.

Так же, как и grands seigneurs[1], когда-то жившие здесь, эти дворцы и города знавали эпоху расцвета, но теперь наглядно демонстрируют, что со временем станет со множеством других городов мира, что в наши дни блистают великолепием и роскошью. Но все в этом мире имеет свой конец и должно когда-нибудь исчезнуть.

Руины этих древних городов представляют собой символ всеобщей Судьбы, который, как гласит старинная пословица, сводится к следующему: «Цивилизация — это луч света, сияющий только для того, чтобы, когда он погаснет, стало еще темнее».

На Аравийском полуострове, иначе называемом Джезирет-эль-Араб, частью которого является Бадиет-эт-Тих, или, по-другому, Синайская пустыня, имеются две крупных области — южная и северная.

В центре этой огромной, похожей на язык, территории располагается плоскогорье высотой примерно 8 тысяч футов над уровнем моря. Его географическая структура почти не исследована. Оно называется Эль-Неджд и на востоке и юго-востоке граничит с Индийским океаном. На его просторах живут бедуины gleb, что означает «охотники на газелей». Они происходят от индийских кочевых цыган, так же как и фанатичная секта ваххабитов, которые не один раз заставляли дрогнуть суннитское население и его турецких правителей. В Аравии в VII веке появилось мусульманское движение. По

[1] Знатные вельможи (фр.)

большей части она является засушливой территорией, т.к. не имеет ни одной реки – ведь Мадаб, Чаб и Афтан всего-навсего горные потоки, по большей части – пересохшие. Однако в оазисах и прежде всего вокруг селений, находящихся неподалеку от ручьев, встречаются чрезвычайно плодородные земли. На экспорт из Аравии идут такие продукты, как сахар, хлопок, ладан, различные бальзамические смолы и бананы. В то же время основными источниками богатства этого региона можно считать огромные фермы по выращиванию жемчуга, расположенные вдоль всего Персидского залива, а также прекрасные хозяйства, в которых разводят великолепных скаковых дромадеров и верблюдов для караванов.

Западное аравийское побережье, омываемое Красным морем, простирается от Баб-эль-Мандеба почти до Джидды. В древности оно носила название Аравия Felix.[1] В настоящее время ее населяют потомки смешавшихся ливийско-алародийских народов (химиаритов и сабейцев), которых ныне называют йеменцами. Они этнически отличаются от низаритов, живущих в Петрейской Аравии, т. е. в Эль-Хиджазе.

Прибрежная зона Йемена покрыта богатой растительностью, повсюду произрастает каучуконосная акация, из коры которой местные жители получают гуммиарабик. В окрестностях же маленького города Мокко выращивают знаменитый кофе, который носит то же название. Местные жители отправляют почти весь урожай этого продукта за границу, а сами довольствуются каким-то черноватым напитком, приготовляемым из скорлупы кофейных зерен. Здесь он называется kishir kahvesi.

Среди немногочисленных и, как правило, мало примечательных городов выделяется селение Сана. Там родился архитектор, построивший знаменитую Альгамбру в Гранаде.

Помимо горбатых зебу на равнинах Аравии обитает большое количество страусов, стада газелей, а в Аденских горах живут стаи обезьян.

В центральной части полуострова, почти целиком представляющей собой пустыню, в нескольких часах езды от порта Джидда среди барханов находится город Мекка, где родился пророк Мухаммед. Здесь есть место, покрытое чахлой растительность, где бьет священный источник Зам-Зам. Согласно преданию, он открылся здесь под т. н. деревом Агари, когда та блуждала по пустыне с Исмаилом, сыном Авраама.

Помимо источника в Мекке есть священный холм Арафат. На него обычно взбираются муфтий или кади во время массовых палом-

[1] Счастливая (лат.)

ничеств. На нем расположена знаменитая главная мечеть, называемая mecît-el-haram[1]. В ней хранится замурованный в стену Черный Камень или камень hacî. Все паломники должны поцеловать его, прежде чем выйти из святилища.

К северу от Джидды на маленьком коралловом островке, расположенным неподалеку от береговой линии, находится могила шейха Хасан-эль-Марабита. Его почитают святым покровителем Эль-Хиджаза, а чуть дальше возвышаются стройные минареты главной мечети Медины, в которой покоится прах Пророка.

Медина была до самого конца войны самой южной точкой Эль-Хиджазской железной дороги, а потому самым значительным городом после Мекки.

Северо-западная часть Аравийского полуострова разделяется на южную часть, обычно называемую Синаем, или Бадиет-эль-Тихом (она включает в себя и те пустыни, по которым сорок лет скитался еврейский народ), и северо-восточную часть, называемую Нагебом, или Негуэбом. Последняя включает в себя равнины и скалистые горы на восток от Вади-эль-Мусы, а также все юго-восточное побережье Мертвого моря или Асфальтитиса, начиная с Эль-Лисанского полуострова.

Эти голые скалы, поднимающиеся вверх в виде грубо вытесанных террас, часто увенчаны потухшими вулканами. Они похожи на эфиопские вулканы. Их плоскогорья и одинокие вершины похожи на обелиски, полуразрушенные башни или руины древних замков. Внизу они, скорее, похожи на колонны, выточенные дождем из красного монолита. Время от времени встречаются плоскогорья из песка и голубоватой глины с крутыми обрывами.

Судя по наличию там большого количества неметаллических минералов, ископаемых окаменелостей и более-менее глубоких залежей суглинка, когда-то это было дном огромного залива. Породы, на сегодняшний день представляющие основу Синайской пустыни, образовались в начале мелового периода.

Слои кварцевого песка, глины и известняка, которые на протяжении десятков и сотен тысяч лет скапливались на глубине древних морей или соленых лагун, образовывали конгломераты, со временем превратившиеся в песчаник, глину и красный или желтый сланец, покрывающие сегодня Синайскую пустыню. Присутствие же битуминозной и черной извести, кое-где появляющейся на поверхности склонов, четко указывает на наличие недавно потухших вулканов. В самое сердце этой пустыни, которую окаймляла голубая полоса неба, и по которой с диким свистом несся самум, нам и предстояло

[1] Mecît — славный (эпитет Аллаха), mecît-el-haram — Божий дом

том нерегулярной верблюжьей кавалерией неприятеля, чьи атаки заставили их отступить с боем. Он добавил также, что в некоторых местах, названия которых я уже не помню, им были замечены следы бронемашин.

Все эти донесения указывали на то, что противник всерьез готовится к штурму Бирэссебы, причем собирается напасть с самой уязвимой стороны — т. е. с юга.

Встревоженный данными сообщениями, я приказал удвоить бдительность. С наступлением следующего утра мы пересекли египетскую границу недалеко от Эль-Хафира и там разбили лагерь посреди диких скал, разбросанных у подножья холма. С его вершины можно было различить желтоватые дюны, а иногда — и лазурную тень Средиземного моря в районе Эль-Ариша.

Как только мы заняли столь удачную наблюдательную позицию, я сразу сделал ее базовой точкой наших операций. Я приказал укрыть животных, продукты и боеприпасы на дне соседней расщелины. После этого я взялся за осуществление своего тактического плана. В сущности, он был очень прост и заключался в том, чтобы удержаться любой ценой на египетской территории, разрушая при этом стратегические объекты противника, но все же не слишком рискуя жизнями наших людей.

Перед тем, как стемнело, небо медленно пересекли три неприятельских аэроплана, похожих на крылатых акул. Они будто разнюхивали местность в поисках кого-то. Быть может, они искали нас?

Накануне нашего отъезда подполковник Эсад-бей обещал мне направить недостающую часть боеприпасов бронепоездом, который должен был ожидать нас 14 мая после заката на заброшенной станции Тель-Абийад, т. е. на восток от Эль-Хафира и неподалеку от развалин древнего Абийада. Об истории происхождения этого города мне ничего не известно. Поскольку та ночь выдалась чрезвычайно темной, боевой расчет поезда принял нас за врага. Вместо того, чтобы помочь нам, они выбросили боеприпасы рядом с дорогой и на полном ходу умчались с места стоянки, предварительно выпустив в нашу сторону несколько обойм. Столь странное и малолюбезное прощальное приветствие на первый взгляд могло показаться комичным. Однако я твердо помнил, что мы находимся в сердце египетского Синая, а, стало быть, в крайне опасной зоне, кишевшей враждебными нам племенами и разбойниками. Все они, прикрываясь пышным титулом «волонтеров Его Величества Короля Великобритании», взяли под свой контроль Эль-Хафир, Бирберен, Кузейму, Магдабах и другие города. Одновременно они преследовали протурецки настроенных бедуинов и творили страшные бесчинства и преступления, наводившие ужас на мирное население этих мест.

Эти люди были вдоволь обеспечены деньгами, амуницией, боеприпасами, а также — прекрасно информированы благодаря разветвленной системе шпионажа, охватившей практически все племена Эти «волонтеры» свободно перемещались во всех направлениях, пользуясь сведениями своих шпионов. Они зачастую переодевались дервишами или бродячими торговцами, попутно снабжая бедуинов всем необходимым и таким образом вынуждали их сотрудничать Они надеялись воспользоваться их услугами и в будущем, если получится — даже в качестве дополнительных тайных агентов.

Похоже, одного из самых опасных среди этих людей моим товарищам удалось убить несколькими днями позже на дороге, ведущей в Магдабах. Вместе с ним зарезали и шестерых его помощников.

Когда поезд умчался, мы быстро подобрали снаряжение и вернулись в наш лагерь. Издали его можно было заметить лишь по блеску оружия и белым kefiye наших часовых, спрятавшихся у скал и в зарослях ежевики. Когда мы вернулись, лагерь был погружен в абсолютную тишину. Меня приятно удивили порядок и дисциплина нашего войска, а также беспрекословное подчинение наших нерегулярных отрядов, на которые, справедливости ради скажу, у меня ни разу не было причины пожаловаться.

Отдохнув пару часов и воспользовавшись светом луны, которая сражалась с облаками за право освещать землю, я отправился во главе трех эскадронов в Эль-Хафир. Я намеревался застать врасплох тамошний нерегулярный гарнизон. Но, похоже, это они меня уже как будто поджидали. Когда наш передовой отряд атаковал их правый фланг, они тут же забили тревогу и, активно обстреляв нас, в спешном порядке отступили к Магдабаху. Я некоторое время размышлял, в нерешительности, стоит ли мне проучить население Эль-Хафира и раз и навсегда покончить с этой чертовой кучкой бандитов и вражеских пособников.

Я немедленно отправил два отряда, отдав им приказ взорвать колодцы Бирберена, а затем — направиться на юг и доставить мне живым или мертвым каймакама Кузеймы (она расположена на запад от знаменитого Аин-эль-Кадиса или Кадес-Варни Ветхого Завета) Правительство объявило его предателем родины по тысяче вполне обоснованных причин.

Отправив эти отряды, я направился с остальными силами к Джебель-Хелалу, т. е. «Лунной Горе», чтобы там попытаться поймать еще одну птицу из бандитской стаи, а именно Шейх-Атьена, потомка Пророка и вождя одного из самых жестоких племен Бадиет-эт-Тиха.

Когда незадолго до рассветы мы подъехали к историческому Джебель-Хелалу (с вершины которого уже виднелась темная полоска Суэцкого канала), то обнаружили, что храбрый Шейх-Атьен пред-

почел, не дожидаясь нас, удрать вместе со всем своим племенем в пустыню.

Однако от пары «языков», взятых нами в плен после короткой, но ожесточенной стычки с арьергардом Шейх-Атьена, мы узнали, что о нашем приходе было известно заранее. Но из-за наших постоянных ночных передвижений вражеские шпионы доложили англичанам, что на них движется не один, а несколько экспедиционных корпусов. Это и вызвало некоторую панику на Синае.

От них я также узнал, что крупный английский чин в Эль-Арише — некий мистер Вильсон, если не ошибаюсь — на днях созвал всех старейшин и вождей местных племен и заставил их подчиняться шерифу Хуссейну из Мекки.

В начале у меня было желание убить этих людей. Но поскольку их сведения почти полностью были правдивыми, я решил их отпустить. Чтобы они не боялись, что я выстрелю им в спину — что было в наших войсках обычным делом, я пригласил их разделить со мной скромный ужин, сделав их таким образом misafir, или священными гостями.

Возвращаясь в лагерь, мы повстречали нескольких местных вождей, желавших поцеловать мне руку в знак подчинения турецким властям. Затем мы еще долго петляли по пустыне, чтобы запутать шпионов противника, наконец, перед самым рассветом остановились отдохнуть у колодца Айн-эль-Аслудж. Это был один из немногих естественных резервуаров, затерянных в гротах и расщелинах скал. Те, кто не знает здешних мест, вряд ли найдет их без посторонней помощи.

Каждый из этих колодцев имеет своего хозяина, который охраняет его, как тайное сокровище: именно от этого источника воды зависит, выживут ли козы и овцы в те восемь или девять месяцев засухи, когда пустыня превращается в настоящий ад.

Как раз в такой пустынной местности и познаются настоящие друзья. Не пользующийся уважением военачальник, который злоупотребляет гостеприимством местных жителей, направо и налево тратит воду, оставляя их без необходимых запасов, в конечном итоге рискует и сам умереть со своим войском от жажды. В следующий раз ни один вождь не покажет ему тайного колодца, даже если воды там и будет в изобилии.

С наступлением дня вокруг колодца Айн-эль-Аслудж нам открылась чрезвычайно живописная картина: старые и молодые арабские пастухи в библейских одеждах, статные Ревекки с блестящими амфорами на головах, приходили и уходили, прокладывая себе дорогу с помощью жестикуляции и криков сквозь стада курчавых барашков и игривых козлят, норовящих во что бы то ни стало получить божественную жидкость.

Похоже, наше присутствие совершенно не обеспокоило этих людей — возможно потому, что они знали нас по именам и понимали, что мы пришли с миром, что мы защищаем бедных — ведь в пустыне все всё тут же узнают.

За день новости разлетаются на огромное расстояние, благодаря системе условных знаков (вроде тех, что в Америке используют индейцы), в то время как по ночам сведения передаются с помощью огня и крика. Голоса слышны за несколько километров, а эхо разносится от одной вершины до другой, словно дыхание смерти в мрачных просторах пустыни.

Когда очередь у колодца дошла до нас, мы сначала напоили наших здоровых верблюдов, а потом, отдельно, — больных чесоткой, чтобы избежать заражения. Бедуины очень заботятся о своих животных, от которых ежедневно зависит их собственная жизнь.

Если у самки верблюжонок рождается в пути, то хозяин будет нести детеныша несколько часов на руках, прежде чем позволит ему идти самостоятельно.

Любой верблюд, выращивается ли он для разведения чистокровных особей или для перевозки грузов, воспитывается вместе с детьми хозяина и спит с ними под одной крышей, словно член семьи. Только этим можно объяснить ту привязанность, которую испытывают эти животные по отношению к хозяевам. Особенно это относится к hecln — скаковым дромадерам, на которых бедуины зачастую ездят без поводьев, положив вместо седла старый бурнус.

Чтобы благополучно преодолевать участки пустыни, где нет ни оазисов, ни колодцев, ни резервуаров, арабы обычно используют недавно разродившихся верблюдиц: их молоко служит им одновременно и едой, и питьем.

Породистые арабские жеребята также обычно воспитываются вместе с детьми их хозяев. Я не раз с удовольствием наблюдал в здешних поселениях, как ребятишки возились в песке бок о бок с жеребятами, верблюжатами, барашками, козлятами и щенками. Так же, наверно, играли тысячи лет назад внуки и правнуки Ноя в знаменитом ковчеге.

Когда кобыла умирает и при этом остается жеребенок, его часто передают самке верблюда, и та принимает пасынка как родное дитя.

Выращенные таким образом животные, как правило, бывают очень выносливыми, хотя с виду они, быть может, и не очень грациозны и скорее сухопары.

Любовь, с которой каждый сын пустыни относится к своему верблюду или скакуну, во многом объясняет, почему бедуины лучше сами будут терпеть лишения и тяготы, нежели заставят трудиться своих животных. Выросши с ними как с братьями, бедуины воспринимают их как своих друзей.

Феллах, то есть оседлый араб, занимающийся земледелием, в этом смысле сильно отличается от бедуина. Он крайне жестоко обращается с животными и тяжело нагружает уже полуторагодовалых или даже еще более молодых лошадей и верблюдов. Помнится, в Эс-Салте я видел маленького жеребенка полутора лет, у которого вся спина была покрыта шрамами. Если бы я не наблюдал этого воочию, я бы ни за что в это не поверил.

Из-за столь варварского обращения феллахов с животными в Сирии и Палестине существует огромное количество изуродованных лошадей с продавленным хребтом и опущенным крупом. На них бывает неприятно смотреть.

Несмотря на свою славу отличных, прирожденных наездников, арабы, как правило, очень плохо ездят верхом. Более того, при всем их старании им так и не удается овладеть этим искусством. Они плохо держатся в седле и не способны ехать трусцой. К тому же они используют короткие квадратные стремена, в которые продевается почти вся стопа, и кольцевидные удила, причиняющие сильную боль лошадям и заставляющие их постоянно пританцовывать от страха.

Когда арабский солдат получает хорошего здорового коня, то он вместо того, чтобы ухаживать за ним и беречь его, первым делом пускает несчастное животное в галоп и носится взад и вперед, пока не загонит окончательно. После чего требует нового скакуна.

Что же до черкесов и курдов, то по крайней мере в деле ухода за лошадьми они совершенно не похожи на турок и арабов. Возможно, это связано с тем, что они не татарского и не семитского, а арийского происхождения.

Черкесы являются объездчиками лошадей до мозга костей, они потрясающе умеют приноравливаться к европейской манере верховой езды.

Кто не слыхал о знаменитых черкесских кавалеристах и их подвигах?

Добравшись наконец до нашего лагеря, мы застали те самые отряды, которые я пару дней назад отправил на юг. Он командира я узнал, что, когда они были на подступах к Кузейме, сторонники каймакама вышли навстречу и завязали жаркий бой. А когда наши люди решили поджечь селение, к ним направилась целая депутация старейшин с адресованным мне письмом, которое они все подписали. В нем они заверяли меня, что безоговорочно подчиняются Его Величеству султану турецкому и решительно осуждали поведение каймакама и его приспешников, которые, после его поражения, укрылись в соседних горах Ул-Макрак, или Кадес-Варни, как они названы в Библии.

Через час, когда на горизонте показался серебристый диск луны, вдруг явился безоружный, верхом на роскошно убранном белом верблюде Шейх-Атьен — тот самый, которого два дня назад мы разыскивали в лагере Джебель-Хелала, чтобы расстрелять... Склонившись в низком поклоне, он коснулся правой рукой земли, а затем приложил ее к груди и ко лбу, после чего со всей искренностью заявил мне, что, учитывая то великодушие, с которым я недавно обошелся с его товарищами, нашими пленными, он счел своим долгом явиться ко мне и принести извинения за свое поведение. И так как он сопроводил свою речь словами reya-ederim, что, согласно Корану, означает просьбу о милосердии, я не только его простил, но и в присутствии всех пожал ему руку. Так я приобрел нового друга и поддержку одного из самых влиятельных старейшин на Синае.

Благодаря письму старейшин Кузеймы, которое я немедленно отослал в наш штаб, а также неожиданному подчинению Шейх-Атьена и всех вождей наиболее значительного племени в этой зоне, была выполнена первая часть моей миссии. Она заключалась в том, чтобы восстановить превосходство Турецкой империи в этой важной провинции Египта.

Разделавшись с первой задачей, я стал предпринимать шаги, необходимые для решения второй нашей цели. Она состояла в том, чтобы отвлечь на себя основные силы неприятельской кавалерии в пустыни Синайского полуострова и таким образом помешать лорду Алленби начать третье сражение при Газе. Эта битва могла бы стать для нас роковой из-за катастрофического положения с нашими животными, лишенными подножного корма.

После того, как Шейх-Атьен перешел на нашу сторону, мы провели три или четыре дня, колеся по пустыне, чтобы убедить строптивых подчиниться нам и поддержать лояльно настроенных старейшин. Неожиданно, вечером 21 мая, если не ошибаюсь, в то время как мы спускались вдоль русла Вади-Ансарека, у подножия Джебель-Эль-Керн, над нашими головами пронеслись в сторону Эль-Ариша три серых вражеских аэроплана. Они летели на небольшой высоте и, казалось, заметили нас. Во всяком случае они вернулись и сделали два или три круга над горами, а затем снова устремились в направлении Эль-Ариша и исчезли за горизонтом.

Глядя на их маневр, я заподозрил, что им известно место нашей стоянки. И подумал, что, раз они не сбросили на нас бомбы, то, должно быть, не хотят, чтобы мы оттуда снялись.

Это, как мне показалось, был знак, что наступил момент решительных действий. Я созвал «совет» и, похвалив за примерное поведение солдат, сержантов и офицеров, сообщил им, что на следующий

день предполагаю начать экспедицию, в которой могут принять участие все желающие отличиться.

Подобная новость вызвала всеобщий энтузиазм, особенно — среди волонтеров Эль-Ариша. Они пустились нарочно биться друг с другом (такие шутливые бои называются здесь фантазиями). Поскольку, как я уже говорил, место нашего лагеря скорее всего было известно неприятелю, я разрешил разжечь костры. Наши отряды воспользовались этим, чтобы приготовить еду в поход и испечь прямо в нагретом углями песке тончайшие кукурузные и ячменные лепешки.

Этот способ готовки — самый простой и дешевый. Он как нельзя лучше подходил нам: из-за отсутствия дров мы жгли сухую сорную траву и верблюжий помет.

После воды и пшеницы песок, возможно, самый большой Господний дар жителям пустыни, начиная с того мгновения, как он стал служить им самим плитой, а их верблюдам — ложем. Эти животные не выносят каменистой почвы и, в отличие от лошадей, которые умеют спать стоя, могут отдыхать только лежа.

Кстати говоря, аскетизм бедуинов — это не миф, как думают некоторые. Ведь пары лепешек, весом в полфунта каждая, и глотка воды им с лихвой хватает на целые сутки. А если к этому добавить полдюжины фиников или маслин, да еще и кусок сыра или мяса, то это уже будет не просто ужин, а настоящий банкет.

Очень умеренные, почти аскетичные в еде, бедуины питают отвращение к алкоголю. Зато курят они как паровоз. Трубка, представляющая собой скрученный тростник с навершием из обожженной глины (они называют его çubuk), и кремневая зажигалка — вот две вещи, с которыми бедуин не расстается почти никогда.

Самое большое удовольствие, которое им только можно доставить, это подарить горсть табака или несколько зерен кофе. Они пьют этот напиток без сахара и до того крепким, что он приобретает совершенно горький вкус наподобие хинина.

После ужина мы с моим адъютантом прошлись по лагерю, являвшему собой весьма живописное зрелище.

Повсюду лежали едва различимые в полумраке дромадеры, жевавшие жвачку. Они образовывали большие темные круги. В вышине вырисовывался черный силуэт Джебель-эль-Керна, а на фоне неба, усыпанного звездами, виднелись неясные тени наших часовых... На смуглых лицах моих сарацин, сидящих вокруг костров, ярко блестели глаза, словно черные бриллианты.

Красноватые отблески пламени вспыхивали на стволах маузеров, серебряных кинжалах и изогнутых турецких саблях с позолоченными рукоятками. Казалось, они мечтают о славе, покоясь в чехлах из зеленого и алого бархата.

И среди этих сыновей пустыни с печатью полумесяца на челе находился один венесуэлец, который по странному стечению обстоятельств стал представителем Халифа и последним знаменосцем Оттоманской империи в горячих песках египетского Синая.

На рассвете я собрал офицерский состав и сообщил о своем намерении взорвать колодцы Магдабаха и английскую железную дорогу в окрестностях Эль-Ариша, который находился примерно в шестидесяти километрах от того места, где мы расположились лагерем.

Во главе первой экспедиции я поставил лейтенанта Ибрагима-эфенди, который с удовольствием согласился выполнить столь рискованную задачу. Вторую же экспедицию я доверил бесстрашному офицеру Халилу.

Затем я приказал немедленно собирать отряды и разрешил Ибрагиму выбрать среди наших людей примерно две смешанных роты. Впоследствии лишь один человек из их состава попал в руки к англичанам — наш повар Али. Под влиянием всеобщего энтузиазма он вызвался сопровождать Ибрагима-эфенди.

Набрать же людей, которые хотели бы пойти вместе с Халилом, было не так легко. Большинство наших волонтеров имели свои счеты с английскими военными властями Эль-Ариша и боялись, что, если попадут в плен, их расстреляют.

Возможно, видя, насколько я расстроен всеобщей нерешительностью, вперед вышел молодой человек по имени Селим и первым вызвался пойти в отряд Халила.

Чтобы вознаградить его за инициативу и вдохновить остальных, я снял со своего мундира железный орден полумесяца, повесил ему на грудь и повысил его в звании до капрала.

Этого было достаточно, чтобы отряд Халила немедленно был сформирован. Полчаса спустя все наше войско за исключением часовых двинулось навстречу неизведанному.

У колодца Абу-ангилех мы напоили своих животных и продолжали двигаться вдоль русла Вади-Ансарака. Однако опасаясь, как бы густое облако пыли не выдало нас противнику, мы сместились немного вправо. Пробираясь по северной оконечности пустыни, расстилавшейся желтой лентой с востока на запад, мы, спустя несколько часов прибыли в местечко под названием sheitan-deresi, или «котловина дьявола», где решили дождаться захода солнца.

Был ровно полдень, или час мертвых и призраков в пустыне.

Прикрыв шелковой kefiye лицо, чтобы защитить его от золотых лучей солнца, я созерцал эти безлюдные места, исполненные невыра-

зимой грусти. Они простирались до пыльной и темной линии горизонта, у которой едва виднелись фиолетовые силуэты дюн. Они, казалось, слегка дрожали.

Помимо зеленоватого аспида, бесшумно скользившего в зарослях благоухающего ладаном кустарника, и радуги, которая парила в голубом небосводе, одна только смерть, казалось, простирала крылья над пустынями белого песка. Эту тишину время от времени нарушали лишь хриплые завывания ураганного ветра да грохот орудий, возвещающий о том, что вокруг Газы или Бирэссебы сражаются передовые отряды двух армий.

Когда вечером все вокруг из розового стало лиловым, Ибрагим-эфенди начал осторожно продвигаться в сторону Магдабаха, в то время как Халил со своим отрядом стоял на коленях, протянув руки в сторону Мекки и молил благословить их. Укрепившись молитвой, которую столь почитают мусульмане, эти смельчаки вскочили в седло и исчезли за горизонтом. Я же, ускорив шаг, возвращался с остатком наших людей по кратчайшей дороге на вершину Джебель-эль-Керн, вздымавшемуся, словно пирамида, на фоне золотых далей.

Я хотел прикрыть отступление Халила и Ибрагима-эфенди, если их будут преследовать. Поэтому я поставил часовых на всех уступах горы, обращенных к пустыне, и приказал собрать в центре бивака всех верблюдов и, не расседлывая, держать их в полной готовности.

Ночь была совершенно темной. Слышался лишь отдаленный вой шакалов, шелест травы, которую ветер пригибал к склонам горы, и размеренные шаги часовых. Мы верхом на лошадях, с оружием наготове, не сводили глаз с горизонта, над которым звезды гасли по мере того, как шло время. Это продолжалось до тех пор, пока около одиннадцати мы не увидели в стороне Магдабаха яркую синюю вспышку, которая на несколько секунд осветила небо. За ней послышался гром двух взрывов. Их эхо разносилось и гремело по всей темной поверхности пустыни, словно дикий рев раненного льва.

Ибрагим-эфенди выполнил свое обязательство — Магдабах был объят огнем.

Примерно в два часа иочи со стороны побережья донесся грохот еще двух взрывов. Это означало, что Халил тоже выполнил свое задание. «Allahü ekber! Allah kerim!»[1]

Я знал заранее, что это вызовет переполох среди англичан. Ведь Магдабах отстоял всего лишь на несколько километров от укрепленного лагеря Эль-Ариша. А место, где Халил только что взорвал железную дорогу неприятеля, судя по взрывам, тоже было вблизи этой крепости.

[1] Allahu ekber! Allah kerim! — О, Аллах всемогущий! Аллах милостив! (тур.)

Зная англичан и их непререкаемый принцип сведения счетов, я принялся при свете моего электрического фонарика читать роман под названием «The iron pirate»[1] — я нашел его в оставленном неприятелем лагере недалеко от Эль-Хафира. Я был убежден, что кавалерия противника, спровоцированная нашей экспедицией, непременно совершит вылазку против нас. И я не ошибся: за несколько минут до рассвета, когда я закрыл книгу и убрал ее в седельную сумку и уже собрался было объехать передовые посты, дежурный офицер привел бедуина, которого я звал Hamdi the kid[2], т.к. ему было всего четырнадцать лет. Дежурный сообщил мне, что мы окружены противником с трех сторон — с севера, с юга и с запада.

Услышав об этом, я тут же вскочил на лошадь и поехал убедиться лично. Это и в самом деле было так. Когда я оказался на вершине горы, часовые показали мне несколько близлежащих холмов, занятых конными отрядами вражеской кавалерии. Офицеры внимательно наблюдали за нами в бинокли.

Этого мне хватило. Нельзя было терять ни минуты. Вернувшись в лагерь, я отправил основные наши силы — marş marş — вдоль всего русла Вади-Ансераха в сторону востока, которая единственная была свободна. Сам же я остался в арьергарде с отрядом отборных солдат, чтобы прикрыть их в случае необходимости.

Через пару минут после ухода главных сил я вместе с моим эскортом пошел по ближайшей ложбине к какому-то открытому холму. Мы заняли его. С вершины хорошо была видна группа вражеских разведчиков: они прильнули к шеям своих лошадей, наблюдая с расстояния ста метров за лагерем, который мы только что оставили. Выпущенный нами ружейный залп, убедил их, что птичка вылетела из клетки. Не теряя времени, они повернули направо и пустились нам вдогонку.

Ускользая от них, мы заняли второй холм. С его вершины я четко увидел, что британский командующий оказал мне большую честь, ибо вокруг виднелись уже не эскадроны, но целые полки, выстроенные в маршевом порядке. Они бурлили, как речные потоки, вышедшие из берегов, сбегавшие с соседних гор в пустыню и суходолы.

Я вдруг забыл про угрожавшую нам опасность и, несмотря на то, что нескончаемая колонна быстро приближалась, чтобы отрезать нам путь к отступлению в сторону Эль-Хафира, я встал, как вкопанный, и долго наблюдал за этим прекрасным зрелищем. Я следил за тем, как разворачиваются силы противника и как энергичный командир неприятельской кавалерии собирается нанести нам смертельный удар.

---

[1] «Железный пират» (англ.)
[2] Малыш Хамди (англ.)

Занимая и освобождая более или менее выгодные позиции, мы отступали отстреливаясь, пока наконец не добрались до ложбины, где нас ждал обоз с провизией и боеприпасами. Я тут же отдал им приказ действовать, после чего, стреляя направо и налево, мы продолжали отступать на восток.

По дороге нам встретилась широкая Вади-эль-Абьят, через которую мы перебрались неподалеку от развалин Мешрифеха, откуда начинается воображаемая дорога к Мертвому морю — по ней я отправил наш конвой с ранеными, чтобы спасти их жизни. Мы укрылись в этих руинах, пытаясь сопротивляться, как могли, лавине вражеских сил, грозивших окружить нас и смять. Со стороны нашего правого фланга (т. е. с северной стороны) появился полк австралийской кавалерии. Возникни австралийцы пятью минутами раньше, они могли бы отрезать нам путь к отступлению и расстрелять нас на открытом месте из пулеметов. Когда наш конвой оказался в безопасности, мы двинулись ускоренным шагом, чтобы защитить мост через Абьят — ему угрожала еще одна огромная колонна неприятельских войск. Однако мы опоздали: ужасный взрыв заставил землю содрогнуться на многие километры вокруг и застал нас на полпути к виадуку, взлетевшему на воздух.

В тот день я вспомнил старую фразу «Не играй с огнем». Нападение британских войск, которое я спровоцировал безрассудной экспедицией на восемьдесят или даже больше километров вглубь территории врага, обернулась настоящим потоком огня и динамита. Меньше чем за двенадцать часов неприятель сравнял с землей отрезок Кузеймской железной дороги, заключенный между Вади-Аслуджем и Эль-Хафиром. Эта чудовищная сила, обрушившаяся на нас, как горящая сера на Содом, состояла — как сообщил мне майор Мюльманн, когда я вернулся, — из сорока или сорока трех эскадронов, т.е. представляла собой основные силы неприятельской кавалерии, снабженные пулеметами, бронемашинами и целым складом взрывчатки. С ее помощью они и взорвали менее чем за два часа сорок пять километров железнодорожного полотна вместе с мостами, станциями и пр.

Излишне говорить, какой грохот производили эти взрывы, и о том, насколько бессильным я чувствовал себя перед этим огромным войском.

Тем не менее мы старались везде успеть, особенно в северном секторе, где наш смешанный отряд обратил в бегство мощную колонну вражеской кавалерии. Это была та самая колонна, которая сожгла пшеничное поле у подножья Вади-Каласаха и одним зарядом отправила в воздух великолепный мост через Аслудж. От него осталась лишь пара рельсов, торчащих в воздух, и мощные опоры.

Ибрагим и Халил, подошедшие в то утро к Джебель-эль-Керну, подверглись нападению англичан. Они проявили отвагу и благоразумие, когда, прорвавшись сквозь огонь противника, добрались почти в полном составе до Бирэссебы. К этому времени там разнесся слух, что я вместе с остатком нашего войска был окружен на Джебель-эль-Керне и убит или взят в плен англичанами.

Услышав это, Эсад-бей, кажется, воскликнул с возмущением: «Может быть, и убит. Но взят в плен? Никогда! Ногалес-бей умрет, но не сдастся!» (teslim etmes)[1].

На следующее утро, как я и думал, вражеская кавалерия отступила к побережью, измученная жаждой и преследуемая нашими летучими отрядами. Я снова становился полным хозяином египетского Синая.

Чтобы укрепить мое господство над этими грязными пустынями, я перенес лагерь из Вади-эль-Багара к подножью исторического Джебель-Йелека, в самое сердце пустыни. С вершины горы, обдуваемой всеми ветрами, в тихие и ясные вечера можно было увидеть радужную поверхность Кораллового, или Красного моря.

Прошло несколько дней. В то время, когда я обдумывал план новой военной компании, основной целью которой было нарушить коммуникации неприятеля между Эль-Аришем и Суэцким каналом, прибыл нарочный с письмом от фон Кресса. Полковник поздравлял меня с успешно проведенной операцией и приказывал немедленно отступать в Бирэссебу. Таково было распоряжение верховного командования, объяснявшееся стратегическими причинами, которые здесь неуместно разбирать.

Я, естественно, не мог ослушаться приказа и скрепя сердце пересек египетскую границу. Я понимал, что с моим уходом турецкий флаг навсегда исчезал с земли Египта.

Возвращаясь, мы могли увидеть урон, причиненный пресловутым английской облавой. Повсюду виднелись обломки зданий, мостов, вырванные мощными взрывами рельсы, скрученные, словно проволока. Разбросанные по всей дороге неразорвавшиеся нитроглицериновые взрыватели местные жители собирали в корзины до тех пор, пока несколько несчастных случаев не убедили их, что эти беловатые, похожие на гипс «пули», были не белым углем, а мощнейшим взрывчатым веществом, с которым нельзя было играть безнаказанно.

В окрестностях Вади-Каласаха я походя смог принять участие в охоте с леопардами на газелей, которую в нашу честь организовал один старейшина по имени Эйд. У этих длинноногих кошек, которые

[1] Teslim etmek – сдаваться (тур.)

турки называют kaplankopoy[1], грудная клетка такого же размера, как у средней величины собаки. Бедуины обычно ведут их позади лошадей и верблюдов и спускают с привязи на газелей, когда те начинают уставать.

Прибыв в зону Бирэссебы, мы наткнулись на один из наших бронепоездов — тот самый, что, приняв нас за англичан, обстрелял нас и уехал.

Так закончилась эта экспедиция, продолжавшаяся около четырех недель и не раз заставлявшая нас вздрогнуть.

Когда на следующее утро вновь встало солнце, я уже не смотрел пристально на запад и не прикладывал ухо к земле, пытаясь определить по стуку копыт, количество людей в отряде неприятеля и расстояние, на котором он находился от нас. Я сидел, удобно устроившись, за моим письменным столом и опять исполнял обязанности главы нашего штаба и доверенного лица полковника Эсад-бея. Он же вновь взял на себя командование всем гарнизоном Бирэссебы.

Глава XXVI

На следующий день после моего возвращения я узнал от майора Мюльманна, что не только главные силы вражеской кавалерии предприняли наступление в окрестностях Эль-Хафира, но, одновременно, оставшиеся эскадроны произвели обманный маневр в Бирэссебе. Одна из батарей неприятеля, подойдя к городу на два с половиной километра, несколько раз обстреляла большой железнодорожный мост, расположенный на западе от крепости — той самой, к которой накануне второго сражения при Газе вплотную приблизился крайний правый фланг вражеской кавалерии.

К счастью, лейтенанту Лепику удалось вовремя установить его местонахождение. Выпустив по нему почти горизонтально заряды из орудий противовоздушной обороны, он вынудил неприятеля ретироваться, прежде чем тот успел нанести нам значительный урон.

Если бы англичане не принялись обстреливать нас из пушек, а промчались на всем скаку эти два километра, они легко успели бы заминировать упомянутый мост. Ведь пара десятков арабских жандармов, которые его охраняли, разбежались при первых же выстрелах.

Разрушив этот путепровод, а также железную дорогу, сообщавшую Бирэссебу с Телль-эль-Шериа, они запросто могли бы разбить

[1] Kaplan — тигр, kopoy — охотничья собака (тур.)

гарнизон, так как имели численное превосходство. Затем, продвигаясь по военной дороге, ведущей из Бирэссебы в Иерусалим через Эд-Дахейр, англичане, возможно, и вынудили бы наш центр и правый фланг оставить позиции на побережье и отступить к подножью Палестинскому хребту.

Однако они этого не сделали, и Палестина еще пять месяцев оставалась у нас.

Тут мне пришла в голову новая идея, и я получил разрешение на поездку в Иерусалим, чтобы проконсультироваться с одним специалистом. По дороге я заехал в Телль-эль-Шериа попрощаться с майором Мюльманном, который возвращался в Европу.

Ту ночь я провел в Бейт-Хануне, а точнее говоря — в полевом госпитале № 213 в обществе моих старых друзей: подполковника медицинской службы профессора Бьера, старшего врача доктора фон Хомейера, капитанов медицинской службы доктора Бадера и доктора Любке, майора фон Майорски, лейтенанта Шенлерра и других. На следующий день я переночевал неподалеку от места, где некогда красовался гордый город Эскалон, разрушенный султаном Саладином. Его мрачные темные руины возвышаются на самом краю отвесной скалы, нависающей над водами Средиземного моря.

Когда смотришь на окрестности Мегидда, то становится понятно, почему так привлекали и азиатских, и европейских завоевателей эти плодороднейшие равнины Филистимской земли. Здесь виноградники, апельсиновые и оливковые рощи соседствуют с рощами кипарисов, миртов, вязов, акаций, лавров и пышных египетских смоковниц. На цветущих лугах и в садах сахарный тростник, индигоноска и финиковые пальмы красиво соединяются с олеандром, розами, нардами, гортензиями и жасмином. Все это буйно растет среди групп плодовых деревьев, усыпанных яркими плодами и перламутровыми цветами, чей дурманящий аромат круглый год наполняет благоуханием теплый ночной воздух.

Если смотреть с аэроплана на эту узкую полосу золотистых пшеничных полей и разноцветных полей, то ее хочется сравнить библейским ожерельем из изумрудов и топазов, которое некогда носила на своей белоснежной шее царица Савская из Офира. Вид этих долин еще в давние времена манил, как маяк, порабощенные народы Израиля, которые шли к ним в течение сорока лет, поливая слезами пески пустынь — тех самых, которые я только что навсегда оставил.

Мы пересекли центральную Палестинскую равнину, которая была покрыта полями несжатой пшеницы, ячменя и проса и потому напоминала поверхность океана. Незадолго до заката я остановился у огромного салезианского монастыря в Бейт-Джемале. Он располо-

жен на одной из мощных скал Иудейских гор. Настоятель отец Бьянко и его заместитель отец Сакетти радушно приняли меня и среди прочего поведали о том, как тяжело им приходится из-за своеволия Джемаль-паши, отнявшего у них скот и почти все съестные припасы.

В Иерусалиме все было по-прежнему, за исключением того, что во главе центрального управления интендантской службы стоял уже не полковник Рушан-бей, а один из многочисленных протеже Джемаль-паши.

В приюте Святого Павла теперь находился «немецкий госпиталь для выздоравливающих». Им руководили военные врачи доктор Баллин и доктор Вагнер. На хорах уж не помню какой капеллы, которая располагалась неподалеку от немецкого консульства и была превращена не в госпиталь, но в симпатичный «немецкий клуб автомобилистов», я провел несколько милых вечеров в компании избранных офицеров. Среди них были Киель, фон Оппель, Флиссинг, Яммер, Сегер, Финк, Шиммельпфенг, доктор Роде, Эдлер фон Оттингер и мой добрый приятель Шютце. Я чуть было не разделил грустную судьбу последнего в ту ночь, когда в приливе энтузиазма он с несколькими своими товарищами решили прокатиться на автомобиле по окрестностям Иерусалима. Спустившись на всей скорости по шоссе, ведущему Иосафатскую долину, автомобиль перевернулся, Шютце и сидевший за рулем унтер-офицер — погибли, двое или трое получили травмы.

В последний день моего пребывания в Святом Городе я случайно встретился с одним турецким подполковником, моим старым другом, имевшим большое влияние на Джемаль-пашу. Когда я ему рассказал, зачем я приехал и сколь мне необходимо отправиться в Константинополь, он пообещал мне, сыграв на возникшем в то время соперничестве между Джемаль-пашой и Энвер-пашой, попытаться получить необходимое разрешение на поездку.

Воодушевленный этой надеждой, похожей на луч света во тьме ночи, я на следующее утро отправился в Рамаллах. Когда я туда прибыл, лейтенант Фальке рассказал мне, что совсем недавно с полдюжины вражеских аэропланов пролетели над Иерусалимом и бомбили его, однако в цель не попали.

Эту ночь я провел в еврейской земледельческой коммуне в Дуране — в качестве гостя господина Эйзенберга. С его сыном, лейтенантом турецкой армии, я познакомился в Эрзуруме за несколько недель до того, как он попал в плен к русским. Те немногие часы, которые я провел в этом месте, оказались для меня чрезвычайно полезными, т. к. господин Эйзенберг был чрезвычайно образован в области истории. Он был своего рода научным авторитетом в вопросах раз-

вития экономики Палестины, особенно — времен Исаака. Тот, по его словам, был великим коммерсантом и одним из наиболее могущественных землевладельцев на равнинах филистимской земли.

В Дуране я встретил огромное количество израелитов, эмигрировавших из Йемена, потомков тех, кому Магомет, желая привлечь их на свою сторону, пообещал превратить Иерусалим в их престольный город.

Судя по почти дикому виду и загорелым лицам этих людей, они были гимиаритского или сабейского происхождения, а, значит, были родственны бедуинам-йеменитам, потомкам мифологического героя Хатана. Он столь же почитаем на юге Аравии, как Исмаил, сын Авраама, у северных и центральных племен этого же полуострова.

Массовая эмиграция израелитов-йеменитов на Землю Обетованную их предков была вызвана, главным образом, патриотическими ухищрениями сионистского правительства, расположившегося в Иерусалиме. Его деятельность чрезвычайно досаждала Джемаль-паше, который в конце концов сместил его главу — доктора Руппена — и других самых выдающихся его членов.

На следующий день мы вошли в Яффу, или, как она названа в Библии, Иоппию, которая была совершенно пуста. Тяжело было смотреть на этот довольно большой и красивый город, где не было ни души. Единственными жителями, которых мы заметили, был десяток или два немецких семей, которые только благодаря своему происхождению смогли получить разрешение остаться. Гражданские власти под предлогом того, что город необходимо охранять, повсеместно разворовывали его — с разрешения их начальника, Джемаль-паши.

Когда мы возвращались в Бирэссебу и шли вдоль железной дороги на Телль эль-Шериа, один из наших отрядов пехоты, выставленный вдоль железнодорожного полотна, по ошибке обстрелял нас в окрестностях станции Тинех. От нее отходила ветка на Бейт-Ханун, которая полгода спустя, т.е. во время неудачного для нас третьего сражения при Газе, стала кладбищем для многих наших солдат. Это произошло по вине подполковника Рифет-бея (сегодня — Рифет-паши), который решив, что его преследует вражеская кавалерия, отдал роковой сигнал тревоги, причинивший столько kalabalik[1], и едва не дошел до немецких офицеров, ехавших на машинах. Те, из-за общего переполоха, произведенного Рифет-беем, оставляли вверенные колонны грузовиков.

В тот памятный день в Тинехе особенно отличились британские авиаторы. Они летали без конца и сбрасывали на нас бомбы самой большой мощности. Эти эскапады вносили сумятицу в наши артил-

[1] Kalabalık — беспорядок (тур.)

лерийские колонны, уничтожали животных в кавалерийских эскадронах, защищавших наши фланги и причиняли серьезный урон нашей пехоте, которую преследовала и вынуждала отступать вражеская кавалерия. Наши пехотинцы не знали, как укрыться от этих настырных авиаторов. В результате остатки того, что еще несколько дней назад было нашим блистательным экспедиционным корпусом в Египте, усиленным прибытием из Галиции отборных дивизий, укрепились на скалах Палестинского хребта. Вновь столкнувшись с победоносными легионами лорда Алленби, мы оставили Иерусалим и юг Святой Земли и отошли, чтобы создать новый фронт, названный Наблусским. Его левый фланг шел до самого Эс-Салта на берегу Иордана, в то время как правый доходил до устья реки Нар-Ишкендерун на побережье, т. е. почти до развалин Цезареи.

Штаб нашей новой линии фронта находился в Назарете, а центральная ее часть располагалась вокруг Наблуса, или древнего Сихема. Генерал фон Лиман героически защищал ее до 19 сентября, если мне не изменяет память, когда правый фланг неприятеля организовал ложную фронтальную атаку, чтобы защитить продвижение своего танкового корпуса. На следующее утро этот корпус при поддержке всей кавалерии и мощной эскадренной артиллерии смели наш правый фланг, лишенный крупнокалиберных орудий. Затем, захватив наш железнодорожный узел в Туль-Кареме, англичане отрезали нам пути к отступлению. Их регулярные войска преследовали нашу армию, которую постоянно атаковали орды шерифа Хусейна из Мекки. В конце концов, наша изголодавшаяся и беззащитная армия вынуждена была пешком отступать по пустыням Хаурана и горам Галилеи по направлению к Дамаску. По прибытии туда тем, кто не погиб по дороге, пришлось сдаться англичанам, которые обогнали их, воспользовавшись бывшей нашей железной дорогой от Иерусалима до Дамаска и нашей же военной дорогой на Назарет.

Одновременно с продвижением британских танков, в месте под названием Сан-Марино, в бухте Святого Иоанна, высадился мощный контингент неприятельской кавалерии. Прервав телеграфное сообщение, эти части, несмотря на сильный огонь наших пулеметных расчетов, заняли близлежащие высоты и взяли штурмом Назарет и здание штаба с некоторыми высокопоставленными офицерами, которых застали спящими.

То же самое случилось и год назад, при взятии Бирэссебы, когда многочисленная вражеская кавалерия, как я и предрекал, неожиданно явилась ранним утром с южной стороны, т.е. в самом уязвимом секторе вокруг нашего лагеря. Перейдя в атаку вместе со своими танками и бронемашинами, англичане захватили почти весь наш штаб и чуть даже не взяли в плен самого полковника Ишмет-бея —

командующего 3-м армейским корпусом и временного коменданта крепости Бирэссебы.

Прибыв в Бирэссебу, мы тем же утром увидели, как наша 3-я кавалерийская дивизия при поддержке 27-й пехотной дивизии, обстреливает передовые отряды противника. Тогда они почти каждый день наведывались к нам, чтобы произвести рекогносцировку нашего фронта. На этот раз они подошли к нам меньше, чем на три километра, пытаясь спасти один из своих аэропланов, который посланные нами снаряды вынудили приземлиться примерно на этом расстоянии. На следующее утро из Анатолии прибыли главнокомандующий объединенными армиями Кавказа (а именно 2-й и 3-й) маршал Ахмед Иззет-паша и начальник его штаба подполковник фон Фалькенхаузен, кавалер ордена Pour le Merite[1] и один из самых блистательных офицеров немецкой военной миссии в Турции.

С приездом этих господ совпал уход нашего 7-го полка, взявшего курс на Маан. Мы должны были вместе с полком ester alay[2] разбить местных бедуинов, так как те, подкупленные англичанами, начали препятствовать движению по нашей железной дороге в Эль-Хиджаз, разрушая мосты и поджигая станции.

Ester alay был полком кавалерийской пехоты, использовавшей мулов. Его организовал в Дамаске храбрый майор фон Лейснер. Полк был столь же надежен, сколь и экономичен. Однако он по большей части состоял из высших офицеров-младотурок, а им нравилось разряжаться в пух и прах и отлынивать от работы, особенно от напряженного труда, которым занимались кадровые немецкие офицеры. Без поддержки последних Турция проиграла бы войну, не успев ее начать. Среди младотурок нашелся некий пьяница и интриган, который, злоупотребляя порядочностью Эсад-бея, добился-таки, чтобы его поставили командовать полком ester alay вместо майора Лейснера, хотя тому принадлежала по праву эта должность.

Столь своевольное поведение со стороны всяких проходимцев стоило полковнику Эсад-бею не только того расположения, которым он пользовался у немецких офицеров 4-й армии, но, до некоторой степени, и восхищения многих из офицеров турок. Те были шокированы и возмущены его позицией в столь постыдном деле.

Но все же полковник Эсад-бей был несомненно человеком скорее справедливым, настоящим рыцарем и мужественным паладином, под началом которого я имел честь служить и сражаться.

---

[1] За заслуги (фр.)
[2] Ester — мул, alay — полк (тур.) — кавалерийский полк на мулах

Глава XXVII

Через два дня после моего возвращения в Бирэссебу пришла телеграмма от Высшего командования, в которой сообщалось, что мне разрешено ехать в Константинополь в любое время.

Я знал, откуда взялся этот приказ и очень ему радовался, но полковник фон Кресс и подполковник Эсад-бей не переставали ему удивляться. Я был преисполнен благодарности моему верному другу, которому Бог знает какие усилия пришлось предпринять, чтобы добыть для меня это разрешение. С этим чувством я вместе с моими адъютантами, лошадьми и собаками сел на военный поезд, шедший в Дамаск и Алеппо. Там у меня едва хватило времени на то, чтобы распорядиться прицепить мой вагон к экспрессу, который вот-вот должен был выехать в Адану.

Четверть часа, потребовавшаяся для осуществления данной операции, показались мне вечностью. Я думал о том, что в любой момент может придти новое распоряжение, приказывающее мне отправиться на Кавказ, поскольку хотя я и оказал недавно туркам помощь в пустынях Синая, кровавая печать моего присутствия при убийствах армян в восточных провинциях Ван и Битлис по-прежнему оставалась на моем лбу. Она была подобна дамоклову мечу, постоянно висевшему над моей головой.

Благодаря моей расторопности я смог приехать в Константинополь прежде, чем до меня бы дошла телеграмма с моим отзывом. И когда я на следующий день после приезда спешился у здания Seraskeriat[1] или Военного министерства, чтобы пойти засвидетельствовать свое почтение архифанатичному полковнику Осман Чефкет-бею, который возглавлял «кадровое ведомство» вышеназванного министерства (позднее я узнал, что именно он больше всего боялся моего приезда — по моральным соображениям), и вошел туда, то был любезно принят не только этим низкорослым тучным сеньором с красной физиономией, голубыми глазками и рыжими шевелюрой и усами, но также и вице-генералиссимусом Энвер-пашой. Последний засыпал меня похвалами за мои военные успехи и позволил мне отдохнуть пару месяцев в интереснейшей со всех точек зрения столице Османской империи. Стояла середина июля — купальный сезон был в разгаре. Поэтому я решил остановиться не в европейском районе Пера, как намеревался ранее, а в симпатичном домике на другом берегу Босфорского залива, в историческом селении Кадикёй или Халкидонии, как называли его финикийцы. Там генерал фон

---

[1] Serasker — военный министр, Seraskerkapisi — Военное министерство (тур.)

Бронзарт и еще несколько старших немецких офицеров уже проводили летний отпуск.

Район вилл вокруг Кадикёя, в котором я поселился, назывался Мода. С белого пляжа, омываемого волнами Пропонтиды, я в один из розоватых вечеров января 1915 года с грустью созерцал закат солнца и величественные сумерки, которые заливали кроваво-красным теплым светом тысячи минаретов и бесчисленные купола Стамбула.

Во время одной из таких благоуханных ночей, когда соловей выводит трели в густых зарослях цветущих магнолий, а густая кипарисовая роща безутешно стонет и качается у мраморных гробниц, покрытых восточным орнаментом и освещенных бледным сиянием звезд, в салоне у фон Бронзарт-паши устраивался прелестный вечер. На нем среди прочих должен был присутствовать начальник штаба 3-й армии подполковник Гузе-бей, которого я не видел с тех пор, как мы с ним расстались в Эрзеруме в начале 1915 года.

Когда я тем вечером сидел по правую руку от Его Превосходительства, а напротив меня пылал куст ярко-красных роз, и украшения дам, кресты их кавалеров переливались всеми цветами радуги, то после двух лет лишений и тревог я вновь ощутил ту странную дрожь, которую обычно возбуждают такие гостиные в сердцах всех, кто носит на поясе шпагу и золотые шпоры на сапогах. Невесть почему мне вдруг вспомнилась моя родина, лежащая далеко за морями.

Шесть или восемь недель отдыха, которые мне предоставил военный министр, я, естественно, использовал для посещения исторических памятников Стамбула и более пристального знакомства с ними. Они до сих пор соседствуют со стеной macrontikos[1], построенной, а точнее говоря — достроенной императором Анастасием над развалинами древних укреплений, возведенных еще императором Константином и Феодосием вокруг первоначального города.

Великолепный бастион, который пришедшие с Дуная полчища варворов так и не смогли покорить, до четвертого века назывался Византийским Стамбулом, пока византийские греки не дали ему имя Константинополь. Турки же, спустя десять веков, назвали его deri saadet, что означает «Врата счастья», или «Прекрасные врата».

Здесь обычно находилась резиденция султана, что продолжалось почти до наших дней, т. е. покуда двор не был переведен во дворцы Йилдыз и Долмабахче в Пере. Именно там находится также трон Шейх-уль-Ислам, т. е. главы официальной церкви.

[1] Macron — на дальнее расстояние, tikisma — каменное сооружение (древнегр.)

Стамбул возвышается над знаменитым заливом Золотой Рог, который тянется на шесть километров в длину и в самом широком месте насчитывает примерно шестьсот метров. Залив расположен между городами Галата и Одун-Капы, тогда как изгиб этого рога образует устье древнейший Ликос, или Кинарес, что в предместьях Киат-Хане и Али-бея. Это место еще двадцать лет назад было излюбленным местом гуляний и отдыха и до сих пор называется «Пресными водами Европы», чтобы отличить его от «Азиатских вод», или вод Йюба, впадающего в Босфор на левом берегу этого пролива.

Стамбул был возведен на террасах, которые взбираются по берегу от самой Пропонтиды и Золотого Рога. На самой вершине Серальо сквозь зеленые кроны деревьев блестят, как потемневшее серебро, свинцовые купола и балюстрады Эски Сарая.

На вершине огромного мола, на котором там и сям виднеются живописные дворцы из серого и красного мрамора, дома и домики, украшенные разноцветными глазурованными плитками, и тысячи ветхих деревянных лачуг разных оттенков, окруженных помойными кучами и зловонными лужами. На фоне бирюзового византийского неба возвышаются кружевные вершины гор, украшенные мраморными филигранными ожерельями фризов стройные минареты и серые купола двух тысяч пятнадцати мечетей, двух сотен медресе (или религиозных школ), ста двадцати православных христианских церквей, тридцати шести синагог и двухсот шестидесяти мусульманских монастырей, украшающих семь холмов старинного Стамбула.

А рядом текут прекрасные воды Босфора, чьи серебристые волны разбиваются о белые пески на побережьях Европы и Азии. В эти воды глядятся великолепные кипарисовые леса, под тенью которых тысячи лет назад отдыхали Сафо, Эфигения и отважные спутники Ясона.

Самые густонаселенные окраины Стамбула, простирающиеся по всему берегу Золотого Рога, сегодня уже лишены древних стен, по крайней мере, со стороны моря. В то же время от станции Сиркечи и от подножья Серальо идет почти неповрежденная древняя стена macrontikos. Сохранились даже места, где она идет в три ряда. Ее высота — девятнадцать с половиной метров, а ширина — шесть. По бокам стоят три тысячи башен в двадцать четыре метра высотой. Сама она окружена широкими рвами, в которых теперь устроена огороды и сады. В них — апельсиновые, лимонные, миндальные, гранатовые, густолиственные банановые, деревья и магнолии соседствуют с темными кипарисовыми рощами на армянских и мусульманских кладбищах. Эти кладбища занимают почти все пространство между древними бастионами Византии и ее полуразрушенными укреплениями.

Из двадцати ворот этой знаменитой стены самые известные, безусловно, Топкапы. Они свидетели смерти героического Константина Палеолога, последнего императора Византии. Не желая пережить гибель своей империи, монарх предпочел броситься на копья сарацин и погибнуть в бою, погребенным под горами вражеских трупов.

Первый и самый значительный из семи холмов, на которых стоит древний Стамбул, называется Сераль. Среди прочих замечательных зданий там имеются великолепные мечети Святой Софии и Султанахмет, а также императорский дворец или дворец великого визиря, расположенный напротив ворот Сарайкапы.

Второй холм покрывают «Большие Базары», называемые также египетскими. Там же расположены общественные бани yeni-kapusi, «сожженная колонна Константина», мечеть Нуриосмание. У подножья холма и вокруг Валиде-Султане находится balik-pasar, имеющий славу главной торговой точки Стамбула.

Третий холм делится пополам акведуком Валентина. Там, кроме развалин древнего Сераля, расположена мечеть Сулеймана.

На четвертом возвышается мечеть Мехмеда II и колонна Марциана.

На пятом стоит мечеть Селима и греческий район Фенер.

Шестой холм знаменит развалинами дворца Константина, еврейским районом Балат и древним дворцом Хебдомон, от которого также остались одни руины.

Седьмой холм венчает мрачная крепость yedi-kule[1], т. е. «Крепость семи башен» Константина Катакузена. Об ее стены бьются с чудовищным грохотом волны Пропонтиды. Эта крепость в течение долгих веков была тюрьмой, гробницей для живых, в которой опальные византийские вельможи и великие визири, ослепленные и пережившие ужасные пытки, влачили свои жалкие дни до самой смерти.

Среди святынь Стамбула из всех выделяется сероватая главная мечеть — бывший христианский собор Святой Софии. В шестом веке, точнее — в 563 году, император Юстиниан приказал возвести это здание на месте разрушенной базилики Святой Софии. Строительство было поручено Амфемию из Тралл и Исидору из Милета.

История гласит, что когда император увидел этот грандиозный купол и все это величественное и невообразимо дерзкое творение, построенное из белого пористого камня с острова Родос и трижды превосходящее древний иерусалимский храм, он с восторгом воскликнул: «Наконец-то я тебя победил, Соломон!».

[1] Yedi — семь, kule — башня (тур.)

Это необычное с точки зрения архитектуры здание турецкие завоеватели переделали в мечеть. Они лишили его большей части убранства — в том числе, знаменитой мозаики и крестов, вытесанных на его огромных каменных сводах. Однако и теперь их можно кое-где заметить под тонким слоем извести и гипса, призванным скрыть христианскую символику. Иногда в пламени факела то там, то сям блеснет в темноте старинная позолота. Эти отблески свидетельствуют о погребенных здесь несметных богатствах мозаик и фресок. Увы, им не дано будет вновь увидеть дневного света, покуда полумесяц не будет заменен крестом на главном куполе Святой Софии.

Снаружи это здание не производит того грандиозного впечатления, которое ей обычно приписывают. Это — серая громада, венчаемая куполом и окруженная четырьмя минаретами разной высоты. Они, кстати, гораздо менее примечательны, чем минареты мечети Ахмеда и мечети Сулемание. На тех имеются двойные и тройные галереи, похожие на ожерелья. Когда на праздники по ночам их освещают изнутри, то они похожи на сияющие короны, парящие в темноте одна над другой.

Из четырех минаретов Святой Софии два приказал возвести султан Мехмед II Фатих. Третий — Селим II, тогда как четвертый (с полумесяцем над центральным куполом) построил завоеватель Багдада Мурад IV.

Мощь и величие храма Святой Софии можно почувствовать лишь войдя в нее через центральный портал и оказавшись в огромном пространстве главного нефа, точнее говоря — под центральным куполом. Он насчитывает около двухсот футов в высоту и сто пятнадцать футов в диаметре и опирается — не помню точно — на двести или триста полусфер (тоже достаточно больших размеров) и на бесконечное количество вспомогательных нефов, которые уменьшаются по мере удаления от центра здания.

Здание лишено аттика, который, возможно, разобрали турецкие архитекторы. Вместе с элегантной апсидой, скрывающейся позади главного алтаря, Святая София насчитывает семьдесят семь метров в длину и семьдесят один метр — в ширину, считая от наружной стороны стен. Ее центральный купол идеально вписан в квадрат и покоиться на четырех колоннах, которые завершаются наверху арками и парусами.

Лишенный росписи и скульптур, храм Святой Софии может в качестве основного украшения похвастаться своей простотой, которую лучше назвать наготой — вроде какой-нибудь бронзовой языческой статуэтки, которая хороша своим неповторимым силуэтом. Что же касается деталей его интерьера, то храм можно сравнить с драгоценной шкатулкой. Взять хотя бы великолепный трон султана, весь

покрытый золотом, которому вторят бесчисленные роскошные светильники из драгоценных металлов. Они свисают с высоких сводов собора, возможно, их пышность скрывает их весьма относительную художественную ценность. Наконец, потрясает восточная роскошь, не знающая меры в своем пристрастии к мрамору, порфиру, драгоценным металлам, эмалям, фризам из резного камня, прекрасным орнаментам с причудливой арабской вязью, богато изукрашенным нишам, горделивым порталам и блестящим колоннам, увенчанным ионическими капителями или украшенным листьями аканта. Эти колонны некогда поддерживали своды самых известных храмов древней Эллады — таких, как храм Солнца в Баальбеке, Парфенон в Афинах, храм Дианы в Эфесе.

Над этим удивительным ансамблем из белого мрамора и драгоценных металлов, купающемся в алых, фиолетовых и голубых, почти опаловых, красках, там и сям выделяются, словно горящие змеи, бесчисленные суры из Корана, восхваляющие Аллаха. Их во времена султана Мурада IV изобразил каллиграф Мустафа Челеби, расписав золотыми буквами (иногда до девяти метров высотой) огромные круглые щиты и ляпис-лазурью — широкие фризы храма.

Солнце проникает в Святую Софию через множество отверстий. Только под нижней частью ее огромного купола находится около сорока широких окон. Они расположены друг над другом и снабжены цветными стеклами. Проходящие сквозь них лучи солнца заполняют огромное пространство собора мягким таинственным светом имеющим оттенок розы и гелиотропа.

Помимо четырех сарацинских минаретов, нескольких мусульманских ворот или какой-нибудь поверхности стены, покрытой экстравагантными рисунками, никак не вяжущимися со строгими линиями колонн, которые подымаются, как стволы пальм, к высоким карнизам и многокупольной крыше, в Святой Софии нет больше ничего любопытного. Разве что атриум, или внутренний дворик, кажущийся очень маленьким по сравнению с ее собственными размерами, да еще, возможно, яшмовая (если не ошибаюсь) колонна. В одном из ее пазов обычно скапливается вода. Быть может, это небесные слезы, стекающие сюда благодаря чудесной силе?

В этом святилище есть еще одна примечательная колонна. Она стоит справа от главного входа и привлекает внимание косой трещиной, похожая на след от удара сабли. Эта отметина находится на высоте метров пяти. Легенда гласит, что это след от ятагана надменного султана Мехмеда II Фатиха. Победоносно въехав в храм на взмыленном жеребце, султан заставил своего коня запрыгнуть на гору трупов христиан и затем нанес удар по колонне, бросив тем самым вызов всему христианскому миру.

По той же легенде именно в этот момент из потолочного свода выпал огромный камень и похоронил заживо священника, который, стоя на галерее и вознося к небу Святые Дары, молил султана пощадить тех немногих защитников гордой Византии, которые еще оставались в живых и, истекая кровью, продолжали оборонять главный алтарь храма. Это потрясающее событие, который до сих пор помнят оттоманские греки — потомки тех самых византийцев, произошло примерно в середине 1453 года. Тогда под глухой стук барабанов и нескончаемое гудение рожков сто пятьдесят тысяч фанатичных сарацин и около тридцати тысяч янычар, предводительствуемые неистовыми муллами, бросились, словно голодная свора собак, на Стамбул. Они размахивали оружием, метали дротики и издавали вой и улюлюканье, от которых стыла кровь в жилах самых отважных защитников из немногочисленного войска христиан. Их было всего девять тысяч, из коих три тысячи составляли католики. Дикие турки под предводительством отступника Орбана с оглушительным грохотом метали в стены героической Византии гигантские каменные снаряды, разрушающие башни и заставлявшие сотрясаться до основания эту последнюю цитадель христианской веры, что возвышалась над золотыми водами Леванта.

Османские греки, разумеется, по-прежнему до безумия любят эту древнюю базилику, хотя она и переделана в мечеть. Для них она навсегда осталась священным символом древней империи.

Помимо Софийского собора среди остальных святынь Турции выделяется своей особой красотой и несравненными архитектурными достоинствами минаретов великолепная мечеть Селимие в Адрианополе. Она была воздвигнута во времена Сулеймана Великолепного оттоманским подданным Синаном. Хотя он и не был архитектором по профессии, тем не менее, похоже, кроме этой несравненной мечети построил еще сорок или пятьдесят самых больших и известных мечетей в этой империи.

Один из минаретов мечети Селимие возвышается чудесным, почти невероятным образом на двести футов (хотя его диаметр едва имеет одиннадцать футов в основании и восемь на верху). Внутри имеется три каменных винтовых лестницы, отделенных друг от друга толстыми стенами. Одна лестница ведет на первую из трех галерей, что ожерельем окружают эту башню; вторая — на среднюю галерею, а третья — на самую верхнюю. С нее-то и поет ежедневно муэдзин свои хвалы Аллаху, созывая правоверных мусульман на молитву.

После мечети Селимие, как мне кажется, третье место по значимости во всей Оттоманской империи занимает пользующаяся заслу-

женной славой мечеть Омара в Иерусалиме. Она построена в ирано-индо-арабском стиле. В ней наряду с мавританскими стрельчатыми арками присутствуют великолепные образцы архаического декора в виде аканта.

Главное достоинство этой святыни, однако, вовсе не в ее размерах, которые в сравнении с главными мечетями мусульманского мира не производят никакого впечатления, но в несомненной красоте ее линий и неповторимой и нескончаемой игры света и тени внутри.

Помимо Святой Софии в Стамбуле имеется бесконечное число мечетей, окруженных ажурными минаретами, украшенными яшмой, бронзовыми инкрустацией, мрамором, алебастром. Среди них наибольшее внимание своими размерами привлекает мечеть Сулеймана. Она была возведена в 1566 году Синаном на месте древней церкви Святой Евфимии Халкедонийской.

Следует также упомянуть мечеть Султанахмет, знаменитой необыкновенной красотой своих шести минаретов. На четырех из них находится по три изящных мраморных галереи, а на двух оставшихся — по две (если я не ошибаюсь).

В мечети Мехмеда II, или Мехмеда II Фатиха, которая была построена греческим архитектором Кристобулом на месте разрушенной церкви Святых апостолов, относящейся ко времени Юстиниана, покоится прах древних византийских императоров. Он перемешался со строительным раствором, который использовали для укрепления фундамента. На видном месте находится мраморная плита со следующим предсказанием знаменитому варвару, завоевателю Византии: «Приветствую тебя, о войско и счастливый Принц! Однажды вы завоюете Стамбул!».

За мечетью Нуриосмание, расположенной напротив Египетских рынков и в лунные ночи похожей на сказочный замок, следует по своему историческому значению мечеть Эйюб. Она построена из белого мрамора и не имеет колонн. В ней покоятся останки храброго сарацинского эмира Эйюба, личного друга Пегамбера, т. е. Божьего Пророка. В середине VII века он развернул в боевую линию свои корабли у входа в бухту Золотой Рог и под знаменем полумесяца, трепещущим на ветру, первым пошел в атаку и погиб, израненный стрелами, у древних стен Византии.

В этой мечети, которую украшают пестрый мраморный пол и многочисленные постоянно горящие светильники из алебастра, порфира и серебра, самый старый дервиш из династии Мовлеви опоясывает ятаганом Османа оттоманских монархов в день их восшествия на престол — ведь у турок не принята церемония коронации. У них — народа воинственного — скипетр и корона соединяют-

ся в одном, а именно — в синеватом клинке меча Османа-Завоевателя, основателя династии Османлисов[1].

Еще две знаменитейших святыни Стамбула — воздушная мечеть Лалели-Джами, расположенная в центре квартала Фатих, и симпатичная мечеть Баязида, стоящая рядом с военным министерством. Последняя была возведена на том месте, которое когда-то занимал форум Феодосия.

Предваряемая атриумом, окруженным галереями со стрельчатыми арками, в которых перемежается белый, розовый и черный мрамор, эта мечеть имеет также красивейшие внутренние убранства, в первую очередь надписи, а также многочисленные колонны из мрамора с прожилками и из яшмы (черные и зеленые, если не ошибаюсь). Колонны эти увенчиваются капителями в форме изящных сталактитов.

Но, пожалуй, самая симпатичная особенность этой святыни заключается в том, что вокруг минаретов и под их сероватыми, покрытыми цинковыми пластинами куполами в невероятном количестве гнездятся голуби.

Каждый раз, когда я, гуляя, проезжал мимо того места, я обычно спешивался и садился, скрестив ноги, на скромный табурет в каком-нибудь маленьком кафе на свежем воздухе, расположенном около этой мечети под сенью развесистого платана. Я выпивал чашечку кофе и выкуривал пару сигарет. Эти ручные птички усаживались, воркуя, мне на плечи — к большому неудовольствию Тасима, которому потом приходилось чистить мой мундир.

Кстати, о мечетях. Одна из вещей, которых я никогда не мог понять, это то, каким образом минареты — эти тончайшие иглы из извести и камня — спокойно сохраняются при землетрясениях, которые часто сотрясают Стамбул и разрушают большинство его строений — от простой хижины из жестяных листов до императорских дворцов. Таких, например, как дворец Кият-Хане. Многие здания в Стамбуле построены целиком из дерева и, следовательно, являются причиной гигантских пожаров, случающихся здесь регулярно. Так, в 1918 году огонь уничтожил около двадцати тысяч домов в квартале Фатих.

После таких катаклизмов в Пере и Стамбуле остаются огромные серые пятна, усеянные развалинами зданий, словно синяки на морщинистой шкуре какого-нибудь великана.

---

[1] В 1459 году по приказу Мехмеда II архитектором Атиком Синаном была построена первая в Стамбуле мечеть — Эйюб, названная так в честь погибшего во время осады Константинополя арабами в 668 году знаменосца пророка Мухаммеда — Эйюба, Ансари. Здесь же находится гробница Эйюба, почитающаяся как святыня. Именно в этой мечети проходила символическая церемония, во время которой новому султану передавался легендарный клинок основателя династии Османа Гази (1258—1324).

Эта невероятная прочность минаретов, которые век за веком горделиво возносятся ввысь, бросая вызов небесным молниям и первобытным содроганиям земли, должна была бы заинтересовать не только архитекторов, но и всех тех, кто в горделивом невежестве своем взирает с презрением на цивилизацию prochain-orientale[1], ведь она уже была древней за тысячу лет до того, как языческая Европа только собиралась стать цивилизованной.

Чтобы рассеять недоумение всех, кто с удивлением спросит, откуда берутся средства для поддержания в должном состоянии всех этих мечетей и прочих религиозных институтов Турции, я позволю себе заметить, что в Оттоманской империи духовенство живет не на милостыню и не на добровольные пожертвования своих прихожан, а на жалование, которое ему регулярно выплачивает министерство Evkaf[2]. Оно создано специально для того, чтобы распоряжаться 35 или 40% городской собственности, которой фактически владеет турецкое духовенство, а также тремя четвертями сельскохозяйственных угодий (их называют земли Vakuf), которые также принадлежат церкви, хотя и не навсегда.

Кстати сказать, во всех мечетях обычно имеется кафедра, окруженная знаменами и священными вымпелами на древках. С нее hoca-effendi, т. е. священник, носящий также титул имама или муллы, читает и поет суры Корана. Он это делает сладким и жалостливым голосом, что придает мусульманскому обряду что-то необъяснимо печальное и необыкновенно впечатляющее. Возможно, это происходит потому, что их служба исключительно проста и окружена молчаливым и безграничным уважением к возвышенному. Службу посещают только мужчины. Женщины участвуют в ней, сидя в специальных, отделенных решетками, помещениях или на потайных галереях, расположенных в отдалении от кафедры.

Внутри мечети нельзя находиться ни собакам, ни младенцам. Там не должен быть слышен шум шагов. В этом священном месте царит глубокая и торжественная тишина.

Трудно забыть вид тысяч мужчин в белых, голубых и коричневых халатах с белыми тюрбанами на голове, выполняющих — все, как один и абсолютно бесшумно, словно хор призраков — целый ряд сложных движений. Никогда не изгладится из памяти единодушный выдох этой толпы, сидящей безукоризненно ровными рядами друг за другом. Все это наполняет любого человека восхищением и уважени-

[1] Ближневосточный (фр.)
[2] Evkaf — вакуфы (имущество мусульманских религиозных общин)

ем к этим людям, точнее говоря — к мусульманским народам, с такой точностью и с таким рвением выполняющим непреложные предписания их религии.

Если бы мы, так называемые цивилизованные народы Старого и Нового Света, привыкли думать не только о настоящем, но и хотя бы немного о будущем, то война, которая только что опустошила Европу, никогда бы не произошла. И двадцать миллионов молодых и здоровых людей не гнили бы сейчас в безвестных могилах из-за прихоти политиков, а также амбиций и ненасытной алчности богачей.

Глава XXVIII

Одной из самых приятных черт мусульманской религии является почитание памяти покойных, которые, с точки зрения мусульман, не умирают, а засыпают сном праведников в своим могилах.

Поэтому-то исповедующие мусульманство никогда не оплакивают своих умерших родственников, а наоборот, часто ходят на кладбища, являющиеся для них не местом скорби, а неисчерпаемым источником утешения.

Дни отдыха, а именно пятницу, которая соответствует нашему воскресенью, те, кто наиболее привержен памяти ушедших близких, предпочитают проводить в их обществе, у могил. Сидя в тени темных кипарисов, они временами представляют поистине трогательное зрелище: какая-нибудь вдова с маленьким ребенком на руках или девушка с бледным челом склоняются к цветнику у могилы, доверяя луне свои печали или щебеча, словно раненый соловей, тому, кто покоится под землей, как сильно она его любила.

Турецкие похороны, как правило, являются церемонией торжественной. На них не увидишь слез, не услышишь душераздирающих криков, как у арабов. Те иногда даже нанимают старух, чтобы они своими жалостливыми воплями помогали оплакивать смерть близких.

На турецких похоронах на лицах всех присутствующих — важное, почти торжественное выражение. Такое же бывает на лицах стариков, провожающих своих сыновей или внуков на войну или в долгое, очень долгое путешествие.

И если кто-нибудь выразит отцу покойного соболезнования, единственное, что он ответит голосом человека, в котором под напускным спокойствием борются благопристойность и плохо сдерживаемая боль, это: «Ne yapalim? Allah Verdi, Allah aldi...». Что означает: «Что поделаешь? Бог дал, Бог взял».

Благородство, внимание и необычайное почтение, с которым относятся к своим предкам и древним учителям оттоманские турки как высокого, так и низкого происхождения (что особенно заметно на фоне чрезмерного легкомыслия и пошлости греков и левантийцев), вкупе со строгим соблюдением непреложных религиозных законов и являются основой того возвышенного смирения перед неизбежным, что сквозит почти в каждой из турецких пословиц и максим о судьбе. Вот несколько примеров подобных изречений: «Коли Бог дает и берет как ему заблагорассудится, к чему вмешиваться в его дела?» Или: «Тот, у кого хорошее здоровье и чистая совесть, кто не должен заботиться о завтрашнем дне, чувствует себя так, словно весь мир у него в руках». Или еще: «Никогда не проси справедливости у небес Сделав это, ты поступишь несправедливо по отношению к ним, ведь справедливости в мире — нет».

Эти и подобные им любимые поговорки турецкого народа, которых я мог привести множество и которые все как одна говорят о неизбежности, затрудняют проявление личной инициативы. Благодаря им ясно видно, откуда главным образом происходит пресловутый восточный фатализм. Его пагубное воздействие постоянно сказывается не только на частной жизни мусульман, но также и на res publica[1] исламских народов в целом. Несмотря на все их усилия что-либо изменить, они всегда были и навсегда останутся привержены инерции и рутине, покуда незыблемое учение Корана будет окутано нетерпимостью, покуда его ученые толкователи не признают тех физических новшеств и моральных завоеваний, которые прогресс, наука и развитие пролетарских учений неизбежно вынудят когда-нибудь принять политико-социальные институты мусульманского мира.

Почти на всех мусульманских кладбищах Константинополя отсутствуют ограды и решетки. Могилы, как правило, находятся в плохом состоянии из-за кипарисов: распространяясь повсюду, их корни приподнимают надгробные камни и мраморные, яшмовые или гранитные колонны (на их верхушках находятся фески и тюрбаны). Эти колонны украшают могилы, которые обычно разукрашены более или менее роскошно, в зависимости от статуса похороненного. Часто на них вырезаются надписи вроде следующей: «О, Аллах! Ты даровал нам жизнь и смерть, позволь же мне умереть в твоей святой вере, дай мне мир, дай мне покой!».

[1] Общественная жизнь (лат.)

Могилы женщин украшены корзинами с цветами, искусно вырезанными из камня на крышке саркофага, тогда как могилы мужчин покрыты барельефными изображениями ятаганов и батальных сцен.

На многих надгробных плитах есть отверстия или узкие сосуды, которые родственники умерших нарочно приказывают высечь — для того, чтобы птицы могли напиться дождевой воды, которая в них скапливается.

Сколько раз я часами бродил в размышлениях по этим полуразрушенным кладбищам, мимо заброшенных могил, когда серебристые лунные лучи освещали их мертвенно-бледным светом. Шумели кипарисы и далекая песнь муэдзина трепетала в воздухе и отдавалась странным эхом в ночи, бархатисто-синей, как глубокие морские воды.

Во время больших религиозных праздников, называемых Рамазан, которые по значимости можно сравнить с нашей Страстной неделей, мусульмане имеют обыкновение в течение одного месяца соблюдать пост с рассвета и до захода солнца. Удивительно, как правоверные, измученные столь долгим воздержанием от пищи, сразу после того, как с высоты минарета прозвучит «Lah-Ilah-Il-Lah-Lah», бросаются с торжествующими криками к заранее накрытому столу, чтобы отыграться за двенадцать часов жестокого голода.

В полночь едят во второй раз — обильно или скромно, в зависимости от доходов каждого. А после завтрака, который происходит незадолго до рассвета, верующие ложатся спать, чтобы проснуться лишь в полдень — голодными и, естественно, в плохом настроении. Весь день они ждут захода солнца, чтобы как и накануне наброситься на еду.

Во время поста мусульманину категорически запрещено не только есть и курить, но даже пить воду и нюхать цветы. Все это происходит из-за чрезмерных предписаний шариата (наиболее значимой священной книги после Корана и хадисов), которые касаются практически всего — ростовщичества, архитектуры, молитв, ухода за новорожденными, того, как надо чихать, и даже как и когда наилучшим совершать «га», т. е. военные походы с целью грабежа, которые и теперь практикуют племена пустынь.

Последняя часть Рамазана называется Байрам. Он длится четыре дня, в течение которых проводятся праздничные базары. Члены больших семей и знакомы общаются здесь друг с другом, тратя деньги столько, сколько каждый может себе позволить. В эти праздничные дни забивают тысячи барашков, которых затем жарят на вертеле. И даже самые бедные семьи Стамбула с трудом могут

представить себе Байрам без kuzu — жаренного на открытом огне ягненка.

Это также время, когда раздают щедрую милостыню, т.к. турки необыкновенно жалостливы. Вот почему бедняк с протянутой рукой редко остается без подаяния — будь то обыкновенный куска хлеба.

Мусульмане никогда не относятся к нищему с презрением. Если им нечего подать или нечем помочь, то они, по крайней мере, участливо скажут: «Allah versin, kardeşim», т.е. «Бог тебе подаст, брат мой!».

Одна из причин, почему мусульманские народы сохраняли тесные контакты, несмотря на огромные расстояния, которые их разделяли, заключается в их паломничествах в Мекку. Ежегодно сотни тысяч верующих со всех концов света отправляются туда, поскольку этот город для магометан означает тоже, чем был Рим для католиков в средние века, т.е. до отделения от Католической церкви лютеран, англикан и прочих протестантских сект.

Сегодня эти паломничества совершаются не только на верблюдах, как прежде, но нередко в роскошных пульмановских вагонах по железной дороге Эль-Хиджаза, а также на трансатлантических пароходах, везущих паломников до порта Джидда, иначе говоря — почти до самых ворот Мекки. Эта пыльная аравийская метрополия превращается на период паломничества в своеобразный современный Вавилон, куда как птицы слетаются люди с трех континентов, чтобы на сотни разных языков молиться одному и тому же Богу — Единому и Единственному, Милосердному Аллаху и чтить, преклонив колени, память его Пророка Мухаммеда.

Почтение к родителям — еще одна прекрасная черта мусульманской веры. Сын никогда не сядет в присутствии отца, не заговорит без разрешения.

У черкесов сын должен стоять у стола скрестив руки, пока отец не закончит есть. Только тогда он, в свою очередь, может приступить к еде. При прощании сын целует отцу руку в знак глубочайшего уважения. «Целование руки» — это привилегия, на которую имеют право все старики, как богатые, так и бедные, и в которой им никто не отказывает.

В Константинополе многие из этих обычаев претерпели существенные изменения под влиянием европейцев. Но в чисто турецких районах и пригородах столицы они продолжают соблюдаться с извечной церемонностью и точностью.

Жилище мусульманина делится на манер древнего византийского дома на две части. Одна называется selâmlık, что соответствует androceo[1], и haremlık, который является древним ginecеo[2]. Это сход-

[1] Мужская половина дома (греч.)
[2] Женская половина дома (греч.)

ство связано с тем, что двадцать или тридцать тысяч оттоманских турок, которые в XIV веке помогали первому Осману основать свою могущественную династию, с самого начала быстро ассимилировались среди завоеванного народа. Единственное, что они смогли сохранить, это их язык и, до известной степени, их религия, которую они всегда хотели навязать силой завоеванным народам — прежде, чем она раствориться в нирване византинизма. Ведь политические игры, законы и все, что связано с оттоманским общественным управлением, всего-навсего более или менее точно скопировано с древней Византии.

Из двух вышеупомянутых частей первую, selâmlık, используют только мужчины, которые в ней принимают своих родственников и гостей. Haremlık же служит жилищем детям обоих полов младше десяти лет и женам, точнее говоря, жене, т. к. в Константинополе многоженство уже почти не принято в виду того, что Коран дает право каждой из четырех законных жен иметь прислугу и отдельный дом.

Эти столь многочисленные расходы не может себе позволить почти никто, кроме султана и членов его семьи.

Во времена абсолютизма крупные вельможи — великие визири и даже вали (т. е. генерал-губернаторы провинций) — позволяли содержать огромные гаремы, поскольку имели разрешение обирать по своей прихоти население вверенных им вилайетов. Но сегодня все изменилось. Конституция, автомобили, упразднение рабства и обязанность платить жалование прислуге положили конец этой скандальной традиции.

Сами турчанки теперь, выходя замуж, требуют от будущих мужей строгого соблюдения моногамии. Это означает, что принципы либерализма начали наконец распространяться и пускать корни в самой Турции.

Если до принятия конституции женщины носили плотные и темные платки, закрывавшие лицо, то теперь, особенно а Константинополе, их сменили воздушные газовые накидки. Они более прозрачны на головках красивых женщин, но сквозь них в любом случае можно рассмотреть в мельчайших подробностях турецких женщин. Женщины уже не носят туфли, похожие на домашние шлепанцы, и разноцветные шелковые шальвары, но одеваются по последней парижской моде. Выходя на улицу, они облачаются в элегантное pardessus[1] с капюшоном — турки называют его обычно şarşa или yaşmak

Хотя Коран и запрещает мусульманкам показывать даже прядь волос, повсюду можно заметить великолепные русые, смоляные и ка-

[1] Пальто (фр)

штановые локоны, кокетливо уложены под голубыми, белыми и коричневыми газовыми платками.

Стенографистки и другие девушки, служащие в общественных учреждениях, как правило, отбрасывают накидку на плечи и почти полностью открывают грациозные головки и открывают лица с томными черными глазами и тончайшими чертами. Единственное, чего не добился слабый пол на берегах Босфора, так это права носить шляпку. Но я не сомневаюсь, что со временем им и это удастся сделать.

Несмотря на то, что турецкая женщина, как правило, не получает должного воспитания, она является олицетворением самой женственности. И вопреки борьбе за эмансипацию, которую вот уже несколько лет ведет знаменитая писательница Халиб-Эдиб Ханум (сегодня она возглавляет министерство общественного образования Турции) и другие деятельницы культуры, турецкая женщина и теперь остается все тем же трогательным существом, переполненным нежными чувствами и наивными эмоциями, словом, такой, какой ее изобразил Пьер Лоти в известном произведении «Разочарованные».

Я думаю, что не только гречанки и левантийки, но и многие парижские модницы желали бы обладать тем истинно женским характером, который отличает красивых и покорных турчанок.

У подножия храма Святой Софии, который словно врос в покрытый зеленью холм, спускающийся к берегам Пропонтиды, возвышается Эски-Сарай со своими многочисленными куполами, покрытыми свинцовыми пластинами, и с незрячими стеклами, похожими на пустые глазницы.

Его вид с первого взгляда впечатляет, но затем не привлекает. Возможно, виной тому мрачный цвет его фасадов и зловещая тишина, царящая вокруг.

Одного свидетельства о том, что прежние его хозяева — византийские базилевсы — приказывали вырывать глаза у своих жертв и нанизывали их, словно четки, достаточно, чтобы заставить обойти стороной это мрачное здание.

В одной из пристроек дворца, сегодня называемой павильон Чинилли, или «керамический дворец», так как его украшают яркие изразцовые плитки, размещается Школа изящных искусств и Национальный музей древностей. В нем еще сохранились великолепные образцы керамики из Хизарлика, т. е. древней Трои. Немного дальше, рядом с Национальной библиотекой, таящей в себе несметные сокровища исторических документов, находится имперская казна, где хранятся в изобилии изделия из горного хрусталя, ювелирные

украшения, шелка, драгоценные камни, сверкающие доспехи, китайский и севрский фарфор, фаянсовые изделия, покрытые красивейшим орнаментом, резная мебель, ковры, оружие из дамасской стали, инкрустированное золотом и серебром, бесконечные рисунки по перламутру, цинку, слоновой кости и панцирю черепахи, резьба по розовому, эбеновому и лимонному дереву.

На некотором расстоянии (и даже достаточно далеко) от этих зданий стоит т. н. şirkai şeref-odasi[1]. Будучи христианином, я смог войти туда только благодаря своей турецкой форме, ибо тут под сенью из ляпис-лазури или чего-то в этом роде хранятся меч, стяг, мантия и круглый щит Магомета, «Пегамбера», которые султан Селим II привез с собой из Аравии, завоевав Сирию и Египет.

Среди старых крепостей Константинополя имеется две цитадели — Румели и Анадолу-Гисар. Они были воздвигнуты по приказу Мехмеда II по обоим сторонам Босфора, неподалеку от того места, где царь Дарий приказал соорудить огромный плавучий мост, чтобы захватить земли скифов по обе стороны Дуная. Почти у самого Черного моря, на южном (азиатском) берегу пролива виднеются очертания двух генуэзских крепостей, которые и по сей день находятся в довольно хорошем состоянии.

В этих безмолвных бастионах, стены которых увиты жимолостью, плющом и папоротником, можно еще увидеть бронзовые стволы пушек, торчащие из амбразур, а вокруг зубчатых башен реет розовый ореол. Вид этих двух цитаделей необыкновенно украшает и без того живописную панораму Босфора. Этот пролив кажется чудесной голубой рекой с крутыми берегами, покрытыми рощами платанов, кипарисов, миртов, лавров, со склонами, на которых тянутся деревеньки, дворцы, усадьбы и шале от Бююк-Дере и Терапии до Долмабахче, а на другой стороне — до Моды и цветущих садов Фенера.

В том месте, где начинает Босфор, на азиатском песчаном берегу возвышается подобно огромному амфитеатру город Эскутари, или древний Хризополис. Он является частью константинопольского округа и располагается на западном склоне нескольких холмов, увенчанных темными рощами кипарисов и кладбищами, слывущими самыми красивыми во всей империи.

Южной границей Эскутари является небольшая голубая бухта. В глубине ее располагается центральный вокзал Хайдарпаша, а на южном ее берегу, на небольшом полуострове, располагается маленький, но чрезвычайно живописный город Кадикёй, или Мода, а иначе

[1] Odasi — палата, şeref — честь, почет, şirket — общество (тур.)

говоря, Финикийская Халкедония. Когда в ее многочисленных окнах отражаются последние лучи заходящего солнца, Кадикёй светится и искрится, словно огромная кайма или колоссальный слиток золота.

Сколько раз лунными ночами я проезжал на элегантных «kayik» или катерах турецкого военно-морского ведомства вдоль красочных берегов древнего Босфора, на которых бок о бок с зарослями фиолетовых ирисов виднеются похожие на черепа серые руины страшных «замков тишины», куда византийские монархи заточали пожизненно своих ослепленных и изувеченных жертв. А рядом, там, где Босфорский пролив выходит в Понт Эвксинский — родину гарпий, возвышаются мрачные, почти отвесные скалы, и волны бьются о них с ужасным грохотом.

Есть там также, при самом входе в залив, еще более ужасные «лазуритные скалы», те, что внушали такой страх аргонавтам... Неосторожные корабли и по сей день разбиваются о них, подхваченные помимо течения сильным морским приливом.

Многие иностранцы часто ошибаются полагая, что пробыв несколько недель в Пере, пожив в Токатлиане или в Пера-Паласе, посидев в каком-нибудь ночном клубе и греческом кафе, и прокатившись на машине по главной улице Стамбула, они уже знают Турцию или, по меньшей мере, — Константинополь. Возвратившись к себе домой, они с пафосом и безразличием разглагольствуют, что страна эта ни на что не годна, что турецкие лавочники и торговцы — грабители, возницы и толмачи — мошенники. При этом они не подозревают, что эти лавочники, возницы и проводники Перы, как правило, вовсе не магометане, а армяне, греки и левантийцы, поднаторевшие в искусстве опустошения карманов доверчивых путешественников.

Чтобы проникнуть в самую душу Константинополя, нужно, для начала, затеряться на узких центральных улицах Стамбула, заходить в кафе, рестораны, пробовать местные блюда, обратить внимание на вежливое обхождение мусульман, которые обращаются с посетителем как с misafir, т. е. дорогим гостем, хотя тот и платит за еду.

Затем стоит не спеша прогуляться по большим базарам и спокойно понаблюдать, если получится, очень активную, но и размеренную жизнь пестрой толпы в фесках и тюрбанах. Стоит приглядеться и к длиннобородым торговцам с ясными глазами, уважительно приветствующих покупателя из-за прилавка и не начинают с ним говорить, пока он не обратиться к нему первым.

После больших базаров следует также не торопясь пройти по путанным и тихим мусульманским районам, окружающим рынки со всех сторон. И прежде всего, по району Фатих с его бесчисленными

переулочками и тупиками, вдоль которых стоят ряды темных домов с окнами, защищенными деревянными или железными решетками. Эти решетки называются celosia и служат для того, чтобы женщины могли смотреть на прохожих, а их самих не было бы видно.

В этих местах не заметишь открытых дверей, не услышишь лая собак, не увидишь детей, играющих и бегающих на улице. Повсюду тишина и полный покой. Слышны лишь громкий стрекот цикад, робкая трель соловья, заливающегося на цветущем гранате, и нежное журчание источника, слагающего поэтические строфы под бирюзовым небом Востока. Это единственные признаки жизни, которые можно уловить под жарким полуденным солнцем в этом глубоко загадочном месте, называемом сердцем Стамбула.

Если путешественник хорошо одет и импозантен, ничего странного не будет в том, что к ногам его лошади упадут браслет или алая роза, так что всадник даже и не поймет, как и когда это случилось.

Интересно и в тоже время — поучительно наблюдать иногда за небольшими площадями возле мечетей. На них, как правило, растут старые кипарисовые и ореховые деревья, платаны с густой кроной, под их тенью размещаются маленькие кафе на открытом воздухе. Там посетитель садится скрестив ноги на диванчик или деревянную табуретку, чтобы испытать keyif[1]. Это своего рода самосозерцание, при котором человек одновременно видит все и не видит ничего, не думает ни о чем и думает обо всем — сам не замечая этого. Тем временем Kahveci[2] неслышно снует среди сидящих клиентов, подавая то тому, то другому еще одну чашечку черного кофе без сахара (sade) или кофе с сахаром (şekerli), зажигая с помощью раскаленных углей погасшую сигарету или кальян.

Если этого полного покоя сознания и величественной тишины, которой окружена расположенная рядом мечеть, оказывается недостаточно, и человек захочет почувствовать себя еще спокойнее и отрешенней, ему нужно лишь пересечь улицу, снять обувь, войти в храм и погрузиться в высшую безмятежность — ту, что внушает душам мусульман эта безумная и абсолютная вера в Единственного Бога. Магометане имеют обыкновение посвящать ему больше времени и забот, чем своим повседневным делам и земной суете.

Только тот, кто смог проникнуть в эту таинственную атмосферу, в которой все посвящено Богу и покою и все жалеют пекущихся о завтрашнем дне, может сказать, что по-настоящему знает душу мусульманина и Турцию. Ведь Аллах — «само милосердие» и печется обо всех.

Elhamdülillâh![3]

---

[1] Keyif — хорошее расположение духа (тур.)
[2] Kahveci — содержатель кофейни
[3] Elhamdülillâh — слава Аллаху!

Глава XXIX

Тем временем ситуация в Европе усложнялась. Победоносные немецкие части наступали повсюду, за исключением Месопотамии, где британские войска отвоевали Кут-эль-Амару и продвигались к окрестностям Мосула. Дух беззаботности, воцарившийся в Германии после завоевания части Румынии и Украины, пополнивших запасы продовольствия в стране, заставили Верховное командование впервые после Дарданелльской операции обратить взоры на Турцию.

Командование османской армией все еще находилось в руках Джемаль-паши (а именно — 4-й армией в Сирии и Палестине) и Халила (6-я армия в Месопотамии), а потому пребывало в состоянии полного хаоса. Это не замедлило спровоцировать определенные трения, в результате которых начальник Генштаба турецкой армии генерал фон Бронзарт был отправлен в отставку, а генерал фон Фалькенхайн был назначен на пост командующего группой армий Сирии, Палестины и Месопотамии (в которую входили упомянутые 4-я и 6-я армии). Чтобы лучше контролировать ситуацию, во главе константинопольского Генштаба был поставлен генерал фон Сект — он только что добился больших успехов, возглавляя компанию маршала фон Маккензена в Румынии.

И, наконец, чтобы отделаться от всемогущего и наглого Джемаль-паши, Верховное немецкое командование пригласило его провести некоторое время в гостях у императора Вильгельма, где с ним, разумеется, обращались, как с принцем. И только после возвращения Джемаль понял, в какую западню угодил: в его отсутствие командующим 4-й армией был назначен безобидный Кючюк-Джемаль-паша[1]. Его же, т. е. Бююк-Джемаля[2], практически разжаловали и оставили лишь номинальную должность министра морского флота (без флота) — т. к. настоящим министром был немецкий адмирал фон Сушон, который хозяйничал, как хотел, в то время как Джемалю лишь оставалось подписывать приказы последнего.

Однако Халил (обеспокоенный произошедшим с его коллегой, а еще больше — с главнокомандующим Кавказской группой войск маршалом Ахмедом Иззет-пашой, которого тоже отправили в отставку, пока он гостил у кайзера) отказался принять приглашение, поступившее от кайзера и ему. Несмотря на все усилия Верховной ставки в Константинополе, предпринятые для отстранения его от командования, он продолжал спокойно занимать свой пост главнокомандующего 6-й армией в Месопотамии.

---

[1] Kuçuk — маленький (тур)
[2] Buyuk — большой (тур)

Генерал фон Фалькенхайн, едва заняв свой пост, принялся с помощью начальника штаба, полковника фон Доммеса, разрабатывать в общих чертах план новой кампании. Однако на детали он не обращал внимание. Поскольку он продолжал пользоваться безграничным, как казалось, доверием императора Вильгельма, ему ничего не стоило, помимо прочих важных вещей, получить тысячу или тысячу двести грузовиков последней модели. Благодаря им он хотел наладить надежное сообщение между Алеппо и Мосулом, которые являлись основными опорными пунктами в Сирии и Месопотамии.

К несчастью, уж не знаю, из-за его ли небрежности или Энвера, основная часть снарядов и почти весь бензин для будущей экспедиционной армии сосредотачивались в складских помещениях и внутренних дворах вокзала Хайдарпаши — до тех пор, пока однажды таинственным образом не взлетели на воздух двести или триста вагонов, груженых бензолом, бензином, взрывчаткой, гранатами, патронами и пр.

Эта неожиданная и ужасная катастрофа, естественно, разрушила все воздушные замки Фалькенхайна и заставила его отказаться от идеи завоевать Багдад и Кут-эль-Амару, что было основной целью планируемой им кампании.

Англичане же, напротив, не замедлили воспользоваться нашей оплошностью, которая им точно с неба свалилась, и для устрашения немедленно развернули основные силы на Синайском фронте. Фон Фалькенхайну ничего не оставалось, как использовать те немногие боевые части, которые у него еще оставались, для обороны Сирии и особенно — Палестины. Серьезную угрозу для последней представляло то, что британский генералиссимус продолжал перебрасывать дополнительные войска в район Газы.

Неприятное происшествие с нашими вагонами, которое я склонен объяснить халатностью портовых грузчиков, случайно уронивших какую-нибудь коробку со взрывчаткой, поставила в очень трудное положение и остатки наших войск в Месопотамии. К тому же Кавказ и большая часть Анатолии по-прежнему были завоеваны русскими, армия которых медленно, но верно двигалась к Сивасу, то есть в самое сердце Малой Азии.

Я склоняюсь к той версии, что упомянутая катастрофа не была делом рук вражеских летчиков (никаких самолетов не было ни видно, ни слышно в момент взрыва), но произошла по невнимательности турецких солдат, которые отвечали за разгрузку боеприпасов в порту, поскольку в тот момент, когда взорвалась первая петарда, граната, бомба или что-либо еще, я как раз ехал по двору вокзала Хайдарпаша. Я только что вернулся верхом на лошади по берегу с прогулки в Скутари и спрашивал у одного немецкого сержанта

военно-санитарной службы, почему командир приказал ему разбить палатки посреди этого скопления взрывчатых боеприпасов и цистерн с бензином. Внезапно сильнейший взрыв в нескольких десятках шагов справа от нас чуть не вышиб меня из седла и швырнул в ноги забившемуся в судорогах коню мою собаку, которую я взял на прогулку.

Прежде чем я осознал, что произошло, раздался новый, еще более ужасный взрыв, причем гораздо ближе.

Нечего и говорить, что я спешно покинул вокзал.

Не успел прогреметь третий взрыв, как мой конь буквально пролетел над обезумевшей от ужаса толпой, в смертельном испуге бежавшей прочь из этой преисподней. Через минуту или две после первого взрыва на воздух взлетали уже не ящики, а вагоны, груженые бензином и взрывчаткой. Дробь разрывавшихся мелких боеприпасов была такая же, как на передовой во время жаркого сражения.

Когда я ценой невероятных усилий смог наконец добраться до улицы Кадикёй, тянувшейся в виде бульвара по всему юному берегу бухты, с грохотом, похожим на раскат грома, взорвалось целое здание с боеприпасами — думаю, что там хранился динамит. Взрывная волна была такой сильной, что стекла почти всех прибрежных зданий вылетели с громким звоном, а я чуть не потерял равновесие в седле.

Невозможно описать, какую панику вызвала эта катастрофа не только в Кадикёй, но и в столице, где поначалу распространился слух, будто английская эскадра форсировала Дарданеллы и наступает на город.

Если бы в тот вечер в Моде начался один из тех ужасных пожаров, что периодически охватывают пригороды Константинополя, то, наверно, там не осталось бы одного целого здания, поскольку большинство жителей в ужасе бежали кто куда, бросая свои жилища.

Весь вечер и всю ночь огонь уничтожал то, что еще совсем недавно было самым большим и самым современным железнодорожным вокзалом в Малой Азии, а может быть и на всех Балканах. Миллионы фунтов стерлингов, вложенные в здания, подвижной состав и боевую технику, менее чем за двое суток превратились в пепел.

Нас с Тасимом неудержимо влекло к этому огненному вулкану и мы медленно подъезжали к нему. Наконец, заполночь нам удалось пробраться в главное здание вокзала, которое, словно гигантский факел, продолжало озарять ярко-красным светом неспокойные воды бухты.

В то время, как над нашими головами сверкали вспышки огня, который тянулся к дверям и протягивал свои щупальца в дымящиеся

окна, мы зигзагами продвигались вглубь здания по первому этажу. Кругом валялись куски, отвалившиеся от потолка, осколки гранат, перевернутая мебель и то, что бросили убегавшие вокзальные служащие и тысячи пассажиров — это несчастье случилось во время самого интенсивного движения поездов.

Жар был так силен, что в двухстах-трехстах шагах от берега загорелась целый ряд яхт и весельных лодок. Около пристани на лазурных водах, окрашенных пламенем в пурпурный цвет, колыхались, охваченные пламенем, mahona[1], груженые взрывчаткой — словно погребальные ладьи, которые древние викинги отправляли подожженными в море с трупами своих вождей.

Как только мы отвернулись от этого величественного зрелища, чтобы отправиться в другом направлении, одна из этих лодок взорвалась с таким грохотом, что затрясся даже фундамент здания вокзала. Мы поспешили спрятаться в развалинах вокзального ресторана. Там мы встретили нескольких немецких солдат, несших в корзинах продукты. Солдаты были пьяны. Увидев меня, они принялись оправдываться, говоря, что если они не унесли бы ресторанную снедь, то она бы сгорела.

На этот и другие подобные случаи ссылались в последствие греки, выдвигая серьезные, а иногда даже и очень серьезные обвинения против немецких войск, расквартированных в Константинополе и других городах империи. Иногда эти обвинения были явно несправедливыми, ибо, по правде говоря, поведение германских военных в Турции во время войны было, насколько я мог видеть, в основном корректным.

Разумеется, и в немецких войсках, как и в любой другой армии, встречались ничтожества, которые, пользуясь чрезмерным доверием своего начальства, скрывали недостачу бензина, продовольствия и т. п. на складах Главного интендантского ведомства.

Но, к счастью, случаи, когда немецкие офицеры пятнали свою репутацию, оказывались редкими, так что обвинения, безосновательно брошенные в адрес немцев некоторыми нечистыми на руку служащими турецкого интендантского ведомства, с моей точки зрения, не имеют абсолютно никаких оснований. Во всяком случае, когда речь идет о кадровых офицерах.

За несколько недель моего краткого пребывания в столице я имел удовольствие пообщаться среди прочих выдающихся дипломатов с канцлером дипломатического представительства Швеции господи-

[1] Mahona — зл деревянная лодка (тур)

ном Паулем Моном. В его элегантной библиотечной комнате я проводил множество приятных часов — не подозревая, что над моей головой все еще нависал дамоклов меч.

Полковник Осман Чефкет-бей — всемогущий начальник кадрового ведомства в военном министерстве — оказался тем самым ядовитым пауком, который следил за всеми моим передвижениями, чтобы погубить. Ведь инстинкт подсказывал ему, что единственный христианин, присутствовавший при кровавых расправах над армянами в восточных провинциях Ван и Битлис, представлял собой постоянную угрозу режиму младотурок и особенно — Комитету «Единение и Прогресс».

Немалую роль здесь сыграла и нечистая совесть самого Османа Чефкет-бея. Его ответственность за расправу над армянами ни для кого в армии не была секретом.

Один высокопоставленный чиновник военного министерства, который был моим другом и хорошо знал Османа, рассказал мне тогда, что иногда полковник целые ночи проводит без сна от страха, что я сообщу кому-нибудь из дипломатов компрометирующие младотурок сведения, которые бросят тень и на него. Ведь по тому, какой оборот принимали события, было понятно, что недалек тот день, когда страны Антанты, наконец, потребуют выдать тех, кто был наиболее повинен в тех ужасных событиях.

Мне стало понятно, почему Осман Чефкет-бей так настойчиво требовал от Энвер-паши запретить мне появляться в Константинополе в течение первых двух с половиной лет войны.

Я не сомневаюсь, что если бы Осман Чефкет-бей знал дату моего отъезда из Бирэссебы, то после моего приезда в Алеппо он тут же выслал бы меня в Мосул или куда-нибудь еще.

В те дни в Константинополе я встречался с начальником немецкого Генштаба фон Доммесом, который мне рассказал, что узнав обо мне, он два раза просил разрешения у военного министерства включить меня в состав Генштаба. И оба раза вице-генералиссимус ответил отказом, ссылаясь на то, что я уже был направлен в штаб 2-й Кавказской армии. Однако на «турецком» языке это означало следующее: Энвер-паша, боясь, что я со временем расскажу фон Фалькенхайну о той зловещей роли, которую сыграли его зять Джевдед и его дядя Халил во время резни в Битлисе и Ване, решил выслать меня на Кавказ, чтобы затем и вовсе тихо избавиться от неудобного свидетеля.

Предвидя неизбежное развитие событий, не дожидаясь ни моего назначения, ни прибытия императора Вильгельма, который со дня на день должен был приехать в Константинополь, я неожиданно явился в военное министерство и попросил направить меня во 2-ю армию.

Мою просьбу, естественно, тут же удовлетворили. За день до моего отъезда я, разумеется, отправился попрощаться с Энвером. Тот принял меня с обычной любезностью. В конце встречи он, лично проводив меня до двери кабинета, сообщил, что уже написал рекомендательное письмо командующему 2-й армией. Я изо всех сил старался выглядеть веселым, хотя и знал, каково истинное содержание этого послания: в нем Энвер приказывал Феси, чтобы «Ногалис-бей никогда не смог покинуть этих мест».

Такова была безжалостная формулировка, которую обычно употребляли младотурки, приказывая убить какого-нибудь офицера, мешавшего «государственным интересам» и потому подлежащего тайному уничтожению.

Все это происходило в конце сентября 1917 года.

Когда поезд тронулся с уже частично восстановленного вокзала Хайдарпаши и справа от меня стали один за другим мелькать цветущие сады Фенера, меня охватила ностальгия по родине. Я был охвачен невыразимыми гневом и горечью, которые должен чувствовать честный военный, поняв, что он приговорен к бесславной смерти от кинжала наемного убийцы.

Если бы я, как многие, страдал от мании преследования, то я бы, безусловно, сошел с ума в тот момент. Но, к счастью, вместо того чтобы испугаться, я перед лицом такой серьезной опасности, наоборот, успокоился и решил бороться до последнего. Не только для того, чтобы спасти себе жизнь — ведь умирающий должен испытывать облегчение, но и дабы доказать самодовольным эфенди: когда человек решает во что бы то ни стало не пасть от руки убийцы, то ему плевать и на государственные интересы, и на вице-генералиссимуса. И лучшее доказательство тому — у вас перед глазами. Разве я не остался в живых и не пишу воспоминания о резне армян, в то время как Энвер, ставший парией, скитается по миру?

Когда я говорю об Энвере, то имею в виду и Османа Чефкет-бея, и весь этот сброд ничтожеств и пигмеев. Они так его околдовали, что из блестящего военного и честного патриота превратили в ненасытного убийцу и бесстыжего вора. И все это вопреки великолепным способностям, доброте и благородству этого человека, которые могли бы послужить угнетенному народу Турции, возлагавшему на него такие большие надежды.

Быть может, этот случай послужит примером доверчивым людям, которые все видят в розовом свете покуда удача им улыбается. Дай Бог, чтобы в тот день, когда они встретятся с бесстрастной зеленоглазой сиреной, носящей имя высокой политики, они обратили бы внимание не только на ее прекрасный облик, но и на ее цепкие когти, с которых непрерывно капает кровь.

В Измите ко мне присоединился мой адъютант, проведший несколько дней со своей семьей. Когда поезд приблизился к обширной лагуне Ада-Пасар, меня поразили ледяные порывы осеннего бриза. Густая листва рощ уже окрашивалась в золото, и морские птицы, высоко взлетев в прозрачное небо Фригии, стаями устремлялись в сторону своих далеких зимовий на берегах Нила.

Из Измита, находящегося на южном побережье моря, в ясные дни виднеется, словно голубая тень, северный берег древней Вифинии. Его покрывает широкая, хорошо орошаемая долина, усеянная маленькими деревушками, плодородными полями и оливковыми рощами. Восточную границу этой долины образует подножье азиатского Олимпа. Его склоны — то пологие, то обрывистые — покрыты деревьями до самой вершины. Она достает до небес и все время покрыта белой шапкой снега.

У основания этой пирамиды расстилается Бруса. Если взглянуть на нее сверху, то панорама эта просто незабываема. Над городом, границы которого на три четверти образованы остатками древних стен, возвышается цитадель. Ее, как и сам город, построил царь Вифинии Прусий.

Расширенная греками, Бруса была объявлена столицей Османской империи ее первыми султанами, которые украсили город и построили важные оборонительные сооружения. Из глубины густых, темно-зеленых зарослей, окружающих множество домов Вифинии, прямо в ее бирюзовое небо устремляются повсюду изящные минареты, а овальные купола сверкают, словно капли жидкого золота.

Весь этот красочный ансамбль, оживляемый родниками, термальными источниками и серебристыми ручьями, стекающими с гор, воплощает саму жизнь, прохладу и приятные глазу контрасты.

Вокруг Пропонтиды (или Мраморного моря) расположены знаменитейшие развалины. Среди них особенно выделяется своей исторической ценностью руины Никомедии, бывшей одно время резиденцией Диоклетиана. А также — остатки Никеи, или современного Измита. Она знаменита вдвойне, ибо в ней родился Гиппарх и проводились знаменитые церковные соборы.

Нынче она превратилась в незначительное поселение. О прежней ее славе напоминает лишь одна греческая часовня, от памятников ее остались лишь следы, а от былых триумфов — воспоминания.

Глава XXX

На следующее утро после моего отъезда я в третий раз за время пребывания в Турции смог полюбоваться прекрасной панорамой

Эскишехира. Город сверкал, как перламутровое ожерелье в фиолетовой степи, а его минареты и белые купола вздымались вверх, словно скалы на фоне розоватых далей.

Этой жемчужиной император селевкидов Аладдин наградил за службу и преданность грубого Сулеймана, отца Острагула и деда Османа. И орда, или ordu, что по-турецки означает «войско», первого Османа едва насчитывающая несколько десятков тысяч кочевых турок родом из Центральной Азии, распространилась по всей округе Эскишехира. Эта область впоследствии стала считаться феодальным владением рода Османов.

Если бы Аладдин хоть на мгновение мог представить себе, что кучка этих храбрых пастухов однажды расправится с его империей — также, как его предки в свое время расправились с халифами династии Аббасидов в Багдаде, — то Османской империи никогда бы на свете не возникло, и польскому королю Яну Собесскому не пришлось бы в семнадцатом веке идти спасать Вену (а, возможно, и всю Европу) от нового татаро-монгольского нашествия (повторяю, сподвижники Острогула и его сына Османа происходили из татарского рода, подобно болгарам, финнам, венграм, парфянам, шумерам и прочим народам-завоевателям, чье происхождение теряется во тьме веков).

Немного передохнув в Эскишехире и пользуясь прекрасной возможностью осмотреть попутно Ангору и берега Эгейского моря (которые были, так сказать, единственной областью империи, которую я еще не осмотрел), я приказал, по прибытии в Афьонкарахисар, прицепить наш вагон к военному составу, направлявшемуся в Смирну. На следующий день, с рассветом, мы прибыли в селение Алашехир, или древнюю Филадельфию, расположенную на западной окраине Фригии, на берегу знаменитого Кузук-Чаи, притока Гедиза или Герма, как называли его в древности.

Двигаясь вдоль всего южного берега этой реки, протекающей по пыльной равнине, мы вечером проезжали около того места, где когда-то стояли Сарды — роскошная столица Лидии. Эта страна достигла наивысшего рассвета во времена последнего ее правителя Креза, побежденного царем Персии Киром.

Сейчас от Сард осталась лишь жалкая деревня, называемая Сарт. Вокруг нее все еще видны наполовину погребенные под землей могила Алиатта, руины театра, носившего его имя, остатки античного «стадиума». Имеются также развалины неизвестного храма и, наконец, шестьдесят холмов, внутри которых предположительно покоятся останки правителей древней Лидии.

На рассвете мы проехали мимо Мангунисе, или Магнесии, как ее называли эллины. Этот город расположился у подножья Сипил и является узловой станцией Бергамской железнодорожной ветки. Когда солнце спряталось за островом Хиос, в глубине огромной бухты показалась роскошная метрополия — Смирна, возвышающаяся на склоне горы Пагос. На ее вершине виднеются развалины древней генуэзской крепости. Многократно разрушавшаяся, целиком или частично, во время пожаров и землетрясений, Смирна, родной город Гомера, расположена в виде гигантского амфитеатра в северной части знаменитого залива. Благодаря выгоднейшему местоположению, она с незапамятных времен является наиболее важным из трех городов Малой Азии, имеющих выход к морю.

Бассейн Эгейского моря делится на «материковую часть», включающую в себя древние эллинистические прибрежные провинции Мисию, Либию и Карию (именно здесь родились Гераклит, Фалес и Геродот), и на Эгейский архипелаг — один из наиболее богатых островами в мире.

На побережье Ионии, в Мисии, отвесные скалы (местами покрытые дремучими лесами и зарослями фиолетовых рододендронов) образуют серию полуостровов и маленьких бухт.

На юг от острова Митилини с крепостью, стоящей напротив Айвали (иначе говоря, у самого входа в просторный залив Эдремид, украшенный горой Ида и развалинами Асоса), вблизи полуострова Чешме расположен остров Хиос. Они образуют чудесную бухту Смирны и граничат с руинами Фокии, откуда за несколько веков до Рождества Христова отплыл Пифий, чтобы основать Марсель, а затем бороздить холодные моря Исландии.

За островом Хиос следует остров Самос, расположенный в заливе Скала Нуова, куда несет свои воды Кючюк-Мендерес или Каистр. Недалеко от устья этой реки, возле Айяслика находятся руины некогда изящного города Эфес, прозванного «оком Азии». В нем — городе, где родились Гераклит и Апеллес, — скончалась Дева Мария, здесь же святой Павел проповедовал жителям Ионии и Эолиды.

От Эфеса, священной земли богини Артемиды, матери Природы, сегодня остались лишь следы того, что тысячи лет назад было знаменитым храмом Дианы, руины древнего театра, несколько колонн Акрополя и разрушенные пилоны огромного красивого акведука, сооруженного неизвестным инженером с большим художественным вкусом.

Немного к югу от Эфеса, неподалеку от устья знаменитого Меандра, под водами озера Акис, предположительно покоятся остатки того, что тридцать веков назад являлось городом Милетом — крупным торговым центром и родиной Анаксимандра, Фалеса и Ариста-

гора. Город этот был основан задолго до Р.Х. греческими переселенцами из Ионии.

Напротив острова Кос, где родился Гиппократ, протянулся одноименный глубокий залив. На его северном берегу тысячи лет назад процветал знаменитый город Галикарнас, столица Карии и родина Геродота. А на западной оконечности мыса, расположенного на юге залива, еще и теперь виднеются развалины дворца Мавзола. К нему относились с почитением восемнадцать веков — до тех пор, пока тамплиеры не разрушили его, когда, побежденные мусульманами, покидали материк, чтобы укрыться на острове Родос.

Помимо Лесбоса, родины Сафо, необходимо упомянуть также Бергаму или древний Пергам (он расположен к западу от Смирны, на берегу реки Кайкус). Его происхождение связано с детьми Андромахи, а внутри крепостных стен все еще находится храм Афины Паллады.

Еще один памятник языческой архитектуры, представляющий большую историческую ценность, это известнейший храм Афродиты со знаменитой статуей работы Праксителя. Он находится в довольно хорошем состоянии по сравнению с руинами Книдоса.

На юго-восток от Карии тянутся Ликийские и Панфилийские горы (с руинами Ксантоса и пр.). В той же стороне расположены исторические провинции Киликия Фракийская и Киликия Кампестра, где возвышается Джебель-эль-Мур. Сам является основой горных отрогов, служащих границей южной Анатолии и оделяющих ее от Сирии. На севере же, т. е. — в Малой Фригии, на берегах Геллеспонта, воды неширокого Эскамандра пересекают пыльную равнину Илиона, т. е. Пергама, царства Приама. Тысячи лет назад здесь возвышались величественные башни гордой Трои. На ее развалинах немецкий археолог профессор Шлиман недавно разыскал бесценные исторические сокровища. Трои уже давно нет на свете, но поклонники Илиады все еще узнают места, которые обессмертила знаменитая поэма.

А еще дальше на желтых берегах лазурной бухты, которую волны омывают словно серебристое кружево, в живописном беспорядке покоятся развалины Александрии-Трои. Из ее камней некогда были построены самые роскошные храмы и дворцы древней Византии.

Когда рассматриваешь сквозь призму Истории холмистую морщинистую поверхность древней Ионии, окруженную скалами, вершины которых круглый год покрыты снегом, а на склонах возвышаются гордые, окропленные кровью древние крепости, а также виднеются убогие селения, притаившиеся в расселинах, словно орлиные гнезда, невольно любуешься тем, как природа щедрой рукой смогла

создать наряду с горами и непреступными пиками цветущие долины и чудесные реки, бурно стекающие по глубоким ущельям, наполняющие их нежным журчанием и двигающие тяжелые колеса мельниц. Именно так природа помогает человеку повсюду создать очаг в любом уголке ее гармоничного беспорядка.

К сожалению, кроме Смирны, на берегах древней Ионии, похоже, больше нет значительных портов. Причиной тому, видимо, пересыхание рек, из-за чего жизнь крупных торговых центров постепенно затухала.

Плодородный ил Меандра, например, почти полностью отрезал реку от Латийского залива. В результате от всей этой области, некогда полной процветающих городов, остались одни бедные деревни и развалины древнейших поселений, которые когда-то были построены на манер амфитеатров на берегу моря и от которых теперь остались лишь знаменитые названия.

Одного лишь описания западного побережья — которое как раз и посещают востоковеды, — хватило бы для создания многотомного труда. Именно там искусство и красноречие прославили города Дориды, Ионии и Иолиды. Именно здесь руины Галикарнаса, Милета и Эфеса привлекают людей, изучающих античность.

Наблюдая с высоты прибрежных вершин, окутанных тучами, за морским берегом, который затенен густыми лавровыми рощами и о который без конца разбиваются волны, нужно помнить, что на тех берегах каждая скала имеет свою великую историю и что каждый из островов, подобных драгоценным камням на опаловой поверхности Эгейского моря, в то или иное время имел своих героев, своих гениев, свою эпоху бессмертной славы.

Возвращаясь с побережья, я отправил наш вагон с адъютантами и багажом по Афьонкарахисарской железной дороге в Бозанти, а сам в сопровождении Тасима продолжил путь верхом по горам и плоскогорьям Фригии и Карамании. На их узких равнинах, где росло множество тополей и каштанов, виднелись темные лагеря кочевых племен, которых обычно называют туркменами, так как они происходят из далекого Туркестана. Своим диким образом жизни они напоминают скифов и киммерийцев, которые в VIII веке до н. э. также кочевали, разбившись на орды.

Смелые всадники и неутомимые воины, туркмены проводят зиму в Малой Армении, или Карамании, где обычно находят в это время тучные пастбища. Летняя же жара заставляет их покинуть их kişlak[1]

[1] Kışlak — зимние пастбища (тур.)

и вновь отправиться вместе с семейством и скотом к яйлам, высоко в горы, где орлы яростно нападают на их стада, а медведи и пантеры вынуждают ночевать вблизи горящих костров.

Анатолия, т. е. Малоазиатское плато, окруженное кольцом обрывистых и тесных гор, была в начале четвертичного периода небольшим морем, вроде Каспийского. Уровень его находился примерно на той же высоте, что и уровень Понта Эвксинского, т.е. Черного моря, пока сильнейшее извержение вулкана не открыло проход через Босфор и Дарданеллы. С этого самого момента Босфор протекает с севера на юг, т.е. от Черного моря к Эгейскому. В результате этого Понт Эвксинский начал осушаться, а уровень его стал опускаться, так что в конце концов Черное море совершенно отделилось от Каспийского.

Доказательством этого служит своеобразные толстые металлические кольца, вделанные в поверхность скал на севере Черного моря и Пафлагонии. Как замечает турецкий географ Хаджи Хафа и как свидетельствуют местные жители, к ним привязывали канатами корабли в эпоху, когда Черное море, еще до осушения, поднималось до этого уровня. Из-за сильнейших сейсмических толчков, в результате которых исчезли Эгеида, а, возможно, и Атлантида, в горах армянского Тавра и Антитавра открылась брешь, в которую хлынули воды Анатолийского моря (назовем его так). Эти воды сформировали глубокие русла Тигра и Евфрата, заставили отклониться древнее и хорошо оформившееся русло Галиса или Кизилырмака с юго-запада на северо-восток, углубили бассейн знаменитого Меандра и направили кристально-чистые струи древнего Сауроса в огромное дикое ущелье Чакит или Бозантису. На дне этого ущелья глубокие, неведомые людям пещеры усиливают шум бешеных вод, которые ревут и извиваются, словно зеленоватые змеи с серебряной чешуей, между утесами в тысячу футов высотой и ужасающими скалами, срывающимися в бездонные пропасти.

В живописном горном селении Карабунар, которое располагалось в паре километров от Бозанти и все еще являлось оживленным железнодорожным центром, а также стратегическим пунктом на военной дороге из Кюлек-Богаза в Тарс, в те времена делалась пересадка с Анатолийской железной дороги на другую, небольшую, называемую dekovil[1]. Движение по ней шло через Большой туннель в Тавре (тогда он как раз строился). Эта ветка спускалась серпантином вдоль крутого южного склона горы, и на станции Келебек

[1] Dekovil — узкоколейка (тур.)

пассажиры и товары перегружались на поезда Багдадской железной дороги – по ней они, наконец, попадали в Сирию и на север Месопотамии.

Зная заранее дорогу из Келек-Богаза или Таврского перевала, через который шел Александр завоевывать Персию, я отправил свой багаж и адъютантов по дороге decovil в Келебек, а сам поехал верхом, один, по чему-то вроде царской дороги. Она вела в Бозантису. Поначалу широкая, эта дорога становилась чем выше, тем уже, пока наконец не превратилась в опасную тропу, которая извиваясь поднималась все дальше вверх вдоль отвесного края пропасти. Времена тропинка подходила к самому обрыву, огражденному лишь несколькими деревянными столбами, воткнутыми в гладкую поверхность обрывистых скал в тысячу футов высотой.

Так я час за часом, ведя лошадь на поводу, продолжал карабкаться к вершине, покрытой густыми еловыми, дубовыми и сосновыми лесами. На диких растрескавшихся горных склонах иногда вздымался, замерев над обрывом, грубый, покрытый мхом, ствол какого-нибудь столетнего кедра.

По мере того как я в полумраке подымался, я замечал, что шум воды постепенно стихает. Достигнув вершины, я вдохнул свежий утренний воздух. Сидя на утесе, покрытом мхом, я стал дожидаться рассвета. Вскоре он явился мне в виде сверкающей полоски света, которая тянулась вдоль горизонта словно серебряная лента. Из соседней пропасти до моего слуха доносился шум воды, похожий на дальний рокот моря.

Утренние лучи разгорались все ярче, а величественный Аладаг, покрытый снегами, вдруг засверкал под лучами солнца, которые, скользя от вершины к вершине, окрасили в пурпур белые пики Таврида, делая их похожими на гранитных колоссов или титанов, раненых золотыми стрелами.

Я нашел Алеппо сильно изменившимся. На его узких пыльных улочках гудели, словно серые мухи, самые мощные немецкие машины, почти все лучшие здания города, как по волшебству, превратились в большие бюро, где едва хватало места для персонала штаба генерала фон Фалькенхайна.

Во время моего недолгого пребывания в этом городе, я имел удовольствие поприветствовать, помимо старых друзей и товарищей с фронтов Сирии и Месопотамии, полковника Лихтшлага, майора Лешебранда, капитанов Андре, Ройтера, Шульца (авиатора), Бансе, Лангенэккера, Мартиненго и Брауна, лейтенантов Антона, Круммера, Бюнте и Беккера. От одного из офицеров нашего intelligence

department[1], который был настоящим кладезем информации в области хитроумного искусства Шерлока Холмса, я также узнал, что Багдад пал главным образом из-за тайной и своевременной высадки почти всех английских сил, находившихся в Восточной Африке. С их-то помощью неприятель внезапно пошел в атаку и одержал победу.

Последнюю ночь в Алеппо я провел на необыкновенно приятном soiree[2], организованном в доме знатного генуэзского семейства Пошер. Когда на следующее утро поезд засвистел и тронулся в путь, я к собственному удивлению и к изумлению моих адъютантов нашел наших собак одурманенными и лежащими на полу в вагоне. Одновременно я обнаружил, что вместе с моим мундиром, в котором были ключи, бумажник, военные документы и т. д., исчезли мои сапоги для верховой езды, папаха, револьвер и Бог знает сколько еще вещей. Воры, мародерствующие на железных дорогах Сирии, наверное, вытащили их при помощи крюка через дверь, которую мои молодцы по небрежности оставили приоткрытой.

От дома инженера Вогкта, рядом со станцией Араб-Бунар (где два года назад произошел инцидент с двумястами пятьюдесятью подданными стран Антанты), не осталось ничего, кроме стен, почерневших от пожара. А в Рас-эль-Айне, который из конечной станции Багдадской железной дороги превратился в один из многочисленных полустанков среди пустыни, на месте бывшего лагеря армянских депортированных виднелась лишь куча тряпья и человеческие кости. В них рылись собаки, а над ними вяло кружило несколько грифов.

На следующий день, т. е. 25 октября (1917 года), наш поезд, наконец, остановился у подножья холма Мардина, на который мы взобрались через полчаса трудного подъема. Проехав по всей главной улице, по краям которой располагались базары, мы ненадолго спешились перед домом гостеприимных доктора Штоффельса и доктора Грюневальда. От него, к слову сказать, открывался восхитительный вид на медные равнины и пустыни Месопотамии.

От Штоффельса я узнал о смерти капитана фон Аулука, он сообщил мне также некоторые дополнительные подробности о падении Багдада. После ужина мы отправились на пару часов в симпатичный «клуб автомобилистов», где лейтенант Кюне вместе с другими командирами и офицерами частей, расквартированных в Мардине и его окрестностях, развлекали меня с сердечностью, свойственной немецким кадровым военным.

---

[1] Отдел разведки (англ.)
[2] Вечеринка (фр.)

Глава XXXI

Месопотамия, если рассматривать максимально широко ее территории, доходит почти что до границ Армении. Арабы называют ее «эль-Джезира», что значит «остров среди рек». Ее северная часть, на всем своем протяжении омываемая верхним течением Тигра, отделена от «пустынной равнины», или Бадиет-Эс-Шама, снеговыми вершинами Караджадага, или Тур-Абдина, которые служат разделительной полосой бассейнов рек.

От этих известняковых гор, протянувшихся, словно стена, на двести километров между Карабахче и разрушенным городом Джезирет-Ибн-Омар, берет начало текущий на юг Хабур, приток Евфрата. На север же бежит бесконечное число речушек, как правило безымянных, они спускаются с крутых обрывов и устремляются на дно глубоких ущелий, пока наконец зеленоватые воды Тигра не тормозят их и не увлекают в далекий Персидский залив.

Двигаясь по правому берегу одного из этих незначительных притоков Тигра, который, если я не ошибаюсь, назывался Ак-Шу, мы оказались, одним октябрьским утром, на некоем плато, окрашенном в филетово-оранжевые тона. Его в разных направлениях пересекали красные потоки, а в глубоких окутанных туманом котловинах виднелись густые рощи вязов и тополей. Их серые ветви неясно отражались в мутном зеркале стоячих вод.

И только когда далекий вой волков, которые в изобилии водятся в тех горах, стал усиливаться, мы наконец-то спешились у монашеского святилища Яник (опирающегося на огромную скалу у подножья горы), чтобы поцеловать руку местному старейшине. Сей почтенный старец выехал встретить нас и в знак почтения привстал на стременах. В дрожащем свете пламени он напоминал какого-то древнего мага в сверкающей короне и длинной мантии.

С наступлением темноты небо стало покрываться черными тучами и, наконец, сильный ураганный ветер вместе с градом и снегом стал хлестать в окна маленькой комнатки, где мы со старейшиной предавались скудной трапезе. Остановившийся здесь же начальник жандармского резерва, далеко не молодой офицер-текают, который к тому времени уже отправился спать, стал в спешке облачаться в многочисленные одежды, состоявшие из полдюжины пар нижнего белья, разноцветных рубашек и жилеток, а также мундира и меховой накидки. Дело в том, что пожилые турки, придерживающиеся старых обычаев, уверены, что теплая одежда защищает не только от холода, но и от жары.

После мы уже втроем уселись на ковер вокруг медной жаровни, чтобы выпить по чашечке крепкого кофе со вкусом хурмы и выку-

рить по восхитительно ароматной сигарете. Глава племени вместе со старцем по имени Мустафа-эфенди предались воспоминаниям о былом, и передо мной рисовались, поражая воображение, красочные картины местных преданий... Они передаются из уст в уста от Малатьи, родины сарацинского несравненного Сида, до того ручья, который зарождается в снегах и растворяется в глинистых водах Тигра у основания разрушенных сторожевых башен Джезирет-Ибн-Омара... Именно здесь, судя по всему, и зародились удивительные месопотамские мифы. Из песков пустыни, в облаке ладана, мирры и гашиша, возникла зловещая легенда о gul[1], то есть духах, пожирающих сердца умерших. И словно из воздуха воплотилось предание о джиннах или вампирах, которые, подобно mancaritas в Андах, при виде острого, как игла, клинка, в страхе прячутся в густых зарослях, боясь его, словно Люцифер крестного знамения.

Когда назавтра рассвет застал нас все еще сидящими вокруг медной жаровни, а небо засветилось всеми оттенками перламутра, я начал понимать, почему древние имели обычай поклоняться солнцу.

На следующий день мы заночевали в местечке Ак-Бунар, расположенном у военной дороги между Диярбакыром и Мардином, которую тогда как раз строили. По ней тянулась, словно умирающая змея, вереница курдских muhacir, или беженцев из провинций Ван и Битлис. Они брели, оставляя за собой следы в виде изъеденных червями трупов.

Вечером мы несколько раз переходили вброд Тигр и, миновав цветущие сады Зофене и пышные рощи шелковиц, часть которых была вырублена на дрова, уже в темноте вошли наконец в Диярбакыр, или Кара-Амид. Город был мне знаком — я останавливался в нем, когда бежал с Кавказа от преследований Джевдед-бея и Халил-бея.

Диярбакыр почти не изменился. Вместо вырезанного армянского населения в нем обосновались турки и курды, бежавшие из восточных провинций.

Темные силуэты мечетей, башен и минаретов выступали на фоне бирюзового неба Месопотамии. С плоских крыш из утрамбованной земли виднелись разбегавшиеся во все стороны улочки. По краям их стояли большие строения, возведенные из темного материала и украшенные живописными воздушными армянскими тканями... Центральные улицы были заполнены узенькими низкими лавчонками, благоухавшими специями, и крохотными мастерскими с открытыми дверными проемами, где кустари ткали сидя на корточках парчу, резали сандаловое дерево, вставляли кусочки мрамора и перелив-

[1] Gul — демон, призрак (тур.)

чатого перламутра в до блеска отполированные пластины из черного дерева, шили верхнюю одежду из разноцветной шерсти и местной замши, превращали серебро и золото в тончайшую филигрань или вышивали шелком попоны из кошмы и сафьяна, называемые cul, которые укрывают спину лошади до самого крупа.

Посреди огромной толпы, до отказа наполнявшей центральные улицы города, я не раз встречал знакомые лица военных, которые почти три года назад участвовали вместе со мной в осаде Вана. Узнав меня, они обычно подходили почтительно поздороваться: «Allah selâmet versin, Bey. Hoş geldiniz, Bey. Maşallah, Bey», что означает: «Да сохранит Вас Аллах, господин. Добро пожаловать господин и хвала Господу, что вы приехали сюда, господин».

В особняке, где располагались городские власти и куда я направился, чтобы засвидетельствовать почтение генерал-губернатору провинции и бывшему вали Мосула Хайдар-бею, я также встретил немало бывших служащих из вилайета Ван, а наряду с ними и нескольких курдских старейшин, некогда сражавшихся под моим началом. Несмотря на свой строптивый характер, они все же согласились служить султану и занимали теперь выгодные синекуры.

В тот же самый вечер я поступил под начало подполковника Мухэддин-бея. После отъезда Феси-паши в Палестину он временно исполнял обязанности командующего 2-й Кавказской армией в ожидании прибытия Нихат-паши, назначенного на этот пост.

Мухэддин был человеком образованным и до определенной степени безобидным. Будь иначе, младотурки не доверили бы ему столь ответственной должности. Впрочем, эти качества не мешали ему быть изворотливым царедворцем и ловким политиком. Он прекрасно знал об искренней симпатии, которую, несмотря на приверженность «государственным интересам», продолжал испытывать ко мне Энвер-паша, хотя и был вынужден выслать меня сюда. Именно поэтому Мухэддин вместо того, чтобы по примеру других, менее проницательных людей, преследовать меня, предпочел дать мне полную свободу и разрешил действовать как угодно. Фактически он назначил меня инспектором кавалерии нашей 2-й армии (формально он не мог этого сделать в отсутствие главнокомандующего).

Таким образом одна — и весьма неприятная — сторона касающейся меня проблемы отпала. Отныне я мог в свободные часы (которых у меня было предостаточно) спокойно предаваться чтению и, что особенно меня интересовало, изучению мечетей этого легендарного города. Часто они являли любопытному взору прекрасные порталы — стрельчатые или в форме подковы, изукрашенные красными, голубыми и зелеными деталями в виде сталактитов — а также мавританские фасады, покрытые бесконечным рисунком.

Многие здания мечетей были превращены в военные госпитали или в приюты для престарелых, которые были переполнены женщинами, детьми и стариками из числа курдских muhacir[1], зараженными всевозможными инфекционными болезнями. Вид их внушал крайнее отвращение. Из-за нехватки хлеба и лекарств они ежедневно гибли сотнями.

То же происходило с десятками тысяч их товарищей, размещенных на ужасающих галереях крепостных стен. Если не считать редко подаваемой жалкой милостыни, они жили лишь за счет того, что питались костями, которые, словно псы, раскапывали в помойных кучах, мертвечиной и свернувшейся кровью дохлых верблюдов, лошадей и ослов, валявшихся вдоль дорог. Нередко они пытались сбыть эту кровь, предварительно «расфасовав» ее и выставив на импровизированных прилавках (используя для этого ящики) вблизи западных ворот города, называемых Румкапы или Алеппскими.

Помимо турецкого, в Диярбакыре имелся также изысканный австро-венгерский военный клуб, где я часто проводил вечера в обществе начальника австрийского автопарка капитана Шваххофера, его не менее образованных и обходительных товарищей — капитанов военно-санитарной службы доктора Виттельса и доктора Эггерлинга, лейтенантов и младших лейтенантов Шальгрубера, Гарбешика, Рихтера, Мадиле, Хаусснера, Баллини, а также преподобного Шварца, капеллана австрийской бригады, который до этого много лет прожил в Восточной Индии.

Так прошло несколько недель... И вот однажды я получил приказ отправиться с инспекцией в Месире и Палу, в результате чего на закате, уже не помню точно, какого числа, я выехал из Диярбакыра, держа курс на восток.

Ночь была темная. Долина тянулась до самого горизонта, на котором виднелись три острых, как игла, вершины, покрытые снегами. По мере того, как луна освещала серебристым светом и землю, и алмазную вершину Тур-Абдина, окутанную мягким сиянием, мы отъезжали все дальше и дальше от Диярбакыра. Город блестел во мраке ночи, словно огромная диадема из пылающих солнц.

В полной тишине скача галопом по выжженным равнинам, где не было ни единого деревца, растения или зверя, мы постепенно оставляли позади себя призрачные сероватые горные цепи. Издалека казалось, что они движутся. Наконец первые лучи зари окрасили небо в розовые тона и разогнали неведомую пелену, покрывавшую землю. Вдали, на фоне беспорядочных золотистых далей, стали вырисовываться силуэты полуразрушенные сторожевые башни и крепостные стены Майафарикина. Многие историки полагают, что

[1] Muhacir — беженец (тур.)

именно на этом месте стоял некогда Тигранокерт — легендарная столица царства Тиграна Второго, царя Армении, которую стерли с лица земли мусульмане. В прежние времена она была заслуженно знаменита не только своими плодородными равнинами, окружавшими ее со всех сторон, не только караванными путями, которые проходили через нее и, идя далее через Редван и Хасан-Кейф, соединяли ее с древним Нусайбином на берегах Бадьет-Эс-Шама. Тигранокерт был также, а, может быть, и прежде всего известен своими волшебными храмами и крепостями. Окруженные сверкающими колоннами и черными базальтовыми стенами, украшенные барельефами, они отражались в серебристых струях беломраморных фонтанов. В тени флердоранжей слагались строфы и пелись гимны во славу самого великого воина и правителя древней Армении, Тиграна Второго. Его двуглавые орлы с золотыми когтями в черном оперении простирали в те времена свои крылья от реки Аракс до первозданных вод древнего Нила.

Двигаясь все время к северу, сообразно течению рек, мы вскоре подъехали к небольшому селению Ураш, которое благополучно миновали. Проехав по почти необитаемым и открытым ветрам высотам, где берет начало Батмансу, мы остановились на ночь в жалкой деревушке под названием Илидче. Из нее виднелись обрывистые горы на востоке. Это были серебристые вершины Даркош, Антох и Харзен-Даглери. Они образуют южный блок огромной горной системы, называемой обыкновенно Антитавром, или армянским Тавром.

После Сливана мы стали спускаться по глухим узким тропам, чтобы сократить путь. Когда ветерок разогнал туман, мы увидели воды древнего Арцани, или Восточного Евфрата. Около Муша из-за резкого перепада местности они бросаются вниз и на участке в пятьдесят километров мчатся до самого Кумкея через восточные отроги дикого скалистого Антитавра. Арцани окружен многочисленными притоками, которые грохочут на дне черных бездн и продолжают вымывать его глубокое, отчасти еще не исследованное русло. На протяжении всего его течения водопады, теснины и ущелья чередуются с отрезками, где, по слухам, его воды пробуравливают горы и образуют огромные туннели.

Сложно сказать, насколько все это действительно так. Наверняка известно лишь то, что на одном из многочисленных неприступных склонов, бросающих тень на бурлящие воды ущелий, высечена вверху одна клинописная надпись, точно уже не помню, на урартском или ассирийском языке. Она, видимо, свидетельствует, что за одиннадцать веков до Рождества Христова, т. е. во времена Тиглатпаласара, река эта была освоена людьми и возможно даже использовалась в торговых целях.

Сердце Азиатского континента скрывает столько удивительных загадок и тайн, что несмотря на все наши усилия понять их, они навсегда останутся для нас иероглифами, не поддающимися расшифровке.

После тяжелейшего спуска мы наконец увидели стоящий на берегу Евфрата, но уже лишенный древних мостов, крепостей, храмов и дворцов город Палу. Именно оттуда во времена святого Георгия Просветителя Евангелие распространилось по всей древней Армении. Этот же город во время мировой войны послужил базой 4-му корпусу нашей армии. Наш лагерь находился в тени мрачных гор Дерсин, которые здесь зовутся «землей ужаса и отчаяния». Дело в том, что все они населены кровожадными, наполовину кочевыми племенами курдов, которые всегда жили и продолжают жить разбоем. И хотя номинально они подчинены турецким властям, они продолжают существовать по собственным законам.

Когда я смотрел на Палу, мне пришла на ум известная пословица: «Цивилизации растут, как деревья, но, как и деревья, неизбежно гибнут».

Окруженный надменными горами, этот город не обладал ничем примечательным, если не считать нескольких мечетей сомнительной художественной ценности да узких улочек, по которым двигался не переставая поток солдат в серой форме. На их осунувшихся, но мужественных лицах часто можно было заметить следы тифа и недоедания. В этом не было ничего удивительного, ведь в этих горах (особенно — зимой 1916 года) храбрых героев Дарданелл не раз преследовала такая нужда, что, кажется, бывали даже случаи людоедства.

Часть резервных сил, далеко продвинувшихся вперед, оказывалась той зимой на многие недели отрезана от основных сил, поскольку в Каппадокии, как и в целом на Кавказе, зимы бывают обычно крайне суровыми.

Только благодаря импровизированным дорогам, которые приказал как можно скорее проложить подполковник фон Фалькенхаузен весной и летом 1917 года, наша 2-я армия смогла успешно сопротивляться натиску русских войск во вторую зиму. Последние из непобедимых русских легионов стали быстро превращаться в шайки армянских повстанцев, которыми командовали офицеры нерегулярных частей (в большинстве своем тоже армяне). Судя по всему, их намерения ограничивались грабежом, убийствами, местью и пытками — столь варварскими, что мое перо отказывается их описывать.

Все это объясняется почти полным отсутствием контроля над этими ордами т.н. «солдат-христиан», который до сих пор осуществляли кадровые офицеры русских войск. Однако положение дел

в империи Романовых безотлагательно требовало присутствия на Польском фронте не только почти всего офицерского состава, но и большей части регулярных войск. Последнее относилось к русским частям, сражавшимся в Анатолии с нашей 3-ей армией под командованием Вехиб-паши, а на Кавказе — с нашей 2-й армией. Ее левый фланг, образованный 4-м корпусом, прикрывал сектор Палу. На севере он опирался на непроходимые горы Дерсин, где свирепые и непокорные племена курдских зазов, коренных жителей этих мест, помогали нам. Однако делали они это не столько из любви к Оттоманской империи, сколько из ненависти к своим смертельным врагам и дальним родственникам — армянам.

В Дерсине укрепился и правый флаг нашей армии. Таким образом, вооруженные племена курдов в этих горах представляли собой центр нашего кавказско-анатолийского фронта, простиравшегося на четыреста — пятьсот километров от высокогорных районов Верхнего Ботхана до окрестностей порта Самсун.

Россия, Австрия и Германия были единственными европейскими странами с монархическим строем, в которых высоким идеалам Французской революции не удалось внедриться. Однако в течение мировой войны дрожь этой лихорадки, роковой для коронованных особ, стала ясно в них ощущаться. Эта горячка до изобретения паровой машины обычно именовалась республиканством. Теперь же, когда электричество продолжает вытеснять пар и превращать массы ремесленников в политически организованный класс пролетариата, ее называют социализмом, а в некоторых странах, например, в России и Венгрии — радикализмом или большевизмом.

Когда русский народ, а в особенности слабый и молчаливый mujik, охваченные жаждой справедливости, которой веками безжалостная династия Романовых опрометчиво лишала их ударами кнута, устали ждать, тогда, с началом войны, стали сходиться на сером небе России роковые черно-красные тучи. Они предвещали бурю. Под покровительством т.н. Союза земств, возглавляемого князем Львовым и генералом Алексеевым, при правлении нерешительного Керенского, а затем — при железной власти Ленина, эти тучи должны были, в конце концов, повергнуть в прах злосчастный режим Романовых. С плеч покатились головы почти всего высшего православного духовенства и русских дворян, которые, как и французские аристократы во времена Бурбонов, еще перед началом мировой войны противозаконно владели большей частью обрабатываемых земель этой огромной богатой империи.

Когда Керенский был смещен, а кадеты Милюкова, как и анархистская секта меньшевиков разбиты, Ленин взял управление всеми Советами на себя. Он незамедлительно начал распределять между

представителями пролетариата и нищими мужиками земли, узурпированные православным клиром и дворянством. Он стал силой насаждать права человека и обязательное всеобщее образование, подавлять многочисленные бунты, которые, под предлогом установления новых автономных правительств, подняли монархически настроенные псевдосоциалисты; поощрять развитие сельского хозяйства и восстанавливать российскую промышленность, скорее на профсоюзной, нежели на социалистической основе; превращать полчища красных рабочих и солдат в дисциплинированную армию под началом лучших командиров империи и, наконец, уничтожать — насколько это было возможно — чрезмерную строгость самого большевистского учения, а также, по возможности, восстанавливать на честной и справедливой основе разорванные политические и торговые отношения между Россией и остальными государствами Старого и Нового Света.

Сейчас едва ли можно предположить, что большевизм будет всегда господствовать в России в той форме, в какой мы наблюдаем его сейчас. Скорее всего, по примеру Французской революции, это режим после периода разрушений вступит в относительно спокойную фазу своего развития (как случилось во Франции во время триумвирата), чтобы потом создать федеративную республику, как в Швейцарии, или буржуазную, как во Франции. В самом деле, неизменный закон равновесия требовал и всегда будет требовать непреложного выполнения его разумных норм, причем не только в отношении живой материи, но и в том, что касается стабильности положения этнических объединений, называемых обыкновенно, «цивилизованными нациями».

Тот факт, что радикальное правительство Ленина твердо отказалось признать законность кредитов и вернуть двадцать пять миллионов золотых франков (часть этой суммы принадлежало странам Латинской Америки), которые французские банкиры с вполне понятными намерениями неосмотрительно дало взаймы царскому правительству, не является, на мой взгляд, достаточным основанием, чтобы объявлять правление большевиков вне закона. Ведь русская революция представляет по сути своей более или менее точное повторение революции Французской на всех ее этапах — от гильотины Робеспьера до умеренного правления триумвирата. Единственное различие заключается в том, что Французскую революцию вдохновили энтузиазм и богатое воображение, присущие романской расе. Они, как лучи полуденного солнца, обжигают и испепеляют, но в то же время возвращают к жизни. Большевистская же революция порождена кровавыми слезами порабощенного русского народа. Это, возможно, чересчур поспешный плод действий трогательной и меч-

тательной натуры славян, которые в порывах страсти громят и убивают не под блеском полуденного солнца, а под тусклыми лучами северного светила.

Когда русские были несколько раз подряд разбиты частями фон Гинденбурга, генерал Корнилов, не мешкая, пустил в ход даже последние резервные части русских на Кавказе. Когда я вернулся в Диярбакыр, первая новость, которую мне сообщили, заключалась в том, что верховное командование в Санкт-Петербурге объявило об эвакуации и немедленной переброске линейных войск с Кавказского фронта в Польшу и Галицию. Командование оставшимися русско-армянскими экспедиционными силами в Малой Азии принял на себя генерал Одишелидзе, штаб-квартира которого располагалась в Эрзуруме.

Почти одновременно с этими хорошими новостями до нас дошли и плохие. Британская армия под командованием лорда Алленби неожиданно захватила Бирэссебу. Левый флаг неприятеля, смяв наш правый фланг в окрестностях Газы, вынудил его к беспорядочному отступлению, вместе с нашим центром, в сторону Рамаллаха и Иерусалима.

Жребий был брошен. Развязка драмы была близка.

Глава XXXII

Между тем зима становилась все более суровой.

Ежедневные сильные снегопады покрыли рыжую равнину белым саваном. Бороздившие его глубокие трясины затрудняли путь нашим летучим колоннам, которые продвигались форсированным маршем на помощь Палестине. Они должны были остановить англичан, уже захвативших Вифлеем, Хеврон и Иерусалим.

Триумф лорда Алленби был полным. Судя по английским военным сводкам, количество трофеев доходило до девяносто девяти пушек и мортир, пятидесяти восьми тысяч гранат, семи тысяч винтовок и двадцати миллионов зарядов.

Полковник фон Кресс был отстранен от должности и уехал в Германию. Подполковника Тиллера назначили начальником гарнизона Аданы, тогда как остальные опытные немецкие офицеры, воевавшие на Синайском фронте, либо исчезли, либо вернулись насовсем в Германию.

Словно и этого было мало, пришли вести о том, что наша голодающая и несущая огромные потери из-за эпидемий 6-я армия была

вынуждена пожертвовать Тикритом и отступить из Самарры в Эрбилу. Неприятель же двигался из Багдада по дороге на Фелуджу и, обладая численным превосходством, атаковал гарнизон в Хите, на берегах Евфрата. Для нас он являлся важнейшим стратегическим пунктом, так как защищал единственный караванный путь, по которому враг мог подойти к Алеппо, то есть оказаться в самом сердце Сирии, минуя Мосул и Палестину.

И это, и многие другие обстоятельства, которые я, для краткости, опущу, со всей убедительностью доказывали, что наше положение в Сирии, Палестине и Месопотамии продолжало ухудшаться с каждым днем. Именно поэтому Asien Korps[1], только что отправленный из Константинополя (сформирован он был в Европе), получил приказ двигаться по направлению к Святой Земле, в то время как наша 2-я армия должна была готовиться к тому, чтобы в случае необходимости оказать помощь в Сирии и Палестине.

Снегопады сменились сильными оттепелями, при которых илистые воды Тигра выходили из берегов и затопляли островки, на которых росли вязы и гнездились водоплавающие птицы. Пернатые, рассекая воздух, с тоскливыми криками летали над этими унылыми землями, где я часто прогуливался верхом, прихватив ружье. Я старался успокоить нервы после долгих часов занятий, проведенных мною в полумраке маленькой библиотеки. Я допоздна сидел там в кожаном кресле, а передо мной лежал череп одного расстрелянного армянина. Я никогда не был с ним знаком, но нарочно приказал поставить череп на мой письменный стол, чтобы он постоянно напоминал мне, в обществе каких людей я сейчас нахожусь.

В иные дни я предавался мечтам, любуясь с высоты какого-нибудь минарета темной громадой каких-нибудь далеких гор, по отвесным и мрачным склонам которых ползла легкая дымка, в то время как на их вершинах, освещенных тусклым отблеском закатного солнца, сверкали, словно бриллиантовая брошь, вечные снега.

Вот так проводя дни: днем — в работе, вечером — в клубе, в обществе немецких и австрийских товарищей, я встретил Рождество и Новый, 1918, год. В это же самое время над степями Сибири, Польши, России и Украины разносились крики и стоны умирающих, и белые снега Вогезов тоже покрывались кровавыми слезами . Согласно поступающим к нам сведениям, как на востоке, так и на западе охваченной пожаром войны Европы смерть продолжала неутомимо собирать свой страшный урожай.

[1] Азиатский корпус (нем)

По мере того как на грозовых горизонтах России молнии продолжали выхватывать из тьмы мрачные силуэты Ленина, Корнилова, Алексеева, Каледина, Петлюры и Скоропадского, мир во всем мире становился все призрачнее из-за непомерных требований Германии. Уверовав в постоянно растущую мощь своих субмарин, она готовилась воспрепятствовать готовящейся высадке американской экспедиционной армии во Франции. Наши дивизии продолжали сражаться в районе Битлиса с русскими частями под началом Одишелидзе вплоть до окончательного объявления их эвакуации с Кавказа. Воспользовавшись этим, наша 3-я армия с барабанным боем и развернутыми знаменами дошла до Баку, расположенного на берегах Каспийского моря. Тем временем наша 2-я армия снималась с лагеря и готовилась к передислокации в Алеппо, который в дальнейшем должен был послужить ей базой для военных действий в случае высадки неприятельского десанта или быстрого продвижения англичан вдоль Евфрата.

Таково было положение дел, когда в середине января 1918 года мы выстроились в почетном карауле у ворот Мардина, чтобы встретить главнокомандующего нашей 2-й армии Нихат-пашу. Он был по происхождению pomak, то есть болгарин-мусульманин, и являлся не только блистательным военным, но и благороднейшим человеком.

Нихат-паша, невысокого роста, но богатырского телосложения, был человеком искренним и прямодушным. Он обожал совершать длительные прогулки по берегам Тигра, к концу которых обычно слышались жалобные стоны тучных, обливающихся потом начальников отделений нашего штаба. Недели две или три спустя после приезда нового генералиссимуса 2-я армия получила приказ немедленно продвигаться на север Сирии, оставив на прежнем месте 4-й корпус, который должен был поддерживать порядок на границе до тех пор, пока армянско-русские войска не покинут окончательно район Битлиса.

Для меня это был решающий момент.

И когда Нихат-паша с грустью на лице показал мне злополучное письмо, в котором Энвер-паша сообщал Феси, что я «не должен никогда покидать этих мест», я, прибегнув ко всей дипломатичности, на какую только был способен, стал убеждать доброго Нихата в страшной несправедливости турецкого начальства по отношению ко мне. Он тут же не только предоставил мне разрешение оставить 2-ю армию, но и позволил навестить по пути в Константинополь моих старых боевых товарищей на палестинском фронте и в штаб-квартире фон Фалькенштейна в Назарете.

Когда неделю спустя после этого разговора специальный состав Генштаба с грохотом пронесся по железному мосту в Джараблусе, и на выжженных солнцем берегах Евфрата стали вырисовываться очертания небольшой судоверфи фон Мюка, я не смог устоять перед соблазном сойти с поезда и провести вечер в обществе добрых друзей на этой гостеприимной земле. На рассвете следующего дня пронзительный гудок поезда, который должен был доставить меня в Алеппо, заставил меня выйти из-за стола, ибо мы всю ночь пили за былые подвиги «Гебена» и «Бреслау», навсегда поглощенных морской пучиной.

Этой ночью я остался в Алеппо. А следующую провел в экспрессе, идущем в Баалбек. Назавтра поздним утром я уже находился на центральном вокзале Дамаска и стоял в почетном строю, возглавляемом турецкими офицерами, за которыми выстроились немцы и австрийцы. Ожидали появления генерала фон Фалькенхайна, который передал командование своими легионами маршалу Лиман фон Сандерс-паше и возвращался в Европу.

Фон Фалькенхайн был само воплощение немецкого кавалерийского офицера. Когда он, статный и элегантный, с усами a la Blücher и в предписанной уставом островерхой папахе, делавшей его еще выше, начал производит смотр подразделения из шестидесяти штабных офицеров, я заметил на его кажущемся веселым лице след вполне понятного мне глубокого переживания.

Вместе с ним прибыл и начальник его штаба полковник фон Доммес. Увидев меня, он сердечно поздоровался, поскольку, видимо, понимал, что я — его искренний друг и не меньше, чем он сам, сожалею о печальном жребии, выпавшем ему на долю.

Вечером я сел в машину и отправился нанести визит генералу фон Херрготту и его помощнику, моему старому товарищу по Бирэссебе майору фон Майру. Пока я прогуливался в садах роскошного поместья, в котором расположилась ставка Верховного командования, на одной из душистых тополиных аллей, усеянных белой галькой, я заметил, ни мало ни много, самого главнокомандующего 4-й армией Кючюк Джемаль-пашу. Он находился в окружении своих придворных, которые были все как один похожи друг на друга. И хором убеждали его в том, что истинным военным гением в армии был он, а не начальник штаба генерал фон Херрготт.

В связи с этим случаем, смысл которого ясен всем, позволю себе заметить, что одна из самых больших ошибок младотурок за время их правления, а особенно в период мировой войны заключалась в том, что они, с трудом сумев разобраться в основах военной службы, возомнили, будто способны проникнуть в самую ее суть, иначе говоря — до конца овладеть сложнейшей тактико-администрат-

ративной системой современного искусства ведения войны во всех ее деталях.

Неудачи и тяжелые поражения, которые потерпели турецкие офицеры высшего эшелона, начиная с Энвера и Халила, постигали их каждый раз, когда они старались действовать в одиночку. Это со всей убедительностью доказывает, что для успешного ведения войны недостаточно одного лишь благого намерения и личной доблести. Как и то, что любой начальник, прислушивающийся к похвалам своих подчиненных, рано или поздно потерпит крах, какими бы замечательными качествами он ни обладал.

Дерею, или Дераат, узловую станцию железной дороги, соединяющей Эль-Хиджаз и Палестину, я оставил полгода назад унылой и сонной посреди пыльной равнины. Этот город находился рядом с развалинами библейской Едреи, столицы царя Ога из Васана. Ко времени моего возвращения Дерея превратилась в оживленнейший транспортный центр и авиабазу, с которой ежедневно поднимались бипланы и сбрасывали бомбы на селения мятежных племен, ибо те, заразившись сепаратистскими идеями шерифа Хусейна из Мекки, восстали и теперь опустошали район Бадиет-эс-Шама от Хаурана до Амаана и Маана. Они препятствовали проезду по железной дороге в Эль-Хиджаз и нападали на караваны и конвои, бредущие по пустыне в направлении городов Эс-Салт и Керек, которые представляли собой наши основные транспортные центры в Восточной Иордании.

В Самарре, стоящей на южном берегу Галилейского моря, где тремя днями ранее пересеклись поезда фон Лиман-паши и генерала фон Фанкельхайна, я узнал от начальника станции, что встреча этих господ прошла не вполне гладко. Генерал фон Лиман, заметив, что штаб, не помню какой армии, пытается тайком проехать мимо на своем спецпоезде и затем обосноваться в городе Эс-Салте, пришел в бешенство. Он отдал штабным офицерам приказ немедленно возвращаться в место прежней дислокации и считать выбывшими из строя большую часть немецкого офицерского состава Сирийской и Палестинской группы войск. Подобно тому как генерал фон Фанкельхайн впадал в крайность, закрывая глаза на чрезмерное количество офицеров-немцев, служивших в интендантских частях, и особенно в его штабе, Лиман фон Сандерс впадал и иную крайность, стараясь окружить себя исключительно турками. Он считал, что эти сыны своей родины, проявившие доблесть во время кампании в Дарданеллах, более пригодны для ведения войны в пустынях, нежели неопытные немецкие офицеры. Особенно из штаба фон Фанкельхайна. Они не были искушены в трудном искусстве сражаться без

поддержки флангов, без необходимых резервов и транспортных средств, а зачастую — и при нехватке провизии, снаряжения, боеприпасов и боевой техники. Нельзя забывать и о том, что театром военных действий являлись пустыни и пыльные равнины, где днем нещадно палили лучи аравийского солнца, а ночью ударял почти сибирский мороз. К тому же в болотистой местности легко было подхватить смертельную лихорадку.

Генерал фон Лиман был не совсем не прав, когда превозносил турецкого офицера и рассматривал его как определяющий фактор сражения. Ведь во всем мире едва ли найдутся офицеры более закаленные в боях и более выносливые, чем турки.

Ошибка, которую совершил этот господин при обороне Палестины, заключалась не в том, что он доверил командование своими батальонами и полками оттоманским кадровым офицерам, а в том, что не обеспечил штабы трех своих армий (4-й под началом Кючюк — Джемаль-паши, 8-й под командованием Джевада и 7-й под командованием Мустафы Кемаль-паши) должным количеством опытных немецких офицеров, с тем чтобы с их помощью контролировать и сдерживать чрезмерно ретивые, хотя, по правде говоря, и запоздалые, действия, предпринятые его тремя турецкими главнокомандующими. Контролировать и ограничивать нужно было бы бюрократию и рутину оттоманского высшего командного состава, прежде всего в Генштабе. Казалось, турки инстинктивно стремятся к застою в делах, подобно тому, как взбаламученная поверхность воды не успокаивается, пока не достигнет своего прежнего уровня.

Лучшее доказательство тому предоставил сам Мустафа Кемаль (ныне президент Турецкой республики). Уже после заключения перемирия, находясь в Константинополе, он отметил, уже не помню по какому случаю, что злополучный исход палестинской кампании генерала Лимана объясняется не только тем, что бригада британских танков при поддержке морской артиллерии и всей кавалерии неожиданно перешла в наступление и, словно тараи, снесла наш правый фланг. Причина еще и в том, что турецкие главнокомандующие фон Лиман-паши (да и он сам), увидев врага на ближних рубежах, потеряли всякое хладнокровие и выдержку. Вместо того, чтобы действовать самостоятельно, что являлось их прямой обязанностью, они набросились на фон Лимана, рассчитывая добиться от него распоряжений, касающихся всех вопросов, даже самых незначительных, а иногда и просто детских. Разумеется, разрешить их все он не мог в силу нехватки времени. В результате начался настоящий kalabalik[1]. Ситуацию взять под контроль было просто невозможно,

[1] Kalabalık — беспорядок

что и стало роковым для маршала фон Лимана. Так померкла слава этого отважного и опытного генерала, приобретенная им во время Дарданелльской кампании, когда благодаря его воинскому мастерству численно превосходящие войска союзников меньше, чем за шесть-семь месяцев понесли потери в пятьдесят-шестьдесят тысяч человек.

С маленькой станции Афулех, окруженной зеленой равниной Ездрилон, я отправил свой багаж на грузовике в Назарет. А сам на военном эшелоне поехал дальше, к побережью, чтобы хоть пару часов насладиться величественной картиной моря, видом спокойных голубых вод в небольшой бухте Акка (иначе говоря Сен Жан д'Акр). Хотя теперь в ней нет никаких грузовых причалов, со временем она несомненно превратиться в самый оживленный порт на побережье Сирии, благодаря еще не до конца достроенной железной дороге, которая соединит ее с Дамаском. Дело в том, что Хайфа является для центральной Сирии и богатого Хаурана тем же, что и Александрета для северной Сирии. Иначе говоря, это — выход в море, причем гораздо более удобный, чем в Бейрутском порту, ведь тот находится далеко от Дамаска, а точнее сказать, отделен от него крутым и малоприятным Ливанским горным хребтом.

С каменистой вершины горы Кармель, покрытой лесами лавровых деревьев еще со времен пророка Илии, под полуденными лучами солнца виднелись на юге желтоватые руины Цезареи Ирода. Когда-то она была соперницей Александрии. Именно там Иисус Христос незадолго до своих странствований по Галилее вобрал в себя если не целиком, то хотя бы отчасти особую альтруистическую и мистическую сущность брахманизма, а также логику даоизма. С ними его вероятно познакомили александрийские мореплаватели и мудрецы, жившие в этом городе. В самом деле, христианство походит скорее не на цветок, распустившийся в залитой кровью пустыне Палестины, а на прекрасный побег эмоциональной мысли Сидхарты и трезвого рассудка Лао Дзы, или Конфуция, процветавших тысячи лет тому назад в умеренной тропической зоне Старого Света. Именно поэтому христианскому учению удалось укорениться не только в умеренной Европе, но и в не менее умеренных Северной Америке и Северной Азии (Сибири). А также в тропической Южной и Центральной Америке, в Австралии и частично даже в самой Индии и Южной Африке. В то же время в субтропических Азии и Африке все его усилия оказались напрасны из-за постоянно растущего влияния ислама. Мусульманство основано преимущественно на иудаизме, где мстительный Яхве евреев и деспотичный Аллах, по сути своей, совершенно одинаковы. Они не прощают, но карают

и даже уничтожают мечом Иисуса Навина и ятаганом Магомета всех, кто им не подчиняется или отказывается совершать в их честь кровавые жертвоприношения.

Я хотел перед тем, как отправиться в Назарет, осмотреть наш новый фронт, который тянулся от устья реки Нар-Искендерум через древнюю Самарию до реки Иордан, а оттуда — на юго-восток до Моавских гор. Поэтому я, по возвращению из Хайфы в Афулех, не сошел с поезда, а поехал на нем дальше. Наш эшелон, проехав мимо аэродрома в Дженине, уже ночью остановился перед укреплеиным оборонительными линиями лагерем Туль-Карен. Наряду с лагерем в Наблусе, это была военная база для проведения операций наших 7-й и 8-й армий, а, стало быть, — центр и правый флаиг объединенных частей Сирийской и Палестинской армий.

Артиллерийская канонада не смолкала. Судя по грохоту снарядов, разрывавшихся высоко в небе, угол стрельбы многих наших батарей был, видимо, максимальным. И все же усилий нашей артиллерии не хватало, чтобы остановить с каждым разом все более стремительное продвижение британских легионов. Казалось, они упорствовали в своем желании прорвать во что бы то ни стало наши линии обороны в секторе Наблуса.

Военная дорога была заполиена автомобилями, перевозящими почту и раненных офицеров, в то время как машииы скорой помощи и колонны военных машин преграждали путь резервным частям. Последние поспешно направлялись на тот участок фронта, где бравый полковник фон Фалькенхаузен как раз руководил Наблусским сражением, за что позднее вполне заслужеино получил крест Pour le Merite[1].

Несмотря на это, наше положением по-прежнему оставалось критическим и даже в высшей степени пугающим. Любой мог бы с первого взгляда понять, насколько бессмысленны все усилия маршала фон Лимана. Его части при полиом отсутствии необходимых людских и материально-технических ресурсов, так сказать, пили свою собственную кровь и были обречены рано или поздно потерпеть поражение от чудовищного натиска легионов лорда Алленби и его заместителей. В распоряжении англичан находились не только стратегически важные железные дороги и великолепная военная база в Египте, но и мощная эскадра, базировавшаяся в водах Леванта. Она переправляла войска куда угодно и то и дело обстреливала наш правый фланг крупнокалиберными снарядами.

[1] За заслуги (фр)

Вернувшись с линии фронта, я переночевал в Афулехе, где лейтенант Шлезингер, командовавший местным отделением интендантской службы, устроил меня, как мог. На рассвете я выехал в Назарет, находившийся всего лишь в километрах семи от этой станции. Там я остановился в австрийском монастыре, расположенном к северу от Долины Плача. Это было живописное место, украшенное миртами и апельсиновыми деревьями. В вышине, к голубому небу Галилеи, устремляли свои стройные силуэты одиноко стоящие кипарисы, а поверх них виднелись нагромождения серых и желтых крыш, которые как террасы поднимались по всему восточному склону высокого холма. Это был Назарет или Назра галилеян, священное место христиан.

Но самую трогательную сторону славы этого достойного города следует искать не в полутьме роскошной церкви Благовещения, которая пользуется репутацией самого древнего (после храма Гроба Господня) христианского святилища Палестины, не в тех местах, где, как полагают многие, будто бы находилась мастерская святого Иосифа, или школа Иисуса. Разгадку следует искать среди пустынных холмов и серых скал в окрестностях Назарета, сто крат священных, ибо именно там много веков назад резвился маленький Иисус, мальчик с кротким взглядом и каштановыми кудрями. Там он пас коз или собирал хворост для очага своей бедной хижины, в то время как святой Иосиф, склонившись с пилой в руке над кедровым поленом, работал в поте святого лица своего, чтобы прокормить Деву Марию и маленького Иисуса. Того Иисуса Христа, который, согласно сирийских яковитов, представляет собой Единого Бога, т. е. Отца и Сына в одном лице; по мнению же халдеев, сущность Бога поделена на два разных воплощения, а согласно верованиям несториан, Он и Бог представляют собой два воплощения и две сущности, совершенно различные между собой.

Эти расхождения понимания божественной природы Иисуса Христа и отличают религиозное учение вышеупомянутых халдеев, несториан и яковитов, которые наряду с учением армян-грегориан и являются фундаментальной основой для четырех различных христианских сект. Все они признаны раскольническими, следующими восточным ритуалам и возникли в первых веках нашей эры благодаря деятельности святого Григория Просветителя, монофиитов и монофелитов.

Назарет — довольно маленькое поселение и помимо многочисленных монастырей и храмов не имеет ничего, что принято, собственно говоря, называть архитектурными памятниками. Здесь поч-

ти не найдешь ни древних развалии, ни даже признаков некогда языческого прошлого этого города.

Несмотря на исключительно выгодное местоположение, которое способствует быстрому стоку вод и обеспечивает город многими часами дневного света, Назра страдает от пыли: во время засухи ее непрестанно поднимает в воздух сирокко, особенно — на открытых, широких улицах, т.е. на тех, что сходятся у монастыря францисканцев и источника Девы Марии возле т. н. «перекрестка двух дорог».

Узкие извилистые улочки в центре города можно назвать настоящими бульварами по сравнению с узкими проходами в виде тунелей или образующими лабиринт переулками Иерусалима и большей части городов и деревень Палестины. При полном отсутствии гигиены они больше похожи на клоаки и омерзительные помойные ямы, от которых у кого угодно перехватит дух.

Из-за нехватки места дома почти полностью лишены внутренних двориков и задних дворов, поэтому жители этих кварталов, как правило, неизбежно превращают кривые улочки и проезды в настоящее болото с илистыми островками. Они забросаны мусором и всегда погружены в полумрак, кроме дождя и собак их никто не чистит. Летом иногда улицы не достигают в ширину и полутора метров.

Совсем не удивительно, что в подобных условиях проказа и другие характерные для Востока инфекционные болезни по-прежнему царят у самого храма Гроба Господня и у подножья алтарей в Вифлееме.

В штаб-квартире, которая располагалась в одном из местиых просторных особняков и в которой уже почти не было немецких офицеров из окружения фон Фалькенхайна, я, засвидетельствовав почтение фон Лиман-паше, имел удовольствие поприветствовать в числе прочих господ командующего кавалерией Asien Korps полковника Ширштайда, капитана интендаитской службы Штерихайма, майора кавалерии фон Ридха, который занимал пост начальника кадрового департамеита штаба, а также чехословацкого капитана Зухара. Последний уже «сидел на чемоданах», так как, судя по не смолкавшей и только усиливавшейся артиллерийской каионаде, наше положение было по-прежнему более чем критическим, настолько, что утром того дня генерал фон Лимаи был вынужден немедленно отправить на фронт как свободных от службы адъютантов, так и людей из обслуги штаб-квартиры, без которых можно было обойтись.

К вечеру наше положение стало настолько серьезным, что я сам уже собирался отправиться на передовую и внести свою лепту в обо-

рону Палестины. Вдруг мы получили очень приятное донесение, где сообщалось, что неприятель неожиданно отступил на прежние позиции, оставив нам все поле битвы.

Два или три дня спустя после этих событий рассвет застал меня на горе Фавор (где произошло Преображение Господне). Я с высоты наблюдал за неторопливым пробуждением утра. Поднималось солнце, заливая мягким и нежным светом священную гору Балаад вплоть до темного горизонта, на котором чернела, пронзая небосвод, сумрачная гора Хермон. На севере сквозь густые заросли сикоморов проглядывала окруженная рощами Кефир-Кенах, или Кана, бывшая свидетельницей чудесного превращения воды в вино. На востоке виднелись похожие на горный хрусталь прозрачные воды Галилейского моря и серебристое русло его посланца — извилистого Иордана. Он словно змейка плавно скользил к обоженным пустыням Иудеи и свинцовой поверхности Мертвого моря у подножья горы Моав. Ее бледно-розовые вершины, напоминавшие плывущих по небу фламинго, едва брезжили вдали.

Именно там, на безмятежных берегах Галилейского моря, где по-прежнему растут заросли тростников и где когда-то стояли города Беит-Саида, Кефир-Наун и Курус-Аин, родина апостолов, грешница Мария из Магдалы, облаченная в бедуинский халат и с амфорой на русоволосой голове, однажды синей майской лунной ночью бросилась к ногам Иисуса Христа в полном отчаянии, как раскаявшаяся грешница.

Глава XXXIII

Возвращаясь в Константинополь, я имел удовольствие ехать от Дамаска до Алеппо в компании моих старых друзей, австрийских капитанов Риппеля и Шлауха, а также доктора Крюгера. Путь же от Бозанти до конечного пункта назначения мне скрасило общество лейтенантов Бихосффа и Штрудцена. Медленно скользя по рельсам и выбрасывая клубы дыма, поезд продвигался, словно какое-то фантастическое животное, вдоль зеленоватых гор по песчаным равнинам Малой Азии. Наконец поздним дождливым вечером мы доехали до вокзала Хайдарпаши, двор которого был усеян осколками гранат и снарядов.

На следующий день, а это было Вербное Воскресенье, я проснулся в гостинице «Токатлиан». С его выложенных плитками балконов

была видна главная улица Перы, от начало до конца украшенная праздничными флагами и до отказа забитая толпой.

Воспользовавшись отсутствием полковника Османа Чефкет-бея, который уехал в Батум разбираться с инцидентом «фон Лоссов — Вехиб-паша», я обратился в Генштаб за разрешением посещать вместе с группой высших офицеров и начальников отделов военного министерства (их возглавлял военный губернатор Константинополя полковник Джевад-бей) высшие курсы при местном штабе. Разрешение было мной получено. Курсы только что открылись во дворце Киат-хане. Ими руководил полковник Гузе-бей. В качестве гостей их часто посещали военный атташе Швеции и шведский же боевой генерал Эрикссон, находившийся в то время в Турции и, судя по всему, выполнявший деликатную военную миссию.

После прохождения вышеуказанных курсов я стал посещать лекции, посвященной тяжелой артиллерии. Они проходили в академии Метрес-Чефлик, их читал подполковиик Ланге-бей. Благодаря любезному участию майора Гратца, временно занимавшего пост командующего турецких ВВС, я смог затем прослушать курс в летней академии авиации в Сан-Стефано. Таким образом, в начале июля я был знаком со всеми военно-техническими новинками и изобретениями, как совсем недавними, так и использовавшимися во время мировой войны.

Тем временем события шли своим чередом. В Месопотамии мы потеряли расположенный на берегу Евфрата горд Хит. Зато наши войска взяли Керкук, что напротив Мосула — англичане оставили его из-за невыносимой жары. В Палестине местные племена, подчинявшиеся шерифу Хусейну из Мекки, по-прежнему мешали работе Эль-Хиджазской железной дороги. Полковник Эсад-бей и его некогда непобедимая 3-я кавалерийская дивизия почти ежедневно участвовали в вооруженных столкновениях в долине реки Иордан. Во время одной из таких стычек он был ранеи в правую ногу и на время выбыл из строя.

В то время, как на равнинах Сирии и Месопотамии происходили перечислениые выше события, на французском фронте немцы начали широкомасштабное наступление, названное ими Марнским. Результатом этой операции стало, среди прочего, сражение при Арментьере, во время которого, вопреки расхожему мнению, наши португальские товарищи бились бок о бок с германскими солдатами в едином порыве. То же самое происходило и в битвах при Амьене, Ипре, Суассоне и т.д. Надо сказать, что и мои сограждане, венесуэльцы, также внесли свой вклад в общее дело. Среди них были лей-

тенанты и капитаны Санчес Карреро, Луис Камило Рамирес, Рафаэль Урданета, Алонсо-Рамирес Астьер, Х. Герреро-и-Турбе, П. Р. Ринконес-младший, Марио А. Веласкес, Х. Бастардо Гарсия, Фернандо Тамайо, Карлос Эйдон-Альтуна и др. Латиноамериканцы вообще проявили на европейских полях сражений чудеса храбрости, продолжая, таким образом, славные боевые традиции народов нашего континента.

В Константинополь — символ империи полумесяца и преддверие империи московитов — пришла бурная весна.

На так называемой «центральной улице» Перы скапливалось огромное множество прохожих. Греческие дамы выделялись в толпе бархатистой кожей своих прекрасных лиц, в то время как турчанки поражали строгой элегантностью нарядов.

Все ожидали прибытия австрийского императора и его молодой супруги. Вскоре они появились в сопровождении огромной свиты под крики восторженной толпы, которая, однако, не только выражала восторг, но и отпускала критические замечания.

«Ну, разве она не красавица?», — спросила армянская девушка, кокетливо опираясь на шею моей лошади. Молодая дама была хорошо сложена и грудь ее покрывало множество брильянтов.

«Ты так считаешь?», — насмешливо отвечала ей восточная красавица с вызывающей улыбкой. Ее ногти были гладко отполированы, а шелковое платье вызывающе коротким. Украдкой поглядывая на меня, возможно, привлеченная моим мундиром, она тихо, почти шепотом, проворковала: «Говорят, будто она сторонница Антанты и мечтает стать второй Марией-Терезией!»

Вот так постепенно складывалась та тревожная атмосфера, которую породили письма молодого австро-венгерского монарха, Бог знает кому написанные. В них он писал, что Австрия устала от войны и готова вести переговоры. А когда канцлер империи, граф Чернин, открыто выразил свое несогласие с августейшей позицией по этому вопросу, всем стало понятно, что единство стран тройственного союза было нарушено. Провалившееся в Шампани наступление насторожило эти державы и ясно продемонстрировало им, наконец, что они стоят на краю ужасающей пропасти, которая столь стремительно образовалась у Марны благодаря неоспоримому военному гению Фоша и храбрости Йоффре, Хайга и Петена.

Я прекрасно устроился в Пере и проводил время в занятиях. Вечерами я отправлялся в константинопольский клуб или в элегантные гостиные Пере-Паласа, где часто устраивались приятные вечеринки. Ночью я ехал в театр или в милый «Сад Перы» — нечто вроде

кабаре и кафешантана одновременно, устроенного под открытым небом. Это было в высшей степени шикарное заведение, которое часто посещали сливки столичного общества. Кафе работало до одиннадцати ночи — после этого оркестр, игравший в беседке на улице, смолкал. Тогда надушенные салоны кабаре заполнялись ночными птичками, танцевавшими танго, one-steps и т. д. Ведь Аллах всемилостив и заботится обо всех...

В элегантном «Спахи-Клуб» в Панкальде ежегодно устраивались скачки. На сей раз и я имел удовольствие принять в них участие. Но затем, 1 июля, подоспел приказ о моем назначении инструктором и заместителем командира (kumandan vekil) 1-го стрелкового полка. Его 4-й эскадрон нес службу на площади перед императорским дворцом Долмабахче.

Подобное назначение было для меня большой честью не только потому, что из всех находившихся в Константинополе войск это была единственная строевая часть. Это к тому же был единственный кавалерийский полк, ядро которого осталось от нашей славной 3-й Палестинской дивизии. И вместе с тем один из немногих дивизионных эскадронов, воевавший на различных фронтах Оттоманской империи.

Так прошло несколько иедель. И вот однажды, ранним июльским утром, мы неожиданно узнали о смерти султана. Даже взорвавшаяся в толпе бомба не могла бы вызвать большего замешательства среди младотурков, чем это известие. Причем не столько потому, что они нуждались в помощи этого почтеииого, но немощного старика, сколько оттого, что его трон наследовал Мехмед VI. Он ии за что не простил бы им того, что они десять лет подряд помыкали его августейшим братом, а еще меньше — того, что в решающий для Турции момент они убили энергичного наследиого принца Юсуфа Иззетдина-эфенди, перерезав ему вены.

Со смертью почтенного Гаши-Мехмед Решада в турецкой империи закончилась недолгая эпоха правления младотурков. О том, что их власть закончилась, я узнал в день опоясывания мечом, иначе говоря — коронации Мехмеда VI, по боязливым взглядам напуганных Энвера и Джемаля, которые, кстати сказать, возглавляли почетный караул нового самодержца и халифа двухсот миллионов магометан. Одна из первых мер нового правителя была иаправлена на то, чтобы с корнем вырвать и как можно скорее уничтожить безграничную власть младотурецкой бюрократии. Он постарался разделить ее, назначив маршала Ахмеда Иззет-пашу и генералов Джемаля, Секи и Вехиб-пашу своими адъютантами, и сместив непомерно амбициозного Энвера с поста вице-генералиссимуса армии.

Воспользовавшись присутствием на коронации союзников — австрийцев, болгар и немцев, вынужденных участвовать в этой церемо-

нии, — назначил на должность вице-генералиссимуса Теуфик-пашу, которого младотурки совершенно игнорировали в течение всех десяти лет своего правления.

Восшествие на престол нового султана не могло не сказаться и на моем положении. Отныне ни полковник Осман Чефкет-бей, ни сам Энвер не смели меня беспокоить, поскольку знали, что я был близким другом личного адъютанта Его Величества султана, а стало быть — persona grata[1] во дворце. Не преминув воспользоваться столь выгодным положением, я обратился с запросом в военное министерство и немедленно получил разрешение провести несколько месяцев в Германии. И пока я дожидался прибытия полковника X., чтобы нанести ему прощальный визит, и проводил время во дворце Долмабахче, я вдруг заметил над главной дверью одного из пышных его залов, в которых ранее не был, прекрасную картину. Она изображала вход священного каравана в Мекку. Это было настоящее произведение искусства. Однако, как я ни старался, я так и не смог прочитать подпись художника и был вынужден обратиться за помощью к проходившему мимо евнуху-черкесу, закутанному в золотую и алую ткань. Он же вместо ответа открыл рот, лишенный языка. Скорее всего он был вырван для того, чтобы евнух не проболтался о какой-нибудь из тех ужасных драм, которые нередко разыгрываются при дворах Ближнего Востока.

Вечером очередного дня наш поезд остановился на центральном вокзале Софии, очень плохо освещенном и битком набитом болгарско-германскими войсками. На следующий день мы остановились на пару часов в городе Нише, где я четыре года тому назад замечательно провел Рождество в компании достойных и галантных офицеров и дам из белградского высшего общества.

Воспользовавшись этой остановкой, я решил прогуляться по центральным улицам города. Они оказались совершенно пустыми, если не считать двух-трех сомнительных личностей, своим убожеством напоминавших личинок. Из приличной публики я встретил лишь дюжину или две офицеров с воспаленными ввалившимися глазами. В их взгляде, похожем на тот, что бывает у заточенных в клетку хищников, временами вспыхивали горячие искры, свидетельствовавшие о неиссякаемой воле к победе.

О героических жителях Сербии и Черногории следует сказать, что такой храбрости и такой жажды независимости при практически полном истреблении не проявлял во время войны ни один народ, кроме, пожалуй, только бельгийского. В неравной битве они потеряли практически все, за исключением чести, которая, словно факел, освещает и сегодня их славный триколор.

---

[1] Persona grata — желательная личность (лат.)

В Вене, где я провел несколько дней в обществе принца Бурбонского, мне также посчастливилось познакомиться с экс-герцогинями доньей Бланкой и ее очаровательными дочерьми Сальваторой и Иммакуладой. Последняя отличалась своим музыкальным талантом, о котором было известно уже в эту эпоху благодаря прекрасным сочинениям, имевшим большой успех в венской, мюнхенской и константинопольской операх.

Здесь же я стал объектом пристального внимания со стороны всех членов нашего латиноамериканского дипломатического корпуса, аккредитованного в Австрии. В частности, аргентинского посланника доктора Переса, бразильского торгового атташе, представителя Чили, которым на тот момент был дон Аугусто Морено, представителя Мексики доктора Бенитеса, аргентинского военного атташе полковника Вильегаса, перуанского военного атташе полковника Х. С. Герреро, супругов Артеага, которых я знал по Каракасу, и, наконец, госпожи Хосефы де Анинат, вдовы недавно умершего чилийского посланника в Австрии.

После недолгого пребывания в Мюнхене, куда я отправился засвидетельствовать свое почтение Ее Королевскому Высочеству инфанте донье Пас, я обосновался в начале сентября в гостинице «Эдем» в Берлине, неподалеку от Тиргартена. Там я быстро перезнакомился со всем латиноамериканским дипломатическим корпусом, аккредитованным в Германии. В то время там находились следующие господа: чилийский посланник дон Мигель Кручага-Токорналь, колумбийский посланник доктор Михельсен, представитель Мексики доктор Леопольдо Ортис, аргентинский торговый атташе доктор Эдуардо Лабугль, бывший никарагуанский посланник доктор Максимо Ассенхо и чилийский военный атташе Перес-Руис Тагль.

Между тем, пока в Берлине и Париже множество людей продолжали жить на доходы от кровопролития и резни, а богачи, ослепленные любовью к золоту, продолжали вести свою несчастную родину к краху и гибели, мы получили ужасную новость о том, что войска Лимана фон Сандерса в Палестине были обращены в бегство и полностью уничтожены лордом Алленби. Вслед за первой пришла и другая новость: о том, что экспедиционной армии союзников на Балканах под командованием Уилсона и Франше д'Эспере удалось разбить центр нашей болгаро-австро-немецкой группы войск и, угрожая Софии, вынудить председателя совета министров Малинова просить о перемирии. Сперва ему было отказано, но затем все же предоставили такую передышку. Однако на поистине драконовских условиях.

Статьи договора о перемирии, которые были официально представлены Берлину 1 января 1918 года, произвели эффект разорвавшейся бомбы не только в Германии, но и в Австро-Венгрии, где император немедленно сформировал коалиционный кабинет и созвал Совет Короны с тем, чтобы не теряя времени создать третью суверенную автономию (по образцу Венгрии), которая бы объединила южнославянские народы его обширной многонациональной империи. Этому воспротивились чехи и словаки, не явившись на внеочередные заседания Конгресса, который должен был утвердить новый порядок вещей. Немецкий блок, на который опирался император, стараясь навязать свою волю народу, был бессилен против той центробежной силы, которая разделила Австро-Венгерскую монархию на три современных республики: Австрию, Венгрию и Чехословакию.

Известие о debacle bulgair[1] застали меня в тот момент, когда мы с капитаном Герхардом фон Бредоу охотились в его обширных владениях под Науэном. Когда перед возвращением в Константинополь я зашел в Военное министерство, чтобы проститься с майором фон Дуистенбергом, доктором Чиганом и др., все советовали мне незаметно остаться в Германии. Разумеется, я не принял этого совета. Я не мог позволить, чтобы на следующий день все говорили, что единственный военный из Латинской Америки, который сражался на стороне тройственного союза, не отказавшись от своего гражданства и не принеся военной присяги, но связанный только словом чести, в минуту опасности оставил свою должность и сбежал в Германию. Я не мог допустить, чтобы все думали, будто я испугался неизбежного на войне риска (то есть плена или смерти).

Задержавшись из-за скопления транспорта на дорогах, я прибыл, наконец, 18 октября в Будапешт. Я оставил позади многие километры желтоватой степи, бесконечное однообразие которой иногда нарушали холмы и скалы, деревни, окруженные жалкими садами, уничтоженными засухой, а иногда и какая-нибудь пышная зеленая равнина, пересекаемая серебряными струями воды, а также табуны серых кобыл, мирно пасшиеся или скакавшие с развивающимися гривами перед усатыми валашскими пастухами. 21 октября на закате мы подъехали к одной из многочисленных излучин Дуная. На его унылых берегах виднелись луга и вереницы вязов — поистине внушительных размеров. Порывы осеннего ветра яростно раскачивали деревья.

Все время держась параллельно глинистому руслу древнего Дуная, чьи скалистые, покрытые лесами берега, казалось, еще помнят

[1] Болгарский крах (фр.)

Траяна, мы с каждым часом все больше углублялись в степи древней Дакии, теперь называемой Трансильванией. К западу от Орсавы до сих пор стоят развалины древней Римской стены. Дакия всегда была питомником самых разных народов — сегодня завоевателей, а назавтра уже покоренных, а послезавтра — стертых с лица земли новыми полчищами, которые за время своего короткого ли, долгого ли пребывания оставляли в наследство валашско-молдавским племенам сильную романо-турано-славянскую закваску и множество черт этих разнообразных рас. Им были переданы и обычаи кочевников, и древняя страсть к культуре, что до сих пор заметна в удивительном и слишком уж явном контрасте между жилищами полудиких степных обитателей и величественными замками древних воевод, спрятанными в глубине лесов, а также каменными городами — такими, как Бухарест и Констанца, удивительным образом возвышающимся среди степей и непроходимых болот.

23 октября, под вечер, поезд остановился в столице Румынии, где я с удовольствием провел ночь в по существу «латинском» Бухаресте. С рассветом я направился в Брэилу, куда прибыл как раз вовремя, чтобы взять билет на последний пароход, отходящий в Турцию.

Поздним утром 27 октября мы оставили позади белеющие на севере берега Бессарабии и после слегка беспокойного путешествия по Черному морю (так как шторм никак не утихал) мы 31 октября вошли в Босфор, который простирался на юг как огромная река с голубыми водами. Из него как раз выходили по направлению к Одессе одно вестовое судно и два немецких миноносца. На буксире они тянули вереницу моторных лодок, в которых вывозили семьи немецких офицеров из Константинополя, а так же, видимо, архивы немецкой военной миссии. Дело в том, что днем ранее было подписано перемирие между Ахмедом Иззет-пашой (от имени Турции) и адмиралом Калльторпом (от имени Антанты).

Когда наш пароход причалил к пристани Галаты, я заметил множество итальянских, английских и французских флагов, развивавшихся над банками и другими зданиями, принадлежащими армянам, грекам и левантийцам. Использовав доверчивых немцев, они теперь готовились повторить тот же трюк с союзниками. Ступив на землю, я пожал руку майору Гравенштайну. Когда он услышал, что я вернулся, чтобы подать в отставку, то с удивлением посмотрел на меня, ибо к этому времени уже прозвучало «Спасайся кто может!» и почти все немецкие офицеры из интендантской службы, Генштаба и других административных структур прилагали неимоверные усилия, чтобы попасть на те немногие суда, которые еще стояли на якоре в порту.

Только линейные офицеры стойко держались на своих постах до конца. После нескольких месяцев незаслуженных унижений со стороны союзнических стран они смогли, наконец, вернуться на родину вместе со своими командирами (генералом фон Лиманом и другими) и солдатами, которые до конца остались им верными.

Тем вечером я в обществе подполковника фон Гура и капитана Шемелинга находился в «Саду Перы», ожидая начала торжественного вечера, который несколько греческих дам организовали в честь подписания перемирия, как вдруг разнесся слух, что Энвер, Джемаль и Талаат, последовав примеру Исмаила Хаккы-паши, сбежали на немецком миноносце. Ввиду обвинений, выдвинутых маршалу Ахмеду Иззет-паше в том, что он помог сбежать вышеуказанным господам, его кабинет министров пал и к власти пришел Теуфик-паша. В дальнейшем он продолжал вершить судьбы своей родины под надзором султана, пока его положение не сделалось невыносимым из-за постоянных нападок младотурок. Теуфика сменил Дамад Ферид-паша, в свою очередь убитый за подписание мирного договора с союзническими странами одним студентом из мятежной группы Мустафы Кемаля. Последний после того, как султан назначил его главнокомандующим в Анатолию, поднял вверенные ему войска на восстание, выразив таким образом протест против вмешательства Антанты во внутренние дела Турции.

Именно этот выбор Оттоманской империи в пользу либерально-националистических принципов и явился настоящей причиной полного фиаско ближневосточной политики союзнических сил. Он будет и дальше служить основанием для бесконечных вооруженных конфликтов в этом регионе до тех пор, пока Антанта будет настаивать на окончательно разделении Сирии, Палестины, Аравии и Месопотамии на отдельные протектораты.

Примерно через неделю после приезда в Константинополь я отправился в Военное министерство, возглавляемое Абдула-пашой, просить об отставке. Мою просьбу немедленно удовлетворили, оказав большие почести и вручив звезду Командора Medcidiyenişani[1], которую украшали золотые мечи. Это была самая высокая награда, какой только мог меня удостоить султан в соответствии с моим званием и должностью, которую я занимал в регулярной турецкой армии на тот момент. А еще через неделю я узнал из достоверного источника о том, что меня произвели в почетные генералы Генштаба турецкой армии за мои боевые заслуги в качестве офицера-добровольца, то есть «мисафира», иначе говоря гостя страны. Правда, документального подтверждения я до сих пор не получил, возможно, потому, что турки не знают, где я теперь нахожусь.

[1] Medcidiyenişani — орден времен султана Абдул-Меджида

В те дни я имел удовольствие присутствовать на небольшом банкете, который устроили в мою честь капитан Э. Дж. Фултон и еще десять или двенадцать британских офицеров из числа наших бывших пленников. Те самые, которым я помог, а, возможно, и спас от смерти во время их перевода из Мосула в Рас-эль-Айн в феврале или марте 1916 года. Узнав, что я вернулся в Турцию, они, не ограничиваясь обыкновенным выражением благодарности, представили благоприятный отзыв обо мне в Высшее военное управление Великобритании, а также наилучшим образом отрекомендовали меня подполковнику Темплю (Chief of Naval Staff Offices[1]) и его в высшей степени любезным коллегам, майорам Велшу и Стоку и капитану Томсону. Они в дальнейшем всегда старались помочь мне, так что когда я через несколько месяцев сделал запрос о разрешении вернуться в Америку, мне его тут же предоставили и вписали в паспорт следующее: «good for passage by first available opportunity», что означает: «способствовать скорейшему выезду».

Вот так и случилось, что в одно прекрасное апрельское утро 1919 года, когда золотистые лучи солнца играли на берегах Малой Азии, а острова и островки Эгейского моря сияли как топазы среди морских волн, я в последний раз смотрел с корабля, уносившего меня в Испанию, на эти необыкновенные земли, уже едва видневшиеся на востоке. Неожиданно у меня сжалось сердце и я встал по стойке смирно и отдал честь розовому горизонту и голубому небосводу — той земле, где столько моих отважных товарищей осталось спать вечным сном под цветущими лугами гор и раскаленным песком пустынь.

После недолгой остановки в Испании я вновь поплыл на запад, к моей далекой американской родине, которая через две недели показалась вдали. Она как будто плыла в океане — в сиянии золотистых лучей, в окружении голубоватых облаков, на фоне бескрайних просторов, красных, как кровь героической Венесуэлы.

[1] Начальник морского штаба (англ.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вечный свидетель *(Предисловие)* 3
Глава I 13
Глава II 20
Глава III 33
Глава IV 42
Глава V 47
Глава VI 53
Глава VII 61
Глава VIII 77
Глава IX 84
Глава X 103
Глава XI 119
Глава XII 136
Глава XIII 148
Глава XIV 158
Глава XV 165
Глава XVI 170
Глава XVII 178
Глава XVIII 195
Глава XIX 206
Глава XX 212
Глава XXI 220
Глава XXII 230
Глава XXIII 248
Глава XXIV 261
Глава XXV 282
Глава XXVI 299
Глава XXVII 305
Глава XXVIII 315
Глава XXIX 324
Глава XXX 330
Глава XXXI 338
Глава XXXII 346
Глава XXXIII 356

Валерий БРЮСОВ

К АРМЕНИИ

В тот год, когда Господь сурово
Над нами длань отяготил,
Я в жажде сумрачного крова,
Скрываясь от лица дневного,
Бежал к бесстрастию могил.

Я думал. Божескую гневность
Избуду я в ночной тиши:
Смирит тоску седая древность,
Тысячелетних строф напевность
Излечит недуги души.

Но там, где я искал гробницы,
Я целый мир живой обрел.
Запели в сретенье денницы,
Давно истлевшие цевницы,
И смерти луг — в цветах расцвел.

Не мертвым голосом былины,
Живым приветствием любви
Окрестно дрогнули долины,
И древний мир, как зов единый,
Мне грянул грозное: Живи!

Сквозь разделяющие годы
Услышал я ту песнь веков,
Во славу благостной природы,
Любви, познанья и свободы,
Песнь, цепь ломающих рабов.

Армения! Твой древний голос —
Как свежий ветер в летний зной!
Как бодро он взвивает волос,
И как дождем омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой!

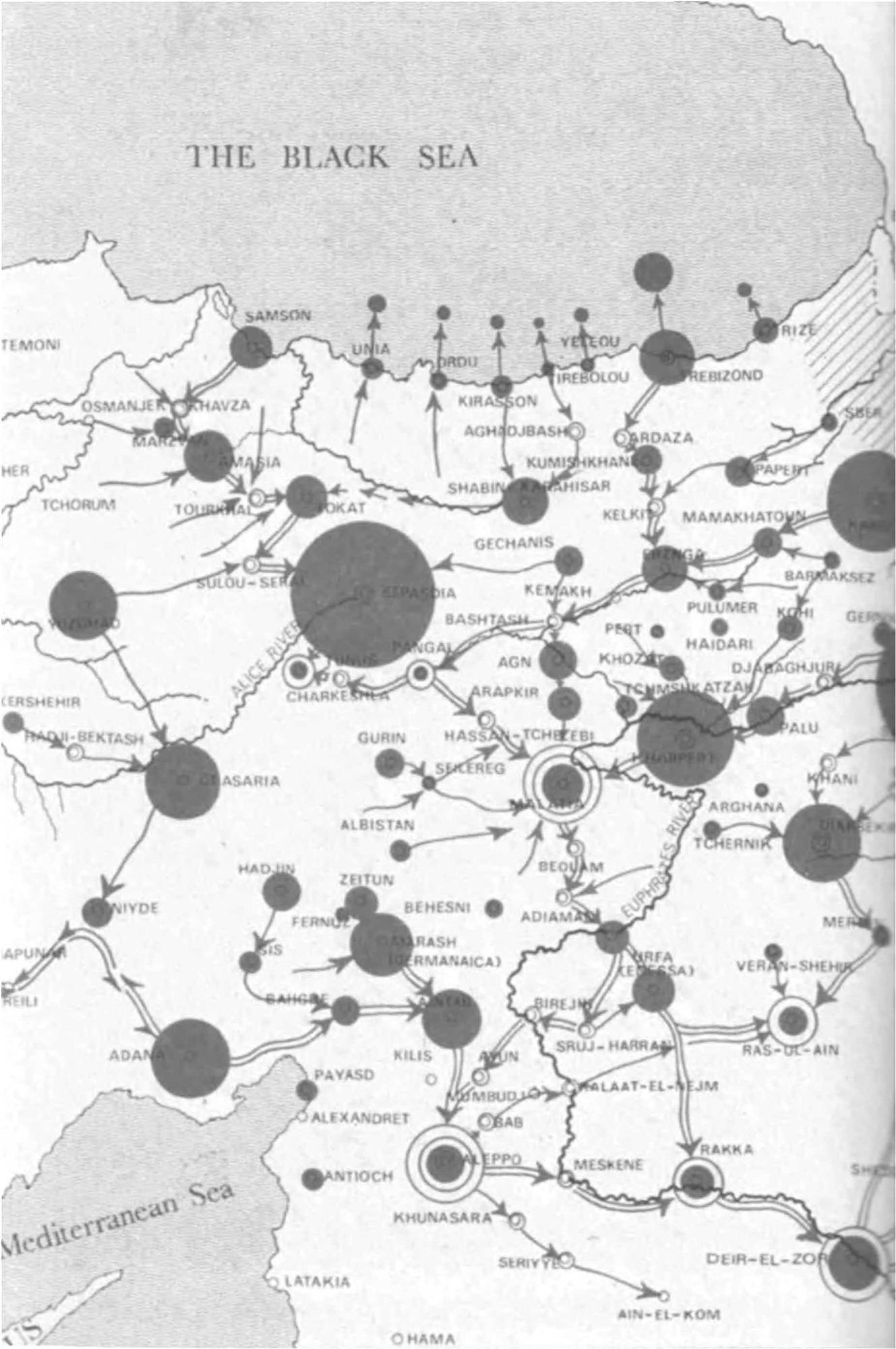
9 декабря 1915 г.

Рафаэль де Ногалес Мендес
«Четыре года под полумесяцем»
М.: Издательство «Русский Вестник», 2006. – 368 с.

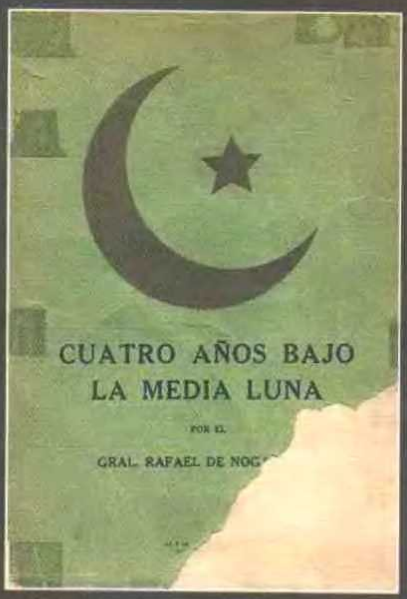
М.: Издательство «Русский Вестник», 2006
Лицензия ЛР 030411 от 01 сентября 1997 г.
Объем 23 п. л. Формат 70x100/16
Бумага офсетная. Тираж 10 000. Заказ № 356.

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

Заказы на книгу: Издательство «Русский Вестник»
Тел./факс 953-01-68, E-mail: rusvest@rv.ru
Адрес: Россия 105062. Москва, а/я 111.


THE BLACK SEA
SAMSON
TEMONI
UNIA
ORDU
YEREOU
TREBOLOU
TREBIZOND
RIZE
OSMANJEK
KHAVZA
KIRASSON
AGHODJBASH
ARDAZA
AMASIA
KUMISHKHANE
SHABIN KARAHISAR
TCHORUM
TOURHAL
TOKAT
KELKIT
MAMAKHATOUN
GECHANIS
SULOU-SERAI
EPASDIA
KEMAKH
BARMAKSEZ
PULUMER
BASHTASH
PERT
HAIDARI
ALICE RIVER
PANGAL
AGN
KHOZAT
DJABAGHJURI
CHARKESHEA
ARAPKIR
TCHMSHKATZAK
CERSHEHIR
HADJI-BEKTASH
GURIN
HASSAN-TCHELEBI
PALU
SEKEREG
CESARIA
KHANI
ARGHANA
ALBISTAN
TCHERNIK
BEQUAM
HADJIN
ZEITUN
EUPHRATES RIVER
BEHESNI
ADIAMAN
FERNUZ
ZIS
(GERMANAICA)
URFA
(EDESSA)
VERAN-SHEHIR
BAHCHE
BIREJIK
SRUJ-HARRAN
RAS-UL-AIN
ADANA
KILIS
AZAZ
PAYASD
KOMBUDJO
HALAAT-EL-NEJM
ALEXANDRET
BAB
RAKKA
ALEPPO
MESKENE
ANTIOCH
Mediterranean Sea
KHUNASARA
SERIYYE
DEIR-EL-ZOR
LATAKIA
AIN-EL-KOM
HAMA

GEORGIA
AZERBEIJAN
The Caspian
TBILISI
KURA RIVER
GANJA/KANTSAGI
AKHALKALAK
ARDAHAN
ALEXANDRABOL/LENINAGAN
KARS
ETCHMIADZIN
EREVAN
ARAX RIVER
GARABAGH
MT. ARARAT
ALASHKERT
BAYAZID
NAKHICHEVAN
KARAGUZ
KHOI
LAKE VAN
VAN
DILMAN
TABRIZ
KHUSHAB
LAKE URMIA
URMIA
SEGHERT
SCALE 1:800,000
KM.
0 20 40 60 80 100
TIGRIS RIVER
MOSUL
Map of the Armenian Genocide
LEGEND
MAJOR ROUTES OF DEPORTATIONS
STATIONS OF REFUGEE CARAVANS
HEADQUARTERS FOR DEPORTATIONS & MASSACRES
ROUTES OF CONCENTRATION OR CEMETERIES OF THE DEPORTEES
ONE MM OF DIAMETER REPRESENTS 5000 PERSONS
CAUCASUS ARMENIA
AREAS WHICH ESCAPED MASSACRES



Книги венесуэльского писателя и «солдата удачи» Рафаэля де Ногалеса Мендеса «Четыре года под полумесяцем» нет в библиотеках России и, вероятно, в библиотеках других стран. Ее скупали и уничтожали. А ранее пытались убить самого автора как живого свидетеля геноцида армянского народа – первого явного проявления холокоста. Совесть и чувство вины не позволили ему молчать, и он рассказал всему миру об одном из величайших преступлений против человечности. И нарисовал сцены геноцида с такой художественной силой, что при чтении его книги невозможно оставаться равнодушным. Ногалес сорвал маску с организаторов геноцида, которые оправдывали свое злодеяние обстоятельствами Первой мировой войны. Он показал, что руководившие тогда Османской империей Талаат, Энвер, Джемаль и прятавшиеся за их спинами Назым и Карассо не о «родине» думали, а занимались грабежом населения, осуществляя одновременно план мировой закулисы по захвату политической и экономической власти в Турции денме (иудеями, целенаправленно перешедшими в мусульманскую веру) и превращению этой страны в плацдарм для еврейской колонизации Палестины.

Перевод сделан с книги, переданной издательству из Венесуэлы.